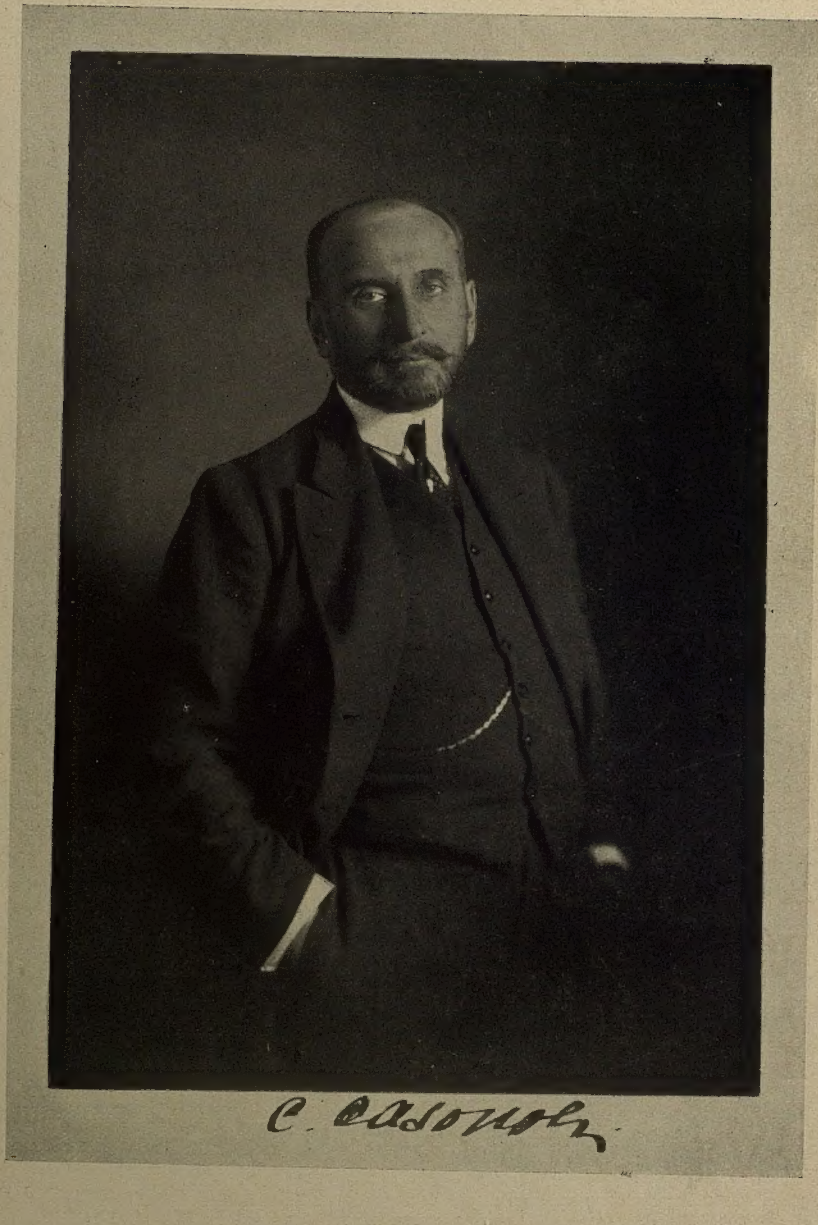
ЦР
С 136

С. Д. САЗОНОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

БЕРЛИНЪ
1927


С. Сазоновъ.

ЦР
С136

С. Д. САЗОНОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Е. СІЯЛЬСКОЙ
ПАРИЖЪ
1927

1-экз

ЦР
С136
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1087996

ИЛ
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ПРИ ЦК ВКП(б)

Всѣ права сохранены за авторомъ

1893
36 С1.
СФ
22735

Gedruckt von Gebr. Hirschbaum, Berlin O. 27, Blumenstr. 22

2012

ВСТУПЛЕНІЕ.

Событія, разразившіяся надъ Европой въ іюлѣ 1914 года и отозвавшіяся съ бо̀льшей или меньшей силой въ остальныхъ частяхъ свѣта, не могутъ еще стать предметомъ научно-историческаго разсмотрѣнія. Свидѣтелямъ, а тѣмъ болѣе участникамъ ихъ, эта громадная задача не подъ силу. Приходится возложить ея выполненіе на грядущія поколѣнія въ надеждѣ, что отдаленіе ихъ отъ этихъ событій обезпечитъ ихъ труду необходимое для всякаго научнаго изслѣдованія безпристрастіе, а также дастъ въ ихъ распоряженіе болѣе полный историческій матеріалъ, чѣмъ тотъ, которымъ мы въ настоящее время располагаемъ, какъ бы значителенъ ни былъ этотъ послѣдній уже и теперь.

Работа очевидцевъ и участниковъ должна, по необходимости, носить болѣе скромный характеръ личныхъ вкладовъ въ общую массу освѣдомленія, касающагося событій, не имѣющихъ себѣ равныхъ въ исторіи человѣчества, съ ранней зари средневѣковья и по наше время. Къ тому же общая сводка имѣющагося на лицо историческаго матеріала, должное его освѣщеніе и подведеніе итоговъ невозможны еще и потому, что міровая борьба, начавшаяся въ 1914 году, не окончилась съ пораженіемъ Германіи и ея союзниковъ въ октябрѣ 1918 года, а продолжается и нынѣ, хотя и въ иной формѣ и на иной почвѣ. Версальскій миръ не далъ мира человѣчеству, въ чемъ теперь, я думаю, не усомнятся сами его составители, даже если бы имъ удалось

провести въ жизнь всѣ его постановленія, изъ которыхъ многія заключаютъ въ себѣ зародышъ неизбѣжныхъ международныхъ столкновеній въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Что ожидаетъ еще Европу и спасутъ ли ее отъ новыхъ потрясеній учрежденія, вродѣ выработанной мирной конференціей 1919 года Лиги Націй, по духу своему болѣе близкой политическимъ утопіямъ восемнадцатаго столѣтія, чѣмъ нашему желѣзному вѣку? На этотъ вопросъ никто не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта. Всѣмъ ясно одно, что человѣчество болѣетъ страшнымъ недугомъ и что часъ выздоровленія его еще не близокъ.

Если, послѣ долгихъ колебаній, ввиду неблагопріятныхъ для подобной работы условій, въ которыхъ я нахожусь, я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь приступить къ составленію моихъ воспоминаній о томъ, какъ постепенно подготовлялась катастрофа, какъ она застигла Россію и что было сдѣлано русскимъ правительствомъ, чтобы ее предотвратить, то дѣлаю это въ сознаніи долга моего по отношенію къ моей родинѣ и къ моимъ современникамъ, неполно или неправильно освѣдомленнымъ объ этихъ событіяхъ изъ многочисленныхъ иностранныхъ источниковъ. Изъ такихъ источниковъ тѣ, которые исходятъ изъ враждебнаго намъ лагеря, представляютъ, само собой разумѣется, образъ дѣйствій русскаго правительства въ неблагопріятномъ для него видѣ. Другіе же, безпристрастные или намъ сочувствующіе, тѣмъ не менѣе не удовлетворяютъ многихъ запросовъ, которые склонна предъявлять современная мыслящая Россія лицамъ, игравшимъ дѣятельную роль въ роковыхъ событіяхъ 1914 и послѣдующихъ годовъ.

Можетъ быть мои воспоминанія, несмотря на всю ихъ отрывочность и неполноту, окажутся не совершенно безполезными, какъ матеріалъ при обработкѣ архивнаго сырья будущимъ ученымъ историкамъ, когда настанетъ время современной хроникѣ и личнымъ воспоминаніямъ уступить мѣсто безстрастной и безличной исторической наукѣ.

Лица, которыя пожелаютъ ознакомиться съ этими краткими воспоминаніями, не должны искать въ нихъ послѣдовательнаго и полнаго изложенія хода историческихъ событій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, либо участникомъ, а лишь личную мою ихъ оцѣнку при свѣтѣ освѣдомленія, которымъ я располагалъ. Прагматику этихъ событій они найдутъ въ оффиціальныхъ сборникахъ дипломатическихъ документовъ, изданныхъ какъ вначалѣ Европейской войны, такъ и въ послѣдующее время, правительствами Державъ, принимавшихъ въ ней участіе, а затѣмъ въ той безчисленной литературѣ, которая появилась на всѣхъ языкахъ за послѣдніе годы и касалась не только самой эпохи войны, но и предшествовавшаго ей періода времени.

Авторъ.

I.

Въ маѣ 1909 года тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскій, предложилъ мнѣ занять мѣсто его товарища, освобождающееся съ назначеніемъ Н. В. Чарыкова посломъ въ Константинополь. Въ это время я былъ, съ 1906 года, русскимъ посланникомъ при Ватиканѣ.

Послѣ многолѣтняго разрыва русское правительство возобновило съ Римской Куріею въ 1894 году офиціальныя сношенія, учредивъ при ней миссію, во главѣ которой былъ поставленъ Извольскій и секретаремъ которой былъ назначенъ я, послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Лондонѣ въ качествѣ второго секретаря посольства.

Въ первые годы по своемъ возрожденіи русская миссія при Ватиканѣ имѣла политическое значеніе, котораго она въ значительной степени лишилась со смертью Папы Льва XIII и удаленіемъ отъ дѣлъ его ближайшаго сотрудника, кардинала статсъ-секретаря Рамполлы. Левъ XIII былъ человѣкъ выдающагося политическаго ума, болѣе высокой культуры и бо́льшей широты взглядовъ, чѣмъ можно было встрѣтить, за рѣдкими исключеніями, у его предшественниковъ за послѣднія три столѣтія. Международное положеніе Папскаго Престола и соціально-экономическіе вопросы, начинавшіе, во время его правленія, пріобрѣтать первенствующее значеніе въ жизни европейскихъ народовъ, занимали его вниманіе въ бо́льшей степени, чѣмъ

духовная сторона его роли римскаго Первосвященника. Если бы онъ жилъ въ средніе вѣка или во времена итальянскаго Возрожденія, онъ приблизился бы къ типу Григоріевъ, Иннокентіевъ или Юліевъ, смотря по духу и по историческимъ возможностямъ своего вѣка, такъ какъ онъ былъ по своей природѣ политическимъ дѣятелемъ гораздо болѣе, чѣмъ духовнымъ пастыремъ; тоже можно сказать о талантливомъ его помощникѣ, кардиналѣ Рамполлѣ. Съ людьми подобнаго склада представителю не католической великой державы, имѣющей многочисленное римско-католическое населеніе, легче было вести совмѣстную работу, чѣмъ съ его достойнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, преемникомъ Піемъ X, чуждымъ всякой политики, и съ совершенно къ ней неспособнымъ его статсъ-секретаремъ, испанскимъ кардиналомъ, Мерри-дель-Валь. Благодаря этому, время правленія Льва XIII было эпохой плодотворной работы для русской миссіи при Святомъ Престолѣ. Папа обнаруживалъ примирительное настроеніе по отношенію къ русскому правительству, которое, съ своей стороны, шло навстрѣчу нѣкоторымъ его законнымъ желаніямъ въ области интересовъ русскихъ католиковъ. Оставалось сдѣлать еще многое въ этомъ отношеніи и, прежде всего, русскому правительству надлежало отрѣшиться отъ закоренѣлыхъ привычекъ и взглядовъ, укрѣпившихся подъ вліяніемъ тяжелыхъ воспоминаній эпохи польскихъ возстаній, затруднявшихъ возможность необходимаго, какъ въ интересахъ правительства, такъ и его католическихъ подданныхъ, сближенія между русскою государственной властью и польскимъ населеніемъ имперіи. Къ несчастью ни Извольскому, ни его замѣстителямъ, въ томъ числѣ и мнѣ, не удалось въ этомъ отношеніи достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ и политическія недоразумѣнія продолжали вредно отражаться въ области вопросовъ чисто религіозныхъ. Ненормальность подобныхъ отношеній порождалась, съ одной стороны, рутинными пріемами нашего Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, поддерживаемыми извѣстной частью нашей печати, а съ другой — усердіемъ не по

разуму нѣкоторыхъ римско-католическихъ епископовъ*). Въ періодъ революціонныхъ волненій 1905-06 годовъ, какъ наша административная косность, такъ и агитаціонная дѣятельность высшаго польскаго духовенства противъ русской государственности обнаружились въ значительной мѣрѣ, приводя, въ отдѣльныхъ случаяхъ, ко всегда нежелательнымъ мѣрамъ правительственнаго воздѣйствія по отношенію духовныхъ лицъ.

Конклавъ 1903 года, устранивъ, благодаря вмѣшательству Австро-Венгерскаго правительства, вполнѣ обезпеченную кандидатуру кардинала Рамполлы, возвелъ на Папскій Престолъ кардинала Сарто подъ именемъ Пія X. Со вступленіемъ его въ управленіе Римской церковью физіономія Ватикана рѣзко измѣнилась. Изъ крупнаго политическаго центра, съ которымъ приходилось считаться и не находящимся въ духовномъ общеніи съ Римомъ державамъ, онъ обратился, по выраженію одного Римскаго прелата, въ «пароккію», т. е. въ простой приходъ. Ближайшіе сотрудники покойнаго папы и, прежде всего, кардиналъ Рамполла были удалены отъ дѣлъ или, оставаясь въ римскихъ Конгрегаціяхъ, лишились въ нихъ всякаго вліянія. Мѣсто ихъ заступили лица, не подготовленныя ни къ какой политической дѣятельности и обязанныя своимъ возвышеніемъ, главнымъ образомъ, своими близкими отношеніями къ ордену Іезуитовъ и къ ультрамонтанскимъ кругамъ, которые имъ вдохновляются, т. е. къ той крайней партіи, которую можно охарактеризовать, назвавъ ее католической черной сотней.

---

*) Въ этомъ отношеніи особенно много хлопотъ далъ русскому Правительству Виленскій Епископъ Роппъ, Балтійскій нѣмецъ по отцу и полякъ только по матери. Благодаря этому, Виленскіе поляки считали его нѣмцемъ, а литовская его паства — полякомъ, что создало для него въ его Епархіи крайне неудобное положеніе, изъ котораго онъ старался найти исходъ, ставъ на сторону польскихъ національныхъ вожделѣній въ краѣ, гдѣ польскій элементъ находится въ меньшинствѣ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ такой коренной перемѣны былъ наступившій въ скоромъ времени разрывъ дипломатическихъ сношеній между Римской Куріею и правительствомъ Французской Республики. Періодически вспыхивающее во Франціи пламя антиклерикализма, разгорѣвшееся особенно ярко во время нахожденія у власти Кабинета Комба, уничтожило долголѣтнюю политическую работу французскаго посла при Римской Куріи Лефевръ-де-Бехэна, которому удалось занять первенствующее положеніе среди иностранныхъ представителей при Ватиканѣ. Достигнутые имъ успѣхи сослужили Франціи значительную услугу, отодвинувъ на задній планъ соперничавшія съ ней вліянія германской и австро-венгерской дипломатіи и вернувъ французскому правительству часть того значенія, которое оно пріобрѣло на Востокѣ со временъ Людовика XIV, въ качествѣ покровительницы римско-католическихъ интересовъ и которымъ республика дорожила не менѣе старой Монархіи. Это новое столкновеніе между французскимъ якобинствомъ и римскимъ ультрамонтанствомъ не прібрѣло бы въ правленіе Льва XIII особой остроты и не привело бы ихъ къ дипломатическому разрыву. Замѣстившій кардинала Рамполлу молодой и неопытный статсъ-секретарь оказался совершенно не на высотѣ положенія въ эту трудную минуту и своими тактическими промахами сыгралъ въ руку французскимъ антиклерикаламъ. Къ удовольствію враговъ Франціи мѣсто, занимавшееся ея представителемъ при Ватиканѣ, осталось пустымъ на многіе годы. Невыгоду для себя этого положенія французское правительство ощутило съ особенной силой послѣ смерти Пія X въ 1914 году. Въ самомъ началѣ Великой Войны былъ избранъ на папскій престолъ Бенедиктъ XV Делла-Кіэза. Въ первые годы его правленія политика Римской Куріи слѣдовала внушеніямъ враговъ Франціи и дѣйствовала во вредъ какъ ее интересамъ, такъ и ея союзницы Бельгіи.

Новыя теченія ватиканской политики, стремившіяся къ возврату къ духу и преданіямъ временъ Пія IX, трудно совмѣстимымъ съ требованіями нашего вѣка,

а съ другой стороны, непоборимая косность нашей администраціи, которую невозможно было заставить отказаться смотрѣть на русско-польскія отношенія подъ угломъ зрѣнія событій 1863 года, дѣлали положеніе русскаго представителя при Папскомъ Престолѣ крайне тягостнымъ. Къ сознанію безполезности моего пребыванія въ Римѣ присоединялось во мнѣ желаніе получить назначеніе гдѣ нибудь на Ближнемъ или на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ мнѣ было бы возможно найти болѣе плодотворную и интересную работу и куда мнѣ до тѣхъ поръ не удалось попасть, несмотря на все мое стараніе. Опредѣляя точнѣе мои желанія, я поставилъ свою кандидатуру на мѣсто посланника либо въ Бухарестѣ, либо въ Пекинѣ. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскій отнесся сочувственно къ моей просьбѣ, но, по причинамъ отъ него не зависѣвшимъ, она осталась неисполненной.

Въ это время состоялось упомянутое мною выше назначеніе Н. В. Чарыкова посломъ въ Константинополь и съ нимъ открылась вакансія товарища министра иностранныхъ дѣлъ, которую Извольскій предложилъ мнѣ и которую, хотя и не безъ нѣкоторыхъ колебаній, я принялъ въ виду того, что предложеніе министра было сдѣлано въ формѣ, дѣлавшей отклоненіе его затруднительнымъ. Говоря откровенно, главной побудительной причиной моего согласія принять мало привлекательный постъ товарища министра была, появившаяся во мнѣ въ эту пору, острая тоска по родинѣ и утомленіе двадцатилѣтнимъ пребываніемъ въ Западной Европѣ. Мнѣ хотѣлось или чего либо совершенно новаго, неизвѣданнаго или же просто возвращенія на родину. Дѣтство и ранняя молодость, проведенныя въ Москвѣ, наложили на меня на всю жизнь печать моей національности. Въ раннихъ жизненныхъ впечатлѣніяхъ, никогда не проходящихъ безслѣдно, не было вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ уродливыхъ преувеличеній, вродѣ патріотическаго фетишизма или пренебреженія къ формамъ чуждой мнѣ, какъ русскому, культурѣ. Я былъ воспитанъ въ убѣжденіи, что только тотъ націонализмъ полезенъ, законенъ, который не идетъ въ разрѣзъ съ

основными началами христіанской нравственности, такъ какъ она одна можетъ служить звеномъ между различными національными культурами и дѣлаетъ возможными чувства взаимнаго пониманія и общечеловѣческаго братства между народами самыхъ разнообразныхъ культуръ.

Все это было вполнѣ совмѣстимо съ тою горячей привязанностью къ бытовому укладу моего родного народа, которую я питалъ всю жизнь и которую двадцатилѣтнее пребываніе за границей не только не ослабило, но чрезвычайно обострило. Поэтому, не дѣлая себѣ иллюзій на счетъ трудности условій работы, которая ожидала меня въ Петроградѣ, я тѣмъ не менѣе предпринялъ переселеніе на родину съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Это чувство раздѣляла, можетъ быть въ еще большей степени, и моя жена, чѣмъ значительно упрощалось мое положеніе.

Прибывъ въ Петроградъ въ первыхъ числахъ іюня, я нашелъ А. П. Извольскаго въ очень подавленномъ настроеніи. Какъ человѣкъ нервный и самолюбивый, онъ находился еще подъ впечатлѣніемъ неудачи, постигшей его переговоры съ Австро-Венгерскимъ правительствомъ по вопросу присоединенія Босніи и Герцеговины. Послѣдовавшіе за этимъ общіе переговоры между Державами приняли неблагопріятный для интересовъ славянства оборотъ и едва не привели къ европейской войнѣ.

Въ общую схему моихъ воспоминаній не входитъ подробное разсмотрѣніе событій, которыхъ я не былъ участникомъ, поэтому я упомяну о нихъ только, поскольку послѣдствія ихъ повліяли на созданіе того положенія, которое я засталъ по пріѣздѣ моемъ въ 1909 году въ Россію, и на теченіе моей дѣятельности въ центральномъ учрежденіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Будучи довольно хорошо освѣдомленъ о Петроградскихъ настроеніяхъ и близко зная Александра Петровича съ прежняго времени, я не удивился, найдя его въ состояніи сильнаго раздраженія по поводу дипломатическаго мошенничества Австро-Венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, поддержаннаго Германіею

всѣмъ вѣсомъ ея международнаго вліянія. Къ этому раздраженію, вполнѣ понятному и законному, прибавлялось еще нѣкоторое недовольство самимъ собою, въ которомъ онъ, можетъ быть, не отдавалъ себѣ яснаго отчета, но слѣды котораго я замѣтилъ при первомъ же съ нимъ свиданіи. Этотъ талантливый и въ сущности добрый, несмотря на наружное безсердечіе, человѣкъ имѣлъ слабость, которая чрезвычайно усложняла и портила жизнь какъ ему самому, такъ и всѣмъ его окружающимъ. Она состояла въ томъ, что онъ усматривалъ во всемъ, что происходило въ области какъ политической, такъ и частныхъ отношеній и что могло касаться его, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, признаки личной къ себѣ несправедливости и злого умысла. Этимъ же недостаткомъ страдалъ и другой даровитый русскій государственный дѣятель, графъ Витте, стоявшій въ нравственномъ и культурномъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже Извольскаго и хорошо имъ характеризованный въ появившейся недавно въ Revue des deux Mondes главѣ его воспоминаній.

При такой природной склонности было неудивительно, что Александръ Петровичъ смотрѣлъ мрачно на положеніе вещей лѣтомъ 1909 года. Оно, на самомъ дѣлѣ, было сложно и чревато самыми серьезными послѣдствіями. Тогда впервые, съ несомнѣнной ясностью, обнаружилась Балканская политика Эренталя, направленная на полное подчиненіе Сербіи Австрійскому вліянію наперекоръ буквѣ и духу международныхъ актовъ и законнымъ интересамъ Россіи на Балканахъ.

Означенныя стремленія издавна существовали у Вѣнской дипломатіи и проявлялись съ большей или меньшей опредѣленностью въ разныя времена, приводя нерѣдко къ неудачамъ, а иногда, какъ въ царствованіе Милана Обреновича, доставляя Австро-Венгріи временные успѣхи. На этой почвѣ политическаго соперничества на Ближнемъ Востокѣ выросла вѣковая вражда между Вѣной и Петроградомъ, которая должна была, роковымъ образомъ, привести рано или поздно къ кровавому столкновенію. Иного выхода изъ создавшейся между ними непримиримой антиноміи не пред-

ставлялось. Если и ранѣе трудно было расчитывать на возможность сведенія между Россіею и Австро-Венгріею Балканскихъ счетовъ безъ участія въ ихъ борьбѣ другихъ Державъ, въ виду того общеевропейскаго значенія, которое Балканскіе вопросы уже давно пріобрѣли, то, съ заключеніемъ Бисмаркомъ въ 1879 году Австрійскаго Союза, на подобное единоборство не могло оставаться никакой надежды. Этимъ убѣжденіемъ были проникнуты всѣ Европейскіе кабинеты. Тѣмъ не менѣе Германія до 1909 года воздерживалась отъ открытаго заявленія своей полной солидарности съ своей союзницей въ области ея Балканской политики и, несмотря на измѣнившееся кореннымъ образомъ общее направленіе своей политики, придерживалась еще какъ будто завѣтовъ Бисмарка относительно «костей померанскаго гренадера». Боснійско-Герцеговинскій кризисъ 1908—9 годовъ раскрылъ Европѣ истинное положеніе вещей. Мошенническая продѣлка, къ которой прибѣгъ Эренталь, чтобы превратить безопасное для Австро-Венгерской монархіи фактическое обладаніе Босніею и Герцеговиною въ юридическое владѣніе путемъ грубаго правонарушенія, носившаго характеръ вызова какъ всему Сербскому народу, такъ и Россіи, не только не вызвала неодобренія со стороны Германскаго правительства, но была принята подъ его покровительство и покрыта щитомъ Германской государственной мощи. Европа была поставлена передъ совершившимся фактомъ и ей оставалось либо признать его таковымъ, либо вступить въ вооруженную борьбу съ Австро-Германскими соединенными силами, а, можетъ быть, и со всѣмъ Тройственнымъ Союзомъ.

Европейское общественное мнѣніе отнеслось враждебно къ образу дѣйствій Австрійской дипломатіи, видя въ немъ угрозу для правовыхъ устоевъ международной государственной жизни, но поддержать ихъ неприкосновенность силою оружія не нашлось охотниковъ. Прямые интересы Западной Европы не были задѣты Австрійскимъ захватомъ, а, опасность европейской войны, съ ея неисчислимыми послѣдствіями, представлялась для всѣхъ совершенно ясно. Поэтому

нельзя было ожидать, чтобы Франція или Англія захотѣли пойти въ этомъ вопросѣ дальше предложенія пострадавшей сторонѣ своей дипломатической поддержки.

Иное отношеніе вызвалъ къ себѣ Боснійско-Герцеговинскій кризисъ въ Сербіи и Россіи. Для первой окончательное, безповоротное поглощеніе Австро-Венгріей значительной части Сербскаго племени было не только тяжкимъ ударомъ съ точки зрѣнія національнаго чувства, но и грознымъ предзнаменованіемъ дальнѣйшихъ видовъ Вѣнской политики по отношенію къ слабому Сербскому сосѣду. Россія, хотя и незатронутая непосредственно въ своихъ прямыхъ интересахъ, была тѣмъ не менѣе оскорблена той беззастѣнчивостью, съ которой графъ Эренталь обошелся съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, позволивъ себѣ, посредствомъ явной передержки, истолковать, въ видѣ согласія русскаго правительства на немедленное присоединеніе оккупированныхъ турецкихъ провинцій, тѣ общіе разговоры, которые происходили между ними въ Моравскомъ помѣстьи графа Берхтольда на эту тему и во время которыхъ А. П. Извольскій предъявилъ требованіе на соотвѣтствующее возмѣщеніе для Россіи въ томъ случаѣ, если бы Австро-Венгріи удалось добиться своей цѣли.

Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что довѣрчивость Извольскаго по отношенію къ дипломату, нравственныя качества котораго были таковы, что требовали особой осторожности въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ нимъ и поразительная недобросовѣстность котораго, равно какъ и его довѣренныхъ сотрудниковъ, не брезговавшихъ прибѣгать къ подлогамъ, проявилась въ ближайшее время съ полной очевидностью, была со стороны Извольскаго крупной ошибкой, въ которой онъ, однако, имѣлъ мужество сознаться. Но зло было уже сдѣлано и послѣдствія его обнаружились въ весьма скоромъ времени. Я не хочу утверждать, что эти послѣдствія, едва не приведшія къ войнѣ между Австріей и Сербіей, въ которой Россія не могла бы оставаться безучастной зрительницей, не произошли бы, — и вѣроятно даже весьма ско-

ро, — и тогда, если бы Извольскій проявилъ въ своихъ сношеніяхъ съ Вѣнской дипломатіей необходимую осторожность. Эренталь, человѣкъ необыкновенно тщеславный, искалъ громкихъ успѣховъ какъ ради собственной славы, такъ и въ цѣляхъ укрѣпленія становящагося, съ каждымъ годомъ, все болѣе тяжелымъ внутренняго положенія Австро-Венгерской монархіи. Въ Вѣнѣ уже давно поняли, что пробужденіе національнаго самосознанія славянскихъ подданныхъ Габсбургской монархіи, явившееся результатомъ освободительной политики Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, должно было рано или поздно неминуемо привести Австро-Венгрію къ гибели. Чудовищный по своему безправію государственный организмъ Двуединой Монархіи, покоившейся на угнетеніи, въ каждой изъ своихъ частей, большинства населенія меньшинствомъ поработителей, сталъ, за долгое царствованіе императора Франца Іосифа, обнаруживать несомнѣнные признаки внутренняго разложенія. Богатая жизненными соками молодая Италія положила начало расчлененію Австрійской Имперіи и, хотя она и не завершила своей задачи присоединеніемъ всѣхъ итальянскихъ земель дряхлой Габсбургской монархіи, она, именно въ силу этого обстоятельства, служила для нее постоянной угрозой, несмотря на союзныя съ ней отношенія. На Балканахъ бокъ о бокъ съ Австро-Венгріею находился другой еще болѣе молодой народъ, которому суждено было, послѣ многовѣкового тяжелаго рабства, достигнуть политической свободы. Сербскій народъ, выдающіяся качества котораго нашли себѣ довольно поздно справедливую оцѣнку не только со стороны мало интересовавшихся имъ западно-европейскихъ Державъ, но неоцѣненный по достоинству и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ вплоть до послѣднихъ Балканскихъ войнъ, сдѣлался предметомъ особой вражды и подозрительности со стороны Австро-Венгерской государственной власти съ тѣхъ поръ, какъ на Сербскомъ престолѣ утвердилась любимая народомъ династія Карагеоргіевичей и миновала безвозвратно пора политической угодливости Милана. Съ Карагеоргіевичами Сербія

связывала всѣ свои упованія національнаго возрожденія. Чѣмъ болѣе дряхлѣла Габсбургская монархія и чѣмъ болѣе изсякалъ въ ней источникъ всякаго внутренняго творчества, тѣмъ опаснѣе становилась для нее Сербія. Будучи безсильной обновить ржавый аппаратъ своей государственности и подвести подъ него болѣе широкое и отвѣчающее духу времени основаніе, Австро-Венгріи оставалось только вступить съ ней въ борьбу, надѣясь на подавляющее превосходство своихъ военныхъ силъ и на могущественную поддержку своей Германской союзницы. Въ этой неравной борьбѣ Вѣнская дипломатія превзошла себя въ неразборчивости средствъ, которыми она пользовалась для нанесенія ударовъ своей противницѣ. Однимъ изъ нихъ, — и наиболѣе чувствительнымъ, — было упомянутое выше установленіе своихъ суверенныхъ правъ надъ значительной частью Сербскаго народа, жившаго въ турецкихъ областяхъ, отданныхъ Берлинскимъ договоромъ подъ Австрійское управленіе.

Права Турціи на Боснію и Герцеговину, хотя теоретически и не переставали существовать, со дня Австрійской военной оккупаціи сдѣлались фиктивными и возможность протестовъ со стороны Турціи мало смущала Эренталя, котроый надѣялся не встрѣтить непреодолимыхъ препятствій при ихъ устраненіи, въ чемъ онъ и не ошибся. Со стороны Сербіи Австрія также не ожидала серьезнаго противодѣйствія, надѣясь, въ случаѣ нужды, на свою вооруженную силу. Западно-европейскія державы, какъ Вѣна правильно учитывала, не пошли бы дальше дипломатическаго протеста. Оставалась одна Россія, въ глазахъ которой грубый захватъ двухъ славянскихъ земель Балканскаго полуострова являлся прямымъ вызовомъ и предвѣщалъ возможность дальнѣйшихъ шаговъ на пути нарушенія, въ ущербъ ея законныхъ интересовъ, политическаго равновѣсія на Балканахъ. Чтобы парализовать противодѣйствіе Россіи, надо было прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ и Эренталь, не расчитывая на собственныя силы, искалъ помощи своей союзницы Германіи. Эта помощь была ему оказана въ полной мѣрѣ. Говоря о направленіи Германской по-

227796
ОФ 22735
ИЛ
БИБЛИОТЕКА
БИБЛИОТЕКА Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

литики въ эпоху Боснійско-Герцеговинскаго кризиса, князь Бюловъ замѣчаетъ въ своей книгѣ «Германская политика», что «онъ не оставилъ, какъ въ своихъ рѣчахъ въ Рейхстагѣ, такъ и въ инструкціяхъ, посылаемыхъ Германскимъ представителямъ заграницей, никакого сомнѣнія въ томъ, что Германія рѣшила остаться вѣрной своему союзу съ Австро-Венгріей, при всѣхъ обстоятельствахъ, съ подобающей твердостью. Германскій мечъ былъ брошенъ на вѣсы европейскихъ рѣшеній, косвенно въ пользу союзной Австро-Венгріи и, непосредственно, — ради сохраненія Европейскаго мира, но прежде всего, — ради чести и поддержанія положенія Германіи въ мирѣ».

Вотъ какимъ образомъ понималъ самый умный, послѣ Бисмарка, нѣмецъ свои обязанности по отношенію къ союзницѣ, къ своей собственной странѣ и къ охранѣ европейскаго мира!

Не приходится удивляться тому, что пангерманскіе публицисты пошли въ этомъ направленіи еще дальше руководителя Германской политики. Такъ одинъ изъ нихъ въ брошюрѣ, появившейся одновременно съ книгой князя Бюлова, пишетъ слѣдующее: «Было необыкновенно важно, съ точки зрѣнія укрѣпленія союза, что присоединеніе Босніи и Герцеговины вызвало грозную международную кампанію не только противъ Австро-Венгріи, но также и противъ Германіи. Эта кампанія сдѣлала отношенія союзниковъ совершенно нерасторжимыми».

Такъ говорилъ въ рейхстагѣ государственнный канцлеръ, такъ писали германскіе публицисты и такъ думалъ, вслѣдъ за ними, послушный германскій народъ.

Мечъ, брошенный Германіей «на вѣсы европейскихъ рѣшеній», довольно быстро разрѣшилъ въ пользу Австро-Венгріи политическую дилемму, носившую въ себѣ опасность международныхъ столкновеній. Ближайшей цѣлью Эренталя было получить согласіе Великихъ Державъ на отмѣну 25-ой статьи Берлинскаго договора, которою опредѣлялись права Австро-Венгріи въ

Босніи и Герцеговинѣ, не путемъ созыва международной конференціи, какъ того желали русская дипломатія и западно-европейскія державы, а простымъ обмѣномъ нотъ. Первый способъ, болѣе закономѣрный, казался Эренталю слишкомъ медленнымъ. Помимо этого онъ представлялъ въ его глазахъ еще и то неудобство, что не давалъ достаточно гарантій успѣха его планамъ, въ виду отрицательнаго отношенія Европейскихъ кабинетовъ къ пріемамъ вѣнской политики. Затѣмъ онъ преслѣдовалъ еще и иную цѣль — добиться отъ Бѣлградскаго правительства признанія неосновательности, предъявляемаго имъ послѣ захвата Босніи и Герцеговины, требованія земельнаго вознагражденія и притомъ въ возможно тяжелой для самолюбія сербскаго народа формѣ. Стремленія вѣнской политики обнаруживали, съ одной стороны, полное презрѣніе къ святости договорныхъ обязательствъ, а съ другой — мелочную злобу къ сосѣду, котораго Эренталю хотѣлось не только ослабить, но и унизить. Это желаніе является характерной чертой безпринципной и близорукой вѣнской политики. Тѣмъ не менѣе эта политика не только не вызвала никакихъ возраженій или предостереженій со стороны князя Бюлова, но заслужила его одобреніе и нашла въ немъ горячаго пособника. Канцлеръ полагалъ, что задача Германской дипломатіи должна состоять въ устраненіи русскаго противодѣйствія Австрійскимъ планамъ на Балканахъ и поэтому онъ поручилъ Германскому послу въ Петроградѣ сообщить А. П. Извольскому путемъ устнаго, но вполнѣ официальнаго, заявленія, что въ случаѣ отказа русскаго правительства выразить согласіе на безусловную отмѣну 25 статьи Берлинскаго мирнаго договора, Германіи остается только «предоставить событіямъ свободное теченіе, возлагая на насъ отвѣтственность за ихъ послѣдствія». Такимъ образомъ, замѣчаетъ Извольскій въ телеграммѣ отъ 10/23 марта 1909 года къ русскимъ посламъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, намъ была поставлена альтернатива «между немедленнымъ разрѣшеніемъ вопроса о присоединеніи или втроженіемъ въ Сербію Австрійскихъ войскъ».

Ультимативный характеръ подобнаго заявленія ясенъ всякому. Русскому правительству приходилось выбирать между двумя тягостными рѣшеніями: либо пожертвовать Сербіею, либо отказаться отъ опредѣленно высказаннаго имъ взгляда на незаконность Австрійскаго захвата. Оно выбрало второе, принеся въ жертву свое самолюбіе. Князь Бюловъ и графъ Эренталь одержали надъ Россіей и Сербіей, а затѣмъ и надъ Западно-европейскими державами, дипломатическую побѣду. Въ пору своего успѣха ни тотъ, ни другой не подозрѣвали, что эта побѣда сыграетъ роль перваго гвоздя въ гробу Австро-Венгріи и, косвеннымъ образомъ, будетъ способствовать низверженію Германіи съ высоты ея господствующаго положенія въ континентальной Европѣ.

Въ связи съ означенными событіями я считаю не лишнимъ привести здѣсь, въ видѣ иллюстраціи спеціальной психологіи Германскихъ государственныхъ людей, слѣдующій эпизодъ изъ моихъ служебныхъ сношеній съ Германскимъ посломъ въ Петроградѣ, вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Выражая мнѣ свое удивленіе по поводу того возбужденія, которое произвела въ русскихъ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ роль Германіи въ мартѣ 1909 года, графъ Пурталесъ сказалъ мнѣ, съ видомъ глубокаго убѣжденія, что это возбужденіе представляется ему совершенно непонятнымъ, такъ какъ онъ никогда не предъявлялъ русскому правительству никакого ультимативнаго требованія и что образъ дѣйствія Германіи въ вопросѣ о присоединеніи Босніи и Герцеговины носилъ совершенно дружественный намъ характеръ. Видя мое недоумѣніе, посолъ прибавилъ, что ему отлично извѣстно, что главнымъ виновникомъ возбужденія у насъ антигерманскаго чувства былъ англійскій посолъ, Сэръ Артуръ Никольсонъ, занимавшійся, изъ ненависти къ Германіи, подливаніемъ масла въ огонь. Это заявленіе не нуждается въ комментаріяхъ, но оно тѣмъ болѣе характерно, что исходило отъ одного изъ наименѣе шовинистически настроенныхъ нѣмецкихъ дипломатовъ.

Какъ ни велика была жертва, принесенная русскимъ правительствомъ дѣлу сохраненія европейскаго мира и какъ не тягостна была она лично Извольскому, принявшему на себя всю тяжесть общественнаго негодованія, она была необходима, а потому и разумна. Съ окончанія злополучной японской войны, послужившей поводомъ ко внутреннимъ потрясеніямъ, которыя были предвозвѣстниками революціи 1917 года, прошло тогда не полныхъ пять лѣтъ. Экономическое и финансовое положеніе Россіи еще не пришло въ состояніе должнаго равновѣсія послѣ напряженія полутора годовой войны, а въ военномъ отношеніи силы наши были въ самомъ безотрадномъ положеніи. Пораженія на поляхъ Манджуріи отозвались на духѣ командnаго состава нашей арміи, лишивъ его необходимой для успѣха увѣренности въ себѣ, и ослабили воинскую дисциплину нижнихъ чиновъ. Что касается до матеріальной части, то она находилась еще въ состояніи, въ которомъ оставило ее окончаніе войны. Для полноты картины внутренняго положенія Россіи весной 1909 года надо еще прибавить, что Столыпину, который принялъ власть, вывалившуюся изъ слабыхъ рукъ Витте и Горемыкина, едва удалось къ этому времени успокоить расходившіяся революціонныя страсти и задержать надвигавшуюся мутную волну анархіи.

Всѣхъ этихъ причинъ достаточно, чтобы объяснить, почему Россія не приняла, брошенный ей Австро-Германскимъ союзомъ, вызовъ. Хотя Сербія не добилась территоріальнаго возмѣщенія за причиненный ей нравственный ущербъ, реальные ея интересы на этотъ разъ не пострадали отъ захватной политики Австро-Венгріи. Территорія ея осталась нетронутой и суверенныя права неприкосновенными. Благодаря этому, на Балканскомъ полуостровѣ не произошло перемѣщенія центра тяжести, которое нарушило бы существовавшее политическое равновѣсіе и угрожало бы жизненнымъ интересамъ Россіи и ей не пришлось вынуть мечъ для своей защиты. Сербія послушалась дружескихъ совѣтовъ Россіи и западныхъ Державъ и благоразумно не зажгла европейскаго пожара при политическихъ обстоя-

тельствахъ, неблагопріятныхъ для будущности Сербскаго народа. Дипломатическое столкновеніе было окончено, но брошенное Эренталемъ недоброе сѣмя не пропало и принесло плодъ въ видѣ долго гноившейся въ душѣ сербскаго народа язвы оскорбленаго національнаго чувства.

Я уже упомянулъ о повышенномъ самолюбіи А. П. Извольскаго. Въ описываемую мною пору поводовъ къ проявленію этого чувства даже въ человѣкѣ, болѣе уравновѣшенномъ въ этомъ отношеніи, было вполнѣ достаточно. Замѣчая въ личныхъ отношеніяхъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ охлажденіе къ себѣ и читая ежедневно ожесточенные нападки на свою политику въ печати, Александръ Петровичъ страдалъ невыразимо. Тяжелое настроеніе, въ которомъ онъ находился, вредно отзывалось на его замѣчательной работоспособности и лишало его необходимой энергіи для выполненія тяжелаго труда, выпадающаго изо дня въ день на долю министра иностранныхъ дѣлъ Великой Державы. Его охватило одно желаніе, одна мечта, — уѣхать изъ Петрограда и перемѣнить неблагодарный министерскій постъ на менѣе тягостный и отвѣтственный главы одного изъ нашихъ посольствъ. Объ этомъ желаніи онъ довелъ до свѣдѣнія Государя вскорѣ послѣ возникновенія Боснійско-Герцеговинскаго кризиса и заручился принципіальнымъ его согласіемъ на такое перемѣщеніе. Для осуществленія этого замысла надо было, однако, во первыхъ найти себѣ преемника, а во вторыхъ дождаться освобожденія посольской вакансіи. На все это требовалось не мало времени. Перебирая возможныхъ себѣ замѣстителей, онъ остановилъ свое вниманіе, въ числѣ другихъ, и на мнѣ. Ему говорили обо мнѣ нѣкоторыя лица, ко мнѣнію которыхъ онъ прислушивался. Къ тому же онъ близко зналъ меня лично со времени нашей трехлѣтней совмѣстной службы въ Римѣ. О томъ, какъ состоялось мое назначеніе въ преемники Извольскому, я не буду говорить подробно, такъ какъ не считаю этотъ предметъ заслуживающимъ особаго вниманія. Могу сказать только, что въ этомъ вопросѣ, вопреки утвержденію графа Витте, П. А. Столыпинъ не

игралъ никакой роли. Я упоминаю объ этомъ фактѣ лишь потому, что считаю долгомъ снять съ памяти этого замѣчательнаго человѣка обвиненіе въ соображеніяхъ семейнаго свойства при замѣщеніи одной изъ наиболѣе отвѣтственныхъ должностей въ Государствѣ.

При первомъ моемъ свиданіи съ Извольскимъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ сказалъ мнѣ, что уходъ его принципіально рѣшенъ и что я намѣчаюсь ему въ преемники. При этомъ онъ просилъ меня смотрѣть на то время, которое я проведу въ должности товарища министра, какъ на подготовительный стажъ для занятія должности министра. Я выразилъ ему искреннюю надежду, что этотъ стажъ окажется по возможности продолжительнымъ, такъ какъ я чувствовалъ себя недостаточно подготовленнымъ моей предыдущей службою къ занятію мѣста руководителя русской внѣшней политикой. Надо отдать справедливость Извольскому, что, смотря на наше новое сотрудничество съ точки зрѣнія пополненія моего политическаго воспитанія, онъ, съ перваго дня вступленія моего въ должность, привлекъ меня ближайшимъ образомъ къ своей работѣ, требуя моего присутствія при всѣхъ докладахъ начальниковъ политическихъ отдѣловъ и посвящая меня во всѣ подробности переговоровъ, которые онъ велъ лично съ иностранными представителями. Кромѣ этой совмѣстной работы съ Александромъ Петровичемъ, на мнѣ лежали обязанности, спеціально присущія товарищу министра, а остававшіеся затѣмъ немногочисленные свободные часы я отдавалъ на ознакомленіе съ наиболѣе важными политическими вопросами, которые возникали въ теченіе предшествовавшаго десятилѣтія. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежали и наши соглашенія съ Великобританіей и Японіей, которыя легли въ основаніе нашихъ новыхъ отношеній къ этимъ двумъ государствамъ. Я упоминаю о нихъ здѣсь, потому что, говоря объ Извольскомъ, нельзя обойти молчаніемъ эти два главные момента его политической дѣятельности въ качествѣ руководителя русской внѣшней политикой. Сами по себѣ чрезвычайно важныя эти соглашенія пріобрѣтаютъ еще особое значеніе вслѣдствіе

того вліянія, которое онѣ имѣли на ходъ міровыхъ событій, связанныхъ съ Австро-Германскимъ наступленіемъ 1914 года.

Если обратить вниманіе на двухвѣковую исторію нашихъ отношеній съ Англіею, то она представляется въ видѣ безконечной цѣпи политическихъ недоразумѣній, взаимнаго подозрѣнія и тайныхъ и явныхъ враждебныхъ дѣйствій. За все это долгое время найдутся лишь нѣсколько моментовъ, когда эта вражда прекращается, уступая мѣсто недолговѣчнымъ соглашеніямъ на почвѣ общей борьбы съ третьей державой, угрожающей какъ интересамъ Россіи, такъ и интересамъ Великобританіи. Этимъ характеромъ вынужденности или практической необходимости, велѣніямъ которой Англійскій народъ былъ всегда послушенъ, объясняется недолговѣчность періодовъ времени, когда взаимное недовѣріе уступало мѣсто болѣе спокойному и разумному чувству общности многихъ политическихъ и экономическихъ интересовъ. Озираясь на этотъ періодъ соревнованія и вражды, принесшихъ столько горькихъ плодовъ, я не могу отрѣшиться отъ убѣжденія, которое сложилось у меня за шестилѣтнее пребываніе въ Англіи въ сравнительно молодые годы моей жизни, что враждебность Англіи къ Россіи и обратно является ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ длительныхъ недоразумѣній, каковыя бываютъ не только между отдѣльными людьми, въ частной ихъ жизни, но и между народами. Мнѣ всегда казалось, что если есть на свѣтѣ двѣ страны, которыя сама природа предназначила къ мирному сожитію и сотрудничеству, то это Россія и Англія. Не соприкасаясь нигдѣ своими границами и трудно другъ для друга уязвимыя, ввиду особенностей ихъ военной организаціи, у одной исключительно сухопутной, а у другой — главнымъ образомъ морской, Россія и Англія, тѣмъ не менѣе, постоянно враждовали между собой и ни той ни другой, долгое время, не приходило въ голову хладнокровно разобраться въ причинахъ этой вражды и удостовѣриться, есть ли для нея достаточные поводы и попытаться принять мѣры къ ихъ устраненію. Приходится предположить, что одной изъ глав-

ныхъ причинъ взаимной отчужденности Англіи и Россіи является, можетъ быть, не соперничество на почвѣ внѣшней политики, а коренное различіе ихъ внутренняго государственнаго строя, вызвавшее среди огромнаго большинства англійскаго народа антипатію и недовѣріе къ нашему внутреннему порядку.

Единственная, заслуживающая вниманія, попытка въ направленіи нѣкотораго сближенія съ нами была сдѣлана англійской дипломатіей подъ вліяніемъ личнаго почина Короля Эдуарда VII. Эта попытка, встрѣченная полнымъ сочувствіемъ русскаго правительства, привела, послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, къ заключенію въ слѣдующемъ году упомянутаго выше соглашенія. Оно не касалось европейскихъ вопросовъ и имѣло своимъ предметомъ исключительно средне-азіатскіе интересы договаривающихся сторонъ. Нѣтъ основаній считать это соглашеніе недостаточнымъ или неудовлетворительнымъ изъ-за его спеціальнаго характера, такъ какъ отдалявшія другъ отъ друга Россію и Англію недоразумѣнія происходили, главнымъ образомъ, на почвѣ ихъ средне-азіатскихъ отношеній. Наоборотъ, я склоненъ думать, что оно имѣло большое значеніе не только потому, что вносило успокоеніе въ вѣковую борьбу между нами и Великобританіею, но также и потому, что послужило первымъ шагомъ къ нормальнымъ и довѣрчивымъ отношеніямъ между нами въ болѣе обширной области обще-европейской политики. Для меня представляется несомнѣннымъ, что соглашеніе 1907 года устранило многія препятствія къ участію Англіи въ борьбѣ противъ Германіи на сторонѣ Россіи. Я не хочу, очевидно, сказать этимъ, что Россія въ войнѣ противъ Австро-Германскаго союза, которую она вела совмѣстно со своей союзницей Франціею, не получила бы, при иныхъ условіяхъ, отъ Англіи никакой помощи. Для оказанія этой помощи у нея было и безъ того достаточно причинъ, — но я увѣренъ, что англійское общественное мнѣніе не стало бы такъ единодушно на нашу сторону, какъ оно это сдѣлало, если бы сблизившее насъ соглашеніе 1907 года не было подписано.

Говоря объ этомъ соглашеніи, надо упомянуть о томъ, что первая мысль о политическомъ сближеніи между Россіею и Англіею явилась въ иностранныхъ политическихъ сферахъ въ 1904 году у тогдашняго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Делькассэ, какъ естественное послѣдствіе заключенной имъ съ Англіею такъ называемой Entente cordiale, казавшейся недостижимой послѣ предшествовавшихъ безконечныхъ недоразумѣній, принимавшихъ иногда характеръ острыхъ столкновеній. Этотъ выдающійся по уму государственный человѣкъ, о близкомъ сотрудничествѣ съ которымъ, за время его пребыванія въ Россіи въ качествѣ французскаго посла, я сохранилъ самое пріятное воспоминаніе, оказалъ своему отечеству неоцѣнимыя услуги. Еще ранѣе удачно проведеннаго имъ, вопреки значительнымъ трудностямъ, сближенія съ Англіей, Делькассэ достигъ сближенія съ Италіею, которое вырвало жало у Тройственнаго Союза и облегчило, заблаговременно, выходъ изъ него Италіи въ моментъ возникновенія Европейской войны. Предварительные шаги Делькассэ въ направленіи Англо-Русскаго движенія были сочувственно встрѣчены Англійскимъ Правительствомъ и французскій проэктъ былъ принятъ королемъ Эдуардомъ подъ свое личное покровительство. Въ Россіи онъ, равнымъ образомъ, встрѣтилъ поддержку у тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ графа Ламсдорфа, но, благодаря мало довѣрчивому къ себѣ, первоначально, отношенію Государя и опредѣленно отрицательному со стороны нашихъ консервативныхъ круговъ, не излѣченныхъ отъ своихъ германскихъ увлеченій поведеніемъ Германіи на Берлинскомъ Конгрессѣ, прошло около трехъ лѣтъ, прежде чѣмъ мысль Делькассэ успѣла проникнуть въ область реальной политики, несмотря на то, что сразу нашла въ Россіи не мало сторонниковъ.

Всего сказаннаго выше было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы Делькассэ навлекъ на себя непримиримую вражду германскаго правительства и чтобы въ Берлинѣ устраненіе его отъ дѣлъ было рѣшено при первой къ тому возможности. Такая возможность на-

ступила во время управленія Франціею кабинета Рувье на почвѣ дипломатической борьбы съ Германіею въ связи съ Марокскимъ вопросомъ и Франція, на время, вынуждена было лишиться услугъ своего даровитаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ условіяхъ тяжелыхъ для своего національнаго самолюбія.

Среди лицъ, сочувствовавшихъ у насъ сближенію съ Англіею, наибольшее значеніе имѣли посолъ нашъ въ Парижѣ, А. И. Нелидовъ, и А. П. Извольскій, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Даніи. Смѣнивъ на должности министра иностранныхъ дѣлъ, ушедшаго послѣ паденія графа Витте, Ламсдорфа, Александръ Петровичъ, по водвореніи своемъ у Пѣвческаго моста, принялся за практическое осуществленіе плана, который къ этому времени уже успѣлъ созрѣть въ сознаніи русскихъ государственныхъ людей. Какъ часто бываетъ въ Англіи, либеральный кабинетъ, смѣнившій у власти консерваторовъ, продолжалъ ихъ политику и Сэръ Эдуардъ Грэй привелъ къ благополучному осуществленію возникшій при лордѣ Ланздаунѣ, проэктъ русско-англійскаго сближенія.

Подписаніе въ 1907 году соглашенія открывало новую эру въ нашихъ отношеніяхъ къ старой, и казалось непримиримой, соперницѣ. Какъ у насъ, такъ и въ Англіи были люди, которые отнеслись критически къ состоявшемуся между нами соглашенію, одни—на основаніи неискоренимыхъ предразсудковъ и принципіальныхъ соображеній, другіе — потому, что находили его для своей страны невыгоднымъ. Въ Англіи такое отрицательное отношеніе встрѣчалось, главнымъ образомъ, у лицъ, принадлежащихъ къ служебному составу англо-индійскаго правительства, или у той группы Великобританскихъ государственныхъ людей, которые всегда считали началомъ всякой политической мудрости непримиримую вражду къ Россіи. Во главѣ этой группы непримиримыхъ стоялъ бывшій вице-король Индіи, лордъ Кэрзонъ, нынѣшній Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, который не сошелъ съ нея и нынѣ.

Два мѣсяца спустя послѣ моего вступленія въ должность товарища министра, когда я только что началъ осваиваться съ моими новыми обязанностями, Извольскій уѣхалъ въ трехъ-мѣсячный отпускъ, передавъ мнѣ управленіе министерствомъ. Это былъ рискованный шагъ, ввиду моей недостаточной подготовки къ самостоятельному управленію дѣлами нашей внѣшней политики. На мое счастье, за эти три мѣсяца моего перваго управленія не произошло никакихъ чрезвычайныхъ событій, которыя, благодаря моей неопытности, могли бы имѣть не для меня одного невыгодныя послѣдствія. Удержать Извольскаго отъ задуманной имъ отлучки не было возможности. При обыкновенно плохомъ здоровьи, нервы его, въ силу упомянутыхъ выше обстоятельствъ, настолько были разстроены, что продолжительный отдыхъ сталъ ему необходимъ. Кстати для него, отъѣздъ его въ отпускъ совпалъ съ предстоявшимъ осенью 1909 года посѣщеніемъ Императоромъ Николаемъ Вторымъ Итальянскаго короля въ Раккониджи, куда онъ долженъ былъ сопровождать Государя. Впослѣдствіи отсутствія Извольскаго повторялись неоднократно и за полутора годовую мою службу въ качествѣ его товарища мнѣ пришлось управлять министерствомъ въ сложности болѣе семи мѣсяцевъ.

Съ этихъ поръ начались мои правильныя и постоянныя сношенія съ покойнымъ Государемъ, прерванныя только разъ въ 1911 году моей продолжительной болѣзнью и продолжавшіяся вплоть до отставки въ іюлѣ 1916 года.

II.

Осенью 1910 года А. И. Нелидовъ, занимавшій постъ нашего посла въ Парижѣ, заболѣлъ тяжелою болѣзнью, которая въ нѣсколько недѣль свела его въ могилу. Вмѣстѣ съ его кончиной открывалась для Александра Петровича Извольскаго возможность сложить съ себя ставшія ему въ тягость обязанности министра ино-

странныхъ дѣлъ и занять постъ русскаго посла въ союзной намъ Франціи.

Царская семья въ это время находилась въ Дармштадтѣ, куда Извольскій поѣхалъ, чтобы окончательно оформить свое назначеніе въ Парижъ и равнымъ образомъ и вопросъ о моемъ назначеніи ему въ преемники. Вернувшись въ Петроградъ, Александръ Петровичъ сообщилъ мнѣ, что Государь велѣлъ ему объявить мнѣ свою волю относительно назначенія меня министромъ иностранныхъ дѣлъ и передать мнѣ приказаніе пріѣхать въ Дармштадтъ для сопровожденія Государя въ предстоящей поѣздкѣ его въ Потсдамъ, гдѣ онъ намѣревался отдать Императору Вильгельму визитъ, сдѣланный имъ незадолго передъ тѣмъ царской семьѣ въ замкѣ Вольфсгартенъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября я пріѣхалъ въ Дармштадтъ и на слѣдующій день представился Государю въ близъ лежащемъ Вольфсгартенѣ. Этотъ загородный дворецъ, по размѣрамъ своимъ и по скромности обстановки напоминающій усадьбу помѣщика средней руки, былъ въ это время настолько переполненъ гостями, что Государь могъ принять меня только въ своей спальнѣ, гдѣ было едва мѣсто, кромѣ кровати, для письменнаго стола и двухъ, трехъ креселъ. Государь сказалъ мнѣ, что остановилъ свой выборъ на мнѣ, потому что въ довольно продолжительные сроки моего управленія министерствомъ успѣлъ со мной познакомиться въ достаточной мѣрѣ и что онъ надѣется, что за время моего пребыванія въ Петроградѣ я уже успѣлъ приготовиться къ занятію должности Министра. Затѣмъ онъ перешелъ къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которыхъ, какъ намъ было извѣстно, должны были коснуться въ своихъ разговорахъ со мною въ Потсдамѣ Германскій канцлеръ и статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ. «Не знаю», прибавилъ Государь, «будетъ ли говорить съ Вами о дѣлахъ Императоръ Вильгельмъ. Весьма возможно, что онъ постарается только произвести на Васъ впечатлѣніе, какъ онъ часто старается это сдѣлать при первыхъ встрѣчахъ съ незнакомыми ему людьми».

На слѣдующій день вечеромъ я сѣлъ въ Дармштадтѣ въ Императорскій поѣздъ, а утромъ мы прибыли въ Потсдамъ, гдѣ Государю была сдѣлана торжественная встрѣча. Въ теченіе трехдневнаго нашего пребыванія въ Потсдамѣ, я былъ принятъ Императоромъ Вильгельмомъ въ частной аудіенціи, которая продолжалась болѣе часа. Во время этого свиданія онъ говорилъ со мной о политическихъ дѣлахъ только въ общихъ выраженіяхъ, причемъ неоднократно упоминалъ объ Извольскомъ въ довольно безтактной формѣ, давая мнѣ понять, что германское правительство не могло установить довѣрчивыхъ отношеній съ министромъ, который служилъ чужимъ интересамъ по крайней мѣрѣ столько же, если не больше, чѣмъ интересамъ своей собственной страны. Императоръ хотѣлъ въ этихъ словахъ излить свое неудовольствіе на моего предшественника за его неизмѣнную вѣрность нашему союзу съ Франціей и, вѣроятно, также за недолго передъ тѣмъ подписанное имъ соглашеніе съ Англіею, съ которымъ Императоръ никакъ не могъ примириться. Искусственное поддержаніе дурныхъ отношеній между Россіей и Англіей было, какъ извѣстно, всегда одной изъ основныхъ задачъ Гогенцоллернской политики. Затѣмъ онъ перешелъ къ неисчерпаемой темѣ вѣковой дружбы между русскимъ и прусскимъ Царствующими Домами и необходимости поддерживать эту дружбу и впредь для блага Россіи и Германіи, въ чемъ я съ нимъ вполнѣ согласился, сказавъ ему, что ближайшей моей задачей будетъ изысканіе способа, оставаясь вѣрнымъ основнымъ началамъ русской внѣшней политики, возстановить между нами довѣрчивыя отношенія, поколебленныя недавно Боснійско-Герцеговинскимъ кризисомъ. Послѣ нѣсколькихъ разсужденій на общія темы Императоръ, отпуская меня, выразилъ мнѣ удовольствіе, что ему, наконецъ, привелось встрѣтиться съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, который мыслитъ и чувствуетъ, какъ русскій. «Съ національно настроеннымъ министромъ», прибавилъ Императоръ, «намъ, нѣмцамъ, не трудно будетъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи».

Какъ странно звучали эти слова, когда я вспоми-

налъ о нихъ въ тѣ дни, когда тотъ же Вильгельмъ, отвергнувъ всѣ примирительныя попытки покойнаго Государя и русской дипломатіи, рѣшился на «свѣжую и радостную войну», которая должна была въ его распаленномъ воображеніи однимъ ударомъ покончить разъ навсегда съ Франціею и Россіею, а съ нею вмѣстѣ и съ ненавистнымъ ему и его народу славянствомъ и на ихъ дымящихся развалинахъ навѣки установить міровое владычество Германіи!

Оффиціально праздничная атмосфера Потсдама мало способствовала веденію дѣловыхъ переговоровъ, которые, по этому, были на слѣдующій день перенесены въ Берлинъ и происходили какъ у канцлера, Бетмана-Гольвега, такъ и у статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, Кидерленъ-Вехтера, причемъ съ первымъ они вращались больше въ сферѣ общихъ принциповъ, а со вторымъ носили опредѣленно дѣловой характеръ, вникая въ сущность разсматриваемыхъ вопросовъ и касаясь всѣхъ ихъ подробностей.

Канцлеръ произвелъ на меня выгодное впечатлѣніе при первой нашей встрѣчѣ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ честнымъ и прямымъ, хотя и мало освѣдомленнымъ въ вопросахъ внѣшней политики, что я объяснилъ себѣ недавнимъ его назначеніемъ на высшій постъ Имперіи послѣ долголѣтней административной дѣятельности. Для занятія должности канцлера германской Имперіи было, конечно, недостаточно близкаго знакомства съ условіями внутренней жизни сложнаго политическаго организма Германской Имперіи. Требовалось еще и, пожалуй, даже въ бо́льшей мѣрѣ, знаніе разносторонніхъ и вѣчно мѣняющихся факторовъ международныхъ отношеній. Въ пору нашего перваго знакомства у Бетмана-Гольвега совершенно не было этого знанія, но онъ и не старался показать, что имъ обладаетъ, и говорилъ о вопросахъ внѣшней политики, избѣгая всякихъ техническихъ подробностей, съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, чѣмъ онъ невольно располагалъ собесѣдниковъ въ свою пользу.

Несмотря на огромный ростъ, онъ не производилъ впечатлѣнія человѣка сильнаго, но безъискусственность

его обращенія и симпатичная внѣшность давали иллюзію большой искренности и простоты и невольно внушали къ нему довѣріе. Таковы были первыя впечатлѣнія. Болѣе близкое съ нимъ знакомство ихъ не подтверждало. Вѣрны они были только въ отношеніи его неосвѣдомленности въ вопросахъ внѣшней политики, съ которыми онъ, какъ это доказали событія, такъ и не могъ освоиться до самаго конца своей политической дѣятельности. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что ему никогда не удалось занять положеніе дѣйствительнаго руководителя германской политикой.

Что же касается до его прямоты и искренности, то я имѣлъ случай убѣдиться въ отсутствіи у него этихъ качествъ еще ранѣе эпохи всемірной войны, бросившей ослѣпительный свѣтъ на лживость и двуличность германской дипломатіи.

Ближайшій сотрудникъ канцлера Бетмана-Гольвега, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ Кидерленъ-Вехтеръ, нисколько не походилъ на своего начальника. Трудно себѣ представить человѣка съ менѣе привлекательной наружностью. Чѣмъ болѣе онъ старался придать мягкости и любезности своему обращенію, тѣмъ болѣе выглядывала, изъ подъ внѣшнихъ формъ, прирожденная ему грубость. Но зато онъ былъ безспорно умный человѣкъ, близко знакомый со всѣми подробностями международнаго положенія и не боявшійся свободно высказывать свои политическія мнѣнія. Онъ былъ другомъ и близкимъ сотрудникомъ знаменитаго Гольштейна, имѣвшаго долгіе годы невидимое, но сильное вліянія на ходъ германской политики. Это сотрудничество наложило отпечатокъ на всю политическую дѣятельность Кидерлена въ смыслѣ продолженія Бисмарковской традиціи. При дворѣ его не любили. Особенно мало расположена къ нему была Императрица за его безвкусныя и не всегда приличныя шутки. Но у себя въ министерствѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ и зависимость его отъ канцлера была скорѣе видимая, чѣмъ дѣйствительная. Вліяніе его на ходъ германской политики проявлялось, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благотворно и служило къ предотвращенію ка-

завшихся неизбѣжными столкновеній, какъ, напримѣръ, въ критическіе моменты Франко - Германскихъ переговоровъ по Марокккскому вопросу. Въ моихъ глазахъ главнымъ его достоинствомъ было то, что онъ питалъ къ Австро-Венгріи весьма мало симпатій и смотрѣлъ на союзъ Германіи съ Двуединой Монархіей по Бисмарковски, т. е. не какъ на цѣль германской политики, а какъ на средство. Поэтому смерть его была событіемъ не безразличнымъ съ точки зрѣнія интересовъ европейскаго мира, тѣмъ болѣе, что замѣститель его на посту статсъ-секретаря, г-нъ фонъ-Яго, если и не имѣлъ вышеупомянутыхъ недостатковъ Кидерлена, за то и не обладалъ ни однимъ изъ его качествъ.

Тотчасъ по назначеніи меня товарищемъ министра, я убѣдился, что германское правительство, при первомъ удобномъ случаѣ, заведетъ съ нами переговоры по Средне-Азіатскимъ вопросамъ и приложитъ всѣ усилія добиться отъ насъ возможно бо́льшихъ для себя экономическихъ уступокъ.

Наше соглашеніе съ Англіею привело къ раздѣлу Персіи между нами на зоны вліянія соотвѣтственно близости ихъ къ нашимъ границамъ. Въ этихъ зонахъ каждая изъ договаривающихся сторонъ пользовалась особыми политическими правами, причемъ третья — Средняя зона, — была объявлена нейтральной и въ ней обѣ стороны были равноправны. Подобное размежеваніе политическихъ и экономическихъ сферъ вліянія не давало Германскому правительству покоя. Въ Берлинѣ постоянно говорили о томъ, что персидскій рынокъ захваченъ Россіею и Англіею и что доступъ къ нему закрытъ для третьихъ, что было вѣрно только въ отношеніи транзита по территоріи Кавказа, тогда какъ товары, шедшіе караваннымъ путемъ изъ Малой Азіи или изъ портовъ Персидскаго залива, имѣли свободный доступъ въ Персію. Постройка Багдадской желѣзной дороги, которая должна была служить одновременно проводникомъ Германскаго политическаго вліянія въ Малой Азіи и установить въ этой области Германское экономическое господство, подвигалась довольно медленно. Но нѣмцы уже учитывали то вре-

мя, когда она будетъ доведена до мѣстностей, прилегающихъ къ Персидской границѣ и рѣшили готовиться къ этому моменту путемъ предварительныхъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ и заблаговременно установить возможность своего экономическаго проникновенія въ Тегеранъ и въ наиболѣе богатыя и населенныя сѣверныя провинціи Персіи, входящія въ сферу русскаго вліянія. Старый караванный путь не могъ отвѣчать этимъ цѣлямъ. Надо было добиться постройки боковыхъ желѣзнодорожныхъ линій, исходящихъ отъ Багдадской магистрали и соединяющихъ ее со столицею Персіи и главнѣйшими ея рынками.

Изъ личныхъ бесѣдъ съ Германскимъ посломъ въ Петроградѣ я уже зналъ, еще до моего отъѣзда въ Германію, что этотъ вопросъ будетъ служить главнымъ предметомъ переговоровъ со мною въ Потсдамѣ. При первомъ же моемъ свиданіи съ германскими государственными людьми я замѣтилъ, что они придаютъ ему чрезвычайно большое значеніе и будутъ добиваться всѣми силами его благопріятнаго разрѣшенія. Весь ходъ нашихъ дальнѣйшихъ переговоровъ укрѣпилъ меня въ этой мысли. Кидерленъ-Вехтеръ, въ рукахъ котораго они были сосредоточены, далъ мнѣ сразу понять, что Германія не можетъ признать за Россіею и Англіею монопольныхъ правъ въ Персіи на основаніи соглашеній ихъ съ этой Державой, въ которыхъ она сама не была участницей и которыя нарушаютъ, въ ущербъ ея экономическимъ интересамъ, принципъ открытыхъ дверей. Онъ прибавилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что изъ дружбы къ Россіи Германія готова не настаивать на своемъ правѣ добиваться желѣзнодорожныхъ концессій въ зонѣ русскаго вліянія, но что она ожидаетъ взамѣнъ, что Россія не будетъ препятствовать смычкѣ Малоазійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ будущей сѣтью путей, которыми Россія имѣетъ ввиду связать Тегеранъ со своими Закавказскими владѣніями.

Это требованіе было намъ непріятно и невыгодно, такъ какъ оно угрожало нашей давно установившейся торговой монополіи въ сѣверной Персіи. Съ другой стороны оспаривать его законность было крайне труд-

но, не придавая нашему отказу явно недружелюбнаго характера, притомъ въ такую минуту, когда русское правительство было озабочено ослабленіемъ напряженности нашихъ отношеній къ своему западному сосѣду.

Политическое наслѣдство, полученное мною отъ А. П. Извольскаго, было крайне пестро. Въ отношеніи нашей союзницы, Франціи, наше положеніе покоилось на незыблемыхъ основаніяхъ договорныхъ отношеній, доказавшихъ за пятнадцатилѣтнее существованіе свою цѣлесообразность и цѣнность съ точки зрѣнія гарантій европейскаго мира. Со стороны Англіи, съ которой въ 1907 году намъ удалось установить вполнѣ удовлетворительныя отношенія, намъ не угрожали никакія нежелательныя осложненія. Наконецъ наши отношенія къ Италіи, которая пользовалась издавна нашей искренней симпатіей, были равнымъ образомъ удовлетворительны. Послѣ поѣздки Государя въ Раккониджи, гдѣ эти отношенія приняли опредѣленную форму взаимнаго признанія политическихъ интересовъ: Италіи — на Сѣверо-Африканскомъ побережьи, а Россіи — на Ближнемъ Востокѣ, мы получили возможность расчитывать на дальнѣйшее укрѣпленіе дружественныхъ съ ней связей, независимо отъ того, что она входила въ составъ враждебнаго намъ политическаго сочетанія. Такимъ образомъ положеніе наше со стороны европейскаго Запада могло почитаться вполнѣ обезпеченнымъ. За то, на самыхъ границахъ нашихъ, оно было весьма мало удовлетворительно и еще раньше моего вступленія въ должность министра иностранныхъ дѣлъ можно было безъ преувеличенія сказать, что единственные вѣроятные враги Россіи были ея ближайшіе сосѣди. Относительно чувствъ къ намъ Австріи, мы, со временъ Крымской войны, не могли питать никакихъ заблужденій. Со дня ея вступленія на путь Балканскихъ захватовъ, которыми она надѣялась подпереть расшатанное строеніе своей несуразной государственности, отношенія ея къ намъ принимали все менѣе дружелюбный характеръ. Съ этимъ неудобствомъ мы, однако, могли мириться до тѣхъ поръ, пока

намъ не стало ясно, что Балканская политика Австро-Венгріи встрѣчаетъ сочувствіе Германіи и получаетъ изъ Берлина явное поощреніе. Благодаря тому, что Германское покровительство Австрійскихъ замысловъ стало въ 1908 году несомнѣннымъ фактомъ, опасность столкновеній съ Австріею для насъ удесятерилась.

Я уже говорилъ о томъ состояніи полной военной неподготовленности, въ которомъ насъ застигъ Боснійско-Герцеговинскій кризисъ. Это обстоятельство было хорошо извѣстно въ Берлинѣ и имъ, въ значительной степени, объясняется вызывающій образъ дѣйствій Германскаго правительства. Позволительно думать, что, будь мы въ 1909 году болѣе готовыми къ войнѣ, князь Бюловъ говорилъ бы съ нами болѣе примирительнымъ тономъ. Всегдашняя слабость Россіи—несчастіе, повторяющееся неизмѣнно во всѣ многочисленныя войны, которыя ей пришлось вести, — полная неудовлетворительность ея боевого снаряженія, — становилась, съ каждымъ годомъ, для нее болѣе грозной по мѣрѣ того, что ея сосѣди напрягали всѣ свои силы для приведенія своихъ вооруженій въ полный порядокъ. Германія въ этомъ отношеніи уже давно достигла поразительныхъ результатовъ и находилась въ состояніи «постоянной готовности». Даже Австро-Венгрія, близкая уже много лѣтъ къ государственному банкротству, стояла выше Россіи съ точки зрѣнія своего вооруженія и довела до большого развитія сѣть своихъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія наша отсталость была особенно поразительна. Для исправленія недостатковъ нашихъ желѣзнодорожныхъ сообщеній были необходимы огромныя суммы, которыя мы могли получать только изъ за границы и въ которыхъ наши союзники намъ не отказывали, но, прежде всего, для этого намъ былъ необходимъ прочный и продолжительный миръ. Ранѣе того, что я пріѣхалъ въ Петроградъ и успѣлъ разобраться во внутреннемъ положеніи Россіи и, такимъ образомъ, дойти самостоятельно до сознанія означенной истины, меня убѣдилъ въ ней Столыпинъ, постоянно возвращавшійся въ своихъ частныхъ, а затѣмъ и

оффиціальныхъ сношеніяхъ со мной къ вопросу о необходимости избѣгать, во что бы то ни стало, всякихъ поводовъ къ европейскимъ осложненіямъ еще долгіе годы, по крайней мѣрѣ до того времени, пока Россія не достигнетъ должной степени развитія своихъ оборонительныхъ средствъ. О какомъ бы то ни было наступленіи разумѣется никто не помышлялъ и оно никогда не входило въ разсмотрѣніе. Въ подобномъ же настроеніи я засталъ и Государя, по природѣ человѣка глубоко миролюбиваго и находившагося еще подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ несчастной японской войны, въ возможность которой онъ не вѣрилъ наканунѣ ея наступленія. Но рѣшительнѣе всѣхъ высказывался противъ всякой политики приключеній военный министръ, вѣроятно потому, что ему ближе всѣхъ было извѣстно неудовлетворительное состояніе, въ которомъ находилось его вѣдомство. Вообще при вступленіи моемъ въ составъ русскаго правительства въ Петроградѣ не было и слѣдовъ существованія какой либо партіи, желавшей войны, и бряцанія оружіемъ не было слышно ни-откуда. Хотя раздраженіе противъ Австро-Венгріи было вездѣ очень сильно, рѣдко кто отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что безъ поощренія, или, по крайней мѣрѣ, согласія Германіи, политика Эренталя, чуть не приведшая къ войнѣ, была бы немыслима.

Петроградскія миролюбивыя теченія должны были, само собою разумѣется, отразиться на ходѣ моихъ Берлинскихъ переговоровъ. Русскому правительству необходимо было, прежде всего, обезвредить Германію на долгій срокъ путемъ возможныхъ уступокъ въ области ея экономическихъ интересовъ. Какъ я уже сказалъ выше, положеніе ея было довольно выигрышное и намъ трудно было удержаться на почвѣ экономической монополіи сѣверной Персіи. Надо было сохранить, главнымъ образомъ, въ неприкосновенности наше политическое положеніе въ Тегеранѣ и добиться его оффиціальнаго признанія со стороны Германіи, что было недостижимо безъ соотвѣтственныхъ уступокъ. Трудность переговоровъ состояла въ томъ, что, ввиду настойчивости Германскихъ требованій относительно

смычки Багдадскаго пути съ будущей сѣтью Персидскихъ желѣзныхъ дорогъ, намъ приходилось, во избѣжаніе отдачи этой смычки въ руки Германіи, произвести ее самимъ. Иными словами намъ самимъ приходилось строить желѣзную дорогу, не только намъ ненужную, но и вредную нашимъ интересамъ, выбирая такимъ образомъ изъ двухъ золъ меньшее. Я сознавалъ вполнѣ, что наше согласіе на Германское требованіе будетъ недружелюбно принято общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи и возбудитъ большія опасенія въ нашихъ торгово-промышленныхъ кругахъ, но тѣмъ не менѣе я рѣшился уступить нѣмцамъ по существу, оговоривъ наше согласіе рядомъ условій, которыя отсрачивали ея выполненіе на, приблизительно, десятилѣтній срокъ. Я былъ убѣжденъ, что за это время намъ удастся привлечъ Англію къ нашему желѣзно-дорожному строительству и парализовать такимъ образомъ опасность захвата Германіею въ свои руки всего торговаго движенія въ Сѣверо-Западной Персіи.

При вступленіи въ дѣловые переговоры съ Германскимъ правительствомъ моей ближайшей задачей было установленіе между нами такого modus vivendi, который могъ бы служить отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ, возможно прочныхъ, между нами добрососѣдскихъ отношеній. Это было настоятельно необходимо не только съ точки зрѣнія нашей собственной безопасности, но и европейскаго мира, и для достиженія этой цѣли не слѣдовало останавливаться передъ принесеніемъ даже нелегкихъ жертвъ.

Когда, около года спустя, наше соглашеніе съ Германіею приняло окончательную форму, оно вызвало, какъ можно было ожидать, отрицательное къ себѣ отношеніе въ печати и въ нашемъ торгово-промышленномъ мірѣ. Это было естественно и неизбѣжно, такъ какъ ближайшіе интересы и цѣли обыкновенно заслоняютъ собою, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, болѣе отдаленные и, нерѣдко, болѣе важные. Съ этимъ надо мириться. Изъ за границы до меня также доходили извѣстія о нѣкоторомъ безпокойствѣ, вызванномъ у нашихъ союзниковъ и друзей Потсдамскими перегово-

рами. Представители наши въ Лондонѣ и въ Парижѣ сообщали мнѣ, что Англійское и Французское правительства озабочены возможностью неблагопріятныхъ для нихъ послѣдствій нашего соглашенія съ Германіею. Эти опасенія касались, главнымъ образомъ, вопроса Багдадской желѣзной дороги и новымъ, какъ имъ казалось, отношеніемъ къ нему русскаго правительства. Англичанъ безпокоила кромѣ того представлявшаяся имъ вѣроятность стратегической опасности, какъ послѣдствіе проникновенія Германіи въ Персію. На самомъ дѣлѣ новаго въ отношеніи русскаго правительства къ вопросу о Багдадской желѣзной дорогѣ было только то, что оно обязалось Германіи не препятствовать, насколько это отъ него зависѣло, окончанію постройки этой линіи, причемъ подъ Багдадской дорогой подразумѣвалась только уже находившаяся въ постройкѣ желѣзнодорожная линія, которая должна была соединить Конію съ Багдадомъ, но которая еще далеко не было доведена до этого конечнаго пункта. Такимъ образомъ, Россія не давала своего согласія на постройку какихъ либо новыхъ линій на югъ отъ Багдада, по направленію къ Персидскому заливу, могущихъ нанести вредъ политическимъ или торговымъ интересамъ Великобританіи въ областяхъ, въ которыхъ она считала эти интересы господствующими и которые, поэтому, Англійское правительство всегда оберегало особенно ревниво отъ всякаго иностраннаго проникновенія. Мы обѣщали только не препятствовать доведенію до конца предпріятія, на которое мы хотя и смотрѣли безъ особеннаго удовольствія, но завершеніе котораго ни мы, ни наши западно-европейскіе друзья пріостановить уже не были въ силахъ. Однимъ словомъ, въ своемъ соглашеніи съ Германіею, Россія не предоставляла ей какихъ либо новыхъ льготъ, а лишь давала свою санкцію давно совершившемуся факту. Въ настоящую минуту этотъ вопросъ не имѣетъ никакого практическаго значенія, но, въ свое время, онъ причинилъ мнѣ не мало хлопотъ и послужилъ поводомъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ и нападкамъ на меня, какъ въ русской, такъ и въ

иностранной печати. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы подчеркнуть еще разъ, что русская дипломатія, въ своемъ искреннемъ желаніи устранить всякій поводъ къ размолвкамъ и недоразумѣніямъ съ Германіею и добиться установленія съ ней добрососѣдскихъ отношеній, не останавливалась предъ принесеніемъ съ этой цѣлью довольно чувствительныхъ для себя жертвъ. Какъ эти жертвы были оцѣнены, показали дальнѣйшія событія.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Петроградъ между русскимъ и германскимъ правительствами было заключено новое соглашеніе, касавшееся не политическихъ ихъ отношеній, а частно-правовыхъ. Уже давно и довольно остро ощущалась потребность въ упорядоченіи вопросовъ, связанныхъ съ правомъ литературной собственности, которую Русскій законъ ограждалъ только по отношенію къ русскимъ подданнымъ. При большемъ количествѣ переводныхъ сочиненій, которыя находили себѣ у насъ постоянный сбытъ, и при значительно возросшемъ за послѣднюю четверть вѣка спросѣ на произведенія русской литературы заграницей, подобное положеніе перестало быть болѣе терпимымъ. Наша союзница Франція первая обратила на него вниманіе русскаго правительства и достигла съ нимъ соглашенія, которое обезпечивало право литературной собственности ея подданныхъ въ предѣлахъ Россіи и давало должную защиту во Франціи правамъ русскихъ писателей. Какъ одно изъ послѣдствій Потсдамскаго свиданія, расчистившаго на время атмосферу русско-германскихъ отношеній, было обращеніе къ намъ германскаго правительства съ выраженіемъ желанія заключить съ нами подобное же соглашеніе, на что мы поспѣшили выразить наше согласіе. Германскіе делегаты прибыли въ Петроградъ и, собравшаяся подъ моимъ предсѣдательствомъ, комиссія быстро закончила свои работы. Онѣ велись въ дружелюбномъ тонѣ и оставили по себѣ какъ у насъ, такъ и у нѣмцевъ пріятное воспоминаніе.

Въ концѣ зимы я тяжело заболѣлъ и былъ вынужденъ уѣхать въ Давосъ, гдѣ провелъ шесть мѣсяцевъ,

передавъ моему товарищу, А. А. Нератову, правленіе министерствомъ. Сознавая, что я надолгое время лишенъ возможности заниматься дѣлами, я обратился къ Государю съ просьбой объ увольненіи меня отъ должности министра. Государь отказался принять мою отставку и въ выраженіяхъ, въ которыхъ сквозила его рѣдкая душевная доброта, велѣлъ передать мнѣ, чтобы я заботился только о своемъ здоровьи, а дѣлами министерства будетъ заниматься онъ самъ съ Нератовымъ, впредь до моего выздоровленія.

Оправившись отъ болѣзни осенью 1911 года, я воспользовался моимъ пребываніемъ въ Швейцаріи, чтобы отправиться въ Парижъ для вступленія въ личныя отношенія съ государственными людьми нашей союзницы Франціи. Это было мое первое оффиціальное появленіе заграницей послѣ назначенія меня министромъ, такъ какъ поѣздка моя съ Государемъ въ Потсдамъ, за годъ передъ тѣмъ, предшествовала этому назначенію и я сопровождалъ его въ качествѣ временно-управляющаго министерствомъ. Въ Дармштадтѣ, наканунѣ нашего выѣзда въ Потсдамъ, Государь, объявляя мнѣ свою волю относительно моего назначенія министромъ, сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ сдѣлать его тотчасъ-же, чтобы придать бо́льшій вѣсъ моимъ переговорамъ съ германскими министрами. Я просилъ его отложить мое назначеніе до возвращенія въ Россію, потому что мнѣ не хотѣлось дебютировать въ качествѣ министра на Берлинской сценѣ. Я полагалъ, что мнѣ не слѣдовало связывать мое первое оффиціальное появленіе за границей съ посѣщеніемъ Германскаго двора, чтобы не дать нашимъ союзникамъ ложнаго впечатлѣнія о моей политической оріентанціи. Я и безъ того предвидѣлъ, что мое искреннее стремленіе договориться до приличныхъ отношеній съ нѣмцами приведетъ къ тому, что я попаду въ Парижѣ подъ подозрѣніе въ Германофильствѣ. Это опасеніе оправдалось и мнѣ понадобилось нѣкоторое время, чтобы обѣлить себя въ этомъ отношеніи въ глазахъ нашихъ союзниковъ и друзей.

Ввиду весьма распространенной у насъ привычки

судить объ образѣ дѣйствій людей на основаніи присущихъ, а, еще чаще, приписываемыхъ имъ, личныхъ соображеній, вкусовъ, симпатій, или антипатій, мнѣ хочется разъяснить здѣсь, въ двухъ словахъ, мое отношеніе къ Германскому народу и къ его культурѣ. Я никогда не страдалъ Германофобіею, даже въ самой легкой формѣ этого политическаго недуга. Причиной этому служитъ, можетъ быть, тотъ фактъ, что въ моихъ жилахъ есть доля германской крови, а вѣрнѣе всего то, что я, хотя и былъ воспитанъ подъ вліяніемъ чисто русскихъ національныхъ началъ, привыкъ тѣмъ не менѣе подчинять ихъ началамъ общей всѣмъ христіанскимъ народамъ культуры, недопускающей никакихъ предвзятыхъ антипатій, а тѣмъ болѣе всего, что походитъ на расовую ненависть. Знакомый, съ ранняго возраста, съ нѣмецкимъ языкомъ и германской культурой, я научился питать искреннее уваженіе къ народу, создавшему науку и своеобразную культуру, которыя не только глубоко проникли въ самыя нѣдра его народной жизни, но внесли цѣнный вкладъ въ умственное достояніе всего мыслящаго человѣчества. Германское искусство, если и не цѣликомъ, то во многихъ своихъ проявленіяхъ, особенно въ области музыки и поэзіи, возбуждало во мнѣ искреннее восхищеніе, хотя это восхищеніе относилось преимущественно къ эпохѣ сравнительно отдаленной. Культурныя формы современной Германіи казались мнѣ гораздо менѣе привлекательными, такъ какъ я находилъ въ нихъ элементы грубости и безвкусія, отъ которыхъ онѣ никогда не были совершенно свободны. Этотъ недостатокъ, съ теченіемъ времени, сталъ постепенно обнаруживаться все съ большей силой, проникая даже въ музыку, гдѣ раньше его не было и слѣда. Каковы были причины, которыя обусловили это явленіе, нельзя рѣшить въ бѣглой замѣткѣ, но несомнѣнно, что оно совпало съ эпохой созданія Германской Имперіи, состоявшагося подъ знакомъ «желѣза и крови» и послужившаго началомъ вступленія Германіи на путь міровой политики, который, впослѣдствіи, привелъ ее и всю Европу къ самой кровавой изъ всѣхъ, когда либо бывшихъ, исто-

рическихъ катастрофъ. По мѣрѣ продвиженія впередъ Германіи на этомъ пути, искусство ея постепенно замирало и сама наука, не искавшая до того, внѣ себя самой, своихъ цѣлей, стала все болѣе занимать служебное положеніе по отношенію къ государству, пока, наконецъ, не приняла, во многихъ своихъ отрасляхъ, опредѣленно казарменно-фабричнаго характера. Дерево германской государственной и экономической мощи росло и бросало свою огромную тѣнь на всѣ части свѣта, но источникъ духовныхъ и нравственныхъ силъ германскаго народа началъ понемногу изсякать. Благодѣтельное культурное вліяніе Германіи на европейскіе народы начало утрачиваться и, наконецъ, стало уступать мѣсто чувству антипатій, когда конечныя цѣли ея міровой политики стали дѣлаться для всѣхъ ясными. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нѣмцевъ не заглохли еще ихъ старыя національныя добродѣтели: горячая любовь къ родинѣ, повиновеніе долгу и желѣзная дисциплина. Эти чувства, на ряду съ рѣдкимъ даромъ организаціи, позволили германскому народу выдержать, въ теченіе четырехъ съ лишнимъ лѣтъ, неравную борьбу съ міровой коалиціею. За эти качества нельзя не уважать германскій народъ, но людямъ, видѣвшимъ и пережившимъ то, что видѣло и пережило наше поколѣніе, любить Германію невозможно. Имъ достаточно не питать къ ней ненависти.

Возвращаюсь къ моей первой поѣздкѣ во Францію въ концѣ ноября 1911 года. Послѣ оффиціальнаго посѣщенія президента Республики, Фальера, въ Рамбулье, гдѣ онъ находился во время моего пріѣзда въ Парижъ, я имѣлъ нѣсколько дѣловыхъ свиданій съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, г. Кальо, и министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. де-Сельвъ.

Французское правительство и въ еще большей степени общественное мнѣніе были въ эту пору подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ германской попытки добиться, въ противовѣсъ занятію французскими войсками Феца, отъ Франціи новыхъ уступокъ въ Марокканскомъ вопросѣ. Этой цѣли должна была послужить неожиданная посылка германскаго военнаго судна въ Ага-

диръ, якобы для защиты въ этомъ незначительномъ портѣ довольно сомнительныхъ интересовъ германскихъ подданныхъ. Г. Кидерленъ-Вехтеръ надѣялся вынудить французское правительство пойти на признаніе германскихъ интересовъ въ Марокко для того, чтобы имѣть средство достигнуть выкупа Франціею этихъ интересовъ цѣной значительныхъ территоріальныхъ уступокъ во французскихъ центрально-африканскихъ владѣніяхъ. На все растущее въ Германіи желаніе колоніальныхъ пріобрѣтеній опредѣленно указываетъ слѣдующее мѣсто донесенія русскаго посла въ Лондонѣ, графа Бенкендорфа, отъ 6-го — 19 іюля 1911 года. Въ немъ посолъ передаетъ заявленіе, сдѣланное германскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ Вольфъ-Меттернихомъ, сэру Артуру Никольсону, занимавшему постъ помощника статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, такого содержанія: «между 1866 и 1870 годами Германія сдѣлалась Великой державой, но побѣжденная ею Франція и Англія подѣлили между собою міръ въ то время, какъ Германія получила однѣ крохи. Теперь настала для Германіи минута предъявить свои законныя требованія».

Агадирскій инцидентъ создалъ чрезвычайно обостренное положеніе между Франціею и Германіею и грозилъ одно время вовлечь европейскія Великія Державы во всеобщую войну. Русская дипломатія использовала наступившее, послѣ Потсдамскаго свиданія, замѣтное улучшеніе своихъ отношеній съ Германіею, чтобы воздѣйствовать умѣряющимъ образомъ на Берлинскія настроенія. Этой же цѣли способствовали заявленія англійскихъ министровъ въ Палатѣ Общинъ о невозможности для Англіи оставаться безучастной зрительницей упроченія Германіи на Африканскомъ побережьи Атлантическаго океана, гдѣ ея появленіе могло бы угрожать морскимъ сообщеніямъ Англіи съ Южною Африкою. Послѣ этого вмѣшательства Державъ Тройственнаго Согласія дипломатическіе переговоры между французскимъ и германскимъ правительствомъ пошли болѣе ускореннымъ ходомъ и привели въ октябрѣ 1911 года къ заключенію между ними со-

глашенія, по которому Германія признала особыя права Франціи въ Марокко, которая, въ свою очередь, уступила ей часть своихъ владѣній въ центральной Африкѣ. Хотя эта сдѣлка, какъ это обыкновенно бываетъ, подверглась критикѣ какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, она тѣмъ не менѣе являлась, по обстоятельствамъ времени, лучшимъ исходомъ изъ затянувшагося спора, который принималъ порою характеръ серьезной международной опасности. Въ сущности обѣ стороны имѣли основаніе не быть недовольными состоявшимся соглашеніемъ и, можетъ быть, Франція даже болѣе Германіи, такъ какъ, установляя свой протекторатъ надъ Марокко, она дополняла чрезвычайно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ свои сѣверо-африканскія владѣнія и уступала взамѣнъ того противнику, хотя и довольно обширную, область, изъ которой она до тѣхъ поръ извлекала весьма мало пользы.

Мароккское соглашеніе 1911 года спасало самолюбіе Германской дипломатіи, но не можетъ быть названо ея успѣхомъ. Заслуга Кидерленъ-Вехтера состоитъ въ томъ, что, убѣдясь, что симпатіи Европы на сторонѣ Франціи, онъ отказался натянуть струну до разрыва и тѣмъ отсрочилъ на три года катастрофу, вызванную, послѣ его смерти, преступнымъ легкомыслемъ Бетмана-Гольвега и его дипломатическихъ сотрудниковъ.

Темой моихъ разговоровъ съ президентомъ Фальеромъ и г. г. Кальо и де-Сельвъ, по прибытіи моемъ въ Парижъ, служило прежде всего благополучное окончаніе Мароккскаго кризиса, дававшее Франціи и всей Европѣ возможность облегченно вздохнуть на нѣкоторое время. Французское правительство признавало цѣнную помощь, оказанную ей Россіею въ Берлинѣ и выражало мнѣ за нее свою признательность. Безпристрастіе заставляетъ меня признать, что рѣшающимъ моментомъ въ разрѣшеніи политическаго кризиса 1911 года было, однако, твердое заявленіе Англійскаго правительства о своей солидарности съ Франціею. При этомъ я не могу не выразить убѣжденія, что если бы и въ 1914 году Сэръ Эдуардъ Грэй, какъ я о томъ настойчиво просилъ его, сдѣлалъ своевременно столь же недвусмысленное

заявленіе въ смыслѣ солидарности Великобританіи съ Россіею и Франціею, онъ этимъ спасъ бы человѣчество отъ того ужасающаго катаклизма, послѣдствія котораго подвергли величайшему риску самое существованіе европейской цивилизаціи.

Я уже упоминалъ о томъ, что мое стремленіе достигнуть удовлетворительныхъ отношеній между Россіею и Германіею во время Потсдамскаго свиданія Государей навлекло на меня во Франціи и въ Англіи подозрѣніе въ германофильствѣ. Мое первое оффиціальное посѣщеніе Парижа дало мнѣ желанный поводъ разсѣять въ умахъ нашихъ союзниковъ это ошибочное представленіе и я надѣюсь, что, послѣ вполнѣ откровенныхъ разговоровъ съ французскими министрами, мнѣ удалось твердо установить въ ихъ глазахъ мое истинное политическое міровоззрѣніе. Главнымъ аргументомъ при этомъ мнѣ служило высказанное имъ мое убѣжденіе въ необходимости для Россіи, какъ въ ея собственныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ всей Европы, достигнуть возможно удовлетворительныхъ отношеній съ Германіею и такимъ способомъ содѣйствовать укрѣпленію Европейскаго мира. Помимо этого поддержаніе старой дружбы между Русскимъ и Прусскимъ Царствующими Домами давало намъ возможность проявлять наше умиротворяющее вліяніе на германское правительство къ выгодѣ самой Франціи, что нами и было неоднократно съ успѣхомъ выполнено въ критическіе моменты франко-германскихъ дипломатическихъ столкновеній за періодъ времени, начинающійся съ 1875 года и вплоть до Агадирскаго эпизода.

Предсѣдатель совѣта министровъ, г. Кальо, произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, одареннаго въ самой высокой степени тѣми особенными свойствами ума, которыя составляютъ какъ бы монополію французкаго народа. Въ странѣ, гдѣ даровитость и блестящее остроуміе не являются удѣломъ отдѣльныхъ лицъ, а настолько широко распространены во всѣхъ слояхъ народа, что перестаютъ казаться счастливымъ исключеніемъ и становятся почти общимъ правиломъ, теряя при этомъ въ значительной степени свою прелесть,

глава французскаго правительства казался, въ этомъ отношеніи, чѣмъ то вродѣ исключительнаго явленія. Приходится жалѣть, что, благодаря нѣкоторымъ, присущимъ ему, недостаткамъ, его политическая карьера оборвалась, при печальныхъ обстоятельствахъ, въ такую пору жизни, когда менѣе выдающіеся люди только начинаютъ закладывать ея основаніе и что рѣдкія его дарованія не дали родинѣ его всего того, что она была вправѣ отъ него ожидать.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Парижѣ я выѣхалъ въ Петроградъ съ остановкой, съ утра до вечера, въ Берлинѣ, откуда нашимъ посломъ мнѣ были переданы приглашенія отъ германскаго канцлера и г. Кидерлена-Вехтера.

Г. Бетманъ-Гольвегъ и его помощникъ чрезвычайно интересовались впечатлѣніями, которыя я вывезъ изъ моего пребыванія во Франціи и изъ свиданій съ ея руководящими дѣятелями. Въ Берлинѣ я нашелъ смѣшанное настроеніе подъ вліяніемъ, съ одной стороны, удовольствія по поводу окончанія продолжительныхъ и трудныхъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ по Марокккскому вопросу, не разъ угрожавшихъ порваться и этимъ открыть дверь опаснымъ международнымъ осложненіямъ въ неудобную для Германіи минуту, и съ другой — опасеній, что Германія была вовлечена въ невыгодную для себя сдѣлку, изъ которой она выходила съ болѣе кажущимся, чѣмъ реальнымъ, успѣхомъ.

Насколько подобное настроеніе было дѣйствительнымъ, я могъ убѣдиться изъ разговора съ однимъ изъ молодыхъ сотрудниковъ канцлера, которому затѣмъ привелось сыграть довольно видную роль въ германской дипломатіи, сказавшимъ мнѣ, послѣ обѣда въ канцлерскомъ дворцѣ, что октябрьское соглашеніе обогатило Германію огромнымъ количествомъ квадратныхъ миль тропическихъ болотъ, взамѣнъ признанія исключительныхъ правъ Франціи надъ такой цѣнной страною, какъ Марокко. Эта нота неудовольствія звучала и въ свободныхъ органахъ германской печати и,

какъ говорилъ мнѣ посолъ нашъ, во многихъ общественныхъ кругахъ германской столицы.

Какъ канцлеръ, такъ и статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ настойчиво справлялись у меня, не замѣчалъ ли я въ Парижѣ, послѣ окончанія Марокканскихъ переговоровъ, новой вспышки шовинизма и не видѣлъ ли я тамъ обостренія жажды отместки по отношенію къ Германіи. Я отвѣтилъ имъ, что если бы такія чувства существовали во Франціи, на что у меня не было рѣшительно никакихъ указаній, то онѣ не проявились бы въ разговорахъ со мною французскихъ государственныхъ людей, знающихъ насколько у насъ отрицательно относятся къ подобнымъ проявленіямъ. Помимо этого я могъ, по совѣсти, увѣрить канцлера въ томъ, что соглашеніе съ Германіей, несмотря на дорогую цѣну, которую Франціи пришлось заплатить за него, въ общественномъ мнѣніи страны не вызвало никакого обостренія шовинизма, а тѣмъ менѣе желанія отместки. Вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ долгомъ прибавить, что, если въ Берлинѣ подъ шовинизмомъ подразумѣваютъ продолженіе болѣзненно-чуткаго отношенія къ отторженію отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, то это чувство еще живо во всѣхъ слояхъ народа и на исчезновеніе его въ скоромъ времени не могло быть основанія расчитывать. Франція, сказалъ я, ничего не забыла и требовать отъ нея забвенія старой обиды было бы неразумно, но тѣмъ не менѣе я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что она никогда не сойдетъ съ пути мирной политики, на который она стала и который одинъ спасъ ее отъ политическаго одиночества въ Европѣ и далъ ей возможность найти въ Россіи союзницу, а въ Англіи надежнаго друга.

Не знаю, успокоили ли мои откровенныя разъясненія подозрительность германскаго канцлера и его помощника, но, во всякомъ случаѣ, они меня благодарили за нихъ и обѣщали довести ихъ до свѣдѣнія Императора, находившагося, по обыкновенію, внѣ Берлина.

III.

Въ 1912 году у Императора Николая II было нѣсколько политическихъ свиданій на русской территоріи. Первымъ изъ посѣтителей былъ Императоръ Вильгельмъ, прибывшій въ Балтійскій - Портъ на своей яхтѣ «Гогенцоллернъ». Туда вышли, къ нему навстрѣчу, на яхтѣ «Штандартъ» Государь съ Императрицей и дѣтьми. Встрѣча носила морской характеръ, такъ какъ на берегу не происходило въ честь гостя никакихъ торжествъ, за исключеніемъ смотра Выборгскаго пѣхотнаго полка, шефомъ котораго состоялъ Вильгельмъ II.

Вмѣстѣ съ Императоромъ германскимъ прибылъ канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ и многочисленная военная свита. Къ нимъ присоединился пріѣхавшій изъ Петрограда германскій посолъ, графъ Пурталесъ. Съ русской стороны сопровождали Государя, кромѣ лицъ его обычной свиты, предсѣдатель Совѣта Министровъ, Коковцевъ, и я.

Свиданія между Императорами происходили на обѣихъ яхтахъ. Точно также переѣзжали со Штандарта на Гогенцоллернъ и мы для разговоровъ на политическія темы съ германскимъ канцлеромъ, на которыхъ присутствовалъ также и графъ Пурталесъ.

Посѣщеніе Императоромъ Вильгельмомъ Балтійскаго-Порта состоялось въ маѣ 1912 года въ пору, когда въ международной политикѣ наступило затишье и Европа не переживала тревожнаго кризиса. Благодаря этому настроеніе, какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Берлинѣ, было спокойное. Это обстоятельство отразилось на характерѣ нашихъ политическихъ разговоровъ, которые велись въ миролюбивомъ и дружественномъ тонѣ и имѣли главнымъ предметомъ обсужденіе общеевропейскаго положенія. Какъ въ подобныхъ случаяхъ принято, въ печать было пущено совмѣстное сообщеніе, редактированное моей дипломатической канцеляріей. Въ немъ говорилось о томъ, что встрѣча Государей въ Балтійскомъ - Портѣ вновь подтвердила традиціонную дружбу и родственную близость отно-

шеній между обоими царствующими домами. Вмѣстѣ съ этимъ упоминалось также, что Русское и Германское правительства, сохраняя неприконовенной свою политическую оріентацію и оставаясь вѣрными союзамъ, на которыхъ покоилась политика обѣихъ Имперій, занимаютъ вполнѣ тождественное положеніе въ отношеніи къ вопросу о сохраненіи европейскаго мира и политическаго равновѣсія Европы. До этого времени упоминаніе охраны политическаго равновѣсія Европы не дѣлалось никогда въ такого рода оффиціальныхъ сообщеніяхъ. Цѣлесообразность этого упоминанія впервые была признана германскими государственными людьми въ Балтійскомъ - Портѣ, хотя они подписали предложенный имъ мною текстъ только послѣ нѣкотораго колебанія. Довольствоваться однѣми избитыми фразами о традиціонной дружбѣ, послѣ событій 1909 года, было невозможно. Русское общественное мнѣніе отнеслось бы недружелюбно къ сообщенію, составленному въ выраженіяхъ, давно утратившихъ свой прежній смыслъ и лишенныхъ всякаго реальнаго значенія. Какъ я ожидалъ, подписанное въ Балтійскомъ - Портѣ совмѣстное сообщеніе было хорошо принято нашей печатью. Во Франціи и въ Англіи оно произвело отличное впечатлѣніе, какъ мнѣ заявили французскій и англійскій послы по возвращеніи моемъ въ Петроградъ.

Условія, въ которыхъ происходило свиданіе Императоровъ въ Балтійскомъ - Портѣ, не походили совершенно на обстановку нашего Потсдамскаго посѣщенія. Здѣсь Государи жили каждый на своей яхтѣ и для свиданій и совмѣстныхъ завтраковъ и обѣдовъ переѣзжали съ одной на другую, при чемъ свиданія эти происходили въ съуженныхъ рамкахъ судовыхъ помѣщеній, что давало имъ болѣе интимный характеръ. Тонъ разговоровъ между Монархами и лицами, ихъ сопровождавшими, отличался, поэтому, большей свободой и простотой. Особенную непринужденность и веселость проявлялъ Императоръ Вильгельмъ и, чаще всего, за столомъ. Сидя наискось отъ него, я не пропустилъ, за три дня его пребыванія въ Балтійскомъ - Портѣ, ни одного изъ его анекдотовъ и ни одной изъ его шутокъ,

изъ которыхъ, я долженъ признаться, не всѣ были мнѣ по вкусу. Государь былъ чрезвычайно предупредителенъ со своимъ гостемъ, но любезность его носила свойственный его замкнутой природѣ сдержанный характеръ и совершенно не походила на шумную веселость Вильгельма II. Императрица, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, не обнаруживала ничего, кромѣ утомленія.

Когда, послѣ перваго обѣда на Штандартѣ, хозяева и гости вышли на палубу, Императоръ Вильгельмъ отвелъ меня въ сторону и вступилъ со мной въ разговоръ, который продолжался полтора часа. Эту бесѣду, которая отчетливо запечатлѣлась въ моей памяти, Вильгельмъ II началъ съ того, что разсказалъ мнѣ подробно исторію своей молодости и тѣхъ, своеобразныхъ, семейныхъ условій, въ которыхъ она протекла. Онъ не сообщилъ мнѣ ничего такого, что было бы мнѣ раньше неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе все, что онъ говорилъ мнѣ по этому поводу, не могло не вызвать во мнѣ крайняго удивленія, такъ какъ я не могъ объяснить себѣ причинъ, побудившихъ его нарисовать мнѣ, въ самыхъ яркихъ краскахъ, подробную картину юношескихъ упованій и огорченій, которыми ознаменовались годы, проведенные имъ подъ родительскимъ кровомъ. Съ откровенностью, которая производила тягостное впечатлѣніе, онъ говорилъ мнѣ, что отецъ его, Императоръ Фридрихъ III, никогда не любилъ его, предчувствуя, что, если онъ и доживетъ до смерти Вильгельма I и вступитъ на германскій Престолъ, то не надолго и что вскорѣ ему придется уступить мѣсто молодому сыну, которому, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстояло продолжительное царствованіе. Фридрихъ III, будучи еще Кронъ-Принцемъ, былъ почти старикомъ, и, задолго до своей кончины, уже страдалъ недугомъ, который свелъ его въ могилу черезъ три мѣсяца послѣ вступленія на Престолъ. Мать Вильгельма II, дочь Королевы Виктоpіи англійской, женщина властолюбивая, по тѣмъ же причинамъ не любила своего сына, по какимъ не любилъ его ея мужъ. Къ этимъ основаніямъ у нея примѣшивались, по словамъ Вильгельма II, еще и другія. Съ

ранняго дѣтства Императоръ замѣтилъ между матерью и собою непримиримое политическое разномыслiе, переходившее иногда, когда онъ достигъ болѣе зрѣлаго возраста, въ острыя разногласiя. «Съ тѣхъ поръ, что я себя помню», говорилъ мнѣ Императоръ, «я всегда чувствовалъ и мыслилъ себя добрымъ нѣмцемъ. Мать моя, даже послѣ тридцатилѣтняго пребыванiя въ Германiи, не переставала сознавать себя англичанкой. Въ ея глазахъ германскiе интересы всегда и во всемъ должны были подчиняться интересамъ ея родины, по отношенiю къ которой она считала, что Германiя призвана была играть служебную роль. Меня возмущало до глубины души такое пренебрежительное отношенiе къ Германiи, уже занимавшей, по своему могуществу и культурному росту, одно изъ первыхъ мѣстъ среди Великихъ Державъ Европы. Взаимное отчужденiе между нами съ каждымъ годомъ увеличивалось и примиренiе наступило только незадолго передъ ея кончиной».

Я привожу, въ довольно пространномъ видѣ, этотъ удивительный разсказъ не потому, что я считалъ бы его интереснымъ по существу, а потому, что мнѣ кажется, что онъ можетъ служить для характеристики порывистой и неуравновѣшенной натуры Императора Вильгельма, склоннаго переходить за границы той сдержанности и того чувства собственнаго достоинства, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ лицъ, стоящихъ по своему рожденiю на вершинѣ соцiальной пирамиды.

Послѣ этого продолжительнаго вступленiя, повергшаго меня въ нѣкоторое недоумѣнiе, Императоръ приступилъ къ тому, что, повидимому, должно было служить главной темой нашего разговора. Это, какъ оказалось, была русская политика на Дальнемъ Востокѣ.

Если первая часть нашей бесѣды велась въ формѣ монолога Императора, то болѣе обширный предметъ, къ обсужденiю котораго онъ перешелъ затѣмъ, давалъ мнѣ возможность вставлять свои замѣчанiя и возраженiя въ его нервную и порывистую рѣчь.

Императоръ началъ съ того, что сказалъ, что мнѣ конечно, извѣстно, какъ горячо онъ интересовался нашей дальне-восточной политикой и какъ онъ всегда

благожелательно относился ко всѣмъ нашимъ начинаніямъ въ этой области. «Вы, конечно, помните», прибавилъ онъ, «ту помощь, которую я оказалъ Вамъ во время долгаго и опаснаго плаванія эскадры адмирала Рождественскаго, снабжая Ваши суда углемъ въ открытомъ морѣ. Безъ этой помощи она никогда не дошла бы до японскихъ водъ. Ваши союзники, французы, не сдѣлали для васъ и десятой части того, что сдѣлано было мною». На это я замѣтилъ, что французское правительство дало своимъ представителямъ на Мадагаскарѣ и въ Индо-Китаѣ приказаніе содѣйствовать всѣми средствами успѣшному плаванію нашихъ судовъ въ Индійскомъ Океанѣ и что мы широко воспользовались предоставленной намъ возможностью отстаиваться во французскихъ портахъ, въ ожиданіи подхода отставшихъ судовъ и для снабженія эскадры припасами. Этимъ разрѣшеніемъ Франція оказала намъ крупную услугу, тѣмъ болѣе, что продолжительныя стоянки русскихъ судовъ во французскихъ территоріальныхъ водахъ служили Японіи поводомъ къ упрекамъ въ нарушеніи Франціею обязанностей нейтралитета. Оставивъ это замѣчаніе безъ возраженій, Императоръ Вильгельмъ перешелъ къ оцѣнкѣ общаго политическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ. Императоръ началъ съ того, что напомнилъ мнѣ, что онъ, раньше всѣхъ другихъ, предугадалъ желтую опасность, грозившую Европѣ и старался, насколько это было въ его власти, обратить на нее вниманіе европейскихъ Державъ. «Какъ на мое предупрежденіе отозвались Державы?» спросилъ Императоръ. «Онѣ на него не откликнулись, считая меня сумасшедшимъ. А что сдѣлала Англія? Въ 1902 году она заключила съ Японіею союзъ, который далъ этой странѣ возможность объявить Вамъ войну и выйти изъ нея побѣдительницею. Этотъ тяжелый грѣхъ противъ расовой солидарности имѣлъ отрицательныя послѣдствія не для одной Россіи, а для всѣхъ Европейскихъ народовъ, имѣющихъ интересы въ Азіи. На Дальнемъ Востокѣ появилась новая Великая Держава и центръ тяжести, въ этой части свѣта, сразу передвинулся въ сторону Японіи. Впрочемъ», прибавилъ Вильгельмъ II,

«ответственная за это Англія не избѣгнетъ наказанія. Успѣхи Японіи въ борьбѣ съ Великой Европейской Державой вскружили голову всѣмъ Азіатскимъ народамъ и это, прежде всего, отзовется на положеніи самой Англіи въ Индіи. Съ создавшимся на Дальнемъ Востокѣ, благодаря близорукости однихъ и эгоизму другихъ, новымъ положеніемъ Европѣ приходится серьезно считаться. Желтая опасность не только не перестала существовать, но стала еще грознѣе прежняго и, конечно, прежде всего для Россіи. Что Вами дѣлается для ея предотвращенія?» спросилъ Императоръ и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ: «Вамъ остается только одно — взять въ руки созданіе военной силы Китая, чтобы сдѣлать изъ него оплотъ противъ японскаго натиска. Это совсѣмъ не трудно, ввиду безконечнаго его богатства въ людяхъ и иныхъ естественныхъ ресурсахъ. Задачу эту можетъ взять на себя только одна Россія, которая къ тому предназначена во первыхъ потому, что она наиболѣе всѣхъ заинтересована въ ея выполненіи, а во вторыхъ потому, что ея географическое положеніе ей прямо на нее указываетъ. Если же Россія не возьметъ этого дѣла въ свои руки и не доведетъ его до конца, то за реорганизацію Китая примется Японія и тогда Россія утратитъ разъ навсегда свои Дальне-Восточныя владѣнія, а съ ними вмѣстѣ и доступъ къ Тихому Океану».

Если мнѣ было возможно оставить безъ возраженій нѣкоторыя изъ высказанныхъ Императоромъ мнѣній, то я никакъ не могъ согласиться съ конечными его выводами и спросилъ его, помнитъ ли онъ, что Россія граничитъ съ Китаемъ на протяженіи приблизительно восьми тысячъ верстъ и что одного этого обстоятельства достаточно, чтобы она не стремилась къ созданію на своихъ границахъ, притомъ въ областяхъ слабо заселенныхъ и лежащихъ далеко отъ центра ея военной организаціи, могущественной иноземной силы, которая могла бы легко обратиться противъ нея самой. Затѣмъ, съ нашей точки зрѣнія, могло бы быть приведено еще болѣе важное соображеніе противъ высказанной Императоромъ мысли, а именно, что, занимаясь

созданіемъ ненужной и даже опасной намъ военной мощи Китая, мы неминуемо отвлекли бы свое вниманіе отъ имѣющаго для насъ, какъ для Европейской Державы, громадное значеніе политическаго положенія на западныхъ нашихъ границахъ. Императору должно быть хорошо извѣстно, что Россія не имѣетъ въ виду никакихъ наступательныхъ цѣлей и что политика ея проникнута самымъ искреннимъ миролюбіемъ. Хотя задачи ея сводятся исключительно къ охранѣ ея границъ, тѣмъ не менѣе политическое положеніе Европы далеко еще не достигло той степени устойчивости, при которой мы могли бы считать невѣроятной возможность столкновеній между Европейскими Державами. Въ числѣ такихъ столкновеній не трудно представить себѣ и такія, которыя неминуемо затронули бы самые жизненные наши интересы. Россія не можетъ и не должна уходить изъ Европы, какъ бы ни были важны и обширны задачи ея просвѣтительной миссіи на Азіатскомъ материкѣ. Это необходимо не въ однихъ только ея собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ самой Европы, въ которой она является однимъ изъ главныхъ, и притомъ совершенно незамѣнимымъ, политическимъ и экономическимъ факторомъ*).

Къ тому, что я сказалъ Императору относительно первостепенной важности европейскихъ интересовъ Россіи, я прибавилъ еще, что образъ дѣйствій, который онъ намъ рекомендуетъ по отношенію къ Китаю въ цѣляхъ предотвращенія японской опасности, не только создалъ бы непосредственно на нашей границѣ новую опасность, но неизбѣжно привелъ бы насъ вторично къ вооруженному столкновенію съ Японіей, которая усмотрѣла бы угрозу себѣ въ созданіи военной силы Китая руками Россіи. Такой рискованной политикѣ, польза которой представляется мнѣ недоказанной, я

*) Я не подозрѣвалъ въ 1912 году, что наступитъ когда либо время, когда Россія перестанетъ играть эту роль. Къ несчастью оно наступило. Что сталось съ самой Россіей, видно всякому, но въ какомъ положеніи очутилась Европа, лишившись прочныхъ устоевъ на своемъ Востокѣ!

предпочиталъ путь соглашеній съ Японіею, съ которой намъ нетрудно договориться по всѣмъ вопросамъ, въ которыхъ наши взаимные интересы соприкасаются. Этотъ путь нами уже извѣданъ и далъ вполнѣ удовлетворительные результаты.

На этомъ разговоръ нашъ прекратился. Онъ продолжался, какъ я сказалъ, долго и Императоръ велъ его въ очень горячемъ тонѣ. Разбираясь въ впечатлѣніяхъ, которыя у меня остались отъ этой бесѣды, я пришелъ къ заключенію, что Императоръ Вильгельмъ и его правительство не могутъ примириться съ оздоровленіемъ русской политики, наступившемъ послѣ окончанія нашихъ злополучныхъ приключеній на Дальнемъ Востокѣ, къ которымъ, въ свое время, такъ поощрительно относились въ Берлинѣ. Мы вышли изъ нихъ сильно ошпаренными, но, къ счастью, не были безвозвратно засосаны Дальневосточной тиной. Если признать за словами Императора какой нибудь смыслъ, то очевидно, что они могли имѣть только значеніе попытки вернуть Россію на путь, который снова привелъ бы ее къ необходимости вести на крайнемъ Востокѣ продолжительную и тяжелую борьбу, не вызываемую никакими реальными ея интересами и, такимъ образомъ, на долгое время лишилъ бы ее всякаго значенія въ Европѣ. Если принять въ соображеніе, что означенный разговоръ происходилъ всего за два года до начала міровой войны, то подобное его толкованіе пріобрѣтаетъ тѣмъ бо́льшее основаніе. Въ 1912 году германская «Weltpolitik», начало которой было положено Бисмаркомъ и которая получила при Бюловѣ свое теоретическое и практическое завершеніе, благодаря веденной, въ неслыханныхъ размѣрахъ, пангерманской пропагандѣ, проникла настолько глубоко въ сознаніе каждаго добраго нѣмца, что обратилась въ нѣчто похожее на національный догматъ. Задачи германской міровой политики не уживались съ цѣлями и стремленіями русской политики. Историческая миссія Россіи—освобожденіе христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова изъ подъ Турецкаго ига, была къ началу двадцатаго вѣка настолько выполнена, что окончатель-

ное ея завершеніе могло быть предоставлено усиліямъ самихъ освобожденныхъ народовъ, которые вступили, въ теченіе прошлаго столѣтія, на путь самостоятельнаго политическаго существованія и успѣли доказать свою государственную жизнеспособность.

Хотя эти молодыя государства и не нуждались уже въ русской опекѣ, они не были еще настолько сильны, чтобы обойтись безъ помощи Россіи въ случаѣ покушенія на ихъ національное существованіе со стороны воинствующаго германизма. Этой опасности подвергалась въ особенности Сербія, сдѣлавшаяся предметомъ еле скрываемыхъ, изъ приличія, вожделѣній австрійской дипломатіи. Ей-же подвергалась, до извѣстной степени, и Болгарія, лежавшая на пути германскаго проникновенія на Востокъ, съ той только разницей, что Болгарскіе государственные дѣятели и болгарскій народъ относились къ этой опасности гораздо менѣе сознательно подъ вліяніемъ гипноза, подъ которымъ держалъ ихъ Германскій принцъ и офицеръ австрійской службы, посаженный соединенными усиліями берлинской и вѣнской дипломатіи на Болгарскій Престолъ.

Если въ исторіи русско-болгарскихъ отношеній и бывали моменты, когда ошибки нашей политики могли подать поводъ врагамъ Россіи обвинять ее въ попыткахъ лишить болгарское правительство всякой независимости и установить надъ Болгаріею что-то вродѣ протектората, то едва ли подобныя обвиненія были всегда искренни. Позволительно думать, что, чаще всего, ими преслѣдовалась опредѣленная цѣль сѣянія, въ видахъ собственной выгоды, недоразумѣній и раздора между освободительницей и освобожденными. Къ несчастію семена подозрѣнія падали нерѣдко на благопріятную почву и приносили обильные плоды. На самомъ дѣлѣ, — въ этомъ не усомнится никто, кто сколько нибудь знакомъ съ цѣлями русской политики, — Россія никогда не ставила себѣ подобныхъ задачъ на Балканахъ. Единственно, чего она неизмѣнно добивалась—это чтобы, освобожденные цѣной ея вѣковыхъ усилій и жертвъ, балканскіе народы не подпали подъ

вліяніе враждебныхъ ей государствъ и не обратились въ послушное оружіе ихъ политическихъ интригъ. Конечною цѣлью русской политики было достиженіе свободнаго доступа къ Средиземному морю и, равнымъ образомъ, — возможности обезпечить защиту своего Черноморскаго побережья отъ постоянной угрозы прорыва враждебныхъ морскихъ силъ сквозь Турецкіе проливы. Если, вообще, можно говорить о политическомъ эгоизмѣ Россіи въ связи съ ея Балканской политикой, то этотъ эгоизмъ сводится къ стремленію достигнуть гарантій свободнаго развитія своихъ экономическихъ силъ и обезпеченія безопасности наиболѣе уязвимой части своей территоріи. Иными словами Россія всегда добивалась и всегда будетъ добиваться, каковъ бы ни былъ ея государственный строй, того же, чего добивалась, въ теченіе двухъ столѣтій, со свойственной ей непреклонной энергіею, Англія и чего она достигла еще въ девятнадцатомъ вѣкѣ, захвативъ въ свои руки всѣ важнѣйшіе стратегическіе пункты Средиземнаго моря и Персидскаго залива, лежащіе на пути къ ея Индійскимъ владѣніямъ. Нѣчто похожее на это сдѣлала и Германія, хотя въ несравненно болѣе скромныхъ размѣрахъ, въ Нѣмецкомъ морѣ и въ Западной части Балтики. Съ подобнымъ-же явленіемъ мы встрѣчаемся въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты подчинили себѣ, въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, Панамскій каналъ, соединяющій два океана и не примыкающій ни къ одной изъ частей Штатовъ, а находящійся на территоріи независимаго государства.

Россія провозгласила и защищала принципъ независимости Балканскихъ Государствъ, какъ принципъ по существу справедливый, ввиду неотъемлемаго права Балканскихъ народовъ на независимое политическое существованіе. Въ нашихъ глазахъ онъ имѣлъ, кромѣ своего нравственнаго значенія, еще и практическое, потому что не только не противорѣчилъ ни одному изъ жизненныхъ интересовъ русскаго государства, но и способствовалъ, косвеннымъ образомъ, ихъ охранѣ. Балканскій полуостровъ — для Балканскихъ народовъ,

— вотъ та формула, въ которую вмѣщались стремленія и цѣли русской политики и которая исключала возможность политическаго преобладанія, а тѣмъ болѣе господства, на Балканахъ враждебной балканскому славянству и Россіи иноземной власти.

Боснійско-Герцеговинскій кризисъ обнаружилъ съ неопровержимой ясностью цѣли Австро-Германской политики на Балканахъ и положилъ начало неизбѣжному столкновенію между германизмомъ и славянствомъ. Фактъ непримиримости ихъ интересовъ признавался открыто многочисленными какъ военными, такъ и гражданскими писателями пангерманскаго лагеря, проповѣдывавшими необходимость для Германіи дѣятельно готовиться къ предстоящей борьбѣ. Германская дипломатія воздерживалась отъ открытаго признанія своихъ захватныхъ плановъ на европейскомъ Востокѣ, но и у ея представителей иногда выскальзывали мнѣнія, довольно близко подходящія къ убѣжденіямъ лицъ несвязанныхъ, какъ она, профессіональной тайной.

Ко времени свиданія Императоровъ въ Балтійскомъ-Портѣ вышеизложенная оцѣнка взаимныхъ политическихъ отношеній между Австро-Германскимъ союзомъ и Россіею стала, въ руководящихъ кругахъ Германіи, общепризнанной истиной. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Императоръ Вильгельмъ, никогда не отличавшійся самостоятельностью своихъ политическихъ сужденій, раздѣлялъ господствующее въ его странѣ настроеніе. Дѣлая попытку убѣдить меня перенести центръ тяжести русской политики изъ Европы на Дальній Востокъ, онъ, можетъ быть, думалъ, что этимъ совѣтомъ даетъ намъ доказательство своего дружескаго расположенія. Мы мѣшали ему въ Европѣ и поэтому лучшее, что мы могли сдѣлать, по его мнѣнію, было сойти съ его пути и уйти подальше отъ тѣхъ мѣстъ, куда влекли Германію интересы ея новой міровой политики.

Вернувшись изъ Балтійскаго-Порта въ Петроградъ, я воспользовался моимъ первымъ свиданіемъ съ японскимъ посломъ, Виконтомъ Мотоно, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и передалъ ему со-

держаніе удивительнаго разговора, которымъ почтилъ меня Императоръ Вильгельмъ. Какъ сказалъ мнѣ впослѣдствіи Мотоно, этотъ разговоръ былъ переданъ имъ въ Токіо по телеграфу. Вскорѣ затѣмъ японскій посолъ былъ вызванъ на родину, чтобы занять мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Я бы не удивился, если бы недружелюбныя слова Вильгельма II по адресу Японіи имѣли нѣкоторое вліяніе на рѣшенія японскаго правительства при политической группировкѣ Державъ въ моментъ объявленія Германіею войны Россіи и Франціи въ 1914 году.

Въ августѣ 1912 года въ Петроградъ прибылъ предсѣдатель французскаго совѣта министровъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, г-нъ Р. Пуанкарэ. Это посѣщеніе не представляло ничего необыкновеннаго, ввиду установившагося уже тогда обычая, между руководителями иностранной политикой союзныхъ государствъ, отъ времени до времени съѣзжаться для устнаго обмѣна мыслей по текущимъ политическимъ вопросамъ.

Среди этихъ вопросовъ былъ, въ ту пору, одинъ, который требовалъ, уже тогда, особенно внимательнаго къ себѣ отношенія и могъ получить должное разсмотрѣніе только при личномъ свиданіи между нами.

Это былъ вопросъ о создавшемся въ теченіе зимы 1911—1912 годовъ Балканскомъ союзѣ, заключенномъ, если не по почину русскаго правительства, то съ его вѣдома и согласія. Зародышъ сближенія балканскихъ народовъ для защиты своихъ интересовъ относится къ началу 1909 года, т. е. ко времени того же Боснійско-Герцеговинскаго кризиса, о которомъ я уже неднократно упоминалъ и который оставилъ столько горечи въ душѣ сербскаго народа. Починъ переговоровъ по предмету этого сближенія былъ сдѣланъ сербскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, Миловановичемъ, ѣздившимъ съ этой цѣлью въ Софію. Хотя все вниманіе Фердинанда Кобургскаго и его правительства въ это время было сосредоточено на вопросѣ о признаніи Державами болгарской независимости и на Младоту-

рецкой революціи, разразившейся въ Константинополѣ, сербское предложеніе не было отвергнуто въ Софіи и Малиновъ, тогдашній глава Болгарскаго правительства, просилъ Милововановича заняться дальнѣйшей разработкой проэкта сербо-болгарскаго соглашенія. Вскорѣ, однако, въ обмѣнѣ мыслей между Бѣлградомъ и Софіею произошла заминка, которую сербы объяснили, не безъ основанія, нежеланіемъ Фердинанда Кобургскаго навлечь на себя неудовольствіе Австрійскаго правительства сближеніемъ съ Сербіею, къ которой Эренталь продолжалъ относиться съ прежней непримиримостью, несмотря на одержанный имъ незадолго передъ тѣмъ дипломатическій успѣхъ.

Всякая попытка сближенія между собою балканскихъ народовъ, по соображеніямъ, изложеннымъ выше, должна была встрѣтить сочувствіе и поддержку русской дипломатіи. Такъ и въ данномъ случаѣ наши представители въ Бѣлградѣ и Софіи получили инструкцію содѣйствовать, въ предѣлахъ должной осторожности, сербскому почину соглашенія, польза котораго казалась тѣмъ болѣе очевидной, что въ это время начала обозначаться возможность заключенія военной конвенціи между Турціею и Румыніею, которая, если бы ей суждено было состояться, явилась бы серьезной угрозой по адресу Болгаріи.

Послѣ продолжительныхъ затяжекъ и колебаній со стороны Фердинанда Кобургскаго, 29 февраля 1912 года между Болгаріей и Сербіей было подписано соглашеніе «для оказанія взаимной помощи и для охраны общихъ интересовъ на случай измѣненія status quo на Балканахъ или нападенія третьей Державы на одну изъ договаривающихся сторонъ». Объ этомъ, въ этихъ выраженіяхъ, послы наши въ Парижѣ и въ Лондонѣ извѣстили французское и англійское правительства, съ просьбой хранить это сообщеніе въ строгой тайнѣ. Самый текстъ Сербо-Болгарскаго соглашенія былъ сообщенъ г-ну Пуанкарэ полгода спустя, при личномъ моемъ свиданіи съ нимъ, во время его пребыванія въ Петроградѣ, такъ какъ я опасался переслать его полностью въ Парижъ до этого времени, изъ боязни про-

никновенія во французскую печать слуха объ этомъ секретномъ соглашеніи и возможной въ этомъ случаѣ ея нескромности, чему было уже нѣсколько примѣровъ.

— Въ оцѣнкѣ этого дипломатическаго акта между французскимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и мною произошло разногласіе, которое было прямымъ и, можетъ быть, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ различія точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы смотрѣли на самый фактъ заключенія балканскаго союза. Г-нъ Пуанкарэ усматривалъ въ немъ, прежде всего, опасность балканской войны и потому обращалъ свое главное вниманіе на отрицательныя его стороны, которыхъ было не мало и на которыя и я не могъ закрывать глаза. Но, помимо этихъ отрицательныхъ сторонъ, мы видѣли въ этомъ союзѣ еще многое другое, что побуждало насъ относиться къ нему сочувственно и признавать за нимъ очень большое политическое значеніе.

Я уже имѣлъ случай сдѣлать выше общую характеристику нашей балканской политики. Ея главной цѣлью было, какъ сказано, обезпеченіе свободнаго развитія призванныхъ Россіею къ самостоятельному политическому существованію балканскихъ народовъ. На пути къ достиженію этой цѣли было, однако, много препятствій. Прежде всего ему мѣшали согласованныя усилія Германской и Австро-Венгерской политики, изъ которыхъ каждая преслѣдовала въ борьбѣ со славянскимъ элементомъ на Балканахъ свои собственныя цѣли, при чемъ ихъ связывала общность противника, котораго, такъ или иначе, надо было сломить и устранить. Помимо этихъ внѣшнихъ помѣхъ торжество идеи господства балканскихъ народовъ на балканскомъ полуостровѣ тормозилась также, въ значительной степени, ихъ взаимными между собой раздорами на почвѣ соревнованія въ Македоніи, еще недождавшейся своего освобожденія отъ турецкаго ига. Поэтому въ глазахъ русской политики первая серьезная попытка полюбовнаго размежеванія взаимныхъ интересовъ сербовъ и болгаръ въ этой спорной области, которая, очевидно, не могла, ввиду роста національнаго самосознанія македонскаго населенія, не раздѣлить, въ болѣе или ме-

нѣе близкомъ будущемъ, участь прочихъ владѣній Турціи на Балканахъ, имѣла особое значеніе, ускользавшее отъ нашихъ западныхъ союзниковъ и друзей. Ожидать отъ русской дипломатіи отрицательнаго, или только безразличнаго, отношенія къ подобной попыткѣ было неразумно. Не сдѣлать ничего для облегченія достиженія Сербіею и Болгаріею ихъ цѣлей — значило для Россіи не только отказаться отъ завершенія своей исторической миссіи, но и сдать безъ сопротивленія врагамъ славянскихъ народовъ занятыя вѣковыми усиліями политическія позиціи.

Каждый разъ, что Австро-Германская политика ударяла по славянамъ, она мѣтила въ Россію, стоявшую на стражѣ какъ славянскихъ, такъ и своихъ собственныхъ, жизненныхъ интересовъ на Балканахъ. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ отлично понимали, что, безъ Россіи, никакого Балканскаго вопроса въ двадцатомъ вѣкѣ бы не было и что Сербія и Болгарія уже давно перестали бы существовать, какъ независимыя государства.

Это убѣжденіе послужило отправной точкой той политики, которая привела въ 1914 году къ міровой войнѣ, а вслѣдъ за ней — къ безвозвратной гибели Габсбургской Монархіи и къ крушенію, хотя и временному, государственной мощи Россіи и Германіи.

Какъ бы то ни было, сочувственное отношеніе русскаго правительства къ Балканскому союзу вызвало, какъ я сказалъ выше, нѣкоторую тревогу въ правительственныхъ кругахъ Франціи. Г-ну Пуанкарэ казалось, что этотъ союзъ въ той формѣ, въ которую онъ вылился, неизбѣжно приведетъ къ войнѣ на Балканахъ со всѣми возможными ея дальнѣйшими послѣдствіями. Мы также, съ своей стороны, вѣрили въ ея возможность, хотя и усматривали опасность войны менѣе въ заключеніи Сербіею и Болгаріею союза, даже и наступательнаго характера, чѣмъ въ томъ обстоятельствѣ, что, съ осени 1911 года, Турція находилась въ войнѣ съ Италіею изъ-за обладанія Триполи и Киренаикою. Мы были убѣждены, что Балканскія государства не пропустятъ случая воспользоваться затрудненіями, созданными для Турціи фактомъ ея войны съ европейской

Великой Державой и предвидѣли, что удержать ихъ отъ сведенія счетовъ съ Турціею, въ такую для себя благопріятную минуту, будетъ чрезвычайно трудно. Намъ было извѣстно, черезъ пріѣзжавшаго въ 1911 году въ Россію г-на Данева, о настроеніяхъ, господствовавшихъ въ Болгаріи и подтверждавшихъ насъ въ мысли о неизбѣжности, въ ближайшемъ будущемъ, новыхъ осложненій на Балканахъ. Намъ поэтому оставалось только постараться смягчить остроту положенія тѣмъ, что мы приняли дѣятельное участіе въ сближеніи между собою Балканскихъ государствъ. Мы надѣялись, что сплоченнымъ усиліямъ ихъ будетъ легче нести рискъ, связанный съ борьбою, которую имъ предстояло неизбѣжно вести противъ Младотурецкой Турціи, ради вскрытія Македонскаго нарыва, а можетъ быть и противъ Австро-Венгріи, — въ случаѣ всегда возможномъ, — дальнѣйшихъ попытокъ ея продвиженія на Балканахъ. Наше участіе въ заключеніи сербо-болгарскаго союза давало намъ право контроля надъ дѣйствіями союзниковъ, а, равнымъ образомъ, наложенія запрета на рѣшительные шаги союзниковъ, не отвѣчающіе видамъ русской политики. Несомнѣнно, что подобныя гарантіи были крайне недостаточны, какъ доказала это осень 1912 года, но заручиться другими, болѣе дѣйствительными, оказывалось совершенно невозможнымъ, но точно такъ-же невозможно было для насъ стать спиною къ Балканскимъ славянамъ въ критическую минуту ихъ существованія и отречься отъ обязанностей, налагаемыхъ на насъ нашимъ политическимъ первородствомъ и всѣмъ славнымъ прошлымъ Россіи, какъ величайшей славянской Державы.

Вопросъ объ участіи Россіи въ заключеніи сербо-болгарскаго союза, — въ расширеніи его путемъ привлеченія къ нему Греціи и Черногоріи Русское Правительство не принимало непосредственнаго участія, — былъ единственный поводъ къ нѣкоторому разномыслію между нашимъ французскимъ гостемъ и мною. По всѣмъ остальнымъ вопросамъ намъ удалось, безъ труда, придти къ удовлетворительнымъ заключеніямъ, хотя въ числѣ этихъ вопросовъ былъ одинъ довольно

деликатнаго свойства. Онъ касался личности французскаго посла въ Петроградѣ, г. Жоржа Луи. Этотъ дипломатъ совершенно не отвѣчалъ требованіямъ занимаемаго имъ поста, съ условіями и особенностями котораго ему никакъ не удавалось освоиться. Благодаря этому пребываніе его въ Россіи служило помѣхой той дружной и довѣрчивой дипломатической работѣ, которую, въ собственныхъ интересахъ, необходимо вести правительствамъ союзныхъ государствъ, особенно въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ дѣло съ противниками, которые достигли полной согласованности въ области внѣшней политики. Къ счастію г. Жоржъ Луи былъ въ скоромъ времени отозванъ и замѣненъ самымъ выдающимся изъ государственныхъ людей Франціи того времени, Теофилемъ Делькассэ, потерю котораго оплакиваютъ, въ настоящее время, его соотечественники, не съумѣвшіе оцѣнить его по заслугамъ при его жизни. Делькассэ удалось безъ труда, въ весьма короткій срокъ, занять въ Петроградѣ подобающее ему мѣсто и проібрѣсти горячую симпатію и полное довѣріе русскихъ правительственныхъ круговъ.

Незадолго предъ посѣщеніемъ г. Пуанкарэ Петрограда между Россіею и Франціею была подписана морская конвенція. Этотъ актъ не вносилъ ничего новаго въ наши союзныя отношенія и являлся только дополненіемъ и расширеніемъ русско-французскаго союза, какъ логически необходимое его развитіе.

Въ лицѣ г. Пуанкарэ мы видѣли, съ полнымъ основаніемъ, убѣжденнаго сторонника союза между Россіею и Франціею. Въ немъ, какъ и мы сами, онъ усматривалъ единственную надежную гарантію европейскаго мира. Прямота характера и непреклонная твердость воли г. Пуанкарэ дѣлали его, въ нашихъ глазахъ, особенно цѣннымъ союзникомъ, миролюбіе котораго было также несомнѣнно, какъ и его горячій патріотизмъ. Императоръ Николай, часто цѣнившій въ людяхъ тѣ качества, которыми онъ самъ не обладалъ, былъ болѣе всего пораженъ во французскомъ первомъ министрѣ опредѣленностью и твердостью воли, которыя являются основными чертами его характера и тѣмъ болѣе

замѣчательны, что встрѣчаются довольно рѣдко, въ такой степени, у французовъ, по природѣ своей впечатлительныхъ и измѣнчивыхъ.

Провожая г. Пуанкарэ, я разставался съ нимъ не надолго, потому что имѣлъ въ виду въ серединѣ сентября поѣхать по приглашенію короля Георга Англійскаго въ Шотландію и на обратномъ пути намѣревался остановиться на нѣсколько дней въ Парижѣ. Положеніе на Ближнемъ Востокѣ было настолько неустойчиво, что личный обмѣнъ мнѣній съ руководителями внѣшней политики нашей союзницы Франціи и дружественной намъ Великобританіи былъ въ моихъ глазахъ очень желателенъ, такъ какъ онъ облегчалъ нашу совмѣстную работу въ цѣляхъ предотвращенія, въ эту минуту болѣе возможныхъ, чѣмъ когда либо, европейскихъ осложненій.

Въ концѣ сентября я прибылъ въ Лондонъ, откуда, черезъ день или два, выѣхалъ, вмѣстѣ съ нашимъ посломъ въ Англіи графомъ Бенкендорфомъ, въ Шотландію, гдѣ въ это время находились король Георгъ и его семья. Я провелъ въ замкѣ Бальморалъ шесть дней въ качествѣ гостя Короля и сохраняю самое пріятное воспоминаніе о любезномъ гостспріимствѣ, которое при этомъ случаѣ оказала мнѣ Королевская семья и которымъ я обязанъ близкимъ отношеніямъ, существовавшимъ издавна между покойнымъ Государемъ и его англійскими родственниками.

На другой день по моемъ пріѣздѣ въ Бальморалъ прибылъ, приглашенный Королемъ для свиданія со мною, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Сэръ Эдуардъ Грэй, а вслѣдъ за нимъ глава бывшей въ то время въ оппозиціи консервативной партіи, г. Бонаръ-Ло, нынѣшній первый министръ Великобританіи. По мудрому обычаю, установленному въ Англіи вѣковой парламентской практикой, внѣшняя политика исключается изъ области политическихъ вопросовъ, въ которыхъ правительство и оппозиція занимаютъ непримиримое другъ къ другу положеніе. Благодаря этому иностранная политика Великобританіи пріобрѣла, въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, ту послѣдовательность

и устойчивость, которой такъ рѣдко удается достигнуть другимъ, болѣе молодымъ, парламентскимъ правительствамъ.

Наше утро было посвящено дѣловымъ переговорамъ, касавшимся очередныхъ политическихъ вопросовъ. Таковыхъ было не мало въ тревожную осень 1912 года и многіе изъ нихъ требовали принятія быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ со стороны тѣхъ обѣихъ группъ Государствъ, на которыя разбились европейскія Великія Державы. Нетерпѣливые порывы Балканскихъ Государствъ, торопившихся осуществить на дѣлѣ незадолго передъ тѣмъ заключенный между ними союзъ и воспользоваться внутренними и внѣшними затрудненіями Турціи, чтобы свести съ ней свои старые счеты, могли быть введены въ должное русло только совмѣстными усиліями Тройственнаго Согласія и Тройственнаго Союза, въ ту пору еще одинаково заинтересованныхъ въ предотвращніи всякихъ осложненій, могущихъ легко выйти изъ рамокъ Балканской войны и превратиться въ войну европейскую. Австро-Венгрія и Германія считали, что часъ этой войны еще не пробилъ. Ни та, ни другая не были въ достаточной мѣрѣ подготовлены, въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ, и поэтому не считали минуту благопріятной для сведенія окончательныхъ счетовъ съ сосѣдями. Благодаря этому обстоятельству миролюбивыя усилія Тройственнаго Согласія не встрѣтили препятствій ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ и разразившаяся 8-го октября война началась въ условіяхъ, которыя позволяли Державамъ надѣяться на возможность ея локализаціи.

Во время моего пребыванія въ Бальморалѣ французское правительство сдѣлало предложеніе, на основаніи котораго Великія Державы поручали Россіи и Австро-Венгріи, какъ Державамъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ Балканскихъ дѣлахъ, выступить совмѣстно въ Балканскихъ столицахъ съ серьезными представленіями въ цѣляхъ предотвращенія военнаго столкновенія. Это предложеніе могло быть принято мною безъ колебаній, такъ какъ и въ этотъ разъ, какъ и въ предыдущіе, главная опасность положенія находилась гораз-

до болѣе въ Вѣнѣ, чѣмъ на Балканахъ. Только непосредственное вмѣшательство Австро-Венгерскаго правительства въ Балканскую войну могло сдѣлать безнадежными усилія Державъ Тройственнаго Согласія локализовать ее и превратить эту войну въ общеевропейскую. Этого вмѣшательства было необходимо избѣжать прежде всего и во что бы то ни стало. Еще изъ Бальмораля я поручилъ нашему послу въ Парижѣ подробно развить г. Пуанкарэ нашъ взглядъ на этотъ вопросъ и результатомъ сообщенія Извольскаго и явилось вышеозначенное предложеніе французскаго правительства.

На возвратномъ пути изъ Шотландіи я навѣстилъ въ Лондонѣ Австро-Венгерскаго посла, графа Менсдорфа, чтобы сообщить ему о томъ значеніи, которое мы придавали сотрудничеству съ его правительствомъ въ эту критическую минуту. При этомъ я обратилъ его вниманіе на то обстоятельство, что воздержаніе Россіи отъ вмѣшательства въ Балканскую смуту обуславливалось, въ глазахъ Русскаго правительства, подобнымъ же воздержаніемъ со стороны Австро-Венгріи.

Предложеніе г. Пуанкарэ представляло для насъ еще и ту выгоду, что давало намъ возможность, безъ того, чтобы починъ исходилъ отъ насъ, находиться въ постоянномъ общеніи съ Вѣной по всѣмъ текущимъ Балканскимъ дѣламъ, причемъ, благодаря такой постановкѣ вопроса, на свободу дѣйствій Вѣнскаго Кабинета налагалась нѣкоторая узда.

Кромѣ обсужденія злободневнаго Балканскаго вопроса, къ которому въ Англіи были склонны относиться, какъ мнѣ показалось, съ преувеличенной осторожностью, чтобы избѣжать всего, что могло быть истолковано, какъ поползновеніе произвести нажимъ на Турцію, во время моего пребыванія въ Бальморалѣ былъ поставленъ на очередь вопросъ довольно сложныхъ взаимоотношеній Россіи и Англіи въ Персидскихъ дѣлахъ. Несмотря на самое искреннее желаніе русскаго правительства идти рука объ руку съ англичанами, между нами накапливалось не мало всякаго рода недоразумѣній и намъ не всегда удавалось вполнѣ согласо-

вать наши взгляды, особенно въ области внутренняго управленія Персіи, находившейся въ состояніи близкомъ къ анархіи, что крайне вредно отзывалось на Русскихъ интересахъ. Общественное мнѣніе въ Англіи, а за нимъ и Правительства, видѣли спасеніе Персіи въ представительномъ образѣ правленія и примѣняли къ ней мѣрило, мало подходящее къ степени культурнаго развитія этого азіатскаго государства, этнографически разношерстнаго и не пережившаго еще, въ отношеніи едва-ли не половины своего населенія, кочевого быта.

Какъ я имѣлъ случай замѣтить выше, русское правительство весьма дорожило достигнутымъ, не безъ усилія, соглашеніемъ 1907 года и готово было идти на извѣстныя жертвы для того, чтобы сохранить его въ неприкосновенности, признавая за нимъ политическое значеніе, заходившее далеко за предѣлы той страны, которая служила предметомъ этого соглашенія. Поэтому усиленныя попытки парламентаризаціи Персіи со стороны Англіи не встрѣтили у насъ отрицательнаго отношенія, хотя мы и не вѣрили въ чудотворное дѣйствіе подобныхъ попытокъ. Иногда намъ казалось, что съ такимъ же скептицизмомъ къ нимъ относятся и нѣкоторые изъ тѣхъ Великобританскихъ агентовъ, которые были призваны на мѣстахъ слѣдить за неукоснительнымъ проведеніемъ въ жизнь плана перекройки Персидскаго политическаго строя по англійскому образцу и между которыми было не мало превосходныхъ знатоковъ азіатскихъ обычаевъ и нравовъ вообще и персидскихъ — въ частности. Труднѣе всего было привести въ унисонъ дѣйствія нашихъ консульскихъ представителей, какъ съ ихъ Великобританскими товарищами, такъ и съ новымъ курсомъ нашей политики въ Персіи. Тотъ скептицизмъ, отъ котораго мы не могли отдѣлаться въ Петроградѣ, давалъ себя чувствовать на мѣстахъ еще гораздо острѣе. Здѣсь приходится искать источникъ тѣхъ многочисленныхъ недоразумѣній, которыя возникали между нами и англичанами и которыми Тегеранскіе правители пользовались въ своихъ цѣляхъ съ мастерствомъ, свойственнымъ въ этомъ отношеніи многимъ восточнымъ народамъ. Тѣмъ не менѣе наши недо-

разумѣнія на почвѣ Персидской политики никогда не принимали характера разногласій, могущихъ имѣть нежелательныя послѣдствія съ точки зрѣнія общихъ политическихъ отношеній между нами и Англіею. Съ одной стороны порукою этому служило, сознаваемая Русскимъ правительствомъ и значительной частью нашего общественнаго мнѣнія, необходимость поддерживать въ полной силѣ существованіе Тройственнаго Согласія, какъ единственно возможнаго противовѣса опаснымъ для европейскаго мира стремленіямъ Австро-Германскаго Союза, а съ другой — то довѣріе и уваженіе, съ которымъ относились у насъ многіе инстинктивно, а я, благодаря личному съ нимъ знакомству, къ высокимъ нравственнымъ качествамъ Сэра Эдуарда Грэя, тогдашняго руководителя Великобританской внѣшней политики. Я намѣренно упомянулъ только что объ одномъ Австро-Германскомъ Союзѣ, такъ какъ Тройственный Союзъ, хотя онъ и возобновлялся болѣе или менѣе автоматически по истеченіи своихъ сроковъ, не увеличивалъ, какъ намъ было хорошо извѣстно, наступательной силы двойственнаго Союза, въ виду того, что пребываніе въ немъ Италіи имѣло преимущественно значеніе страховки ея отъ риска войны съ Австро-Венгріею, неизбѣжной при иныхъ условіяхъ. Парадоксальное взаимоотношеніе этихъ двухъ, по существу непримиримыхъ, союзницъ являлось наиболѣе слабымъ мѣстомъ Бисмарковской системы союзовъ и тѣмъ косвенно отвѣчало интересамъ Тройственнаго Согласія.

Для окончательнаго выясненія нѣкоторыхъ, требующихъ улаженія, Средне-азіатскихъ вопросовъ, я остановился, на пути изъ Шотландіи, въ Лондонѣ для свиданія съ лордомъ Кру, который занималъ тогда постъ статсъ-секретаря по дѣламъ Индіи. Это свиданіе укрѣпило во мнѣ убѣжденіе, что наше искреннее желаніе не дать персидскимъ дѣламъ обратиться въ яблоко раздора между Россіею и Англіею раздѣлялось Великобританскимъ правительствомъ и что поэтому ничто не угрожало нашему дальнѣйшему мирному сожительству какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ.

Будучи въ Бальморалѣ, я коснулся въ моихъ разго-

ворахъ съ Королемъ и Сэромъ Эдуардомъ Грэемъ одного вопроса, который съ 1909 года, т. е. съ того момента, когда вѣроятность войны съ Германіей изъ туманной дали стала приближаться къ области политическихъ возможностей, началъ привлекать къ себѣ вниманіе нашего морского министра. Глава вѣдомства, адмиралъ Григоровичъ, въ это время дѣятельно занимался приведеніемъ въ порядокъ обороны Рижскаго и Финскаго заливовъ, находившихся уже много лѣтъ въ неудовлетворительномъ состояніи. Съ этой цѣлью морскимъ генеральнымъ штабомъ, подъ руководствомъ министра и при дѣятельномъ участіи адмирала Колчака, бывшаго тогда еще только въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, былъ выработанъ подробный планъ морской обороны нашихъ Балтійскихъ портовъ и Петрограда. Этотъ планъ, прекрасно задуманный и талантливо приведенный въ исполненіе, въ первые два года всемірной войны далъ блестящія доказательства своей продуманности и цѣлесообразности. Какъ извѣстно, всѣ попытки Германіи прорваться въ Рижскій и Финскій заливы кончились полной неудачей, несмотря на громадное превосходство ея морскихъ силъ надъ нашими, и Рига, а затѣмъ и все Балтійское побережье, были заняты нѣмцами съ суши только тогда, когда сопротивленіе нашихъ армій начало ослабѣвать подъ вліяніемъ все растущаго недостатка въ вооруженіи.

Государь живо интересовался ходомъ работъ по морской оборонѣ столицы и, передъ моимъ отъѣздомъ заграницу, поручилъ мнѣ постараться выяснить въ Англіи, насколько тамъ считали возможнымъ оказать намъ въ случаѣ, если бы дѣло дошло до совмѣстной защиты нашихъ интересовъ отъ Германскихъ посягательствъ, нѣкоторую помощь со стороны Великобританскаго флота.

На поставленный мною въ этомъ смыслѣ вопросъ Король и англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сказали мнѣ, что не могутъ дать мнѣ никакого опредѣленнаго отвѣта, а тѣмъ менѣе взять на себя какія либо обязательства въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, изъ дальнѣйшаго обмѣна мыслей, выяснилось, что,

если бы политическія обстоятельства сложились такимъ образомъ, что Великобританія и Россія оказались бы вовлеченными въ войну съ Германіею, Англійское правительство не отказалось бы оказать намъ свое содѣйствіе на морѣ въ предѣлахъ практической возможности. Это содѣйствіе, по всей вѣроятности, должно было-бы ограничиться главнымъ образомъ отвлеченіемъ на себя германскихъ морскихъ силъ въ Нѣмецкомъ морѣ, такъ какъ Британскому флоту едва ли удалось бы проникнуть въ Балтійское море для совмѣстныхъ съ нами морскихъ операцій.

Этотъ отвѣтъ, въ ту пору, меня удовлетворилъ и иного у насъ и не ожидали. Несмотря на темную тучу, нависшую надъ Балканами осенью 1912 года, никто не могъ предвидѣть, что тѣ общія мѣры предосторожности, которыя обсуждались между правительствами Тройственнаго Согласія для обезпеченія европейскаго мира, пріобрѣтутъ, менѣе чѣмъ черезъ два года, характеръ крайней спѣшности и роковой настоятельности. Поэтому въ ту минуту дальнѣйшее углубленіе подобнаго рода вопросовъ было безполезно и неумѣстно, такъ какъ шло противъ своей цѣли.

По пути въ Парижъ я видѣлся въ Лондонѣ съ посѣтившимъ меня Турецкимъ посломъ, Тевфикъ-пашею. Въ теченіе нашего свиданія, я неоднократно обращалъ его вниманіе на желательность возможно быстраго заключенія мира между Портою и Италіею, потому что мнѣ казалось вѣроятнымъ, что такимъ путемъ станетъ возможно, если не предотвратить окончательно надвигавшуюся неудержимо Балканскую войну, то, по крайней мѣрѣ, отсрочить ея наступленіе. Я могъ тогда убѣдиться въ томъ, что въ заграничныхъ правительственныхъ кругахъ начинали приходить къ болѣе справедливой оцѣнкѣ усилій Русской дипломатіи достигнуть согласнаго дѣйствія кабинетовъ Великихъ Державъ для прекращенія Триполійской войны, ранѣе чѣмъ успѣетъ вспыхнуть вызванный ею пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ. Съ разныхъ сторонъ до меня доходили по этому поводу выраженія запоздалыхъ сожалѣній, но время было уже упущено и оставалось только

думать о принятіи наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ для тушенія разгоравшагося пламени.

Еще гораздо ранѣе моей поѣздки въ Англію политика Великобританскаго кабинета въ отношеніи къ мусульманскому миру руководилась желаніемъ снискать его расположеніе для того, чтобы найти себѣ опору въ магометанской части населенія Индіи противъ растущей революціонной дѣятельности мѣстныхъ индусскихъ элементовъ. Этой заботой объясняется равнодушіе, которое мы замѣчали въ Англіи къ судьбѣ турецкихъ христіанъ и которое находилось въ противорѣчіи съ преданіями политики англійскихъ либеральныхъ кабинетовъ. Отсюда-же проистекали и колебанія Великобританской политики въ Персіи и Средней Азіи. Помимо этой основной причины у англичанъ, вѣроятно, была еще и другая, побочная, — не ослаблять положеніе турецкаго правительства, во главѣ котораго тогда находился преданный Англіи Кіамиль-Паша и помѣшать замѣщенію его младотурецкимъ кабинетомъ Ферида-Паши, симпатіи котораго клонились опредѣленно въ сторону Германіи. Означенными соображеніями объясняется то обстоятельство, что Англія, несмотря на свое искреннее желаніе содѣйствовать умиротворенію Балканскаго полуострова, неоднократно скорѣе мѣшала достиженію этой цѣли, отказываясь присоединиться къ тому или иному дипломатическому шагу, имѣвшему въ виду эту цѣль, изъ боязни произвести въ Константинополѣ нежелательное впечатлѣніе. Мнѣ стало очевидно, что мы не могли расчитывать на дѣятельную помощь Англіи въ случаѣ, если бы обостреніе балканскихъ событій потребовало со стороны Державъ энергическаго давленія на Турцію.

Моя трехдневная остановка въ Парижѣ прошла, главнымъ образомъ, въ совмѣстныхъ усиліяхъ съ г. Пуанкарэ задержать ходъ Балканскихъ событій, развивавшихся со стремительной быстротой. Для этого были испробованы всѣ средства, которыми располагаетъ дипломатія, начиная отъ убѣжденій и кончая угрозою непризнанія того новаго территоріальнаго положенія, которое явилось-бы результатомъ удачнаго для Балкан-

скихъ союзниковъ исхода войны. Всѣ наши усилія остались тщетными. Союзники сознавали, что чрезвычайно благопріятно сложившіяся для нихъ обстоятельства могли повториться нескоро и рѣшили воспользоваться своей политической и военной подготовленностью, чтобы силою оружія покончить съ турецкимъ владычествомъ на Балканахъ, служившимъ помѣхою естественному росту ихъ молодыхъ національныхъ организмовъ и давно ставшимъ уродливымъ анахронизмомъ.

Единственная возможность предотвратить войну заключалась въ примѣненіи средства, предложеннаго мною нашимъ друзьямъ еще во время Трипполійской войны, т. е. въ единодушномъ и энергичномъ давленіи на турецкое правительство съ цѣлью заставить его стать, безъ потери времени, на путь коренныхъ реформъ въ Македонскихъ вилайетахъ, но это средство было именно то, на которое было труднѣе всего получить согласіе Великихъ Державъ, изъ которыхъ каждая преслѣдовала въ Константинополѣ свои собственныя цѣли. Ни одна изъ нихъ не желала въ 1912 году Балканской войны, со всѣми ея возможными, грозными послѣдствіями, — менѣе другихъ ея опасались Германія и Австро-Венгрія по соображеніямъ, о которыхъ я упомяну ниже, — но подвергнуть, хотя бы временно, нѣкоторому риску свои интересы въ Турціи для предотвращенія этой войны, не рѣшалась ни одна изъ нихъ, за исключеніемъ Россіи и, можетъ быть, Франціи, причемъ послѣдняя рѣшилась бы на это только при условіи поддержки со стороны Англіи, которой, какъ мы видѣли, нельзя было ожидать.

Отношеніе французскаго правительства къ Балканскому кризису было съ самаго начала вполнѣ опредѣленно. Какъ было сказано выше, г. Пуанкарэ видѣлъ въ немъ единственно возможность европейскихъ осложненій, которыхъ онъ, чтобы ни говорили впослѣдствіи о его воинственномъ настроеніи его Германскіе противники, опасался болѣе всего и старался избѣжать всѣми силами. Судьба Балканскихъ народовъ, сама по себѣ, мало интересовала французское правительство.

Поэтому оно отнеслось недоброжелательно къ возникновенію Балканскаго союза, въ чемъ мы, хотя и стояли на иной точкѣ зрѣнія, не считали себя вправѣ упрекать нашихъ союзниковъ.

За время моего управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ мнѣ пришлось быть три раза во Франціи. Возвращаясь въ Россію, я принялъ за правило останавливаться проѣздомъ на одинъ день въ Берлинѣ для свиданія съ руководителями германской внѣшней политики. Я считалъ эти остановки полезными, потому что, не взирая на ихъ кратковременность, онѣ давали мнѣ возможность удостовѣриться въ политическомъ настроеніи Германскаго правительства въ данную минуту. Помимо интереса, который представляла подобная повѣрка, мои свиданія съ Канцлеромъ и Статсъ-Секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ имѣли еще нѣкоторое значеніе въ томъ отношеніи, что, обыкновенно, вносили извѣстное успокоеніе въ Берлинскіе правительственные круги, гдѣ ко всякимъ проявленіямъ союзническихъ отношеній между нами и Франціею относились всегда съ крайней подозрительностью, хотя, съ своей стороны, точно изыскивали способы, при всякомъ удобномъ случаѣ, подчеркнуть свою политическую солидарность съ Габсбургской Монархіею.

Я зналъ, что германское правительство, несмотря на свою весьма реальную силу, страдало, еще со временъ князя Бисмарка, маніей преслѣдованія и постоянно воображало себя предметомъ враждебныхъ поползновеній со стороны своихъ западныхъ и восточныхъ сосѣдей. Поэтому я считалъ своимъ долгомъ, посредствомъ совершенно искренняго обмѣна мыслей по текущимъ политическимъ вопросамъ, дѣйствовать, насколько это отъ меня зависѣло, успокоительно на это болѣзненное расположеніе духа.

На этотъ разъ германская подозрительность могла найти себѣ обильную пищу въ моемъ двухнедѣльномъ пребываніи въ Англіи и въ послѣдовавшемъ за нимъ посѣщеніи Парижа. Поэтому остановка въ Берлинѣ представлялась мнѣ особенно цѣлесообразной, уже не говоря о томъ, что мнѣ было важно самому убѣдиться,

насколько въ Берлинѣ были склонны воздѣйствовать умѣряющимъ образомъ на Вѣнское правительство въ минуту, когда европейскій миръ зависѣлъ отъ того или иного образа дѣйствія Австро-Венгерской дипломатіи, на благоразуміе которой въ Балканскихъ вопросахъ было опасно возлагать преувеличенныя надежды.

Къ счастію, какъ мнѣ безъ труда удалось установить въ этотъ мой пріѣздъ въ Берлинъ, тамъ господствовало не желаніе доказать лишній разъ передъ лицомъ Европы несокрушимую твердость Австро-Германскаго Союза, какъ это было въ мартѣ 1909 года, а, наоборотъ, нѣкоторое безпокойство, вызываемое возможностью, благодаря этимъ союзнымъ обязательствамъ, быть вовлеченнымъ въ нежелательныя международныя осложненія въ минуту, неизбранную для этого самою Германіею. Я могъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что въ Берлинѣ настроеніе близко походило на то, которое я нашелъ въ правительственныхъ кругахъ Парижа. Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи были готовы сдѣлать все возможное, чтобы предотвратить Балканскую войну или, если бы это оказалось недостижимымъ, по крайней мѣрѣ не дать захватить ей полъ Европы. Исходя изъ этой отправной точки, Германская дипломатія искренне привѣтствовала починъ г. Пуанкарэ дать Россіи и Австро-Венгріи порученіе быть выразительницами въ Балканскихъ столицахъ миролюбивой воли Европейскихъ Великихъ Державъ. При этомъ мнѣ было неоднократно повторено въ Берлинѣ, что Германія заявляетъ напередъ свою готовность присоединиться ко всѣмъ шагамъ, относительно которыхъ Россія и Австрія придутъ между собою къ соглашенію.

На найденныя мною въ Берлинѣ настроенія не осталось, вѣроятно, безъ вліянія, какъ мнѣ стало извѣстно впослѣдствіи, существовавшая въ это время въ Вѣнѣ, если не полная увѣренность, то, во всякомъ случаѣ, сильная надежда на то, что столкновеніе Балканскихъ союзниковъ съ Турціею кончится ихъ полнымъ пораженіемъ и, такимъ образомъ, опасность усиленія Сербіи на Балканахъ будетъ, безъ всякихъ для того уси-

лій вѣнскаго кабинета, предотвращена на долгое время.

Эта неоправдавшаяся надежда способствовала сохраненію какъ въ Вѣнѣ, такъ и, по отраженію, въ Берлинѣ того нравственнаго равновѣсія, которое сдѣлало возможнымъ совмѣстныя усилія всѣхъ великихъ Державъ спасти человѣчество осенью 1912 года отъ ужасовъ европейской войны.

Я началъ эту главу упоминаніемъ о политическихъ свиданіяхъ Императора Николая II въ теченіе лѣта 1912 года.

Третьимъ изъ нихъ было посѣщеніе Государя и Императрицы Шведской Королевской Четой въ финляндскихъ шхерахъ, гдѣ, по давно заведенному обычаю, царская семья проводила часть лѣта.

Пріѣздъ Шведскихъ гостей, хотя и не былъ лишенъ нѣкотораго политическаго значенія, такъ какъ Короля сопровождалъ въ его путешествіи министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Эренсвердъ, не имѣлъ тѣмъ не менѣе характера политическаго событія, который неизбѣжно носили свиданія Государя съ Германскимъ Императоромъ, несмотря на ихъ періодичность и на то обстоятельство, что онѣ тщательно прикрывались флагомъ близкихъ семейныхъ отношеній.

Между Россіею и Швеціею до 1914 года существовали, какъ казалось, прочно установившіяся добрососѣдскія отношенія, не нарушавшіяся политическими недоразумѣніями или пограничными спорами. Россія относилась съ искренней благожелательностью къ своему сѣверному сосѣду и поддерживала съ нимъ оживленныя торговыя сношенія. Тѣмъ не менѣе за послѣдніе годы до Великой Европейской Войны стали обнаруживаться нѣкоторые симптомы, указывавшіе на появленіе въ шведскомъ общественномъ мнѣніи извѣстной тревоги, вызываемой постоянно появлявшимися въ мѣстной печати слухами о какихъ то непріязненныхъ намѣреніяхъ Россіи по отношенію къ Швеціи. Происхожденіе этихъ слуховъ должно быть отнесено къ попыткѣ моего предшественника, А. П. Извольскаго, снять лежавшій на

Аландскихъ островахъ со временъ Парижскаго мира 1856 года сервитутъ, на основаніи котораго Россія не могла воздвигать на этомъ архипелагѣ военныхъ сооруженій. Слѣдуетъ тѣмъ болѣе пожалѣть о томъ, что этотъ вопросъ былъ поднятъ, что онъ не имѣлъ для насъ практическаго значенія. Въ мирное время постоянныя военныя сооруженія были излишни, а въ политическомъ отношеніи онѣ были даже нежелательны, потому что являлись бы, въ глазахъ шведовъ, угрозой ихъ столицѣ, благодаря близости къ ней архипелага. Въ случаѣ военной опасности, какъ это было доказано опытомъ войны 1914 года, Аландскіе острова могли быть весьма быстро, путемъ минныхъ заграждeній, приведены въ должное состояніе обороны и, такимъ образомъ, преградить непріятельскимъ силамъ доступъ въ Ботническій заливъ. При моемъ вступленіи въ должность министра иностранныхъ дѣлъ я рѣшилъ тотчасъ-же прекратить всякіе переговоры объ Аландскихъ островахъ, чтобы не создавать между нами и Швеціей нежелательныхъ недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что мнѣ было извѣстно, что Берлинскія правящія сферы поддерживали тревожное настроеніе, создавшееся въ Стокгольмѣ въ связи съ поднятіемъ долго и спокойно дремавшаго вопроса объ Аландскомъ архипелагѣ. Основанія къ такому безпокойству, какъ сказано, на самомъ дѣлѣ не могло быть ни малѣйшаго. Поэтому намъ важно было не давать означенному настроенію укрѣпляться въ сосѣдней странѣ, съ которой мы желали жить въ мирѣ и согласіи.

Прибытіе въ русскія воды Короля и Королевы Шведскихъ, встрѣченныхъ чрезвычайно радушно Государемъ и Императрицею, дало мнѣ желанную возможность сдѣлать все отъ меня зависѣвшее, чтобы разсѣять въ нашихъ шведскихъ гостяхъ всякія подозрѣнія въ существованіи у насъ какихъ либо недружелюбныхъ замысловъ противъ Швеціи.

Какъ можно было предвидѣть, графъ Эренсвердъ сдѣлалъ Аландскій вопросъ главнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Въ это время у дѣлъ находился либеральный кабинетъ г. Валленберга, который не об-

наруживалъ склонности поддаваться въ своей внѣшней политикѣ внушеніямъ Германіи, а скорѣе симпатизировалъ нашимъ французскимъ союзникамъ и англійскимъ друзьямъ. Такого же направленія придерживался, само собою разумѣется, и шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ, о дѣловыхъ бесѣдахъ съ которымъ на Питкопасскомъ рейдѣ у меня сохранилось пріятное воспоминаніе. Не принимая на себя никакихъ новыхъ обязательствъ по отношенію другъ къ другу, мы, тѣмъ не менѣе, безъ труда могли установить, что ни Россія, ни Швеція не преслѣдовали политическихъ цѣлей, направленныхъ противъ безопасности другой стороны и не имѣли въ виду входить въ какія либо соглашенія, преслѣдующія подобныя цѣли.

Что касается въ частности Аландскаго вопроса, то я, съ полной искренностью, могъ дать шведскому министру иностранныхъ дѣлъ, отъ имени русскаго правительства, положительныя увѣренія, что Россія отнюдь не имѣетъ намѣренія предпринять какія-либо мѣры для превращенія Аландскаго архипелага въ наступательную базу противъ Швеціи. Вся предшествовавшая дружественная политика Россіи по отношенію къ Швеціи, начиная съ Фридрихсгамскаго мира, т. е. болѣе, чѣмъ сто лѣтъ, придавала весьма реальную цѣнность миролюбивымъ увѣреніямъ Русскаго правительства и мнѣ оставалось только надѣяться, что наши Шведскіе гости отнесутся къ нимъ съ должнымъ довѣріемъ.

IV.

Военныя дѣйствія между Балканскимъ союзомъ и Турціею открылись объявленіемъ войны Черногоріей Портѣ 8-го октября 1912 года. Это событіе совершилось въ день моего пріѣзда въ Берлинъ на возвратномъ пути изъ Лондона и Парижа въ Петроградъ, куда я прибылъ 10-го. Хотя остальные члены союза еще не объявляли Турціи войны, въ Болгаріи, Сербіи и Греціи мобилизація производилась съ лихорадочной поспѣш-

ностью и все предвѣщало скорое наступленіе первыхъ вооруженныхъ столкновеній въ Македоніи.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа между г. Пуанкарэ и мною были условлены слѣдующіе три основные пункта для совмѣстныхъ заявленій, дѣйствовавшихъ по полномочію всѣхъ Великихъ Державъ, Русскаго и Австро-Венгерскаго представителей въ Бѣлградѣ, Софіи, Афинахъ и Цетинье: 1) Державы порицаютъ всякій шагъ, могущій привести къ нарушенію мира, 2) На основаніи статьи 23-ей Берлинскаго договора Державы, въ интересахъ христіанскаго населенія, возьмутъ въ свои руки проведеніе административныхъ реформъ въ Европейской Турціи, сохраняя неприкосновенными права Султана, а равно и территорію Оттоманской Имперіи, 3) Если бы, тѣмъ не менѣе, между Балканскими государствами и Портою возникла война, то Державы не допустятъ, по окончаніи ея, никакого измѣненія территоріальнаго стату кво Европейской Турціи.

Въ этихъ трехъ пунктахъ, принятыхъ Великими Державами безъ возраженій, воплотилась наша попытка предотвратить, въ послѣднюю минуту, надвигавшуюся опасность Балканской войны со всѣми ея непредусмотрѣнными послѣдствіями. Я мало вѣрилъ въ успѣхъ нашихъ миролюбивыхъ усилій. Достигшіе полнаго объединенія въ военномъ отношеніи, Балканскіе союзники горѣли желаніемъ помѣриться силами съ исконнымъ врагомъ и свести съ нимъ окончательные счеты за вѣковое и безжалостное угнетеніе. Остановить ихъ порывъ обѣщаніемъ новой коллективной попытки Державъ принудить Турцію провести, наконецъ, въ жизнь много разъ обѣщанныя и никогда не выполненныя реформы, особенно послѣ того, какъ сами Державы неоднократно то открыто, то подъ рукой изъ своекорыстныхъ видовъ препятствовали ихъ осуществленію, было чрезвычайно трудно. Жребій былъ брошенъ и друзьямъ Балканскихъ народовъ оставалось только позаботиться о томъ, чтобы, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода для Балканцевъ войны, смѣлая ихъ попытка не повлекла для нихъ за собою черезчуръ тяжелыхъ

послѣдствій и не отразилась бы на судьбѣ македонскихъ христіанъ, ухудшивъ еще и безъ того еле выносимое ихъ положеніе. Въ этомъ смыслѣ третій изъ принятыхъ Державами пунктовъ имѣлъ въ моихъ глазахъ главнымъ образомъ то значеніе, что, давая удовлетвореніе Турціи, какъ субъекту наступательной политики союзниковъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ ручательствомъ, что Балканскія государства, въ весьма возможномъ случаѣ военнаго пораженія, не подвергались бы риску уменьшенія своихъ и безъ того незначительныхъ территорій.

Въ порядкѣ дальнѣйшаго страхованія нашихъ Балканскихъ друзей отъ опасностей и рисковъ, сопряженныхъ съ ихъ нападеніемъ на Турцію, я поручилъ, вслѣдъ за возвращеніемъ моимъ въ Россію, нашему послу въ Парижѣ сговориться съ французскимъ правительствомъ относительно совмѣстнаго вмѣшательства Великихъ Державъ въ Балканскую войну тотчасъ послѣ перваго рѣшительнаго сраженія, ввиду скорѣйшаго прекращенія военныхъ дѣйствій. Этой мѣрой я надѣялся, какъ сказано, спасти отъ разгрома силы союзниковъ и положить конецъ состоянію тяжелой и опасной напряженности, въ которой находилась Россія, а также и Европа съ минуты, когда стало ясно, что всѣ усилія Державъ отсрочить неизбѣжное столкновеніе между Балканцами и Портою потерпѣли окончательную неудачу. А. П. Извольскому было, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено сообщить г. Пуанкарэ, что Императорское Правительство придаетъ своему предложенію тѣмъ большее значеніе, что, несмотря на свое твердое намѣреніе не дать себя вовлечь въ войну, ему было-бы чрезвычайно трудно не считаться съ требованіями русскаго общественнаго мнѣнія, если бы Балканскія государства оказались въ критическомъ положеніи. Франція и Англія несомнѣнно были заинтересованы въ томъ, чтобы Россія не оказалась вынужденною принять участіе въ борьбѣ, чего тѣмъ легче было бы достигнуть, чѣмъ скорѣе война была бы пріостановлена. Если бы удалось прекратить ее ранѣе, чѣмъ средства того или иного изъ противниковъ оказались бы окончательно

истощенными, то, вѣроятно, не представилось бы трудностей найти способъ разрѣшенія спора путемъ компромисса, пріемлемаго для обѣихъ сторонъ.

Мое предложеніе было въ принципѣ принято всѣми Державами, причемъ разногласія сводились только къ вопросу о моментѣ вмѣшательства въ вооруженное столкновеніе. Франція предлагала для этой цѣли немедленное созваніе международной конференціи, другія Державы, въ томъ числѣ и Россія, стояли за вмѣшательство лишь послѣ перваго серьезнаго сраженія. Между тѣмъ военныя дѣйствія начались и стали развиваться съ необычайной быстротой. Къ концу октября турки были разбиты на голову, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, союзными войсками, которыя, менѣе чѣмъ въ мѣсячный срокъ, завоевали всю Македонію и успѣли глубоко проникнуть во Ѳракію, упершись въ Чаталджинскія укрѣпленныя линіи, представлявшія послѣдній оплотъ Константинополя противъ наступавшаго съ материка противника.

Головокружительные успѣхи Балканскихъ союзниковъ произвели ошеломляющее впечатлѣніе во всей Европѣ, гдѣ, какъ друзья ихъ, такъ и враги, были склонны переоцѣнивать турецкую силу. Первые были ими глубоко обрадованы; вторые — не умѣли скрыть своего разочарованія, тѣмъ болѣе, что разгромъ Балканскихъ союзниковъ ими учитывался напередъ, какъ положительный факторъ при составленіи ихъ политическихъ расчетовъ на ближайшее будущее. Съ побѣдами Болгаръ еще кое-какъ мирились въ Вѣнѣ, гдѣ, благодаря присутствію въ Софіи Фердинанда Кобургского, надѣялись, безъ особаго труда, изыскать способъ устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить непріятныя для себя послѣдствія успѣховъ Балканскаго союза, но торжество сербскихъ войскъ, обнаружившихъ блестящія боевыя качества, разразилось надъ Австро-Венгріею, какъ ударъ грома изъ яснаго неба, и спутало всѣ карты Вѣнской дипломатіи. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ Берлина, и тамъ торжество союзниковъ произвело впечталѣніе весьма непріятной неожиданности. Германскій генеральный штабъ, уже давно

взявшій въ свои руки преобразованіе турецкой арміи, чувствовалъ себя, до извѣстной степени, отвѣтственнымъ за постигшій Турцію разгромъ, обнаружившій неудовлетворительность инструкторской работы фонъ-деръ Гольца Паши и его германскихъ помощниковъ. Въ Берлинѣ пришли къ заключенію, что организаціонная работа германскаго генеральнаго штаба въ Константинополѣ не дала тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали, и что, поэтому, надо было приняться за дѣло съ новой энергіею и на новыхъ началахъ. Можно, безъ опасенія ошибиться, высказать предположеніе, что планъ полнаго подчиненія турецкой арміи германскому командному составу, осуществленный осенью 1913 года посылкой въ Константинополь генерала Лимана фонъ-Сандерса, ставшей первостепеннымъ политическимъ событіемъ, былъ составленъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ рѣшительныхъ успѣховъ союзниковъ въ первую Балканскую войну.

Положеніе, занятое Россіею, до начала военныхъ дѣйствій, передъ лицомъ совершившихся фактовъ, какъ бы ни были они благопріятны съ точки зрѣнія нашей ближневосточной политики, должно было также до извѣстной степени измѣниться. То новое взаимоотношеніе силъ, которое создалось на Балканахъ, какъ послѣдствіе побѣдоноснаго наступленія союзныхъ войскъ подъ самыя почти стѣны турецкой столицы, требовало, какъ съ нашей, такъ и со стороны остальныхъ членовъ Тройственнаго Согласія, новаго отношенія и новыхъ мѣръ. Россія могла болѣе не опасаться за существованіе своихъ Балканскихъ друзей, но зато передъ ней возставали чрезвычайно сложныя политическія задачи, требовавшія ея неослабной бдительности и дѣятельной поддержки Франціи и Англіи, почти въ одинаковой мѣрѣ съ нами заинтересованныхъ въ удачномъ ихъ разрѣшеніи. Если, въ пору неизвѣстности исхода вооруженной борьбы между Балканцами и Турками, вопросъ о необходимости не дать этой борьбѣ принять размѣры европейской войны поглощалъ всѣ усилія правительствъ Согласія, то побѣда Балканскихъ государствъ, въ этомъ отношеніи, не только не давала

никакихъ гарантій, но, можетъ быть, даже обостряла опасности, вытекавшія изъ новаго положенія вещей на Ближнемъ Востокѣ. Всѣмъ было ясно, что говорить съ побѣдителями тѣмъ же языкомъ, которымъ говорили съ ними, когда еще не обнаружилась безнадежная слабость ихъ противника и ихъ собственная сила, было уже невозможно. Надо было изыскивать новыя формулы, отвѣчавшія требованіямъ новаго положенія, созданнаго событіемъ, которое, по своему значенію, могло быть, въ исторіи Балканскаго полуострова, сравнено лишь съ сраженіемъ на Косовомъ полѣ, хотя оно и служило ему прямымъ противоположеніемъ, являясь первымъ торжествомъ освобожденнаго Балканскаго Христіанства надъ Мусульманскими поработителями.

Формула территоріальнаго стату кво, представлявшая извѣстныя выгоды въ пору ея принятія Державами, т. е. передъ началомъ военныхъ дѣйствій, теперь окончательно должна была отпасть и о примѣненіи ея, въ цѣляхъ сохраненія неприкосновенности Турецкой Имперіи, никто не могъ серьезно помышлять даже въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. Надо было найти способъ сохранить за Турціею только ту часть ея Балканской территоріи, которая была необходима для защиты ея столицы, отдавъ побѣдителямъ, для полюбовнаго раздѣла, завоеванную ими Македонію и предоставивъ имъ использовать, въ возможно широкихъ размѣрахъ, плоды ихъ побѣдъ.

На разрѣшеніе этой задачи была направлена неослабная работа русской дипломатіи и дружественныхъ намъ правительствъ. Въ теченіе цѣлаго года задачѣ этой было суждено быть центромъ встрѣчныхъ усилій нашихъ, тѣсно сплоченныхъ, политическихъ противниковъ и безконечныхъ осложненій, не разъ угрожавшихъ европейскому миру.

Созданный при благожелательномъ отношеніи Россіи Балканскій союзъ блистательно оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Но до достиженія, съ русской точки зрѣнія, главной и наиболѣе цѣнной его цѣли — упроченія мира на Балканахъ, посредствомъ свободнаго развитія государственной жизни каждаго изъ чле-

новъ союза, со взаимнымъ обезпеченіемъ отъ недружелюбныхъ вмѣшательствъ извнѣ, было еще очень далеко. Поработители христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова были разбиты и сила ихъ безвозвратно сломлена, но на развалинахъ Турецкой власти необходимо было дать развиться новой политической жизни каждаго изъ этихъ народовъ на началахъ справедливаго размежеванія его правъ и интересовъ. При этомъ надо было, стремясь къ этой цѣли, не упускать изъ виду, что враги Балканскаго славянства, озадаченные и раздраженные непредвидѣнными результатами войны, непреминутъ приложить всѣ усилія, чтобы вырвать изъ рукъ побѣдителей плоды ихъ побѣды. И тутъ, какъ всегда, въ наиболѣе угрожаемомъ положеніи оказывалась Сербія, надъ которой непрестанно висѣлъ Дамокловъ мечъ Австрійскаго вмѣшательства. Я уже упомянулъ о негодующемъ изумленіи Вѣнскаго правительства по поводу успѣховъ Сербской арміи надъ Турціею, изумленіи, которое сквозило въ рѣчахъ его заграничныхъ представителей и обнаруживалось, еще болѣе непринужденно, въ сужденіяхъ всѣхъ органовъ Австро-Венгерской печати, безъ различія политическихъ оттѣнковъ. Успѣхи Сербіи, какъ бы ни были они сами по себѣ непріятны австрійцамъ, не давали имъ еще повода къ желанному вмѣшательству, но таковой не замедлилъ явиться въ связи съ политическими послѣдствіями, которыя естественно вытекали изъ сербскихъ побѣдъ.

Уже въ послѣднихъ числахъ октября я былъ освѣдомленъ нашимъ посланникомъ въ Бѣлградѣ о намѣчавшемся союзниками планѣ раздѣла ихъ завоеваній. Судя по тому, что сообщалъ мнѣ посланникъ, можно было опасаться, что Австро-Венгерская дипломатія найдетъ въ сербскихъ вожделѣніяхъ, направленныхъ на Албанское побережье Адріатическаго моря, болѣе чѣмъ ей было нужно подобныхъ поводовъ. Отрѣзанная ходомъ неблагопріятныхъ историческихъ событій отъ Адріатики, берегъ которой на значительномъ протяженіи заселенъ ея Далматинскими и Хорватскими сородичами, Сербія, съ первыхъ временъ своего осво-

божденія отъ Турецкаго владычества, не переставала стремиться къ свободному выходу къ морю. Это тяготѣніе къ Адріатикѣ объясняется атавизмомъ Юго-Славянскаго племени, исторически связаннаго съ этимъ моремъ, а также и экономическими причинами, заставлявшими Сербовъ искать освобожденія отъ Австро-Венгерскаго гнета, тяжесть котораго имъ приходилось испытывать въ видѣ безконечныхъ пограничныхъ стѣсненій свободы ихъ вывоза каждый разъ, что въ Вѣнѣ или въ Будапештѣ оставались недовольны направленіемъ сербской политики.

Успѣхи сербовъ, превзошедшіе ихъ собственныя ожиданія, должны были, естественно, обострить ихъ стремленіе къ морю и, въ этомъ направленіи, вниманіе ихъ было обращено, прежде всего, на Албанское побережье, гдѣ было нѣсколько портовъ, которые, хотя сами по себѣ не представляли большихъ удобствъ, могли, тѣмъ не менѣе, служить сербскимъ цѣлямъ, обезпечивая ту свободу вывоза, которой Сербамъ не удалось бы никогда добиться, не освободившись, разъ навсегда, отъ постоянно повторявшихся пограничныхъ стѣсненій со стороны ихъ сосѣдей. Въ виду этого не приходилось удивляться тому, что Н. Г. Гартвигъ писалъ мнѣ, что, въ числѣ иныхъ требованій, выработанныхъ союзными правительствами, былъ и раздѣлъ Албаніи между Сербіею, Черногоріею и Греціею, при чемъ Сербія намѣтила, какъ свою часть добычи, Сѣверную Албанію,— за исключеніемъ Скутарійской области, уступаемой Черногоріи, — съ морскимъ побережьемъ отъ С.-Джіованни-ди-Медуя вплоть до Скумбіи, предоставляя Южную Албанію Греціи. Эти требованія, писалъ мнѣ Гартвигъ, Балканскіе побѣдители рѣшили отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ

Само собой разумѣется, что, со стороны Россіи, раздѣлъ Албаніи между Балканцами не могъ встрѣтить, по существу, никакихъ возраженій, ввиду отсутствія какихъ бы то ни было русскихъ интересовъ на Адріатическомъ побережьи. Тѣмъ не менѣе, на мою долю выпала, какъ скоро мнѣ стали извѣстны означенныя требованія, неблагодарная задача предостеречь сербское

правительство отъ излишнихъ увлеченій этимъ соблазнительнымъ планомъ. Для меня не было никакого сомнѣнія, что всякое посягательство союзниковъ на Албанскую территорію вызоветъ немедленно самое рѣшительное противодѣйствіе со стороны Австро-Венгріи и Италіи, интересы которыхъ являлись, къ несчастью для Сербіи, тождественными именно въ этой части Балканскаго полуострова.

По сравненію съ политическими осложненіями, возникнувшими въ связи съ вопросомъ о раздѣлѣ Албаніи и предоставленіи Сербіи въ полное владѣніе порта на Адріатическомъ морѣ, остальныя части союзнической программы Балканскихъ побѣдителей, въ томъ числѣ и проявившіяся, въ ту пору, вождѣленія Болгаръ и, главнымъ образомъ, Фердинанда Кобургскаго, мечтавшаго возложить на себя Византійскую Корону, — въ направленіи Мраморнаго моря и Константинополя, представляли для русской дипломатіи менѣе трудностей и тревожной работы. Допущеніе Сербіи къ выходу на Адріатику сдѣлалось на продолжительное время центральнымъ вопросомъ европейской политики, хотя само по себѣ оно имѣло чисто мѣстное значеніе. Страстное къ нему отношеніе Сербскаго общественнаго мнѣнія незамедлило перекинуться и въ Россію. Нѣкоторые Петроградскіе круги, довольно близко стоявшіе ко Двору, и вся столичная печать націоналистическаго лагеря, издавна враждебно настроенная по отношенію къ Министру Иностранныхъ дѣлъ, повели противъ Русской внѣшней политики шумную кампанію, выражавшуюся въ уличныхъ демонстраціяхъ, собраніяхъ, на которыхъ произносились патріотическія рѣчи, требовавшія войны въ защиту славянскихъ интересовъ, и въ цѣломъ потокѣ газетныхъ статей, обвинявшихъ русскую дипломатію чуть ли не въ государственной измѣнѣ. Особенно страстное къ себѣ отношеніе вызвали у насъ выдвинутыя Королемъ Николаемъ Черногорскимъ претензіи на городъ Скутари и прилежащую къ нему область. Несмотря на несомнѣнно Албанскій характеръ населенія этой мѣстности, Русское правительство, если бы рѣшеніе этого вопроса зависѣло только отъ его доброй во-

ли, никогда не противилось бы удовлетворенію желаній «единственнаго друга Россіи», пользовавшагося тогда, по старой памяти, большой популярностью въ широкихъ кругахъ русскаго общества, совершенно имъ утраченной впослѣдствіи, но вопросъ ставился иначе и Скутари могло отойти къ Черногоріи не иначе, какъ цѣною удачной войны съ Тройственнымъ Союзомъ, настаивавшимъ на созданіи цѣлокупной и независимой Албаніи.

Въ такой политической обстановкѣ Скутарійскій вопросъ съеживался до своихъ истинныхъ размѣровъ вопроса исключительно временнаго и мѣстнаго значенія, ради котораго было бы преступно рисковать жизнью хотя бы одного русскаго солдата. Теперь въ этомъ уже давно не сомнѣвается никто въ Россіи. Но въ ту пору вся ложность и искусственность Скутарійскаго вопроса ускользала отъ очень многихъ и агитація, которая велась вокругъ него, доставила мнѣ не мало тревожныхъ минутъ. Одно время эта агитація достигла такихъ размѣровъ, что отголоски ея проникли въ Государственную Думу, причемъ правыя партіи отнеслись къ ней особенно отзывчиво. Чтобы ознакомить наше народное представительство съ истиннымъ положеніемъ вещей, я пригласилъ къ себѣ всѣхъ членовъ Государственной Думы, которые интересовались внѣшней политикой, и прочиталъ имъ въ подлинникахъ дипломатическіе документы, касавшіеся Скутарійскаго вопроса. Эти документы показались имъ настолько убѣдительными, что появившееся было въ Думѣ неблагопріятное настроеніе къ Русской политикѣ смѣнилось въ скоромъ времени благожелательной ея оцѣнкой. По этому поводу я не могу не замѣтить, что мнѣ ни разу, за всю мою служебную дѣятельность, не пришлось раскаиваться, когда я вступалъ въ откровенныя объясненія съ Государственной Думой по вопросамъ иностранной политики. Бывали иногда, что неизбѣжно, случаи нескромности и отдѣльными членами Думы выбалтывались свѣдѣнія, не подлежавшія оглашенію, но особенной бѣды отъ этого не происходило ни разу. Я думаю, что несвоевременная сдержанность и скрытность могли бы въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ иныхъ, по-

влечь за собою гораздо болѣе вредныя послѣдствія, чѣмъ совершенныя мною отступленія отъ рутиннаго взгляда на дипломатическую тайну.

Упомянувъ выше объ отношеніи Петроградской печати къ русской политикѣ въ періодъ Балканской войны, я считаю долгомъ отмѣтить здѣсь, что Московская, а за ней и провинціальная, печать обнаружила, въ оцѣнкѣ политическихъ событій 1912 и 13 годовъ, несомнѣнно большій политическій смыслъ, освѣдомленность и благоразуміе, чѣмъ поддавшіеся всевозможнымъ мимолетнымъ вліяніемъ органы столичной націоналистической печати. Либеральныя газеты, какъ бывало обыкновенно, когда дѣло шло о вопросахъ внѣшней политики, не утрачивали способности безпристрастной и здравой оцѣнки политическаго положенія.

Я говорилъ уже о томъ, что, еще съ начала Балканской войны, у руководителей внѣшней политики Державъ Тройственнаго Согласія явилась мысль о созывѣ международной конференціи для изысканія средствъ локализаціи войны и для разрѣшенія многочисленныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ на очередь въ связи съ развитіемъ военныхъ дѣйствій. Эта мысль, со времени ея возникновенія, нѣсколько видоизмѣнилась въ томъ смыслѣ, что, вмѣсто созыва громоздкаго аппарата международной конференціи, Державы остановились, по моему предложенію, на мысли учрежденія совѣщанія пословъ въ одной изъ западныхъ столицъ. Для этой цѣли былъ намѣченъ первоначально Парижъ, но по соображеніямъ личнаго характера, утратившимъ теперь свой интересъ, окончательный выборъ палъ на Лондонъ, причемъ имѣлось въ виду привлечь къ работамъ совѣщанія, въ видахъ освѣдомленія, но безъ права голоса, представители Румыніи, какъ Державы, ближайшимъ образомъ заинтересованной во всѣхъ территоріальныхъ измѣненіяхъ, могущихъ произойти на Балканскомъ полуостровѣ.

Чтобы внести возможно больше свѣта въ предстоящія совѣщанія Великихъ Державъ и подвести подъ нихъ твердое основаніе, я предложилъ Державамъ поручить своимъ представителямъ въ Лондонѣ заявить о

формальномъ отказѣ ихъ Правительствъ отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на Балканахъ. Мнѣ казалось, что заявленія всѣхъ участниковъ о своемъ безкорыстіи могли быть только полезны съ точки зрѣнія конечныхъ результатовъ дипломатическаго вмѣшательства Великихъ Державъ въ Балканскую распрю. И въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ предыдущихъ, когда бывали затронуты Балканскіе вопросы, положеніе, занятое Австро-Венгріею, должно было имѣть значительное вліяніе на то или иное направленіе, которое суждено было принять политическимъ событіямъ въ Европѣ. Въ этомъ отношеніи присоединеніе Вѣнскаго кабинета къ предложенному мною заявленію внесло бы сразу проясненіе въ сгущавшійся туманъ международнаго положенія, давъ надежду Державамъ на то, что на этотъ разъ не подуетъ буря изъ гнилаго угла Европы. Съ другой стороны, его отказъ присоединиться къ предложенному Русскимъ правительствомъ и принятому остальными, за исключеніемъ Германскаго, которое уклонилось отъ прямого отвѣта, бросилъ бы свѣтъ на истинныя намѣренія Австро-Венгерской дипломатіи и могъ бы служить для насъ полезнымъ предостереженіемъ.

Отвѣтъ графа Берхтольда, замѣнившаго въ должности Австро-Венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ умершаго Эренталя, не заставилъ себя долго ждать. Вѣнское правительство отказывалось присоединиться къ предложенному нами заявленію, объясняя свой отказъ опасеніемъ сдѣлать шагъ, который не былъ бы одобренъ общественнымъ мнѣніемъ всей Двуединой монархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Берхтольдъ поручилъ австрійскому послу въ Петроградѣ заявить мнѣ, что его правительство исключаетъ всякую мысль о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ и будетъ добиваться только достиженія экономическихъ выгодъ. Изъ этого отвѣта, и особенно изъ дополнительныхъ разъясненій графа Турна, можно было вывести заключеніе, что въ данную минуту въ Вѣнѣ еще не былъ выработанъ опредѣленный политическій планъ и что, прикрываясь формулой «экономическихъ выгодъ», вѣнская дипло-

матія предоставляла ходу событій уточнить свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. Этой неопредѣленности, вѣроятно, немало способствовало положеніе, занятое Германскимъ правительствомъ, не обнаруживавшимъ, въ ту пору, желанія перейти къ болѣе активной политикѣ, несмотря на разочарованіе, причиненное ему неожиданными побѣдами Балканскихъ союзниковъ надъ Турціею.

Еще до начала работъ совѣщанія пословъ въ Лондонѣ уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что центральнымъ пунктомъ конференціи, тѣмъ фокусомъ, въ которомъ будутъ преломляться трудно примиримые между собою точки зрѣнія Державъ Тройственнаго Согласія и Тройственнаго Союза, сдѣлаются нераздѣлимые вопросы созданія независимой Албаніи и допущенія Сербіи до выхода въ Адріатическое море. Я назвалъ эти два вопроса нераздѣлимыми, потому что Австро-Венгрія и Италія, въ силу своихъ парадоксальныхъ политическихъ взаимоотношеній, договорились относительно необходимости согласиться на созданіе независимаго Албанскаго государства, какъ бы оно ни оказалось мало жизнеспособнымъ, для того, чтобы ни той, ни другой изъ обѣихъ Адріатическихъ Великихъ Державъ не пришлось уступить другой сторонѣ преобладающее положеніе на Албанскомъ побережьи. Подобная сдѣлка не давала залога прочности, но, какъ временная мѣра, она представляла извѣстную выгоду и созданіе самостоятельной Албаніи обратилось въ нѣчто вродѣ догмата какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Римѣ. Къ этому взгляду немедленно присоединился и Берлинскій Кабинетъ и тѣмъ придалъ ему еще большій вѣсъ. Такимъ образомъ уступка какой бы то ни было части этого побережья третьей державѣ не преминула бы разрушить съ трудомъ налаженное Австро-Венгріею и Италіею политическое равновѣсіе на Адріатикѣ. Вслѣдствіе этого возможность появленія Сербіи, недоброжелательство къ которой Вѣнскаго кабинета усиливалось по мѣрѣ ея военныхъ успѣховъ, въ Санъ-Джіованни-ди-Медуя или Дураццо, вызывала во всѣхъ Державахъ Тройственнаго Союза одинаково враждебное къ себѣ отношеніе.

Этимъ обстоятельствомъ, съ которымъ невозможно было не считаться Русскому правительству и его друзьямъ, предопредѣлялся въ неблагопріятномъ смыслѣ исходъ усиленныхъ стремленій Сербскаго народа найти себѣ доступъ къ ближайшему морскому берегу и, такимъ образомъ, стряхнуть съ себя экономическую зависимость отъ недоброжелательныхъ сосѣдей.

Я уже сказалъ, что единодушныя симпатіи Русскаго правительства и общества были на сторонѣ Сербіи. Въ началѣ 1913 года сочувствіе нашего общественнаго мнѣнія Сербскимъ домогательствамъ стало проявляться съ силою, которая внушала мнѣ нѣкоторыя опасенія относительно возможности удержать въ рукахъ правительства руководящее вліяніе на ходъ политическихъ событій. Въ вышеупомянутыхъ общественныхъ кругахъ, близко-стоявшихъ къ нѣкоторымъ придворнымъ и военнымъ центрамъ, укоренилось убѣжденіе, что настала удобная минута расчитаться съ Австро-Венгерскимъ правительствомъ за грѣхи Эренталевской политики. Подобное настроеніе являлось результатомъ, съ одной стороны, интригъ отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя находились подъ гипнозомъ личныхъ честолюбивыхъ замысловъ, другія же — ложно понятаго патріотизма, а третьи, и наиболѣе многочисленныя, — дѣйствовали подъ вліяніемъ принципіальной оппозиціонности правительству, а также плохой освѣдомленности объ общемъ политическомъ положеніи Европы. На самомъ дѣлѣ, если бы Россія, въ эту минуту, рѣшилась пойти дальше оказанной Сербіи, вмѣстѣ со своими союзниками, дипломатической поддержки, ей пришлось бы сдѣлать это однѣми ея собственными силами и на свой рискъ и страхъ, такъ какъ ни Франція, ни Англія не стали бы на ея сторону для защиты чуждыхъ и мало понятныхъ имъ интересовъ.

Разумные и отвѣтственные люди вполнѣ правильно оцѣнивали у насъ истинное положеніе вещей, хотя въ самомъ совѣтѣ министровъ и нашлось двое или трое лицъ, которыя не скрывали своего осужденія «слабой и антиславянской политики» министра иностранныхъ дѣлъ. Усилія ихъ не привели, однако, ни къ какимъ

опаснымъ для государства послѣдствіямъ. Государь, и за это Россія должна быть ему навсегда признательна, несмотря на свое сердечное сочувствіе національнымъ стремленіямъ сербскаго народа, проявилъ въ эту тревожную минуту ясность политической мысли и твердость воли, кои положили конецъ тѣмъ интригамъ, которыя толкали насъ на путь европейской войны, при самыхъ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ, и изъ-за интересовъ, не оправдывавшихъ тяжелыхъ жертвъ со стороны Русскаго народа.

Когда я вспоминаю объ этихъ, уже далекихъ, событіяхъ, мнѣ невольно приходитъ на умъ мысль о томъ, что если бы, въ эпоху Японской войны, Императоръ Николай сталъ такъ-же твердо въ защиту государственныхъ интересовъ Россіи и не далъ-бы себя опутать сѣтью интригъ безотвѣтственныхъ искателей наживы и приключеній, то, весьма вѣроятно, что наша родина, Онъ самъ и столько членовъ Его Дома не захлебнулись бы въ морѣ крови и слезъ Русской революціи и исторія человѣчества не занесла бы на свои страницы событій, не имѣющихъ себѣ равныхъ по скорби, ужасу и позору.

Возможно, что воспоминаніе о грозномъ урокѣ Японской войны послужило Ему на пользу и дало ту твердость, которой у него не хватило въ роковомъ 1903 году. Поддержка, оказанная мнѣ Государемъ, не ослабла ни разу въ самые критическіе моменты обѣихъ Балканскихъ войнъ и получила свое оффиціальное завершеніе въ рескриптѣ на мое имя въ началѣ лѣта 1913 года, въ которомъ Императоръ Николай одобрялъ мои усилія въ дѣлѣ сохраненія мира. Одобреніе Государемъ моей политики было высказано настолько недвусмысленно, что заставило сразу смолкнуть хоръ враждебныхъ голосовъ моихъ противниковъ и примкнувшихъ къ нимъ любителей интриги и скандаловъ изъ рядовъ нашихъ патентованныхъ патріотовъ. Я считаю долгомъ съ благодарностью вспомнить здѣсь и ту поддержку, которую мнѣ неизмѣнно оказывалъ, во время Балканскаго кризиса и въ другія трудныя минуты моей служебной дѣятельности, тогдашній предсѣдатель

совѣта министровъ В. Н. Коковцевъ. Удаленіе отъ дѣлъ этого умуднаго долгимъ государственнымъ опытомъ и, по природѣ своей, осторожнаго и чуждаго всякихъ увлеченій человѣка было для меня весьма чувствительно и я не разъ имѣлъ случай глубоко сожалѣть о замѣнѣ его И. Л. Горемыкинымъ, старцемъ, утратившимъ давно не только способность интересоваться какимъ бы то ни было дѣломъ, кромѣ личнаго своего спокойствія и благополучія, но даже просто отдавать себѣ ясный отчетъ въ окружавшей его дѣйствительности.

Благодаря рескрипту Государя, работа Русской дипломатіи, насколько это касалось внутреннихъ условій ея теченія, была чрезвычайно облегчена. За то извнѣ трудности нашего положенія постепенно росли и нагромождались настолько, что иногда мнѣ казалось, что всѣмъ моимъ усиліямъ сохранить миръ суждено было разбиться о глухую стѣну безумія и злой воли Австро-Венгерской дипломатіи, надъ которой покровительственно высилась громадная тѣнь германскаго государственнаго щита.

Задача моя усложнялась еще и тѣмъ, что въ самой Сербіи, которая была предметомъ искренней и горячей заботливости Русскаго правительства, я нерѣдко не находилъ того самообладанія и той трезвой оцѣнки опасностей момента, которыя однѣ способны предотвращать катастрофы. Я упоминаю объ этомъ фактѣ безъ всякой мысли бросить укоръ Сербскому народу, разорвавшему, сравнительно недавно, цѣпи турецкаго гнета, послѣ вѣковой борьбы и тяжкихъ страданій, и приблизившемуся, наконецъ, къ цѣли своихъ страстныхъ чаяній. Мнѣ, наоборотъ, вполнѣ понятно его бурное нетерпѣніе, когда вдругъ между нимъ и этой цѣлью, казавшейся его молодому воображенію столь близкой, стали снова воздвигаться препятствія, которыя грозили лишить его плодовъ, съ такимъ трудомъ достигнутаго, успѣха. Сербскія настроенія были мнѣ еще тѣмъ болѣе понятны, что тогдашній Русскій представитель въ Бѣлградѣ, Н. Г. Гартвигъ, предпочиталъ выигрышную роль потакателя этихъ повышенныхъ настроеній бѣлград-

скихъ правительственныхъ и общественныхъ круговъ, той, менѣе благодарной, но болѣе соотвѣтствующей истиннымъ интересамъ Сербіи, которую онъ долженъ былъ играть, въ качествѣ Русскаго представителя, ближайшей обязанностью котораго было, жертвуя личною популярностью, предостерегать правительство и народъ отъ опасныхъ увлеченій. Гартвигъ истолковывалъ въ Бѣлградѣ Русскую политику по своему и тѣмъ крайне затруднялъ мою задачу, пока, наконецъ, политическое напряженіе не достигло, во всей Европѣ, такого состоянія, что возможность серьезныхъ европейскихъ осложненій, изъ-за вопроса объ Албанскомъ побережьи, становилась все вѣроятнѣе. Какъ относились къ подобной перспективѣ наши союзники и друзья, мною уже было сказано выше. Патріотическія увлеченія нѣкоторыхъ Сербскихъ заграничныхъ представителей обостряли еще опасность общаго положенія. Такъ, напримѣръ, повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ увѣрялъ Германскаго Статсъ-Секретаря по иностраннымъ дѣламъ, что Балканскіе союзники подѣлили между собой окончательно Адріатическое побережье и что Сербія увѣрена въ доброжелательной поддержкѣ не только Болгаріи, но и Россіи. Само собою разумѣется, что Русское правительство не давало Сербіи, въ этомъ смыслѣ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ обѣщаній; что-же касается до Болгаріи, то союзный договоръ не давалъ Сербіи никакого основанія расчитывать на вооруженную помощь своей союзницы въ этомъ вопросѣ. Напоминая въ Бѣлградѣ обо всемъ этомъ, мнѣ пришлось просить Сербское правительство не затруднять намъ взятую на себя роль защитника Сербскихъ интересовъ и не упускать изъ виду, что въ вопросѣ о выходѣ Сербіи къ Адріатическому морю намъ приходилось проводить различіе между цѣлью и средствами. Цѣлью для насъ являлось возможно полное обезпеченіе экономической независимости Сербскаго Государства. Что касается до средствъ ея достиженія, то таковыми могли быть либо обладаніе частью побережья, либо желѣзнодорожное соединеніе съ тѣмъ или инымъ Адріатическимъ портомъ, на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ могло бы со-

стояться свободное допущеніе австрійскихъ товаровъ въ Салоники, котораго добивалось Австро-Венгерское правительство. Уступчивость Сербіи въ вопросѣ о пріобрѣтеніи порта на Албанскомъ побережьи облегчила бы ее друзьямъ возможность ея территоріальнаго увеличенія въ направленіи къ югу или соотвѣтственнаго сокращенія, въ ея пользу, будущей Албанской территоріи. Если въ Вѣнѣ не отдавали себѣ отчета въ томъ, что интересы Австро-Венгріи требовали установленія возможно прочнаго мира на Балканскомъ полуостровѣ, то Сербіи не слѣдовало забывать, что, ставя неосторожныя требованія, она рисковала потерять достигнутые ею въ войнѣ съ Турціею блестящіе результаты.

Эти дружескія предостереженія не имѣли, къ сожалѣнію, въ Бѣлградѣ того успѣха, котораго я былъ вправѣ отъ нихъ ожидать. Съ одной стороны, народное увлеченіе одержанными надъ турками побѣдами, превысившими самыя смѣлыя ожиданія, а равно и связанныя съ успѣхомъ радужныя надежды на скорое осуществленіе національныхъ идеаловъ, съ другой — довольно двусмысленное поведеніе Русскаго посланника въ Бѣлградѣ, который поддерживалъ въ Сербахъ, хотя, по существу, вполнѣ законныя, но, въ ту пору, несбыточныя стремленія, налагали на Русское правительство непріятную обязанность дѣйствовать расхолаживающимъ образомъ на порывы Сербскаго энтузіазма и давать въ Бѣлградѣ совѣты осторожности и благоразумія, никогда и никѣмъ охотно не принимаемые, а, тѣмъ менѣе, въ минуту крупнаго успѣха. Было крайне трудно убѣдить Сербовъ въ томъ, что время работало за нихъ и противъ ихъ противниковъ. Они неохотно выслушивали доводы, приводимые имъ мною въ пользу болѣе спокойнаго выжиданія дальнѣйшаго развитія политическихъ событій. Эти доводы я бралъ изъ исторіи Русскаго государства, посвятившаго полтораста лѣтъ, во время которыхъ ему пришлось вести безконечныя войны на сѣверѣ и на югѣ, на то, чтобы пробиться до морского берега и, до нашихъ дней, еще не разрѣшившаго удовлетворительно эту задачу.

Между тѣмъ я продолжалъ употреблять всѣ усилія,

чтобы достигнуть, путемъ мирныхъ переговоровъ съ Австро-Венгерскимъ правительствомъ, хотя бы частичнаго удовлетворенія Сербскихъ желаній, въ видѣ предоставленія Сербіи исключительно торговаго порта на Адріатикѣ, но всѣ мои старанія, добросовѣстно поддерживаемыя нашими союзниками, оставались безуспѣшными и встрѣчали единодушный отпоръ со стороны Державъ Тройственнаго Союза. Въ началѣ ноября стало до очевидности ясно, что добиться предоставленія Сербіи какого бы то ни было Адріатическаго порта было возможно только силою, т. е. цѣною европейской войны. При этомъ ярко выступало все несоотвѣтствіе между поставленной себѣ Тройственнымъ Согласіемъ цѣлью и тѣми средствами, къ которымъ пришлось-бы ему прибѣгнуть для ея достиженія. Я уже говорилъ о томъ, что о европейской войнѣ, ради Сербскаго порта на Адріатикѣ, не могло быть и рѣчи. Ни наши союзники и друзья, ни мы сами не допускали подобной мысли. Между тѣмъ напряженность положенія не ослабѣвала и Сербскія войска готовились занять Дураццо. Чтобы не оставить въ Бѣлградѣ и тѣни сомнѣнія относительно истиннаго положенія вещей и намѣреній Россіи, я вынужденъ былъ поручить Гартвигу предупредить Сербское правительство, что мы «не будемъ воевать съ Тройственнымъ Союзомъ изъ-за Сербскаго порта на Адріатикѣ. Что же касается до рѣшенія Балканскихъ союзниковъ подѣлить между собою Европейскую Турцію, не считаясь съ интересами Австріи и Италіи, то мы предостерегаемъ Сербію отъ послѣдствій, къ которымъ необдуманная политика могла бы ее привести, лишивъ ее сочувствія Франціи и Англіи». Въ заключеніе мнѣ пришлось предупредить нашихъ Сербскихъ друзей, что и мы были бы принуждены отказаться отъ ихъ поддержки, если бы они дали себя увлечь слишкомъ далеко.

Я живо помню, какъ тягостна для меня была, по отношенію къ Сербамъ, на сторонѣ которыхъ были всѣ мои симпатіи, эта роль нравоучительнаго старшаго брата, но политическія обстоятельства настоятельно требовали рѣшительнаго вмѣшательства Русскаго прави-

тельства въ Сербскія дѣла, грозившія уклономъ въ сторону національной катастрофы, которую надо было предупредить въ интересахъ самаго Сербскаго народа. Къ тому же, если въ Европѣ было правительство, отъ котораго сербы могли принимать дружескіе совѣты безъ чувства обиды или подозрительности, то это было, конечно, только Русское Правительство, въ искренности котораго они не имѣли основанія сомнѣваться и которое было связано съ судьбою Балканскаго славянства безчисленными нитями нравственныхъ и реальныхъ интересовъ.

Вся первая половина 1913 года прошла въ вышеозначенныхъ увѣщаніяхъ Сербскаго правительства и въ переговорахъ съ Австро-Венгріею и Италіею, за которыми неизмѣнно стояла ихъ союзница Германія. Переговоры эти относились къ созданію Албаніи и допущенія Сербіи, въ той или иной формѣ, къ выходу въ Адріатическое море. Для преданія вѣса своему голосу Вѣнскій кабинетъ прибѣгъ къ принятію на своихъ границахъ нѣкоторыхъ мѣръ военнаго характера. Такимъ образомъ, поблизости къ границамъ Сербіи были сосредоточены отъ пяти до шести армейскихъ корпусовъ, а находившіеся въ Галиціи три армейскихъ корпуса были доведены до состава военнаго времени. На эти мѣры русское правительство отвѣтило удержаніемъ подъ знаменами резервистовъ и пополненіемъ военныхъ снабженій въ частяхъ, расположенныхъ вдоль границы. Тѣмъ не менѣе принятыя какъ Австрійцами, такъ и нами мѣры предосторожности были не таковы, чтобы затруднить дальнѣйшій ходъ дипломатическихъ переговоровъ на Лондонскомъ совѣщаніи пословъ.

Работы этого совѣщанія подвигались крайне медленно впередъ, и каждый изъ участвовавшихъ въ немъ представителей Великихъ Державъ выдвигалъ предложенія своего Правительства лишь съ величайшей осторожностью и послѣ подготовки почвы предварительными переговорами съ остальными членами той группы Державъ, къ которой онъ принадлежалъ. Въ ту пору ни одному изъ Европейскихъ Правительствъ не хотѣлось воевать, за исключеніемъ Австро-Венгерскаго,

готоваго броситься на Сербію въ надеждѣ поправить такимъ отчаяннымъ средствомъ свое печальное внутреннее положеніе, но не встрѣчавшаго необходимой ему Германской поддержки. Остальныя относились отрицательно къ войнѣ и каждое изъ нихъ ощущало, не безъ тревоги, что опасность Европейской войны могла возникнуть, тѣмъ не менѣе, во всякое время, какъ бы невзначай. Даже сама Австро-Венгерская дипломатія, бывшая въ указанномъ настроеніи, хотя и продолжала съ той же настойчивостью требовать созданія независимой Албаніи и относиться такъ же непримиримо къ допущенію Сербіи до Адріатическаго моря, не рѣшалась не проявить внѣшнимъ образомъ извѣстной примирительности и, хотя и вынужденная къ тому обстоятельствами, не отказывалась обсудить вмѣстѣ съ Державами способы вознагражденія Сербіи за тотъ ущербъ, который причинялъ ей отказъ Тройственнаго Союза въ какихъ либо территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ на побережьи Адріатики.

Такимъ образомъ Лондонское посольское совѣщаніе, безъ особаго труда, сошлось на принципіальномъ рѣшеніи вопроса о созданіи независимой и нейтральной Албаніи подъ суверенитетомъ Султана и при коллективной гарантіи Великихъ Державъ, а равно на предоставленіи Сербіи въ пользованіе одного изъ Албанскихъ портовъ, съ правомъ не только безпошлиннаго ввоза и вывоза своихъ произведеній, но и, по настоянію Русскаго Правительства, всякаго рода военнаго снабженія и вооруженія, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Для этого имѣлось въ виду соединеніе означеннаго порта желѣзно-дорожнымъ путемъ съ Сербіею, при чемъ этотъ желѣзно-дорожный путь долженъ былъ находиться, равнымъ образомъ, подъ контролемъ Великихъ Державъ. Нейтрализація Албаніи, а слѣдовательно всего Албанскаго побережья, придавала этой сдѣлкѣ, съ точки зрѣнія интересовъ Сербіи, нѣкоторую реальную цѣнность, которой она бы не имѣла, если бы портъ, предоставленный въ пользованіе сербовъ, находился въ странѣ, на которой не тяготѣлъ-бы сервитутъ нейтральности. Во всякомъ случаѣ, при данныхъ обстоя-

тельствахъ, ни Россія, ни остальные члены Тройственнаго Согласія не могли достигнуть болѣе раціональнаго разрѣшенія вопроса о доступѣ Сербіи къ морю. Это разрѣшеніе не давало скораго и полнаго удовлетворенія національному самолюбію Сербскаго народа и его экономическимъ нуждамъ, но, оцѣнивая результатъ усилій русской дипломатіи въ пользу Сербіи, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, даже въ томъ случаѣ, если бы Тройственному Согласію удалось на Лондонскомъ совѣщаніи вырвать у Тройственнаго Союза уступку Сербіи части Албанскаго побережья съ портомъ Дураццо или Санъ-Джіованни-ди-Медуя, то, практически, положеніе вещей отъ этого бы не измѣнилось, такъ какъ, требовавшій для своего осуществленія долгихъ лѣтъ и огромныхъ расходовъ, сложный вопросъ о постройкѣ желѣзно-дорожной линіи между производительными центрами Сербіи и моремъ не устранялся фактомъ территоріальной уступки и облегчался лишь въ незначительной мѣрѣ. Единственно обладаніе Хорватскимъ и Далматинскимъ побережьемъ, съ дополнительнымъ выходомъ въ Эгейское море, могло дать то вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ, о которомъ Сербскій народъ мечталъ столько лѣтъ и къ которому Сербское Правительство готовилось съ той минуты, когда осуществленіе великo-сербской идеи начало постепенно придвигаться къ области политическихъ достиженій. Въ эпоху Балканскихъ войнъ эти идеи были еще невоплотимы. Между ихъ осуществленіемъ и Сербскимъ народомъ лежала міровая война со всѣми ея безконечными страданіями и съ тѣмъ безпримѣрнымъ самопожертвованіемъ и героизмомъ, цѣной которыхъ Сербія купила свое національное объединеніе.

Пока Балканскіе Союзники стояли лицомъ къ лицу съ общимъ врагомъ и напрягали свои усилія къ одолѣнію его, договоръ 29 февраля 1912 года служилъ порукою ихъ союзнической вѣрности. Но боевой періодъ войны оказался, для нихъ самихъ неожиданно, поразительно краткимъ. Бои были жестоки, но немногочисленны и, въ общемъ, побѣда далась имъ сравнительно

легко. Съ ней вмѣстѣ наступила и пора недоразумѣній, взаимныхъ заподозрѣваній и раздоровъ, грозившихъ превратить вчерашнихъ союзниковъ въ завтрашнихъ враговъ и свести на нѣтъ результаты достигнутыхъ ими сообща успѣховъ.

Этнографически трудно разграничимая Македонія, уже давно бывшая предметомъ ихъ соревнованій, снова обратилась для нихъ въ яблоко раздора. Установленное союзнымъ договоромъ размежеваніе, сдѣланное на скорую руку, подъ давленіемъ спѣшныхъ требованій минуты, оказалось неудовлетворительнымъ, не отвѣчая болѣе ожиданіямъ ни одной изъ договорившихся сторонъ. Въ особенности были имъ недовольны Сербы, дѣятельное участіе которыхъ въ боевыхъ операціяхъ въ восточной Македоніи и подъ Адріанополемъ значительно превысило ихъ предварительные расчеты. Положеніе усложнялось еще недоразумѣніями, возникшими одновременно между Болгаріею и Грецією изъ-за вопроса объ обладаніи Салониками, которые греческія войска успѣли, къ великой досадѣ болгаръ, занять въ ту минуту, когда болгарскія войска собирались туда вступить.

Русская дипломатія, съ безпокойствомъ слѣдившая за возникновеніемъ и скорымъ обостреніемъ сербо-болгарской распри, употребляла всѣ усилія, чтобы не дать ей превратиться въ разрывъ, а, тѣмъ болѣе, въ открытое столкновеніе, которое было бы равносильно не только нравственной, но и политической катастрофѣ и растворило бы настежъ двери враждебнымъ происканъ Вѣнскаго кабинета. Текстъ союзнаго договора давалъ Россіи право вмѣшательства въ междусоюзническія недоразумѣнія, отводя, какъ было упомянуто выше, русскому Императору мѣсто посредника и третейскаго судьи въ сербо-болгарскомъ разграниченіи. Чтобы предотвратить, по возможности, опасность дальнѣйшихъ осложненій между союзниками и возможность распаденія Балканскаго союза ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ бы завершить удачно начатое національное дѣло, Императорское правительство рѣшило использовать означенное право, хотя оно не дѣлало себѣ никакихъ

обольщеній на счетъ того, какія трудности предстояло ему преодолѣть, чтобы сдѣлать возможнымъ его осуществленіе.

Между тѣмъ въ крайне, безъ того, запутанное и сложное положеніе превзошелъ еще новый политическій факторъ, съ которымъ Державамъ, и прежде всего Россіи, приходилось серьезно считаться и о которомъ здѣсь до сихъ поръ было упомянуто лишь вскользь. Этотъ политическій факторъ была Румынія, которая, не будучи въ собственномъ смыслѣ слова Балканскимъ Государствомъ, тѣмъ не менѣе, въ силу своего географическаго положенія, была ближайшимъ образомъ заинтересована въ судьбахъ Балканскаго полуострова.

Съ самаго начала Балканской войны Румынское правительство заявило о своемъ намѣреніи не вмѣшиваться въ борьбу до тѣхъ поръ, пока въ результатѣ ея не получится на Балканахъ территоріальныхъ измѣненій, которыя могли бы имѣть для нея неблагопріятныя политическія послѣдствія. Въ послѣднемъ случаѣ Румынія оказалась бы вынужденной требовать для себя соотвѣтствующихъ вознагражденій. Быстрые успѣхи болгарскихъ войскъ предуказывали созданіе на границахъ Румыніи новой Болгаріи, весьма значительно увеличенной въ своемъ территоріальномъ составѣ и усиленной въ отношеніи численности своего населенія. Этотъ фактъ, оспаривать который никто не могъ, послужилъ Румынскому правительству поводомъ предъявить опредѣленныя требованія Болгаріи относительно территоріальныхъ уступокъ въ Добруджѣ ради обезпеченія своего стратегическаго положенія на Дунаѣ. Съ этой цѣлью Румынія требовала себѣ уступки города Силистріи и исправленія своихъ границъ путемъ прирѣзки Болгарской территоріи отъ пункта, лежащаго на Западъ отъ этого города и вплоть до Балчика на Черномъ морѣ. Это требованіе, само по себѣ нѣсколько преувеличенное, затрудняло миролибивое усиліе Державъ Тройственнаго согласія и побудило ихъ искать выхода изъ создавшихся, неблагопріятныхъ для Балканскаго мира, осложненій на Дунаѣ посредствомъ передачи Румыно-Болгарскаго спора Третейскому рѣшенію Вели-

кихъ Державъ. Нахожденіе, въ это время, у власти въ Болгаріи кабинета Гешова, дружественно настроеннаго по отношенію къ Россіи, а также и то обстоятельство, что довѣріе Румыніи къ политикѣ Русскаго Правительства постепенно возрастало, были причиной избранія спорившими сторонами Петрограда для засѣданія третейской конференціи.

По моему приглашенію послы Австро-Венгріи, Великобританіи, Германіи, Италіи и Франціи приступили перваго апрѣля 1913 года къ разсмотрѣнію Румынскихъ притязаній. Хотя, съ перваго же засѣданія конференціи, обнаружилось обычное разногласіе между представителями Державъ Тройственнаго Согласія и Тройственнаго Союза, занятія ея подвигались миролюбиво. Было ясно, что ни одному изъ участвовавшихъ въ ней Правительствъ не хотѣлось, въ связи съ вопросомъ не первостепенной политической важности, подливать масла и въ безъ того ярко горѣвшее пламя Балканскихъ раздоровъ. Первоначально поддерживавшіе въ полномъ объемѣ Румынскія требованія представители Тройственнаго Союза отошли довольно скоро отъ своей точки зрѣнія и присоединились къ положенію, занятому Русскимъ Правительствомъ и его единомышленниками, которые, признавая обоснованность требованія Румыніею стратегическаго исправленія своей границы, видѣли въ уступкѣ Болгаріею одной Силистріи, безъ прирѣзки значительной части Добруджи, вполнѣ достаточную въ этомъ смыслѣ гарантію. Уже 15-го апрѣля работы конференціи были закончены и былъ составленъ текстъ ея постановленія, утвержденный вслѣдъ затѣмъ заинтересованными правительствами и принятый, безъ оговорокъ, спорившими сторонами. Городъ Силистрія съ небольшой территоріею отходилъ къ Румыніи, которая обязывалась вознаградить болгаръ, выразившихъ желаніе выселиться изъ уступленной мѣстности. Болгарія принимала обязательство не возводить укрѣпленій вдоль своей границы вплоть до Чернаго моря и выражала свое согласіе на созданіе въ частяхъ завоеванной Македоніи, населенныхъ куцовлахами, особыхъ епархій, а равно и на церковную и

школьную автономію Румынскаго населенія въ этихъ областяхъ.

Этимъ исчерпывались результаты Петроградской конференціи. Они были мало эффектны, но должны быть признаны удовлетворительными, такъ какъ предупредили возможность новыхъ осложненій въ пору, безъ того, тревожную и опасную. Тѣмъ не менѣе они оказались не долговѣчными. Бухарестскій миръ, кончившій вторую Балканскую войну, не оставилъ отъ нихъ и слѣда и Румынія съ лихвой вознаградила себя за обнаруженную въ свое время умѣренность.

Не такъ легко было русской дипломатіи справиться съ весьма серьезными затрудненіями, рождавшимися на почвѣ все болѣе запутывавшихся Сербо-Болгарскихъ отношеній. Рядомъ съ ними обозначались еще и другія опасныя теченія, которыя осложняли не только общее политическое положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, но и грозили вовлечь въ борьбу Великія Державы. Не взирая на совѣты и предостереженія Россіи, занятіе Скутари Сербскими и Черногорскими войсками казалось близкимъ. Восторженное настроеніе въ пользу славянъ, о которомъ я уже упоминалъ, достигло въ это время въ Петроградѣ своего апогея. Уличныя и иныя демонстраціи повторялись ежедневно и относились къ Великому Князю Николаю Николаевичу, зятю короля Черногорскаго, а также и къ сербскому и болгарскому посланникамъ. Эти шумныя проявленія чувствъ славянской солидарности не вліяли на спокойную и сознательную работу Русскаго Правительства, направленную къ огражденію государственныхъ интересовъ Россіи и самихъ Балканскихъ славянъ, хотя и затрудняли ея правильный ходъ и сильно безпокоили нашихъ союзниковъ и друзей, опасавшихся сдачи правительствомъ занятыхъ имъ позицій подъ давленіемъ разгоравшихся національныхъ страстей, подогрѣваемыхъ неразумной или недобросовѣстной агитаціею. Особенную тревогу обнаруживалъ по этому поводу французскій посолъ Делькассэ, не скрывшій отъ меня, насколько была непріятна парижскому кабинету эта газетная и уличная шумиха, которая, въ случаѣ слабости

Русскаго Правительства, могла привести къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ. Благодаря его выдающемуся уму и политическому такту, а также установившимся между нами, весьма скоро, дружественнымъ отношеніямъ, высказываемые имъ совѣты неуступчивости и твердости могли быть выслушиваемы мною тѣмъ легче и охотнѣе, что я не могъ сомнѣваться въ томъ, что они были проникнуты сознаніемъ общности интересовъ, которые намъ обоимъ приходилось тогда отстаивать. Къ тому же поощрять меня въ неуступчивости не было нужды. Я твердо рѣшилъ выйти въ отставку скорѣе, чѣмъ уступить давленію искателей приключеній и уличной толпы. Объ этомъ я доложилъ тогда Государю. Отвѣтъ, полученный мною отъ него, далъ мнѣ возможность судить о томъ, какъ ясно и правильно онъ мыслилъ, когда чужая воля, къ несчастью болѣе упорная, чѣмъ его собственная, не насиловала его личныхъ взглядовъ.

Чтобы положить конецъ опасности, связанной съ ожидавшимся занятіемъ Скутари сербами и черногорцами, и успокоить нашихъ заграничныхъ друзей, я заявилъ, что взглядъ Императорскаго Правительства на этотъ вопросъ не измѣнится даже въ томъ случаѣ, если бы это занятіе состоялось и что мы будемъ продолжать смотрѣть на Скутари, какъ на область, предназначенную войти въ составъ будущей независимой Албаніи. Вслѣдъ за тѣмъ Правительство запретило всякія манифестаціи на почвѣ славянскихъ симпатій и такимъ образомъ очистило политическую атмосферу столицы отъ внесенныхъ въ нее безотвѣтственными лицами нездоровыхъ вѣяній.

22 апрѣля, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ между командующимъ черногорскимъ отрядомъ и Эссадомъ-Пашею, засѣвшимъ въ Скутари, былъ подписанъ договоръ о сдачѣ города черногорцамъ. Съ этой минуты ходъ дальнѣйшихъ политическихъ событій зависѣлъ отъ двухъ факторовъ, опредѣлить которые наперед было нелегко: во первыхъ — отъ согласія Короля Николая уступить настояніямъ Великихъ Державъ и отказаться отъ своихъ притязаній на Ску-

тари, взамѣнъ обѣщаннаго ему за это вознагражденія, и, во вторыхъ — отъ тѣхъ способовъ воздѣйствія, на которыхъ остановилось бы, въ случаѣ его отказа, Австро-Венгерское Правительство, чтобы принудить его къ уступчивости.

Хотя Русское Правительство твердо стояло на томъ, что оно не дастъ себя вовлечь въ войну изъ-за второстепеннаго Балканскаго вопроса, ему, по весьма понятнымъ причинамъ, было чрезвычайно важно предотвратить единоличную расправу Австро-Венгріи съ Черногоріею, всегда нежелательную и особенно антипатичную, ввиду огромнаго несоотвѣтствія силъ Габсбургской Монархіи и маленькаго Балканскаго Королевства. Поэтому всѣ мои усилія были направлены къ тому, чтобы побудить Францію и Англію, ввиду невозможности для Россіи принять участіе въ принудительныхъ мѣрахъ противъ Черногоріи, послать свои суда въ Антивари и, если затѣмъ оказалась бы нужной высадка дессанта, придать этой мѣрѣ международный характеръ, менѣе обидный для самолюбія Черногоріи. Такимъ образомъ предотвращалась бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасность безконтрольнаго распоряженія Австро-Венгріи судьбою славянскаго государства, связаннаго съ Россіею вѣковой дружбою и пользовавшагося особымъ покровительствомъ нашихъ государей. Было чрезвычайно трудно согласовать въ этомъ вопросѣ взгляды не только всѣхъ членовъ Лондонскаго Посольскаго Совѣщанія, но даже представителей Державъ Тройственнаго Согласія, не желавшихъ участвовать въ такомъ безславномъ предпріятіи, какъ морская демонстрація въ водахъ Антивари, навязанная Европѣ угрозою единоличнаго вмѣшательства Вѣнскаго Кабинета. Въ этихъ докучливыхъ переговорахъ прошло около двухъ тревожныхъ недѣль, когда, наконецъ, Король Николай объявилъ 5-го мая, что, подчиняясь волѣ Державъ, онъ отдаетъ судьбу Скутари въ ихъ руки. Этимъ актомъ кончился эпизодъ, не имѣвшій, по существу, никакого политическаго значенія, но искусственно раздутый до размѣровъ событія, отъ котораго могло зависѣть нарушеніе Европейскаго мира. Единственная выгода, которую русскому

Правительству удалось извлечь въ пользу Сербскаго народа изъ отрѣченія Черногоріи отъ Скутари, была уступка Австро-Венгріею Балканцамъ Ипека, Дьякова, Призрена и Дибры. Безпристрастіе заставляетъ меня признать, что въ этомъ вопросѣ русская дипломатія встрѣтила поддержку со стороны Берлинскаго Кабинета.

Тѣмъ временемъ положеніе на Балканахъ не улучшалось, а дѣлалось все болѣе натянутымъ. Было очевидно, что если не наступитъ во взаимныхъ отношеніяхъ балканскихъ союзниковъ благопріятный кризисъ, то разрывъ, а за нимъ и вооруженное столкновеніе, станутъ неизбѣжными. Положеніе было тѣмъ болѣе серьезно, что нельзя было ожидать никакихъ практическихъ результатовъ отъ непосредственныхъ переговоровъ между главами союзныхъ правительствъ, настолько непримиримо относилось каждое изъ нихъ къ требованіямъ другихъ. Болгары, греки и сербы сосредоточивали значительныя силы въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя они имѣли въ виду сохранить за собою, и настроеніе въ войскахъ достигло такой степени напряженности, что, при малѣйшемъ къ тому поводѣ, между ними могли начаться враждебныя дѣйствія. Поэтому Русскому Правительству пришлось отказаться отъ мысли, которая явилась у него первоначально,—устроить съѣздъ между предсѣдателями Совѣтовъ Министровъ трехъ балканскихъ государствъ и попытаться, при помощи своего умѣряющаго вліянія, склонить ихъ къ соглашенію. Оставалась одна надежда, и то довольно слабая, побудить ихъ подчиниться третейскому рѣшенію Державъ Тройственнаго Согласія, на что, одно время, Болгарія, какъ будто, была готова итти, но и это средство скоро было признано самими Державами Согласія мало пригоднымъ, въ виду противодѣйствія, которое неминуемо встрѣтила бы со стороны Державъ Тройственнаго Союза попытка Согласія разрѣшить Балканскій споръ безъ его участія. Привлечь-же кабинеты Союза, въ особенности Вѣнскій, къ его разрѣшенію означало, въ лучшемъ случаѣ, затянуть его на безконечное время, когда надо было дѣйствовать быстро, а въ худшемъ,

— ускорить наступленіе катастрофы. На неизбѣжность одной изъ этихъ альтернативъ указывалъ ходъ работъ Посольскаго Совѣщанія въ Лондонѣ, гдѣ Сэру Эдуарду Грею съ величайшимъ трудомъ удавалось отклонить Австро-Венгерское Правительство отъ выхода изъ состава Совѣщанія и вступленія на путь единоличныхъ рѣшеній и мѣропріятій.

Ввиду этого, въ началѣ мая у меня явилась мысль попытаться прибѣгнуть къ тому средству, которое давалъ русскому Правительству текстъ Сербо-Болгарскаго Союзнаго договора и внести успокоеніе въ общее положеніе на Балканахъ путемъ примиренія хотя бы двухъ изъ споривших сторонъ, предоставляя временно своей судьбѣ греко-болгарскую распрю.

Упоминая выше о роли третейскаго судьи, которую договоръ отводилъ Русскому Государю, я оговорился, что не связывалъ съ нею никакихъ преувеличенныхъ ожиданій. Я отдавалъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ томъ, что вмѣшательство Россіи въ споръ двухъ союзниковъ, который не трудно было предвидѣть уже въ моментъ заключенія между ними союзныхъ отношеній, будетъ имѣть практическое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если обѣ стороны найдутъ въ себѣ достаточно нравственной силы и политической зрѣлости, чтобы добровольно ему подчиниться. На это, при самой искренней симпатіи къ Балканскому славянству, было трудно расчитывать. Но, имѣя означенное средство въ рукахъ, каково бы оно ни было, нельзя было, въ критическую минуту, оставить его неиспользованнымъ и подвергнуть блестящіе политическіе результаты, достигнутые союзомъ, риску быть навсегда утраченными.

Само собой разумѣется, предлагая сербамъ и болгарамъ прибѣгнуть къ третейскому суду Государя, Петроградскій Кабинетъ ставилъ условіемъ, что третейское рѣшеніе Его Величества будетъ принято обѣими сторонами безапелляціонно. Къ этому мы присоединяли еще другое условіе, а именно сохраненіе полной неприкосновенности Балканскаго Союза. На первыхъ порахъ, казалось, что эти условія не встрѣтятъ возраженій со

стороны союзниковъ. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что ни болгары, ни сербы не были расположены выпустить изъ собственныхъ рукъ заботу о своихъ интересахъ, для обезпеченія которыхъ они считали болѣе надежными иныя средства, чѣмъ тѣ, которыми могъ располагать самый безпристрастный Третейскій судъ. Тотъ же, приблизительно, взглядъ на способъ разрѣшенія междусоюзническихъ споровъ установился къ концу мая и у грековъ, съ минуты на минуту ожидавшихъ нападенія со стороны болгаръ для вытѣсненія ихъ изъ Салоникъ. Хотя союзный договоръ, поскольку онъ касался Греціи, не предвидѣлъ третейскаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ, русское, а съ нимъ вмѣстѣ и остальныя Правительства Державъ Согласія, вліяли на г. Венизелоса въ смыслѣ передачи греко-болгарскаго спора на судъ Россіи или Державъ. Въ Сербіи все болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что, чтобы ни дѣлало Правительство г-на Пашича, ему не удастся договориться съ болгарами и что война неизбѣжна. Получаемыя нами извѣстія изъ Софіи указывали на чрезвычайное возбужденіе умовъ въ военныхъ кругахъ, съ которымъ г. г. Гешову и Даневу, на миролюбіе которыхъ можно было, до извѣстной степени, расчитывать, едва ли удалось бы совладать, уже не говоря о томъ, что въ Болгаріи послѣднее слово, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, было не за Правительствомъ, а за Царемъ, истинныя намѣренія котораго никому не бывали извѣстны. Къ тому же въ это время до насъ начали доходить слухи, что Вѣнскій Кабинетъ дѣйствовалъ на Фердинанда Кобургскаго въ смыслѣ неуступчивости обѣщаніемъ поддержки, а Германскій и Австро-Венгерскій представители въ Бухарестѣ употребляли свое вліяніе на румынское правительство, чтобы побудить его не осложнять со своей стороны положеніе Болгаріи.

Вся совокупность этихъ условій представлялась настолько серьезной, что мнѣ не оставалось ничего другого, какъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ воздѣйствія на Царя Болгарскаго и Короля Сербскаго путемъ личнаго обращенія къ нимъ Государя съ призывомъ прекратить свои распри, угрожавшія самыми пагубными по-

слѣдствіями для славянства, и отдать рѣшеніе своего спора въ руки Русскаго Императора. Я долго колебался, прежде чѣмъ рѣшиться обратиться къ Государю съ просьбою о личномъ его вмѣшательствѣ въ славянскій споръ. Я сознавалъ, какую отвѣтственность я бралъ на себя, съ точки зрѣнія внѣшняго престижа Россіи, идя на рискъ не вызвать со стороны Балканскихъ государей должнаго отклика на призывъ Государя. Тѣмъ не менѣе, зная Императора Николая, я рѣшился просить его бросить на вѣсы событій свое слово, какъ послѣднее средство предотвратить братоубійственную войну двухъ народовъ, на судьбы которыхъ Россія имѣла рѣшающее значеніе.

Въ это время вся Имперія праздновала трехсотълѣтіе своего Царствующаго Дома и Дворъ и лица, стоявшія во главѣ Правительства, находились въ Москвѣ. Теперь, послѣ того какъ Россія была потрясена до основанія соціальнымъ катаклизмомъ и, какъ вырванная изъ исторической почвы, въ которой, хотя и съ задержками и перерывами, она росла и развивалась, сбрасывая съ себя постепенно обветшалыя формы своего государственнаго строя и приноравливаясь къ требованіямъ времени, и когда чуждые ей по духу, а часто и по крови, люди стараются пересадить ея корни въ безплодную почву, непригодную для какой либо культуры, между недавнимъ прошлымъ, кажущимся для его свидѣтелей еще живымъ и свѣжимъ, и настоящей безотрадной дѣйствительностью открылась страшная пропасть, на заполненіе которой понадобится не менѣе одного поколѣнія человѣческихъ жизней, принесенныхъ въ жертву безумной попыткѣ разрыва исторической преемственности русскаго національнаго существованія. Тѣ, кто стоитъ по ту сторону этой пропасти, не въ состояніи составить себѣ представленія о томъ глубоко и неподдѣльно національномъ настроеніи, которое переживала вся Россія, за исключеніемъ худосочныхъ элементовъ своей интеллигенціи, во дни Московскихъ и Костромскихъ торжествъ, связанныхъ съ празднованіемъ Трехсотлѣтняго юбилея Дома Романовыхъ, создавшаго современную Россію, со всей ея былой славой и со всѣми

ея безбрежными возможностями дальнѣйшаго мирнаго развитія и процвѣтанія.

Въ эти незабвенные дни я былъ принятъ Государемъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, обратившемся теперь въ никому недоступную цитадель большевизма, въ которой вожаки его проживаютъ подъ бдительной охраной своей опричны. Изъ этихъ, оскверненныхъ коммунизмомъ, историческихъ стѣнъ раздался въ 1877 году голосъ Императора Александра II, призывавшаго Россію взять на себя подвигъ освобожденія болгарскаго народа отъ турецкаго ига. Мнѣ казалось, что, въ силу этихъ славныхъ воспоминаній, призывъ Государя къ миру и единенію враждующихъ между собой славянскихъ братьевъ долженъ былъ раздаться изъ Кремлевскаго Дворца.

Когда я изложилъ Государю тѣ доводы, которые вынуждали меня прибѣгнуть къ его личному вмѣшательству, какъ къ единственному средству спасти положеніе на Балканахъ, онъ спросилъ меня, могу ли я, по совѣсти, сказать ему, что всѣ остальныя средства достигнуть мирнаго разрѣшенія сербо-болгарскаго спора извѣданы и найдены непригодными, и имѣю ли я увѣренность, что личное его обращеніе приведетъ къ желанной цѣли. Я могъ, не колеблясь, отвѣтить утвердительно на первый вопросъ. Что же касалось второго, то я былъ вынужденъ признаться, что такой увѣренности у меня не было и что я сознавалъ, что беру на себя большую отвѣтственность, испрашивая его согласія на такой необычный шагъ, какъ личное его вмѣшательство въ споръ двухъ независимыхъ государствъ, хотя бы оно и было предусмотрѣно при заключеніи между ними союзнаго договора, какъ бы въ предвидѣніи тѣхъ безъисходныхъ затрудненій, въ которыхъ они въ ту пору находились. Но мнѣ казалось, что Государь самъ, вѣроятно, пожалѣлъ бы, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между болгарами и сербами, если бы не могъ сказать себѣ, что не оставилъ непримѣненнымъ бывшее въ его власти послѣднее средство мирнаго улаженія балканской распри. Государь слушалъ меня внимательно и, послѣ недолгаго колебанія, сказалъ мнѣ, что

подпишетъ текстъ обращенія къ Королю сербскому и Царю болгарскому, если онъ былъ у меня съ собою, такъ какъ онъ думалъ, что въ часъ опасности для славянъ, онъ имѣетъ не только право, но и обязанность возвысить свой голосъ, чтобы предостеречь ихъ отъ ея послѣдствій. «Если они меня не послушаютъ», прибавилъ Государь, «то зачинщики понесутъ за это кару. Я исполню свой долгъ и совѣсть моя ни въ чемъ меня не упрекнетъ, чтобы за тѣмъ ни произошло».

Все это было сказано съ той чарующей простотой, которая всегда производила на меня свое неотразимое вліяніе и которая не ускользала ни отъ кого, кто былъ воспріимчивъ къ подобнаго рода впечатлѣніямъ.

Прочитавъ проэктъ телеграммы, который я привезъ съ собой, Государь приказалъ мнѣ отправить ее тотчасъ же, желая, чтобы призывъ его къ чувству славянскаго братства и единенія исходилъ изъ Москвы. Уѣзжая изъ Кремля, я размышлялъ о томъ, чему только что былъ свидѣтелемъ и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могло имѣть важное рѣшеніе, принятое Государемъ. Изъ впечатлѣній, уносимыхъ мной изъ этого свиданія съ нимъ, рѣзче всего выступало два факта, а именно, что Императоръ Николай не связывалъ неразрывно представленія о славѣ съ успѣхомъ, какъ дѣлаетъ это большинство людей, и что самолюбіе не играло никакой роли въ его рѣшеніяхъ, когда сознаніе долга ему ихъ подсказывало, и во мнѣ росло и крѣпло къ нему чувство любви и преданности.

Изъ Бѣлграда приходили извѣстія, что тамъ все болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что враждебное отношеніе болгарскаго правительства къ сербскимъ требованіямъ о пересмотрѣ статей договора, опредѣляющихъ размежеваніе Македонской территоріи между союзниками, въ цѣляхъ вознагражденія сербовъ за дѣятельную помощь при осадѣ Адріанополя, должно было неминуемо привести къ столкновенію, даже если бы и удалось, при помощи Россіи, найти временный выходъ изъ создавшихся затрудненій. Ко мнѣ обращались оффиціальныя лица за совѣтомъ относительно того, что дѣлать Сербіи ввиду осложнившихся обсто-

ятельствъ и не скрывали своего мнѣнія, что ей выгоднѣе всего было бы, предупредивъ болгаръ, самой начать военныя дѣйствія, такъ какъ въ арміи господствовала увѣренность въ успѣхѣ. Я отвѣчалъ, что не считаю себя вправѣ давать стратегическіе совѣты, но что съ политической точки зрѣнія, а также и съ нравственной, которой тоже опасно было пренебрегать, такой починъ причинилъ бы Сербіи непоправимый ущербъ, который не могъ бы быть заглаженъ никакими военными успѣхами.

Отправленію телеграммы Государя Королю сербскому и Царю болгарскому предшествовало, исходившее отъ русскаго Правительства, приглашеніе Предсѣдателямъ совѣтовъ министровъ балканскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Греціи, прибыть въ Петроградъ для улаженія ихъ споровъ. Еще раньше того, по настоянію Россіи, состоялось свиданіе между г. г. Гешовымъ и Пашичемъ, которое должно было затѣмъ быть расширено привлеченіемъ г. Венизелоса. Означенное свиданіе принесло, хотя и на короткое время, нѣкоторое успокоеніе въ политическую атмосферу на Балканахъ. Довольно скоро, однако, обнаружилось, что ни сербскій, ни болгарскій министръ не сдѣлалъ никакихъ примирительныхъ предложеній и что положеніе оставалось попрежнему натянутымъ.

Когда текстъ личнаго призыва Государя къ согласію и миру сталъ извѣстенъ за границей, онъ произвелъ вездѣ, и прежде всего въ Балканскихъ Государствахъ, чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ искренности и полномъ безкорыстіи, которыми звучало это воззваніе, и въ глубокомъ его миролюбіи, которыхъ не могли не признать враги Россіи, сосредоточивалась, какъ въ фокусѣ, вся балканская политика Петроградскаго Кабинета въ эту тревожную, для будущности балканскихъ народовъ, минуту. Отвѣтъ на такой призывъ долженъ былъ бы быть одинъ — передача спора въ руки Россіи и безусловное подчиненіе ея рѣшеніямъ. Съ внѣшней стороны онъ и послѣдовалъ. Первымъ изъ славянскихъ Государей на него откликнулся Царь болгарскій въ отвѣтной телеграммѣ, въ которой онъ заяв-

лялъ о принятіи Болгаріею посредничества Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ссылался на двусмысленное отношеніе Сербіи къ своимъ союзнымъ обязательствамъ и на негодованіе болгаръ на сербскіе замыслы лишить ихъ плодовъ своихъ побѣдъ.

Вслѣдъ за отвѣтомъ Фердинанда Кобургскаго въ Петроградѣ былъ полученъ отвѣтъ Короля Петра. Король сербскій, со своей стороны, жаловался на отношеніе своихъ союзниковъ къ справедливымъ требованіямъ сербовъ, но въ заключеніе говорилъ о томъ, что Сербія возлагаетъ свои надежды на справедливость и благоволеніе Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, изъ двухъ отвѣтовъ, первый былъ категоричнѣе второго, въ смыслѣ выраженія согласія на требованіе Государя отдать балканскій споръ на свой судъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, отвѣтъ Короля Петра не упоминалъ прямо о третейскомъ рѣшеніи Государя. Тѣмъ не менѣе, оцѣнивая оба отвѣта, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что первый, т. е. отвѣтъ Фердинанда Кобургскаго, былъ отправленъ менѣе двухъ недѣль до 17 іюня, дня, когда болгарскія войска совершили на Бригальницѣ свое нападеніе на сербскіе аванпосты и началась вторая Балканская война, веденная союзниками уже не противъ общаго врага, а противъ Болгаріи, мечтавшей рѣшить Македонскій вопросъ въ свою пользу и установить свое господствующее положеніе среди Балканскихъ государствъ путемъ предательскаго нападенія на своихъ союзниковъ. У русскаго Правительства никогда не было въ рукахъ прямого доказательства участія Вѣнскаго Кабинета въ этомъ замыслѣ. Тѣмъ не менѣе мы имѣли достаточно поводовъ предполагать, безъ всякой натяжки, что починъ Фердинанда Кобургскаго былъ сдѣланъ не безъ вѣдома и поощренія со стороны Австро-Венгерскаго Правительства. Нравственное соучастіе Вѣнскаго Кабинета въ этой вѣроломной попыткѣ тѣмъ болѣе вѣроятно, что австрійская дипломатія, какъ было уже сказано, никакъ не могла свыкнуться съ мыслью, что первая Балканская война, вмѣсто ожидаемаго разгрома турками сербской арміи, кончилась блестящей

побѣдой союзниковъ, которая должна была привести къ соотвѣтственнымъ территоріальнымъ увеличеніямъ каждаго изъ балканскихъ государствъ, въ томъ числѣ, конечно, и Сербіи, армія которой выказала прекрасныя боевыя качества и превосходную военную организацію. Поддерживая Фердинанда Кобургскаго и его единомышленниковъ, Вѣнская Дипломатія надѣялась наверстать потерянное и сразу отыграться послѣ перваго крупнаго проигрыша. Событія показали, и на этотъ разъ, ошибочность расчетовъ Вѣнскаго Кабинета и ненавистная ему Сербія вышла снова побѣдительницей изъ вторичнаго испытанія и своими побѣдами надъ Болгаріею значительно приблизилась къ осуществленію пансербскаго идеала.

Если первая Балканская война продолжалась весьма мало времени, то вторая протекла еще гораздо быстрѣе. Между сраженіемъ на Овчемъ-Полѣ, послѣдовавшимъ за схваткой на Брегальницѣ, открывшей войну 17 іюня, и 13 іюля, когда болгарское наступленіе превратилось въ полный разгромъ, прошло меньше мѣсяца. Сербы и греки неудержимо наступали съ Запада и Юга, а Румынскія войска переправились черезъ Дунай, чтобы поддержать силою оружія требованія территоріальныхъ уступокъ въ Добруджѣ. Даже турки вышли изъ-за Чаталджинскихъ линій, предъ которыми остановились, незадолго передъ тѣмъ, побѣдоносное наступленіе болгаръ, и стали продвигаться по направленію къ Адріанополю. Казалось, что никогда еще кара не слѣдовала такъ быстро за преступленіемъ. Только немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій могло спасти Болгарію отъ окончательнаго разгрома. Такъ какъ разрушеніе Болгаріи не входило въ виды Великихъ Державъ, а тѣмъ менѣе Россіи, то Петроградскій Кабинетъ, не теряя времени, выступилъ въ Софіи съ настоятельнымъ требованіемъ немедленной пріостановки враждебныхъ дѣйствій. Такое же требованіе было предъявлено одновременно въ Бѣлградѣ, Бухарестѣ и Аѳинахъ. Въ этомъ требованіи намѣчались, въ общихъ чертахъ, основныя положенія будущаго мира. Онѣ отдавали Сербіи всю территорію, лежащую на западъ отъ

линій водораздѣла Вардара и Струмы, а Греціи — всю южную Македонію, съ городомъ Сересомъ, и побережье Эгейскаго моря до Орфанскаго залива. Румынія еще раньше заявила о своемъ намѣреніи перенести свою границу съ Болгаріею на линію Туртукай — Балчикъ. Наше требованіе немедленнаго перемирія было сочувственно принято въ Бѣлградѣ. Въ Аѳинахъ же оно встрѣтило живое сопротивленіе со стороны г. Венизелоса, честолюбивые замыслы котораго относительно его родины было нелегко удовлетворить. Онъ не довольствовался для Греціи пріобрѣтеніемъ Салоникъ и виды его простирались и на Кавалу, оставляя, такимъ образомъ, за Болгаріею на Эгейскомъ морѣ только одинъ Дедеагачъ, мало пригодный какъ коммерческій портъ. Какъ бы ни казались преувеличенными требованія Греціи, Державамъ приходилось съ ними считаться, потому что, по мѣрѣ того, какъ выдвигались г. Венизелосомъ эти требованія, яснѣе обнаруживались симптомы сближенія между Императоромъ Вильгельмомъ и его зятемъ, Королемъ Константиномъ, которыхъ, до сего времени, не было замѣтно. Берлинскій Дворъ, еще незадолго передъ тѣмъ, отвѣчалъ бѣдному греческому родственнику полнымъ равнодушіемъ на изъявленія его Германскихъ симпатій. Эти симптомы особенно тревожили французское правительство, опасавшееся противодѣйствіемъ греческимъ желаніямъ лишиться того вліянія, которое давало ему въ Аѳинахъ давнишнее его эллинофильство, и увидѣть свое мѣсто захваченнымъ Германскимъ Императоромъ. Что касается Англійскаго правительства, то оно не обнаруживало никакого энергичнаго почина для скорѣйшаго достиженія перемирія.

Тѣмъ не менѣе многое было уже достигнуто благодаря тому, что намѣченныя въ общихъ чертахъ въ русскомъ предложеніи условія мира были приняты болгарскимъ правительствомъ. Оставалось, за невозможностью совмѣстныхъ дѣйствій Великихъ Державъ, путемъ непосредственныхъ переговоровъ между противниками достичь возможно скорой пріостановки враждебныхъ дѣйствій и условиться относительно подходя-

щаго мѣста для будущихъ мирныхъ переговоровъ. Выборъ могъ колебаться только между Лондономъ и Парижемъ, такъ какъ Тройственный союзъ наложилъ бы свой запретъ на Петроградъ, какъ совершенно непріемлемый для Австро-Венгріи центръ дипломатическихъ переговоровъ по Балканскимъ дѣламъ. Въ Лондонѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ былъ подписанъ мирный договоръ, завершившій первую Балканскую войну, и гдѣ еще продолжало работать совѣщаніе пословъ подъ предсѣдательствомъ Сэра Эдуарда Грэя, трудно было бы собрать еще новую мирную конференцію, не обременивъ тяжело Великобританскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Что касается до Парижа, то выборъ его, хотя и менѣе непріемлемый для центральныхъ державъ, чѣмъ выборъ Петрограда, тоже не улыбался Правительствамъ Тройственнаго Союза. Поэтому, когда по почину Берлинскаго Кабинета Бухарестъ былъ предложенъ мѣстомъ новыхъ мирныхъ переговоровъ, этотъ выборъ не встрѣтилъ ни съ чьей стороны возраженій.

Надо было торопиться положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ, потому что, пользуясь полнымъ разстройствомъ болгарскихъ военныхъ силъ и паникой, господствовавшей въ Софіи, куда подвигались изъ Варны румынскія войска, турки безпрепятственно вступили 21-го іюля въ Адріанополь, нарушивъ этимъ Лондонскій договоръ, по которому этотъ городъ отходилъ къ Болгаріи и болгарско-турецкая граница проходила отъ города Эноса, на Эгейскомъ морѣ, до Мидіи, на Черномъ. Самовольное нарушеніе Турціею только что подписаннаго ею мирнаго договора, само по себѣ недопустимое, имѣло еще послѣдствіемъ возвращеніе всей южной Ѳракіи, съ ея находящимся въ большинствѣ христіанскимъ населеніемъ, подъ власть турецкаго правительства. Чѣмъ угрожало греческому и болгарскому населеніямъ этой области такое вторичное подчиненіе туркамъ, было ясно для всѣхъ.

Какъ ни ослабѣли, подъ вліяніемъ предательскаго нападенія болгаръ на своихъ союзниковъ, симпатіи Россіи къ освобожденному ею народу, захватъ турками Адріанополя вызвалъ у насъ всеобщее негодованіе. Го-

сударь прервалъ свое лѣтнее крейсерованіе въ Финляндскихъ шхерахъ, возвратился въ Петергофъ для обсужденія Правительственныхъ мѣръ, которыя могли быть приняты ввиду возстановленія нарушеннаго турками мирнаго договора. Мнѣ пришлось имѣть нѣсколько энергичныхъ объясненій съ Турханомъ-Пашею, лично мнѣ очень симпатичнымъ, давая ему понять, что русское правительство не могло согласиться на нарушеніе договора. Въ этомъ же смыслѣ говорилъ оффиціально и Великобританскій первый министръ, г. Асквитъ, и изъ Парижа раздавались, по адресу Турціи, серьезныя предостереженія. Но въ это же самое время изъ Берлина меня извѣщали о томъ, что Германское правительство не приметъ участія ни въ какой враждебной Турціи демонстраціи. Въ Италіи обнаруживалось подобное же настроеніе и нашему представителю объявили въ Консультѣ, что Италія не будетъ участвовать ни въ какихъ принудительныхъ мѣрахъ противъ Турціи.

Какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и на этотъ разъ проявилась, разительнымъ образомъ, та раздвоенность, которая была послѣдствіемъ различія, а часто и непримиримости точекъ зрѣнія Великихъ Державъ во всѣхъ вопросахъ, касавшихся Ближняго Востока. Тутъ отсутствіе обще-европейскаго интереса выступало особенно ярко и объединеніе Державъ даже тогда, когда дѣло шло о поддержаніи основныхъ требованій христіанской этики, представлялось недостижимымъ. Чтобы добиться поставленныхъ себѣ нами цѣлей — принудить турокъ выполнить обязательство Лондонскаго мирнаго договора и, очистивъ Адріанополь, вернуться за линію Энось—Мидія, было бы вполнѣ достаточно морской демонстраціи Державъ Тройственнаго Согласія въ Турецкихъ водахъ. Но и это средство оказывалось непримѣнимымъ, такъ какъ эта демонстрація внесла бы полный расколъ въ безъ того плохо спаянныя дѣйствія Великихъ Державъ въ минуту, когда было особенно важно поддержать, въ глазахъ ближне-восточныхъ народовъ, фикцію согласованности европейской политики.

Въ виду этого лондонское совѣщаніе пословъ приняло рѣшеніе поручить представителямъ Великихъ

Державъ въ Константинополѣ сдѣлать тождественное заявленіе Портѣ о необходимости подчиниться постановленіямъ Лондонскаго договора относительно новой турецко-болгарской границы, причемъ Державы обѣщали принять во вниманіе тѣ условія, которыя Турція считаетъ нужными для обезпеченія безопасности означенной границы.

Несчастія Болгаріи, явившіяся послѣдствіемъ ея политическаго грѣха и повергшія ее въ очень тяжелое положеніе, вернули ей, въ извѣстной мѣрѣ, сочувствіе Россіи. Наше общественное мнѣніе, съ растущей тревогой, слѣдило за ходомъ событій на Балканахъ и Императорское Правительство не жалѣло усилій поддержать создавшуюся въ Европѣ благопріятную для Болгаріи въ Адріанопольскомъ вопросѣ атмосферу. При этомъ создалось парадоксальное положеніе, въ которомъ на нашей сторонѣ очутилась Австро-Венгрія, ставшая на нашу точку зрѣнія въ вопросѣ объ уступкѣ Болгаріи Кавалы и очутившаяся, благодаря этому, въ противорѣчіи съ Германіей, которая начинала явно покровительствовать греческимъ притязаніямъ по соображеніямъ, о которыхъ не трудно было догадаться и въ ту пору, но истинный смыслъ которыхъ обнаружился только въ Европейской войнѣ 1914 года.

Я уже указывалъ на то, что, съ другой стороны, наша союзница Франція не раздѣляла нашего взгляда на желательность предоставить Болгаріи лишній портъ на Эгейскомъ морѣ, нужный ей для обезпеченія правильныхъ торговыхъ сношеній съ средиземными государствами. Подобною любезностью по отношенію къ Греціи французское правительство надѣялось предупредить установленіе преобладающаго вліянія Германіи въ Аѳинахъ въ ущербъ тому, которымъ оно само пользовалось тамъ со временъ войны за греческое освобожденіе. Насколько расчеты эти были невѣрны, показало въ скоромъ времени поведеніе Короля Константина въ эпоху міровой войны.

Какъ бы то ни было, происшедшая въ связи съ вопросомъ о Кавалѣ путаница во взаимныхъ отношеніяхъ Великихъ Державъ была мимолетна и осталась безъ

вреднаго вліянія на прочность ихъ союзныхъ обязательствъ. Все кончилось тѣмъ, что Вѣнскій Кабинетъ получилъ изъ Берлина внушеніе отказаться отъ взятой на себя роли покровительницы, если не Болгаріи, то Фердинанда Кобургскаго, и, въ концѣ концовъ, Кавала отошла къ Греціи, благодаря настойчивому требованію Императора Вильгельма и не взирая на личное обращеніе Царя Болгарскаго къ президенту Французской Республики, не измѣнившее отрицательнаго взгляда Французскаго Правительства на требованіе Болгаріи второго порта на Эгейскомъ морѣ. Лондонскій Кабинетъ оставался въ этомъ вопросѣ нейтральнымъ, а Русское Правительство, хотя и не измѣнило своего мнѣнія, не сочло нужнымъ, изъ-за вопроса о принадлежности Кавалы тому или иному изъ Балканскихъ Государствъ, затягивать ходъ мирныхъ переговоровъ и отсрочивать, такимъ образомъ, заключеніе всѣми одинаково горячо желаемаго мира.

10-го августа мирные переговоры между Румыніею и Балканскими государствами пришли къ окончанію и былъ подписанъ Бухарестскій договоръ, по которому Болгаріи пришлось заплатить по счетамъ какъ своихъ бывшихъ союзниковъ, такъ и своей сѣверной сосѣдки, Румыніи, которая, не ведя войны, а ограничившись занятіемъ своими войсками безъ боя части Болгарской территоріи, вышла изъ этого предпріятія съ весьма существенной земельной прирѣзкой.

Бухарестскій миръ былъ только пластыремъ, налѣпленнымъ на незалѣченныя балканскія язвы, которымъ было суждено снова вскрыться не далѣе какъ черезъ годъ. Для Австро-Венгріи этотъ миръ означалъ тяжелое нравственное пораженіе, благодаря вторичному, въ теченіе одного года, блестящему успѣху Сербіи. Существованіе этого государства на самыхъ границахъ Австро-Венгріи было несовмѣстимо съ видами Вѣнской Дипломатіи, которой, однако, удалось лишь, въ незначительной мѣрѣ и ненадолгое время, задержать его государственный ростъ лишеніемъ его свободнаго доступа къ Адріатическому морю. Для Болгаріи Бухарестскій миръ запечатлѣвалъ крушеніе честолюбивой мечты

Фердинанда Кобургскаго о созданіи болгарскаго царства отъ предѣловъ Албаніи и до Мраморнаго моря. Горечь обманутыхъ надеждъ и затаенная злоба противъ тѣхъ, кого они считали виновниками испытанныхъ ими разочарованій, поставили судьбы болгарской политики въ тѣсную связь съ Вѣнскимъ кабинетомъ, какъ это наглядно доказала міровая война 1914 года.

V.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, который привлекъ къ себѣ мое серьезное вниманіе послѣ назначенія моего министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Румыніи. Если я не былъ въ состояніи посвятить ему, на первыхъ же порахъ по вступленіи моемъ въ должность, столько времени, сколько я полагалъ, что онъ заслуживалъ, то это произошло отъ того, что мое вниманіе было поглощено тогда усиліями поставить на прочное основаніе наши отношенія съ Германіею, которыя оставляли желать весьма многаго и которыя казались мнѣ требующими упорядоченія въ первую голову, такъ какъ я не могъ себѣ представить, чтобы русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ могъ, внѣ этого условія, успѣшно вести миролюбивую политику, необходимую въ интересахъ Россіи и Европы и отвѣчавшую волѣ Государя.

Къ несчастію тяжелая болѣзнь оторвала меня на долгое время отъ только что налаживавшейся работы и я былъ вынужденъ передать веденіе переговоровъ съ Берлиномъ моему товарищу, А. А. Нератову, на знанія, опытъ и тактъ котораго я могъ вполнѣ положиться. Такимъ образомъ живо интересовавшая меня Румынія должна была сойти съ очереди, на которую я ее поставилъ, и изученіе ея, съ точки зрѣнія заключавшихся въ ней для будущаго политическихъ возможностей, было отложено до болѣе благопріятной минуты.

Когда я снова вернулся къ управленію дѣлами, я постарался наверстать потерянное время и не пропускалъ случая возможно полнаго освѣдомленія относительно

направленія ея внѣшней политики и внутренняго ея положенія. Мнѣ было извѣстно, что Румынія не только тяготѣла къ Державамъ Тройственнаго Союза, но и была связана съ двумя изъ нихъ договорными отношеніями и что, вслѣдствіе этого, она находилась въ лагерѣ нашихъ политическихъ противниковъ. Причины, побудившія Румынію направить ея внѣшнюю политику въ сторону враждебную намъ, были мнѣ тоже извѣстны. Онѣ сводились, въ общемъ, къ чувству раздраженія, унаслѣдованному отъ поколѣнія румынскихъ дѣятелей эпохи войны 1877 года, негодовавшихъ на Россію за возвращеніе себѣ, по окончаніи войны съ Турціею, трехъ южныхъ уѣздовъ Бессарабіи, утраченныхъ на основаніи Парижскаго мира 1856 года, вопреки данному Румынскому княжеству обѣщанію сохраненія его территоріальной цѣлости. Относясь совершенно объективно къ этому, уже далекому отъ насъ, событію, я готовъ признать, что, можетъ быть, со стороны Россіи въ періодъ ликвидаціи войны были допущены, по отношенію къ ея союзницѣ, погрѣшности въ формѣ, къ которымъ небольшія государства особенно чувствительны и которыя, какъ это было въ данномъ случаѣ, нерѣдко оставляютъ по себѣ слѣды въ видѣ чувства обиды и длящагося нерасположенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я вынужденъ признать, что румынское толкованіе этого факта, о которомъ я всегда искренно сожалѣлъ, едва ли вполнѣ отвѣчаетъ истинѣ. Поступленіе мое на дипломатическую службу послѣдовало всего черезъ пять лѣтъ послѣ Берлинскаго Конгресса и, благодаря этому обстоятельству, я лично зналъ почти всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ мирныхъ переговорахъ 1878 года, изъ которыхъ многія занимали еще въ это время отвѣтственныя должности въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Отъ этихъ лицъ я неоднократно слышалъ, что Румынское Правительство, черезъ посредство г-на Братіяно (отца нынѣшняго перваго Министра Румыніи), пріѣзжавшаго до начала войны въ Ливадію, гдѣ тогда находился Императоръ Александръ II, для предварительныхъ переговоровъ по заключенію союза противъ Турціи, было предупреждено о томъ, что Россія

имѣетъ въ виду вернуть себѣ отторгнутую отъ нея придунайскую область, въ которой, кстати сказать, Молдавскій элементъ весьма слабо представленъ. Мнѣ говорили, правда, что это предупрежденіе не было облечено въ письменную форму, а сдѣлано лишь устно, хотя и самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Поэтому, откуда пошла легенда о коварномъ обманѣ, жертвой котораго стала будто бы Румынія, въ настоящее время трудно опредѣлить. Приходится отнести ее къ безчисленному количеству тѣхъ неразъясненныхъ еще фактовъ, которыми изобилуетъ политическая исторія всѣхъ временъ, не исключая и ближайшихъ. Какъ бы то ни было, лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что Румынское толкованіе было принято не только безъ малѣйшей критики румынскимъ общественнымъ мнѣніемъ, но къ нему отнеслись, съ искреннимъ или поддѣльнымъ довѣріемъ, и иностранные наши недоброжелатели. То обстоятельство, что Россія, взамѣнъ возвращенныхъ трехъ южныхъ уѣздовъ Бессарабской губерніи, уступила Румыніи завоеванную у Турокъ Добруджу и тѣмъ открыла ей свободный доступъ къ морю, сводилось, въ толкованіяхъ румынской патріотической печати, къ размѣрамъ незначительнаго факта, не вознаграждавшаго Румыніи за понесенный ею нравственный и матеріальный ущербъ, или же обходилась полнымъ молчаніемъ.

Это прискорбное недоразумѣніе пустило въ Румыніи глубокіе корни. Искусственно подогрѣваемое изъ Германіи и Австро-Венгріи, которымъ оно было на руку и которыя занимали въ Бухарестѣ преобладающее политическое положеніе со времени упроченія власти принца Карла Гогенцоллернскаго, сдѣлавшагося, послѣ войны 1877 года, первымъ Королемъ Румыніи, оно легло въ основаніе русско-румынскихъ отношеній. Благодаря послѣдовательности и методичности, съ которыми велась въ Бухарестѣ анти-русская пропаганда, недовѣріе къ Россіи стало для румынскихъ политическихъ дѣятелей чѣмъ-то вродѣ политическаго догмата. Особенно недоброжелательство къ намъ питали консерваторы, придерживавшіеся германской оріентаціи и

пользовавшіеся поэтому благоволеніемъ Короля Карла, но ему не были чужды и ихъ противники либеральнаго лагеря, можетъ быть въ силу семейныхъ преданій своего вождя г-на Братьяно. Какъ бы то ни было, въ Румыніи не было людей, относившихся не только дружелюбно къ Россіи, но даже просто безпристрастно. Рѣдко кому приходило въ голову, до Великой Европейской войны, переоцѣнившей всѣ политическія цѣнности, задать себѣ вопросъ, могла ли еще Румынія ожидать въ будущемъ отъ Россіи новыхъ непріятностей или, опрокинувъ вопросъ, какую существенную пользу могла она пріобрѣсти отъ своей вражды къ своей восточной сосѣдкѣ и отъ сближенія съ Австро-Венгріею, которая владѣла Трансильваніею съ ея четырехъ-милліоннымъ, чисто румынскимъ, населеніемъ, представлявшимъ въ культурномъ отношеніи цѣнную часть румынскаго народа. Правда изъ Берлина и Вѣны Румынію обольщали перспективой присоединенія не только вернувшихся къ Россіи придунайскихъ уѣздовъ Бессарабіи, но и всей этой области, съ ея Молдавскимъ населеніемъ, не только не мыслящимъ себя Румынами, каковыми они никогда не были, будучи присоединены къ Россіи по Бухарестскому миру 1812 года, когда Румыніи еще не существовало, а было только два раздѣльныхъ между собою Дунайскихъ княжества, но и давно свыкнувшихся съ русскимъ правленіемъ и достигшихъ, подъ властью Россіи, экономическаго и культурнаго развитія, которымъ не обладала ни одна часть Румыніи, гдѣ крестьянское населеніе жило въ состояніи, близкомъ къ крѣпостному праву*). Само собою разумѣется, что означенныя перспективы могли обратиться въ дѣйствительность лишь въ случаѣ побѣдоносной войны съ Россіей, т. е. осуществленіе ихъ было обставлено условіями, недостижимыми единоличными силами Румыніи, что должно было значительно уменьшить ихъ практическую цѣнность и вселить въ благоразумныхъ людей со-

*) Бессарабія была одной изъ тѣхъ областей Россіи, въ которыхъ крѣпостное право не существовало. Оно распространялось тамъ лишь на цыганское населеніе.

мнѣніе въ цѣлесообразности враждебной Россіи политики *).

Наоборотъ, отъ сближенія съ Россіею и остальными членами Тройственнаго Согласія, Румынія могла ожидать осуществленія своего національнаго объединенія пріобрѣтеніемъ пяти милліоновъ румынъ, которые находились подъ пятою мадьярскаго правительства и, поэтому, искренно мечтали о возсоединеніи съ зарубежными братьями. Мнѣ казалось, что задачей русскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ должно было быть помочь румынскому Правительству и общественному мнѣнію разобраться въ сущности въ весьма несложномъ вопросѣ его внѣшне-политическихъ интересовъ и, поскольку это зависѣло отъ русскаго правительства, привести Румынію къ сознанію неправильности и нецѣлесообразности того пути, на который ее поставили Германскія вліянія, какъ въ самой странѣ, такъ и внѣ ея. При этомъ я имѣлъ въ виду, само собой разумѣется, прежде всего служить интересамъ Россіи, стараясь примирить съ нею сосѣднюю страну, отъ которой мы ничего не желали, кромѣ пріобрѣтенія ея искренняго расположенія, но которая, съ своей стороны, могла ожидать отъ насъ серьезной помощи въ дѣлѣ своего національнаго возрожденія, когда таковое было бы поставлено на очередь неизбѣжнымъ ходомъ историческихъ событій.

Мой дѣятельный интересъ къ положенію вещей въ Румыніи совпалъ съ пробужденіемъ тамъ, въ либеральномъ лагерѣ, критическаго отношенія къ укоренившейся, въ придворныхъ кружкахъ и среди консерваторовъ, привычкѣ искать вдохновенія только изъ Германскихъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи наибольшая заслуга

*) Если тѣмъ не менѣе Румыніи удалось, послѣ заключенія Версальскаго мира, перенести свою границу съ Прута на Днѣстръ, то это случилось не благодаря ея союзу съ Центральными Державами а отъ того, что въ 1916 году она имъ измѣнила, за что была вознаграждена бывшими союзниками Россіи присоединеніемъ, кромѣ выговоренныхъ частей Венгріи, всей Буковины и Трансильваніи, послѣ Версальскаго мира, еще и

принадлежала главѣ либеральнаго правительства, г-ну Братьяно, находящемуся нынѣ, послѣ долгихъ перепитій, снова у власти. Этимъ счастливымъ совпаденіемъ намѣченная мною цѣль въ значительной степени облегчалась. Я старался придать моимъ служебнымъ отношеніямъ съ Румынскимъ посланникомъ въ Петроградѣ, г-номъ Діаманди, болѣе искренній и довѣрчивый характеръ, тѣмъ болѣе, что этотъ дипломатъ пользовался особымъ расположеніемъ г-на Братьяно. Задача моя упрощалась еще тѣмъ, что въ г-нѣ Діаманди я нашелъ человѣка умнаго и свободнаго отъ многихъ устарѣлыхъ политическихъ предразсудковъ, охотно пошедшаго навстрѣчу моимъ примирительнымъ попыткамъ. Съ другой стороны я добивался той же цѣли путемъ тщательнаго выбора нашихъ представителей въ Бухарестѣ, которымъ давалъ инструкціи въ смыслѣ установленія возможно дружественныхъ отношеній съ румынскимъ правительствомъ и обществомъ.

Идя въ этомъ направленіи, я долженъ былъ стараться достичь не только согласія Государя на нашу новую политику въ отношеніи Румыніи, но и вызвать съ его стороны личное въ ней участіе, безъ котораго она была бы обречена на неудачу. Я, кажется, говорилъ уже не разъ, что Императоръ Николай легко и правильно понималъ вопросы внѣшней политики, а въ доброй волѣ его откликнуться на новый починъ, отъ котораго можно было ожидать, въ этой области, пользы для Россіи я не имѣлъ никакого основанія сомнѣваться. На самомъ дѣлѣ, послѣ нѣсколькихъ моихъ докладовъ по румынскому вопросу, въ которыхъ я изложилъ ему, что Россіи надлежало сдѣлать первый шагъ по пути политическаго сближенія съ Румыніею, чтобы не дать этой

Бессарабской области въ цѣломъ ея составѣ, безъ всякаго плебисцита, а просто на основаніи постановленія мѣстнаго провинціальнаго собранія, дѣйствовавшаго подъ давленіемъ изъ Бухареста. Этой уступкой всей Бессарабіи наши бывшіе союзники пожелали, очевидно, покарать русскій народъ, по ихъ мнѣнію недостаточно наказанный крушеніемъ своей государственности, за большевистскую измѣну.

странѣ перейти безповоротно въ лагерь нашихъ враговъ, Государь сталъ обнаруживать искренній интересъ къ этому дѣлу и выразилъ мнѣ свою готовность оказать, личнымъ своимъ участіемъ, помощь усиліямъ русской дипломатіи. Для подобнаго участія можно было, безъ труда, найти подходящій поводъ.

Конференція, собравшаяся подъ моимъ предсѣдательствомъ въ Петроградѣ весной 1913 года, на которой, при дѣятельномъ участіи русскаго правительства, было рѣшено удовлетворить желанія Румыніи относительно уступки ей Силистріи и обезпеченія безопасности ея Дунайской границы, могла служить отправной точкой для всякихъ дальнѣйшихъ дружественныхъ шаговъ.

Первымъ проявленіемъ возрождавшейся, послѣ продолжительнаго охлажденія, русско-румынской дружбы, было пожалованіе Государемъ Королю Карлу фельдмаршальскаго жезла въ память его славнаго участія въ побѣдахъ нашихъ союзныхъ войскъ въ войнѣ 1877 и 78 годовъ. Счастливая мысль этого пожалованія принадлежала Императору Николаю и я могъ только отнестись къ ней съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ, видя въ этомъ самопочинномъ актѣ Государя проявленіе того личнаго его участія въ политикѣ сближенія нашего съ Румыніею, которому я придавалъ особенное значеніе. Когда Государь сообщилъ мнѣ объ этомъ намѣреніи, онъ прибавилъ, что желалъ бы обставить вручение жезла Королю особою торжественностью, поручивъ это вручение одному изъ членовъ Императорскаго Дома, но не зналъ на комъ остановить свой выборъ. Зная, по близкому личному знакомству съ нимъ, интересъ, который Великій Князь Николай Михайловичъ издавна питалъ къ вопросамъ внѣшней политики, я предложилъ Государю дать это почетное порученіе этому члену его семьи, имя котораго было хорошо извѣстно заграницей, благодаря его многочисленнымъ трудамъ по русской исторіи начала девятнадцатаго столѣтія.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Бухарестъ Великій Князь заѣхалъ ко мнѣ за полученіемъ болѣе подроб-

ныхъ указаній относительно цѣлей своей командировки, къ которой онъ, какъ я и ожидалъ, обнаруживалъ самый живой интересъ. Такъ какъ на него не возлагалось никакой спеціальной миссіи, я могъ ограничиться порученіемъ ему быть въ Румыніи истолкователемъ тѣхъ настроеній, которыхъ онъ не могъ не замѣтить въ Россіи и которыя сводились къ искреннему желанію Государя и Императорскаго Правительства поставить наши отношенія къ ней на болѣе близкую и дружественную ногу, чѣмъ онѣ были за послѣднее время. Наряду съ этими общими указаніями я просилъ Великаго Князя, отличавшагося большой любознательностью, не безъ примѣси любопытства, которую онъ искалъ удовлетворить, гдѣ бы онъ ни находился, общеніемъ съ возможно большимъ количествомъ лицъ разнообразныхъ слоевъ общества, освѣдомиться о господствовавшихъ въ Румыніи настроеніяхъ по отношенію къ намъ, провѣряя свои впечатлѣнія по свѣдѣніямъ, которыми располагалъ нашъ посланникъ, Н. Н. Шебеко, успѣвшій создать себѣ хорошее положеніе въ Бухарестѣ.

Вернувшись въ Петроградъ, Великій Князь разсказалъ мнѣ, что Король былъ глубоко тронутъ оказаннымъ ему Государемъ вниманіемъ, которое было оцѣнено по достоинству въ политическихъ кругахъ и въ общественномъ мнѣніи страны, и что онъ считалъ, что наша попытка завязать болѣе дружественныя отношенія съ Румыніею была встрѣчена съ искреннимъ сочувствіемъ, какъ Правительствомъ, такъ и широкими кругами румынскаго общества. Исключеніемъ являлась одна консервативная партія, оставшаяся вѣрною своимъ германскимъ симпатіямъ. Послѣднее можно было сказать и о Королѣ, связавшемъ договорными отношеніями судьбу Румыніи съ судьбой своей Германской родины и этимъ предопредѣлившимъ направленіе своей политики на все продолженіе своего царствованія. Что касалось до Наслѣдника Престола и, въ особенности, умной и энергичной его супруги, внучки по матери Императора Александра II, а также членовъ многочисленной либеральной партіи съ г-номъ Братьяно во главѣ, находившейся тогда у власти, то на нихъ по словамъ

Великаго Князя, имѣвшаго случай слышать ихъ откровенныя мнѣнія, были явно замѣтны слѣды новыхъ вѣяній, изъ чего можно было вывести благопріятныя заключенія для будущности нашихъ отношеній съ Румыніею. Въ этихъ свѣдѣніяхъ для меня было мало новаго, но мнѣ было пріятно получить подтвержденіе, изъ устъ человѣка свѣжаго и не лишеннаго дара наблюдательности, всего того, что доходило до меня по этому поводу изъ дипломатическихъ источниковъ.

Вскорѣ послѣ поѣздки Великаго Князя Николая Михайловича въ Бухарестъ въ Петроградѣ состоялось освященіе памятника Великаго Князя Николая Николаевича, бывшаго главнокомандующаго нашихъ армій въ турецкую войну 1877 года. Для сохраненія живою памяти нашего братства по оружію въ борьбѣ за освобожденіе Болгаріи, Государь пригласилъ Румынскій Дворъ и представителей румынской арміи принять участіе въ этомъ торжествѣ. Съ этой цѣлью прибыли въ Петроградъ Наслѣдный Принцъ Фердинандъ и Наслѣдная Принцесса Марія съ ихъ старшимъ сыномъ, 20-ти лѣтнимъ Принцемъ Карломъ, а также и депутаціи отъ разныхъ частей румынской арміи. Наслѣдная Чета провела около недѣли въ Царскомъ Селѣ и за это время я имѣлъ нѣсколько разъ случай видѣть Румынскихъ Гостей. Въ связи съ ихъ пріѣздомъ въ Россію возникли слухи о возможности помолвки одной изъ старшихъ дочерей Государя съ Принцемъ Карломъ. Эти слухи не были лишены основанія. По многимъ причинамъ этотъ бракъ могъ быть признанъ русскимъ Дворомъ вполнѣ подходящимъ, а лично мнѣ онъ казался, по политическимъ соображеніямъ, желательнымъ, чего я не скрывалъ отъ Государя и Императрицы. Ихъ Величества, не возражая ничего противъ моихъ доводовъ, настаивали только на томъ, чтобы бракъ Великой Княжны, — тогда говорили главнымъ образомъ объ Ольгѣ Николаевнѣ, — состоялся только по болѣе близкомъ знакомствѣ молодыхъ людей между собою и при непремѣнномъ условіи свободнаго согласія на него Ихъ дочери.

Кто хоть немного былъ знакомъ съ семейной атмо-

сферой Царско-сельскаго Дворца, не могъ ожидать ничего другого. Въ Царской Семьѣ Родителей и дѣтей связывала самая нѣжная привязанность и мысль о бракѣ по чисто политическимъ соображеніямъ или, попросту говоря, по принужденію, представлялась всѣмъ ея членамъ совершенно невозможною. По этому поводу мнѣ припоминается разговоръ, который у меня былъ съ Императрицею на брачныя темы на террасахъ Ливадійскаго Дворца и который я привожу, какъ иллюстрацію ея взглядовъ на семейныя отношенія. «Я съ ужасомъ думаю», сказала мнѣ Императрица, «что приближается время, когда намъ придется разстаться съ нашими дочерьми. Я бы ничего, разумѣется, такъ не желала, какъ чтобы онѣ, и послѣ замужества, оставались въ Россіи. Но у меня четыре дочери и это, очевидно, невозможно. Вы понимаете, какъ трудны браки въ Царствующихъ Домахъ. Я знаю это по собственному опыту, хотя Я и не была никогда въ положеніи моихъ дочерей и, какъ дочь Великаго Герцога Гессенскаго, мало подвергалась риску политическаго брака. Тѣмъ не менѣе и мнѣ грозила опасность выйти замужъ безъ любви или даже просто безъ привязанности и я живо помню, что я пережила, когда въ Дармштадтъ пріѣхалъ», — тутъ Императрица назвала члена одного изъ Германскихъ Владѣтельныхъ Домовъ, — «и отъ меня не скрыли, что онъ имѣлъ намѣреніе на мнѣ жениться. Я его совершенно не знала и никогда не забуду, что я выстрадала при первой съ нимъ встрѣчѣ. Бабушка моя, Королева Викторія, сжалилась надо мной и меня рѣшили оставить въ покоѣ. Господь иначе устроилъ мою судьбу и послалъ мнѣ семейное счастье, о которомъ я и не мечтала. Тѣмъ болѣе я считаю себя обязанной предоставить моимъ дочерямъ право выйти замужъ только за людей, которые внушатъ имъ къ себѣ расположеніе. Дѣло Государя рѣшить, считаетъ ли онъ тотъ или иной бракъ подходящимъ для своихъ дочерей или нѣтъ, но дальше этого власть родителей не должна идти». Въ концѣ нашего разговора Императрица сдѣлала еще одно характерное замѣчаніе, чисто практическаго свойства, которое я привожу, по-

тому что оно указываетъ на то сильное вліяніе, которое имѣло на ея образъ мыслей 20-ти лѣтнее пребываніе ея въ положеніи Русской Императрицы. «Подумайте», прибавила она, «что означаетъ для Русской Великой Княжны выйти замужъ за иностранца, даже въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ. Тутъ я опять говорю по личному опыту. Сравните, какъ живутъ и все то, чѣмъ пользуются онѣ у себя дома, съ тѣмъ, что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ожидаетъ ихъ за границей. Какъ трудно имъ, поэтому, рѣшиться промѣнять прежнюю жизнь на новую. Чтобы сдѣлать подобный переходъ возможнымъ, нужно, по крайней мѣрѣ, сильное увлеченіе».

Эти соображенія Императрицы были, конечно, не лишены основанія. Но съ какой, холодящей душу, иронією отозвались на нихъ событія, которыхъ, впору означеннаго разговора, происходившаго въ прелестной рамкѣ благоухающихъ Ливадійскихъ садовъ, надъ темной синевой Чернаго Моря, ни Императрица, задумывавшаяся надъ будущностью своихъ дочерей, ни я, чужой, но преданный и желавшій имъ добра, человѣкъ, не могли предугадать и въ самой отдаленной степени!

Чтобы окончательно наладить начинавшееся улучшеніе нашихъ отношеній съ Румыніею, нужно было увѣнчать усилія русской дипломатіи въ этомъ направленіи поѣздкой Государя въ Румынію для отдачи Королю Карлу визита, въ отвѣтъ на состоявшееся уже нѣсколько лѣтъ до того посѣщеніе имъ Петергофа. Будучи весной 1914 года въ Ливадіи, я обратилъ вниманіе Его Величества на настоятельную необходимость этой поѣздки, о которой онъ пересталъ думать подъ вліяніемъ установившагося въ немъ убѣжденія, что на Румынію надо было смотрѣть не какъ на независимое, а какъ на подсобное Тройственному Союзу, Государство.

Я представилъ Государю мои соображенія относительно легкости и удобства, съ которыми путешествіе въ Румынію могло бы быть совершено во время пребыванія Двора въ Ливадіи. Изъ Крыма Царская Семья могла прибыть, морскимъ путемъ, въ Констанцу, откуда, если бы свиданіе должно было бы состояться въ Бу-

харестѣ, ей было бы уже недалеко до румынской столицы. Если же оно могло произойти въ самой Констанцѣ, куда Король и Королева Румынскіе обыкновенно ѣздили каждое лѣто, то дѣло обстояло бы еще проще. Государь призналъ мои доводы убѣдительными и, черезъ нѣсколько дней, поручилъ мнѣ сообщить въ Бухарестъ о своемъ желаніи посѣтить Короля Карла въ Констанцѣ вмѣстѣ съ Императрицей и всѣми дѣтьми. По взаимному соглашенію свиданіе было назначено на первое іюня.

Я пріѣхалъ въ Констанцу сухимъ путемъ изъ Петрограда, за короткое время до прибытія туда Императорской яхты «Штандартъ», и присутствовалъ на пристани при торжественной встрѣчѣ Царской Семьи Королемъ и Королевой румынскими и Наслѣднымъ Принцемъ и всею его семьею. Встрѣча была радушная и блестящая, съ обычными, въ этихъ случаяхъ, взаимными представленіями, затѣмъ слѣдовали парадъ войскъ, банкетъ съ обмѣномъ теплыхъ привѣтственныхъ рѣчей и т. д. Государь принялъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Братьяно, а Король Карлъ — меня въ длительной ауді-енціи, во время которой онъ выразилъ мнѣ свою искреннюю радость видѣть у себя Государя и Царскую Семью. Онъ говорилъ объ Императорѣ Николаѣ съ тѣмъ особеннымъ чувствомъ, съ которымъ говорятъ старики о людяхъ гораздо моложе себя, къ которымъ они питаютъ расположеніе.

Этотъ старый, умный Гогенцоллернъ, сидѣвшій на Престолѣ чужой и далекой страны, не безъ гордости оглядывался на свое долгое царствованіе и на многочисленные труды, положенные имъ на устройство и развитіе своего государства, о благѣ котораго онъ заботился съ чисто германской выдержкою и послѣдовательностью и въ Германскомъ же духѣ, плотно скрѣпилъ связь его со своею старою родиною, за горизонты которой его политическій взоръ мало проникалъ. Касаясь вопросовъ современной политики, Король Карлъ спросилъ меня, предвижу-ли я возможность войны въ Европѣ. Было видно, что онъ относился къ этому вопросу съ нѣсколько тревожнымъ интересомъ, что

было вполнѣ естественно со стороны Государя, близко стоявшаго, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, къ Балканскимъ событіямъ предшествовавшихъ двухъ лѣтъ. Хотя въ іюнѣ 1914 года и казалось, что Европа благополучно вышла изъ Балканскихъ осложненій, вмѣстѣ съ тѣмъ ни у кого, изъ близко стоявшихъ къ дѣламъ людей, не было твердаго убѣжденія, что это благополучіе установилось прочно. Всѣ мы знали, что Лондонскій и Бухарестскій мирные договоры не потушили Балканскаго пожара, а лишь засыпали его дымившіеся остатки, продолжавшіе тлѣть подъ слоемъ пепла и готовые вспыхнуть, если бы до нихъ проникло какое нибудь свѣжее дуновеніе. Но всѣмъ хотѣлось вѣрить въ наступающее успокоеніе и никто, конечно, не подозрѣвалъ, что эти тлѣвшіе угли обратятся въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ въ пожаръ, которому суждено было захватить весь міръ, уничтожить одну половину Европы и раззорить другую.

На вопросъ Короля о возможности европейской войны, я сказалъ ему, что думаю, что опасность войны наступитъ для Европы только въ томъ случаѣ, если Австро-Венгрія нападетъ на Сербію. Я прибавилъ, что во время первой Балканской войны я откровенно высказался въ этомъ смыслѣ Австро-Венгерскому послу въ Петроградѣ, графу Турну, а вслѣдъ затѣмъ и германскому, графу Пурталесу, прося ихъ довести объ этомъ до свѣдѣнія своихъ Правительствъ. Король ничего на это не возразилъ и сидѣлъ задумавшись. Затѣмъ онъ проговорилъ: «Надо надѣяться, что она этого не сдѣлаетъ». Я искренно присоединился къ этой надеждѣ.

Мое мнѣніе относительно угрозы европейскому миру вслѣдствіе покушенія Вѣнскаго кабинета на независимость Сербіи произвело впечатлѣніе на стараго Короля. Принимая, черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія со мною, Австро-Венгерскаго посланника въ Бухарестѣ, графа Чернина, бывшаго впослѣдствіи недолгое время Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, Король передалъ ему дословно мое замѣчаніе. Въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ въ 1919 году подъ заглавіемъ «Im Weltkriege», Черинъ останавливается довольно

подробно (стр. 117) на этомъ эпизодѣ, о которомъ онъ немедленно извѣстилъ Вѣнское Правительство. Въ видѣ личнаго комментарія Чернинъ прибавляетъ, съ той своеобразною логикою, которая была присуща старой Австро-Венгерской Дипломатіи, что, въ то время, когда я говорилъ съ Королемъ Карломъ, мнѣ, вѣроятно, уже было извѣстно о какихъ то сербскихъ замыслахъ противъ Австро-Венгріи.

«Штандартъ» простоялъ въ Констанскомъ портѣ двѣнадцать часовъ и, вечеромъ перваго же іюня, отошелъ съ Императорской Семьей въ Одессу, послѣ сердечныхъ проводовъ Короля и Королевы и всей королевской семьи. Передъ отходомъ яхты я просилъ Государя разрѣшить мнѣ провести еще нѣсколько дней въ Румыніи, такъ какъ я собирался, по приглашенію г-на Братьяно, съѣздить въ Бухарестъ, чтобы познакомиться съ остальными членами румынскаго правительства и имѣть случай поговорить о дѣлахъ, внѣ суеты оффиціальнаго пріема, съ нашимъ, незадолго передъ тѣмъ назначеннымъ, посланникомъ С. А. Поклевскимъ.

На слѣдующій день по отбытіи Государя я завтракалъ у Короля въ маленькомъ павильонѣ, построенномъ на концѣ далеко вдающагося въ море мола, въ которомъ жила Королева Елизавета, не утратившая съ сѣдиною поэтическаго дара и любившая прислушиваться къ плеску морскихъ волнъ. О политикѣ не говорили изъ за присутствія дамъ, но вспоминали о прошломъ и дѣлали планы на ближайшее будущее. Королева разсказывала о томъ, какъ она, будучи молодой дѣвушкой, гащивала въ Россіи у своей тетки, Великой Княгини Елены Павловны. Эта замѣчательная женщина оставила по себѣ глубокій слѣдъ общественной и культурной жизни нашей Родины тѣмъ горячимъ участіемъ, которое она принимала въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, а равно и покровительству, оказанному ею русской наукѣ и искусствамъ въ первую половину царствованія Императора Александра II. Говоря о Великой Княгинѣ, Королева называла многихъ изъ выдающихся дѣятелей этой приснопамятной эпохи, для которыхъ Михайловскій Дворецъ служилъ общественнымъ и умственнымъ

центромъ и изъ которыхъ я лично зналъ еще, въ мои молодые годы, довольно многихъ. Планы на будущее строили, какъ было вполнѣ естественно, молодые элементы Королевской семьи, главнымъ образомъ Наслѣдная Принцесса, со свойственнымъ ей оживленіемъ говорившая о предстоявшей ей осенью, по приглашенію Государя и Императрицы, поѣздкѣ, со старшимъ сыномъ, на болѣе или менѣе долгое пребываніе, въ Ливадію, которою она, какъ и вообще всѣмъ Крымомъ, очень интересовалась. Вмѣсто этой поѣздки, въ сентябрѣ 1914 года, состоялся прорывъ черезъ турецкіе проливы двухъ германскихъ военныхъ судовъ, а затѣмъ — ихъ появленіе въ Черномъ морѣ, бомбардированіе Одесскаго порта и нѣсколькихъ городовъ Крымскаго побережья, т. е. началась и на южномъ фронтѣ война, бушевавшая на западныхъ границахъ Россіи уже болѣе шести недѣль.

Въ тотъ же вечеръ второго іюня я уѣхалъ въ Бухарестъ вмѣстѣ съ г-номъ Братьяно и барономъ Шиллингомъ, начальникомъ моей канцеляріи и ближайшимъ моимъ сотрудникомъ, всегда сопровождавшимъ меня въ моихъ служебныхъ поѣздкахъ. Съ нами вмѣстѣ возвращался въ Бухарестъ и нашъ посланникъ Поклевскій.

За тѣ два дня, что я пробылъ въ румынской столицѣ, я имѣлъ часто случаи бесѣдовать съ г-номъ Братьяно, который оказался умнымъ и симпатичнымъ собесѣдникомъ, хотя и болѣе любопытнымъ, чѣмъ сообщительнымъ. Хотя мнѣ приходилось, при первыхъ приступахъ къ дѣловымъ разговорамъ, дальше которыхъ мы не могли итти при первой встрѣчѣ, тоже быть довольно сдержаннымъ и не исчерпывать ни одного изъ затрагиваемыхъ нами вопросовъ, я тѣмъ не менѣе успѣлъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о личныхъ взглядахъ главы румынскаго правительства. Изъ того, что я слышалъ отъ г-на Братьяно, мнѣ не трудно было установить, что онъ совершенно освободился отъ тѣхъ предубѣжденій, которыя, въ теченіе столькихъ лѣтъ, мѣшали многимъ изъ его соотечественниковъ хладнокровно оцѣнивать пользу для себя сближенія съ Россіею въ предвидѣніи политическихъ событій, неми-

нуемость которыхъ становилась съ каждымъ годомъ очевиднѣе. Я не могъ сомнѣваться, что онъ ясно сознавалъ, что дряхлѣвшій Австрійскій Императоръ и дряхлѣвшая еще быстрѣе его Габсбургская Монархія, были плохими союзниками для молодой Румыніи, нетерпѣливо ожидавшей минуты предъявить свои неоспоримыя права на крупную часть Австрійскаго Наслѣдства. Братьяно отлично понималъ, что его отечество могло получить это наслѣдство только при помощи Россіи. Поэтому мы уже тогда могли надѣяться найти въ немъ сторонника нашей политики сближенія съ Румыніею и, съ нимъ вмѣстѣ, во многихъ другихъ видныхъ политическихъ дѣятеляхъ, изъ которыхъ одни пошли бы намъ навстрѣчу изъ единомыслія съ нимъ, а другіе — изъ страха быть имъ опереженными.

Впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ моей поѣздки въ Румынію, опредѣлили по отношенію къ ней нашу дальнѣйшую политику, которая, съ тѣхъ поръ, не уклонялась въ сторону отъ даннаго ей направленія. Мы были только въ извѣстности относительно того, насколько мы могли спокойно опереться на г-на Братьяно и на тѣхъ румынскихъ дѣятелей, которые были готовы, по патріотическимъ соображеніямъ, связать свою судьбу съ нами, такъ какъ мы не имѣли достаточно данныхъ для опредѣленія ихъ нравственнаго калибра, фактора, имѣющаго въ политикѣ не меньшее значеніе, чѣмъ во всякой иной дѣятельности. Съ этой стороны намъ предстояло ознакомиться съ ними позднѣе, въ теченіе Великой Войны, еще въ то время сокрытой отъ нашего взора, несмотря на ея грозную близость.

Въ день моего отъѣзда изъ Констанцы Король Карлъ сказалъ мнѣ, что онъ надѣется, что я успѣю съѣздить изъ Бухареста въ Синаю, лѣтнее мѣстопребываніе Королевской семьи въ Карпатскихъ горахъ, вблизи отъ Венгерской границы. Чтобы исполнить желаніе Короля, а можетъ быть, чтобы имѣть случай ближе со мною познакомиться, Братьяно предложилъ мнѣ совершить вмѣстѣ съ нимъ поѣздку въ Синаю. Послѣ осмотра замка, любимаго созданія Короля, построеннаго въ вычурномъ стилѣ и не представлявшаго худо-

жественнаго интереса, Братьяно, желая дать мнѣ болѣе точное понятіе о красотахъ Карпатскаго пейзажа съ его великолѣпными лѣсами, довезъ меня до какой то мѣстности, названіе которой я забылъ, лежащей на самой границѣ. Послѣ минутной остановки нашъ автомобиль, къ нѣмому удивленію гонведной стражи, быстро переѣхалъ пограничную черту и мы углубились на нѣсколько верстъ въ Венгерскую территорію. Когда мы вступили на почву Трансильваніи, у насъ обоихъ, вѣроятно, промелькнула въ головѣ одна и та же мысль, а именно, что мы находились на румынской землѣ, ожидавшей освобожденія отъ Мадьярскаго владычества и возсоединенія съ зарубежнымъ братскимъ народомъ. Но мы не обмѣнялись этими мыслями, потому что пора откровенныхъ бесѣдъ для насъ еще не наступила.

На другой день послѣ нашей поѣздки Будапештскія газеты помѣстили замѣтку, въ которой выражали свое неудовольствіе по поводу прогулки Братьяно, вмѣстѣ со мною, по Венгерской территоріи. Въ Вѣнѣ, какъ я узналъ впослѣдствіи, наше совмѣстное появленіе въ Трансильваніи тоже подверглось осужденію.

Эта Трансильванская экскурсія оказалась проявленіемъ, хотя и непредумышленнымъ, зарождавшейся между Россіею и Румыніею политической солидарности.

VI.

Въ маѣ 1913 года въ Берлинѣ происходила свадьба единственной дочери Императора Вильгельма съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ, двоюроднымъ братомъ Государя съ материнской стороны. На это торжество были приглашены всѣ ближайшіе родственники жениха и невѣсты. Въ качествѣ таковыхъ были приглашены Государь и Король Англійскій, о чемъ меня извѣстилъ заблаговременно германскій посолъ, спросившій вмѣстѣ съ тѣмъ мое мнѣніе о томъ, приметъ ли Государь это приглашеніе или нѣтъ. Я отвѣтилъ графу Пурталесу, что ничего не могу сказать ему по этому поводу, такъ какъ намѣренія Его Величества мнѣ неиз-

вѣстны. Черезъ нѣсколько дней Государь сказалъ мнѣ, что онъ получилъ отъ Германскаго Императора приглашеніе на свадьбу его дочери, но, что онъ еще не рѣшилъ, приметъ ли онъ его или нѣтъ, но что Императрица ни въ какомъ случаѣ не поѣдетъ. «Васъ, вѣроятно, это не удивитъ», прибавилъ Государь улыбаясь. Я, дѣйствительно, не удивился этому рѣшенію Императрицы, хорошо зная, какъ мало влеченія она испытывала къ своему двоюродному брату Вильгельму II и насколько тягостны ей были всякія оффиціальныя торжества у себя дома, а тѣмъ болѣе заграницей. «Я бы поѣхалъ въ Берлинъ», продолжалъ Государь, «но вѣдь и тутъ приплетутъ политику. Годъ тому назадъ Вильгельмъ былъ въ Балтійскомъ-Портѣ. Теперь новое свиданіе въ Берлинѣ. Не много ли это?» Я отвѣтилъ, что, если свиданіе въ Балтійскомъ-Портѣ носило политическій характеръ, то про поѣздку Государя въ Берлинъ, по случаю свадьбы дочери Императора, нельзя будетъ сказать этого и что, предупредивъ о его рѣшеніи представителей Дружественныхъ Правительствъ, во избѣжаніе всякихъ ложныхъ толкованій, я могъ бы объяснить имъ, что тутъ дѣло шло исключительно о торжествѣ семейнаго характера, на которомъ не могло быть мѣста для политики и на которое я, по этому, не долженъ былъ сопровождать Его Величество. Я зналъ, что Государю хотѣлось повидать своего двоюроднаго брата, Короля Георга Англійскаго, къ которому онъ питалъ искреннюю дружбу, и я былъ убѣжденъ, что соприкосновеніе Государя со здоровой политической и семейной жизнью англійскаго двора могло быть для него только благотворно. Помимо этого мнѣ было извѣстно, что черезчуръ долгое пребываніе въ Царскомъ Селѣ, въ той ненормальной, по своей непроницаемости, семейной атмосферѣ, въ которую его замкнула болѣзненная воля Императрицы Александры Федоровны, противъ которой онъ никогда не боролся, дѣйствовала на его нравственное состояніе угнетающимъ образомъ, несмотря на всю его горячую любовь къ семьѣ. Поэтому мнѣ казалось, что короткая поѣздка заграницу, прервавъ тяжелое однообразіе его домашней жизни, могла быть ему только полезна.

Поѣздка Государя состоялась и черезъ нѣсколько дней онъ вернулся изъ Берлина бодрымъ и, видимо, довольнымъ. Говоря о своихъ Берлинскихъ впечатлѣніяхъ, онъ сказалъ мнѣ, что ему была оказана въ Германіи чрезвычайно любезная встрѣча не только со стороны двора, что было въ порядкѣ вещей, но и со стороны населенія столицы, привѣтствовавшаго каждое его появленіе. По своей необычайной скромности, Государь относилъ сначала громкія привѣтствія толпы къ особѣ Императора Вильгельма, въ сопровожденіи котораго онъ показывался на улицахъ Берлина, но затѣмъ, замѣтивъ, что онѣ не прекращались, когда онъ выѣзжалъ одинъ, онъ былъ вынужденъ признать, что онѣ относились лично къ нему, что произвело на него хорошее впечатлѣніе.

Упоминая о своихъ разговорахъ съ Вильгельмомъ II, Государь сказалъ мнѣ, что, какъ то разъ, Императоръ, среди другихъ маловажныхъ предметовъ, коснулся съ нимъ вопроса о посылкѣ въ Константинополь, по просьбѣ турецкаго правительства, новой военной миссіи съ генераломъ Лиманомъ - фонъ - Сандерсъ во главѣ, по примѣру прежнихъ однородныхъ миссій, уже много лѣтъ посылавшихся въ Турцію. При этомъ Императоръ сказалъ, что онъ надѣется, что у Государя противъ этого не будетъ возраженій. Государь отвѣтилъ, что, если новая миссія не будетъ отличаться отъ прежнихъ, то онъ, само собою разумѣется, не будетъ возражать.

Означенный разговоръ, казавшійся не имѣющимъ особаго значенія, не произвелъ на меня впечатлѣнія въ минуту разсказа о немъ Государя. Однако же онъ послужилъ отправной точкой для чрезвычайно остраго столкновенія между Петроградскимъ и Берлинскимъ Кабинетами, когда намъ сталъ ясенъ истинный характеръ мѣры, принятой германскимъ Правительствомъ, подъ безобиднымъ видомъ посылки въ Турцію, по ея просьбѣ, инструкторской миссіи.

Говоря выше о разочарованіи, произведенномъ въ Берлинѣ разгромомъ Балканскими союзниками Турецкой арміи въ 1912 году, военное воспитаніе которой,

въ теченіе многихъ лѣтъ было поручено извѣстному германскому генералу, фонъ-деръ-Гольцу, я замѣтилъ, что, вѣроятно, тогда же, германскій генеральный штабъ принялъ рѣшеніе перестроить на новыхъ началахъ взятое на себя дѣло организаціи турецкихъ военныхъ силъ. Въ Берлинѣ укоренилось убѣжденіе, что для возстановленія престижа Германіи на ближнемъ Востокѣ, потерпѣвшаго умаленія вслѣдствіе ярко обнаруженной въ Балканскую войну неудовлетворительности боевой подготовки турецкой арміи, необходимо было, не теряя времени, приступить къ преобразованію инструкторскаго дѣла, лежавшаго на обязанности Германской военной миссіи, въ смыслѣ расширенія его до предѣловъ назначенія Германскихъ генераловъ для командованія отдѣльными частями турецкой арміи и офицеровъ, въ качествѣ начальниковъ военныхъ школъ, совѣтниковъ въ генеральномъ штабѣ, интендантствѣ и въ военно-санитарномъ управленіи, не говоря о тѣхъ, которые продолжали бы свою спеціально-инструкторскую службу.

Подробный планъ этой организаціи, о которомъ не было извѣстно ни одному иностранному правительству, былъ сообщенъ мнѣ, въ концѣ октября 1913 года, нашимъ посломъ въ Константинополѣ, М. Н. Гирсомъ, узнавшимъ о его существованіи изъ секретнаго источника. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ шагъ германскаго правительства, имѣвшій очевидною цѣлью взять въ свои руки военное управленіе Константинополемъ, иными словами подчинить себѣ, такимъ способомъ, судьбы турецкой столицы и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, когда бы германское правительство сочло это для себя полезнымъ. Это впечатлѣніе усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, незадолго передъ тѣмъ, какъ германскій замыселъ сталъ мнѣ извѣстенъ, я былъ въ Берлинѣ, проѣздомъ изъ Виши, гдѣ я провелъ три недѣли для лѣченія. По обыкновенію, я видѣлся съ германскимъ Канцлеромъ и имѣлъ съ нимъ подробный разговоръ по вопросамъ, касавшимся послѣднихъ политическихъ событій. Въ числѣ этихъ вопросовъ нами обсуждался

одинъ, который долженъ былъ-бы навести г-на Бетмана-Гольвега на мысль сообщить мнѣ о намѣченной Германіею мѣрѣ, такъ какъ онъ касался внутренняго строя турецкой Имперіи, а именно вопросъ о реформахъ армянскихъ вилаетовъ, который былъ поднятъ по моему почину и служилъ предметомъ дѣятельнаго обсужденія между русскимъ и германскимъ Правительствами какъ разъ въ эту пору. Тѣмъ не менѣе канцлеръ, въ весьма продолжительной бесѣдѣ со мною, не упомянулъ ни словомъ о той неожиданности, которую Германія готовила Европѣ и, прежде всего, Россіи, и я возвратился въ Петроградъ, ничего не подозрѣвая о германскихъ планахъ.

Когда я получилъ телеграмму М. И. Гирса, за отсутствіемъ германскаго посла, бывшаго въ отпуску, посольствомъ управлялъ совѣтникъ, г-нъ фонъ-Луціусъ, который сообщилъ мнѣ, что ему рѣшительно ничего неизвѣстно объ условіяхъ, въ которыхъ состоялась посылка новой военной миссіи въ Константинополь, но что онъ о нихъ запроситъ свое правительство и сообщитъ мнѣ его отвѣтъ. Хотя фонъ-Луціусъ не принадлежалъ къ числу людей, которые располагаютъ въ свою пользу и внушаютъ къ себѣ довѣріе, даже по довольно продолжительномъ знакомствѣ, я тѣмъ не менѣе повѣрилъ тому, что онъ сказалъ мнѣ, какъ я бы повѣрилъ и графу Пурталесу, если бы и онъ, въ данномъ случаѣ, не могъ ничего сообщить мнѣ о намѣреніяхъ своего правительства, ссылаясь на свое полное невѣдѣніе. Мнѣ давно была извѣстна система германскаго министерства Иностранныхъ Дѣлъ освѣдомлять своихъ представителей за границей только постольку, сколько это было неизбѣжно для того или иного дипломатическаго шага, который оно имѣло въ виду имъ поручить. Изъ весьма необстоятельнаго отвѣта, полученнаго изъ Берлина на запросъ фонъ-Луціуса, я могъ однако убѣдиться, что сообщенныя мнѣ Гирсомъ свѣдѣнія были вполнѣ точны и что генералу Лиману - фонъ - Сандерсъ поручалась не только роль верховнаго инструктора турецкихъ войскъ, но непосредственное командованіе первымъ турецкимъ корпусомъ, расположеннымъ въ Константи-

нополѣ. Нашъ посолъ въ Берлинѣ, С. Н. Свербеевъ, тоже не могъ дать мнѣ никакихъ, болѣе подробныхъ, свѣдѣній о командировкѣ Лимана, такъ какъ въ самомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ о ней были плохо освѣдомлены.

Первое свиданіе мое съ вернувшимся изъ отпуска германскимъ посломъ носило довольно бурный характеръ. Я не могъ удержаться отъ откровеннаго выраженія графу Пурталесу того крайне непріятнаго впечатлѣнія, которое произвело на меня извѣстіе о командировкѣ генерала Лимана въ Турцію съ такими неожиданно широкими полномочіями и предупредилъ его о возбужденіи, которое оно неминуемо вызоветъ въ нашемъ общественномъ мнѣніи и печати, какъ только оно получитъ огласку. Вмѣстѣ съ тѣмъ я выразилъ послу мое удивленіе по поводу того, что германскій Канцлеръ не предупредилъ меня во время нашего недавняго свиданія въ Берлинѣ о предстоявшей командировкѣ Лиманафонъ - Сандерса, характеръ которой выходилъ далеко за предѣлы обычной инструкторской дѣятельности иностранныхъ офицеровъ, приглашаемыхъ на службу правительствами государствъ, нуждающихся въ чужой помощи для приведенія въ порядокъ своихъ военныхъ дѣлъ. Я прибавилъ, что не могу себѣ представить, чтобы въ Берлинѣ не отдавали себѣ отчета въ томъ, что русское правительство не можетъ относиться безразлично къ такому факту, какъ переходъ въ руки германскихъ офицеровъ командованія Константинопольскимъ гарнизономъ. Германскій Канцлеръ долженъ былъ знать, что если есть на земномъ шарѣ пунктъ, на которомъ сосредоточено наше ревнивое вниманіе, и гдѣ мы не могли допустить никакихъ измѣненій, затрогивавшихъ непосредственно наши жизненные интересы, то этотъ пунктъ есть Константинополь, одинаково открывающій и заграждающій намъ доступъ въ Средиземное море, куда, естественно, тяготѣетъ вся вывозная торговля нашего юга. Графу Пурталесу были хорошо извѣстны усилія, которыя я, со дня моего вступленія въ управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, прилагалъ къ установленію добрососѣдскихъ отношеній съ Герма-

ніею, которое, по словамъ Императора Вильгельма и Государственнаго Канцлера, въ одинаковой степени отвѣчало и желаніямъ германскаго правительства. Способъ дѣйствія Германіи въ вопросѣ о военной миссіи въ Турціи находился въ прямомъ противорѣчіи какъ съ той примирительной политикой, которой мы придерживались по отношенію къ Берлинскому Кабинету, такъ и съ тѣми завѣреніями, которыя я только что слышалъ отъ самого канцлера въ Берлинѣ и чрезвычайно затруднялъ мнѣ слѣдованіе по тому пути, который я избралъ и который одинъ могъ упрочить Европейскій миръ.

На всѣ эти замѣчанія, которымъ ему было трудно отказать въ основательности, германскій посолъ заявилъ мнѣ, что посылка генерала Лимана въ Константинополь, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, входила болѣе въ область спеціально-военныхъ вопросовъ, чѣмъ политическихъ и потому исходила не отъ Государственной канцеляріи, а отъ военныхъ властей и, поэтому, не имѣла характера политическаго. Помимо этого, по словамъ Пурталеса, вопросъ о новой германской военной миссіи въ Турціи былъ обсужденъ между обоими Императорами во время пребыванія Государя въ Берлинѣ, выразившаго на это свое полное согласіе. Каково было это «обсужденіе» и въ какой формѣ Императоръ Николай далъ свое согласіе на посылку германской миссіи въ Турцію, я зналъ изъ вышеприведеннаго разсказа самаго Государя, который я передалъ въ точности послу. Дальнѣйшія препирательства съ графомъ Пурталесомъ становились, очевидно, излишними. Будучи по природѣ своей человѣкомъ довольно мягкимъ, онъ тѣмъ не менѣе страдалъ недостаткомъ многихъ своихъ соотечественниковъ и былъ труднопроницаемъ для доводовъ противной стороны, исходя изъ точки зрѣнія, привитой ему прусскимъ служебнымъ воспитаніемъ, что всегда и во всемъ было право его правительство. Онъ былъ склоненъ забывать при этомъ, что одной изъ основныхъ задачъ всякаго дипломатическаго представителя есть разъясненіе своему собственному правительству тѣхъ причинъ и побужденій, которыя заставляютъ ино-

странное правительство придерживаться другихъ, и часто діаметрально противоположныхъ, взглядовъ на данный вопросъ, т. е. иными словами быть истолкователемъ чужихъ воззрѣній, а иногда и примирителемъ, когда этого требовали обстоятельства и когда это не шло въ разрѣзъ съ интересами его родины. Когда дипломатическій агентъ не понимаетъ или не умѣетъ выполнить этой, чрезвычайно важной, части своей работы, его дѣятельность не можетъ быть плодотворной, а, въ минуты серьезныхъ международныхъ осложненій, она способна повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія.

При такомъ положеніи вещей я рѣшилъ прекратить безнадежныя словопренія въ Петроградѣ и постараться достигнуть отмѣны или смягченія тѣхъ условій миссіи генерала Лимана, которыя были для насъ непріемлемы, прямымъ воздѣйствіемъ на Берлинъ. Съ этой цѣлью, кромѣ данныхъ нашему послу въ Берлинѣ, С. Н. Свербееву, инструкцій въ этомъ смыслѣ, я обратился къ тогдашнему пердсѣдателю совѣта министровъ, нынѣ графу, Коковцеву, находившемуся въ заграничномъ отпуску, съ просьбою остановиться въ Берлинѣ и, въ личномъ свиданіи съ Императоромъ Вильгельмомъ и Государственнымъ Канцлеромъ, подробно разъяснить имъ основательность нашего протеста противъ командированія въ Константинополь генерала Лимана - фонъ - Сандерса въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно было намѣчено германскимъ генеральнымъ штабомъ. Высокое государственное положеніе и личныя качества графа Каковцева дѣлали его вполнѣ подходящимъ для такого порученія.

Уполномоченный на то Государемъ Статсъ-Секретарь Коковцевъ охотно исполнилъ мою просьбу и не пожалѣлъ усилій, чтобы доказать Императору Вильгельму, насколько нежелательны и опасны, съ точки зрѣнія сохраненія добрыхъ отношеній между нами и Германіею, мѣры вродѣ тѣхъ, на которыхъ остановилась Германія въ вопросѣ о посылкѣ своей новой военной миссіи въ Турцію и какое возбужденіе эти мѣры произвели въ русскомъ общественномъ мнѣніи и печати, въ глазахъ которыхъ, не безъ основанія, переходъ коман-

дованія турецкой арміею въ руки германскихъ офицеровъ былъ равносиленъ установленію въ столицѣ Турціи германской власти. Чтобы облегчить Германіи выходъ изъ того тупика, въ который завелъ ее плохо обдуманный шагъ генеральнаго штаба, дѣйствовавшаго, въ данномъ случаѣ, безъ вѣдома государственнаго канцлера, признавшагося въ этомъ Великобританскому послу въ Берлинѣ, Сэру Эдуарду Гошену, В. Н. Коковцевъ предложилъ Императору поручить германскому генералу командованіе турецкимъ корпусомъ къ какомъ либо другомъ городѣ, напр., Адріанополѣ или, по мысли С. Н. Свербеева, — въ Смирнѣ, если уже въ Берлинѣ не считали возможнымъ вернуться къ существовавшей, въ теченіе двадцати лѣтъ, системѣ простого обученія турецкой арміи германскими офицерами, «кончившагося», перебилъ его тутъ Вильгельмъ II, «для насъ полнымъ фіаско».

Разговоръ съ Императоромъ велся въ весьма дружелюбномъ тонѣ. То же можно сказать и про бесѣду графа Коковцева съ Имперскимъ Канцлеромъ, выразившимъ ему свое искренне сожалѣніе по поводу того, что онъ не предупредилъ меня, при моемъ проѣздѣ черезъ Берлинъ, объ имѣвшейся въ виду мѣрѣ. Онъ объяснялъ эту оплошность тѣмъ, что посылка Лимана-фонъ-Сандерса представлялась ему естественнымъ продолженіемъ предыдущихъ командировокъ германскихъ офицеровъ въ Турцію. Какъ Императоръ, такъ и Канцлеръ выразили ему желаніе принять въ соображеніе взглядъ русскаго правительства и, одновременно, — удивленіе по поводу волненія, вызваннаго у насъ порученіемъ, возложеннымъ на генерала Лимана. Трудно рѣшить, было ли это удивленіе искренно или нѣтъ. Если оно было неподдѣльнымъ, то это можетъ быть только объяснено особенностями германской правительственной психологіи.

Что касается разговоровъ нашего посла съ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, г-номъ фонъ-Яго, и его помощникомъ, Циммерманомъ, по поводу новой германской военной миссіи, то они носили характеръ менѣе примирительный, что, впрочемъ, соотвѣт-

ствовало темпераменту этихъ двухъ ближайшихъ помощниковъ Бетмана-Гольвега, не отличавшихся сговорчивостью. Свербееву пришлось услышать отъ Яго фразу, къ которой этотъ послѣдній часто прибѣгалъ, когда ему бывало трудно найти выходъ изъ сложнаго положенія: «дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы можно было его теперь измѣнить». Эту фразу и мнѣ приходилось неоднократно выслушивать, въ передачѣ германскаго посла, въ теченіе тревожныхъ десяти дней, предшествовавшихъ объявленію намъ войны Германіею, когда я имѣлъ еще убѣжденіе, что слово предостереженія, рѣшительно произнесенное въ Берлинѣ, удержало бы Австро-Венгрію въ ея безумномъ порывѣ къ той пучинѣ бѣдствій, въ которой она сама погибла и куда увлекла за собою всю Европу. Употребляя эту, лишенную смысла, фразу, германское министерство Иностранныхъ Дѣлъ не отдавало себѣ отчета, что въ этихъ словахъ не заключалось ничего иного, какъ только признаніе собственной несостоятельности. Въ Берлинѣ, очевидно, забыли, что первѣйшая цѣль всякой политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней, состоитъ въ томъ, чтобы не дать событіямъ создать безъисходнаго положенія, при которомъ человѣческая воля безсильна управлять ими и когда уже болѣе ничего не остается дѣлать, какъ смотрѣть, скрестя руки, на приближеніе катастрофы и ждать своей очереди въ общемъ крушеніи. На этотъ разъ оно еще не наступило. Но явно обнаруженныя захватныя стремленія германской военной политики, при полной пассивности гражданскаго верховнаго управленія, приблизило къ нему Европу на одинъ крупный шагъ.

Тѣмъ временемъ русская дипломатія не оставалась бездѣятельною и наши представители во Франціи и Англіи старались побудить правительства этихъ странъ стать въ вопросѣ о миссіи Лимана-фонъ-Сандерса на нашу точку зрѣнія. Это удалось имъ безъ труда, такъ какъ опасность, которая угрожала Россіи отъ перехода военной власти въ Константинополѣ въ германскія руки, касалась и ихъ политическихъ и экономическихъ интересовъ на Босфорѣ. Мои объясненія въ Парижѣ и

Лондонѣ исходили изъ того, что мнѣ представлялось совершенно недопустимымъ то положеніе, въ которомъ бы очутились представители Великихъ Державъ Тройственнаго Согласія въ томъ случаѣ, если бы гарнизонъ турецкой столицы находился подъ командою германскаго генерала. Уже не касаясь вопроса достоинства Европейскихъ Великихъ Державъ и связаннаго съ нимъ престижа ихъ представителей въ глазахъ восточнаго населенія Константинополя, ставился еще вопросъ всегда возможной вспышки какихъ нибудь непредвидѣнныхъ внутреннихъ безпорядковъ, на подобіе тѣхъ, которые такъ часто происходили въ Турціи за послѣдніе годы. Въ случаѣ обостренія отношеній между обѣими группами Европейскихъ Великихъ Державъ, посольства Тройственнаго Согласія подвергались риску попасть въ положеніе физической зависимости отъ германскаго генерала. Въ лучшемъ же случаѣ, т. е. при нормальныхъ политическихъ условіяхъ, онѣ находились бы какъ бы подъ его охраною и покровительствомъ. Ни то, ни другое не могло быть допустимо.

Въ наши намѣренія не входило желанія предпринять какіе либо шаги, которые могли быть истолкованы въ Берлинѣ, какъ попытка уязвить самолюбіе Германіи и понудить ее отказаться отъ миссіи своего генерала въ формѣ, не совмѣстимой съ достоинствомъ Великой Державы. Подобнаго-же взгляда придерживались и остальныя Державы Тройственнаго Согласія. Поэтому всѣ переговоры, которые, по предварительному соглашенію между правительствами, велись въ Берлинѣ ихъ представителями, открывали широко двери возможности для германскаго правительства отойти отъ незрѣло обдуманнаго рѣшенія безъ ущерба собственному достоинству. Послѣ переговоровъ, затянувшихся до новаго года, наконецъ было достигнуто пріемлемое для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе спорнаго вопроса посредствомъ производства генерала Лимана въ чинъ, несовмѣстимый съ обязанностями корпуснаго командира, причемъ командованіе Константинопольскаго гарнизона перешло въ руки турецкаго генерала, а Лиману-фонъ-Сандерсу было присвоено званіе инспектора ту-

рецкой арміи. Это новое назначеніе Лимана, очевидно, не уменьшало значенія его, какъ высшаго начальника турецкой арміи и, поэтому, и въ новой своей, смягченной, формѣ было намъ непріятно и невыгодно, но дальше достигнутаго успѣха намъ нельзя было итти, безъ риска опаснаго обостренія нашихъ отношеній къ Германіи. Младо-турецкое правительство, поставившее себѣ цѣлью освобожденіе Турціи отъ иноземной опеки, вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательно шло по пути отдачи себя въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ въ полную кабалу Германіи. Мы съ тревогой слѣдили за постепеннымъ поглощеніемъ Германіею турецкой независимости, выводили изъ него должныя заключенія и старались, насколько это было въ нашей власти, задерживать теченіе этого процесса, пытаясь раскрыть глаза туркамъ на неизбѣжный его исходъ въ видѣ окончательнаго подчиненія турецкаго народа цѣлямъ германской политики и полной утраты всякой независимости. Усилія русской дипломатіи оставались безуспѣшными. Заставить турокъ снять со своей шеи наброшенную на нее германскую петлю было не въ нашихъ силахъ. Интересы младо-турецкаго правительства уже настолько тѣсно переплелись съ германскими, что разъединить ихъ было невозможно. Участи пангерманизма и молодой Турціи было суждено получить свое разрѣшеніе въ одинъ и тотъ же день.

Изъ переданнаго здѣсь, въ весьма сжатомъ видѣ, эпизода, кончившагося тѣмъ, что намъ было дано, если не по существу, то, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны удовлетвореніе, можно было вывести одно достовѣрное заключеніе, которое мы и не преминули сдѣлать. Все практическое значеніе военной миссіи генерала Лимана-фонъ-Сандерса сводилось для насъ къ тому, что, если у кого либо въ Россіи еще были сомнѣнія относительно истинныхъ цѣлей германской политики на ближнемъ востокѣ, то обстановка, въ которой была задумана и приведена въ исполненіе означенная миссія, положила конецъ всякимъ неясностямъ и недоразумѣніямъ. Константинополь былъ важнѣйшимъ пунктомъ знаменитой Гамбургъ—Багдадской линіи, вокругъ ко-

торой создалась обширная литература пангерманскаго характера, распространенная въ огромномъ количествѣ въ Германіи и хорошо извѣстная и за границей. Для подданныхъ Вильгельма II безчисленныя сочиненія этого типа играли роль учебниковъ, при посредствѣ которыхъ совершалось политическое воспитаніе массъ германскаго народа. Хотя германское правительство и отрицало всякую прикосновенность къ этой литературѣ, тѣмъ не менѣе основныя положенія той міровой политики, которую князь Бюловъ, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, поставилъ конечной цѣлью германскихъ достиженій, не только не находились въ противорѣчіи съ ученіемъ пангерманскихъ профессоровъ и публицистовъ, но свободно укладывались въ обширныя рамки ихъ трудовъ. При отсутствіи внѣшней объединенности существовало дружное внутреннее сотрудничество и въ вопросѣ о конечныхъ цѣляхъ между правительствомъ и народомъ, воспитаннымъ для воспріятія идеаловъ міровой политики въ духѣ пангерманской публицистики, не было никакого расхожденія. Для осуществленія извѣстнаго, подъ сокращеннымъ названіемъ «Гамбургъ—Багдадъ», грандіознаго политическаго замысла надо было наложить руку на Константинополь, стоящій на рубежѣ Европы и Азіи и предназначенный природой стать главнымъ распредѣлительнымъ пунктомъ для того огромнаго торговаго движенія, которое неразрывно связывалось съ представленіемъ о прямомъ пути изъ Нѣмецкаго моря въ Месопотамію и къ Персидскому заливу. Политическое значеніе Константинополя настолько самоочевидно, что распространяться о немъ не приходится. Ввиду этого и въ силу старой истины, что политика слѣдуетъ за экономикой, германское правительство было вынуждено обратить свое серьезное вниманіе на турецкую столицу также и въ отношеніи политическомъ и успѣть осѣсть тамъ по возможности прочно, прежде чѣмъ успѣло бы обнаружиться опасное соперничество со стороны какой-либо другой державы. Для этого нахожденіе у власти младо-турецкаго кабинета Талаата и Энвера предоставляло самый благопріятный моментъ, который

могъ не возобновиться и которымъ надо было поэтому воспользоваться безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Необходимость загладить неудачу прежнихъ германскихъ военныхъ миссій посылкой новой, на иныхъ началахъ, пришлась, какъ нельзя болѣе, кстати и, кромѣ преобразованія турецкой военной организаціи, въ обязанности генерала Лимана-фонъ-Сандерса было включено заложеніе прочнаго основанія германской власти въ Турецкой Имперіи.

Русская политика, въ отношеніи Константинополя и Проливовъ, покоилась искони на одномъ основномъ положеніи: сохраненіе невыгоднаго для насъ, во многихъ отношеніяхъ, политическаго стату кво или допущеніе измѣненія въ немъ только при непремѣнномъ условіи полной гарантіи нашихъ неоспоримыхъ правъ и жизненныхъ интересовъ. Всякое среднее рѣшеніе этого коренного вопроса русской политики считалось у насъ настолько недопустимымъ, что изъ-за угрозы Проливамъ, съ чьей бы то ни было стороны, Россія сочла бы себя вынужденной отказаться отъ миролюбивой политики, которая отвѣчала насущнымъ потребностямъ ея государственной жизни и интересамъ русскаго народа.

Со дня захвата Германіею власти въ Константинополѣ Россія начала чувствовать себя, если не подъ прямой угрозой со стороны сосѣдней Имперіи, потому что для такой угрозы матеріальная сила, которой Германія располагала въ Турціи, была недостаточна, то, во всякомъ случаѣ, въ положеніи угрожаемомъ, вслѣдствіе возможности, при всегда вѣроятныхъ политическихъ смутахъ на Ближнемъ Востокѣ, созданія такого положенія, при которомъ были бы сметены послѣдніе остатки турецкой власти надъ Проливами. Внѣшняя безопасность Оттоманской Имперіи, послѣ Балканскихъ войнъ, казалась сомнительной, а внутреннее ея положеніе, благодаря явной неспособности младо-турецкаго правительства завести въ странѣ какой либо порядокъ, основанный на болѣе здравыхъ началахъ, чѣмъ терроръ, представлялось еще менѣе надежнымъ. Грозные симптомы приближавшагося разложенія Турціи, напередъ учитаннаго и уже использованнаго Германскимъ

имперіализмомъ въ собственныхъ видахъ, вынуждали русскую дипломатію заняться обсужденіемъ тѣхъ мѣръ, къ которымъ Россія могла быть вынужденной прибѣгнуть, во всякую минуту, для защиты своихъ интересовъ.

Поздней осенью 1913 года я испросилъ разрѣшенія Государя созвать, въ теченіе зимы, совѣщаніе съ участіемъ морского Министра, Начальника Генеральнаго штаба и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, посла нашего въ Константинополѣ и нѣсколькихъ моихъ помощниковъ по Министерству Иностранныхъ дѣлъ для выясненія тѣхъ мѣръ, которыя русское правительство могло бы намѣтить на тотъ случай, что обстоятельства вынудили бы его къ наступательному движенію въ направленіи Константинополя и Проливовъ. Это совѣщаніе состоялось, подъ моимъ предсѣдательствомъ, 8-го февраля 1914 года. Изъ обмѣна мыслей на совѣщаніи выяснилось прежде всего, что членамъ его наступленіе на Константинополь представлялось не иначе, какъ въ связи съ Европейской войной. Вслѣдствіе этого вопросы о мобилизаціи войскъ, сухопутныхъ и морскихъ перевозкахъ, увеличеніе нашей судостроительной программы и ускореніи ея выполненія, ресширеніе желѣзнодорожной сѣти и т. д. обратили на себя особое вниманіе совѣщанія. При этомъ еще разъ обнаружилось, что мы не располагаемъ средствами для быстрыхъ и рѣшительнхъ мѣръ и что на приведеніе въ исполненіе намѣченной программы понадобились - бы цѣлые годы. Сужденія совѣщанія были занесены въ протоколъ и затѣмъ представлены мною на утвержденіе Государя.

Я помню, подъ какимъ безотраднымъ впечатлѣніемъ нашей полной военной неподготовленности я вышелъ изъ этого совѣщанія. Я вынесъ изъ него убѣжденіе, что, если мы и были способны предвидѣть событія, то предотвратить ихъ не были въ состояніи. Между опредѣленіемъ цѣли и ея достиженіемъ у насъ лежала цѣлая бездна. Это было величайшимъ несчастьемъ Россіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, что совѣщаніе собралось, несмотря на его секретный характеръ, оно стало извѣстно германскому посольству и возбудило въ немъ большое безпокойство. Дѣло тайнаго освѣ-

домленія было хорошо поставлено германскимъ правительствомъ, которое, обыкновенно, быстро получало секретныя свѣдѣнія чрезъ своихъ негласныхъ агентовъ. Менѣе хорошо обстояло дѣло съ выводомъ правильныхъ заключеній изъ добываемыхъ такимъ путемъ свѣдѣній. Такъ, напр., въ данномъ случаѣ наше февральское совѣщаніе, при передачѣ въ Берлинъ, получило окраску заговора противъ цѣлости Оттоманской Имперіи и угрозы Европейскому миру. Такимъ оно изображено въ многочисленныхъ, болѣе или менѣе официальныхъ, изданіяхъ, касающихся предшествовавшей Великой войнѣ эпохи, и такимъ, до сего дня, оно рисуется воображенію германскаго правительства и громаднаго большинства нѣмцевъ, интересующихся внѣшней политикой. Въ этой литературѣ совѣщаніе 8-го февраля приводится, какъ доказательство того, что Россія была зачинщицею міровой войны, вызванной ею для завладѣнія Константинополемъ и Проливами. Большевики, оказавшіе старой русской дипломатіи обнародованіемъ такъ называемыхъ секретныхъ документовъ большую услугу, обнаруживъ передъ лицемъ всего свѣта миролюбіе Императорской политики и чистоплотность ея пріемовъ, въ числѣ другихъ документовъ издали и протоколъ означеннаго совѣщанія, изъ котораго всякій непредубѣжденный читатель легко составитъ себѣ понятіе объ истинномъ значеніи тѣхъ мѣръ, которыя на немъ обсуждались и которыя носили исключительно предварительный характеръ и имѣли въ виду отвратить отъ Россіи одну изъ величайшихъ опасностей, которая могла угрожать ея государственному существованію. Сознаніе этой опасности, если и не въ одинаковой съ нами степени, то все же, подъ вліяніемъ германской угрозы на Ближнемъ Востокѣ, весьма живо и реально ощущалось нашими союзниками и друзьями. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого было болѣе тѣсное сплоченіе Державъ Тройственнаго Согласія для защиты общихъ интересовъ отъ захватныхъ поползновеній, выразившихся вполнѣ опредѣленно въ миссіи генерала Лимана-фонъ-Сандерса.

Наши отношенія къ нашей союзницѣ Франціи сто-

яли на твердой почвѣ договорныхъ актовъ, которыми, послѣ подписанія морской конвенціи 1912-го года, опредѣлялась вся совокупность оборонительныхъ мѣръ, предусмотрѣнныхъ нашимъ союзнымъ договоромъ. Дополнять или развивать эти отношенія въ началѣ 1914 года, уже не приходилось. Оставалось только выждать наступленія тѣхъ роковыхъ событій, въ предвидѣніи которыхъ между Россіею и Франціею были заключены союзныя отношенія и которыя могли одни служить провѣркой ихъ цѣлесообразности и практической пригодности.

По отношенію къ Англіи мы находились въ совершенно иномъ положеніи. Между нами и ею не существовало рѣшительно никакой связи, кромѣ не касавшагося Европы соглашенія 1907-го года и начавшаго крѣпнуть только за нѣсколько лѣтъ до начала міровой войны сознанія солидарности нашихъ интересовъ ввиду той опасности, которая надвигалась со стороны центрально-европейскихъ Державъ. Германская «міровая политика», которая пропагандировалась съ безпримѣрной энергіею и всѣми способами и нерѣдко находила свое выраженіе въ неосторожныхъ проявленіяхъ оффиціальной мысли, была непримирима съ существованіемъ независимыхъ государственныхъ единицъ на континентѣ Европы, но, въ еще большей степени, съ существованіемъ Великихъ Имперій, простиравшихся далеко за предѣлы Европы и захватившихъ огромныя пространства другихъ частей свѣта. Такихъ государствъ было въ Европѣ три: Англія, Россія и Франція. Въ этомъ фактѣ заключается объясненіе зарожденія и развитія идеи Тройственнаго Согласія и превращенія его, наконецъ, въ ядро величайшаго политическаго союза, извѣстнаго въ исторіи человѣчества. Съ этимъ союзомъ Германіи было неизбѣжно суждено вступить въ борьбу не за свое существованіе, которому Тройственное Согласіе не угрожало, а изъ-за проведенія въ жизнь своего гигантскаго плана мірового владычества.

Появленіе на Босфорѣ, въ условіяхъ еще не бывалыхъ полномочій, германской военной силы послужило для Россіи тѣмъ рѣшающимъ моментомъ, который

принудилъ ее искать сближенія съ Великобританіею въ формѣ болѣе конкретной, чѣмъ неопредѣленное сознаніе общей съ ней опасности. Русскому правительству стало ясно, что при наступленіи извѣстныхъ событій, вошедшихъ, съ этого момента, въ область политической возможности, союзъ нашъ съ Франціей, морскія силы которой не многимъ превышали наши собственныя, не могъ считаться достаточнымъ обезпеченіемъ нашихъ интересовъ и что одна Англія могла дать намъ ту поддержку, которая, во всякой продолжительной и тяжелой борьбѣ, даетъ окончательный перевѣсъ той сторонѣ, въ рукахъ которой находится господство надъ морями. Въ виду сознанія этой неоспоримой истины и въ убѣжденіи, что казавшаяся все болѣе возможной и близкой борьба съ Германіею выйдетъ изъ рамокъ сухопутной войны на границахъ Россіи и Франціи, Императорское правительство стало стремиться къ заключенію съ Англіею, если не формальнаго союза, котораго не могла добиться ея ближайшая сосѣдка Франція, то по крайней мѣрѣ, такого соглашенія, на основаніи котораго, при наступленіи извѣстныхъ обстоятельствъ, намъ могла быть оказана со стороны Англіи не случайная, а напередъ предусмотрѣнная и планомѣрная морская помощь. Такое соглашеніе могло бы принять форму условной военной конвенціи, которая была заключена между французскимъ и англійскимъ генеральными штабами въ ноябрѣ 1912 года, на тотъ случай, если бы французское и великобританское правительства признали необходимость совмѣстныхъ дѣйствій противъ Германіи и которая, поэтому, не имѣла никакого политическаго характера.

Весна 1914 года была, въ отношеніи нашего положенія въ Черномъ морѣ, довольно тревожной порою. Младо-турецкое правительство обнаруживало серьезное желаніе привести въ порядокъ морскія силы Турціи и, съ этой цѣлью, пригласило на свою службу англійскаго адмирала Лимпуса и нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ, которымъ было поручено командованіе турецкимъ флотомъ, при выговоренномъ англичанами условіи неучастія ихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ флота. Переда-

ча въ руки англичанъ турецкаго флота была, между прочимъ, оффиціально истолкована германскимъ правительствомъ какъ прецедентъ, оправдывавшій назначеніе генерала Лимана-фонъ-Сандерса и другихъ германскихъ офицеровъ на должности командировъ отдѣльныхъ частей турецкой арміи. Аналогія между этими двумя фактами была, разумѣется, лишь чисто внѣшняя, потому что боевое значеніе турецкихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ было несоизмѣримо, уже не говоря о томъ, что, при существовавшихъ между нами и Англіею дружественныхъ отношеніяхъ, мы могли быть вполнѣ увѣрены, что организаціонная работа адмирала Лимпуса не будетъ преслѣдовать враждебныхъ намъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе возможное усиленіе боевого значенія турецкихъ морскихъ силъ озабочивало наше морское министерство тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно, что турецкимъ правительствомъ было сдѣлано нѣсколько крупныхъ заказовъ Англійскимъ судостроительнымъ обществамъ и что, помимо этого, въ Константинополѣ прилагались всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти принадлежащія одному южно-американскому государству боевыя суда значительной силы. Все это вмѣстѣ взятое могло привести къ невыгодному для насъ нарушенію равновѣсія морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, гдѣ строившіеся въ Николаевѣ и Херсонѣ русскіе дрэдноуты не могли быть готовы ранѣе довольно отдаленнаго срока.

Морское соглашеніе съ Англіей было, ввиду этихъ обстоятельствъ, чрезвычайно желательно. Пріѣздъ Короля и Королевы Англійскихъ въ Парижъ въ маѣ 1914 года, въ сопровожденіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Сэра Эдуарда Грэя, послужилъ поводомъ для перваго обмѣна мыслей между французскимъ и великобританскимъ министрами и посломъ нашимъ А. П. Извольскимъ о желательности соглашенія между нами и Англіею, подобнаго вышеупомянутому англо-французскому соглашенію. Это было не болѣе какъ нащупываніе почвы и, въ случаѣ благопріятнаго отвѣта со стороны Грэя, переговоры должны были быть перенесены въ Лондонъ и вестись графомъ Бенкендорфомъ непосредственно съ великобританскимъ правительствомъ.

Какъ ни цѣненъ былъ, въ моихъ глазахъ, нашъ политическій союзъ съ Франціею и какое бы значеніе ни имѣли установившіяся между нами и англичанами въ 1907 году дружественныя отношенія, приведшія къ созданію Тройственнаго Согласія, я не могъ не сознавать недостаточности такого политическаго сочетанія съ точки зрѣнія обезпеченія Европейскаго мира. По мѣрѣ того, какъ, на мой взглядъ, увеличивались возможности европейской войны, т. е. какъ мнѣ становилась яснѣе полная солидарность германскихъ и австро-венгерскихъ интересовъ на Балканахъ и на всемъ Ближнемъ Востокѣ, впервые обнаруживавшаяся во время присоединенія Эренталемъ Босніи и Герцеговины, которое состоялось при открытой поддержкѣ Германскаго правительства, принявшей форму ультимативнаго заявленія 1909 года, я все болѣе проникался убѣжденіемъ въ необходимости превратить Тройственное Согласіе въ Тройственный Союзъ, въ которомъ я видѣлъ единственный противовѣсъ Тройственному Союзу Центральныхъ государствъ. Тройственный Союзъ Россіи, Франціи и Англіи представлялся мнѣ основаннымъ на чисто оборонительныхъ началахъ, обезпечивавшихъ Европу отъ постоянной опасности, вызываемой неумѣлыми поползновеніями недобросовѣстныхъ Австро-Венгерскихъ политиковъ, а равно и властолюбивыхъ замысловъ пангерманизма. Этотъ новый Тройственный Союзъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, отнюдь не имѣть характера секретнаго акта, а быть обнародованнымъ въ день его подписанія, чтобы освѣдомить европейскія правительства и общественное мнѣніе объ истинномъ его значеніи и избѣжать, такимъ образомъ, всякихъ неправильныхъ толкованій его задачъ и цѣлей.

Я не могъ, къ несчастію, сдѣлать означенную мысль предметомъ прямыхъ переговоровъ между нами и Державами Тройственнаго Согласія, потому что имѣлъ увѣренность, что, несмотря на сочувственное отношеніе Франціи, они были бы обречены на неизбѣжную неудачу. Тѣмъ не менѣе я не скрывалъ отъ представителей Франціи и Великобританіи моего взгляда на недостаточность Тройственнаго Согласія при томъ опас-

номъ міровомъ соревнованіи, на путь котораго стала Европа со времени возникновенія германскихъ стремленій къ континентальной гегемоніи. Принципіально со мною соглашались, но признавали мое желаніе неосуществимымъ ввиду безнадежности всякой попытки побудить Англійское общественное мнѣніе отказаться отъ своего вѣкового предубѣжденія противъ европейскихъ союзовъ.

Въ письмѣ, которое я писалъ А. П. Извольскому, въ мартѣ 1914 года, относительно выраженнаго имъ предположенія о возможности пріуроченія пріѣзда англійской королевской четы, съ Сэромъ Э. Грэемъ, въ Парижъ, къ первому обмѣну мыслей о морскомъ соглашеніи между нами и Англіею, есть слѣдующее мѣсто, которое я привожу, потому что оно, въ нѣсколькихъ словахъ, передаетъ свою мысль о желательности болѣе тѣсной связи между Державами Тройственнаго Согласія: «По этому поводу считаю долгомъ сказать Вамъ, что дальнѣйшее укрѣпленіе и развитіе такъ называемаго Тройственнаго Согласія и, по возможности, превращеніе его въ новый Тройственный Союзъ, представляется мнѣ насущной задачей. Вполнѣ обезпечивая международное положеніе Россіи, Франціи и Англіи, такой союзъ, въ виду отсутствія у названныхъ Державъ завоевательныхъ замысловъ, не угрожалъ бы никому, а являлся бы лучшимъ залогомъ сохраненія мира въ Европѣ».

Парижскіе разговоры между г. г. Пуанкарэ, Думергомъ, Сэромъ Э. Грэемъ и Извольскимъ установили вполнѣ опредѣленно принципіальное согласіе англичанъ на заключеніе между нами морского соглашенія по примѣру того, которое существовало у нихъ съ французами. Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ о своей готовности обсудить этотъ вопросъ въ засѣданіи кабинета и затѣмъ приступить къ осуществленію соглашенія посредствомъ переговоровъ съ русскимъ Посломъ въ Лондонѣ при техническомъ участіи англійскаго главнаго морского штаба и нашей морской агентуры.

Такимъ образомъ дѣло было, казалось, налажено и нашему морскому агенту въ Лондонѣ, капитану Волкову, были даны изъ Петрограда соотвѣтствующія инструкціи. Для подписанія акта конвенціи англійское правительство имѣло намѣреніе послать въ Петроградъ адмирала Великобританской службы, принца Людовика Баттенбергскаго, женатаго на старшей сестрѣ Императрицы Александры Федоровны. Въ Англіи расчитывали, что командировка принца въ Россію не возбудила бы особаго вниманія въ печати, ни подозрительности иностранныхъ правительствъ, благодаря близкимъ родственнымъ отношеніямъ между нимъ и Императрицей.

Это происходило въ послѣднихъ числахъ мая 1914 года. Командировка принца Баттенбергскаго въ Петроградъ должна была состояться въ августѣ, а перваго августа, по новому стилю, разразилась надъ Европой та буря, которая унесла не только нѣсколько милліоновъ человѣческихъ жизней, но и низвергла могущественные престолы и потрясла до основанія великія имперіи.

VII.

Весной 1914 года Дворъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ въ Ливадіи. Поѣздки Императорской Семьи въ Крымъ стали повторяться ежегодно, а иногда совершались и по два раза въ годъ, весной и осенью, въ зависимости отъ состоянія здоровья Цесаревича, который лѣчился тамъ Евпаторійскими грязями, привозимыми моремъ въ Ливадію, гдѣ ему устраивали изъ нихъ ванны на одной изъ залитыхъ солнцемъ терассъ Ливадійскаго Дворца. Это лѣченіе, вмѣстѣ съ теплымъ морскимъ воздухомъ Крыма, укрѣпляло здоровье Наслѣдника и дѣйствовало благотворно на мѣстныя проявленія органической болѣзни, съ которой онъ явился на свѣтъ. Этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы Государь и Императрица старались проводить въ Крыму возможно долгое время. Здоровье единственнаго сына было предметомъ ихъ неусыпныхъ заботъ и гне-

тущее чувство страха за его жизнь, хотя оно и переносилось ими мужественно и таилось въ себѣ глубоко, бросало черную тѣнь на ихъ безоблачное семейное счастье. Подъ благотворнымъ вліяніемъ пребыванія въ Крыму, Цесаревичъ неизмѣнно чувствовалъ себя крѣпче и бодрѣе и у его родителей, на время, утихала острая тревога о будущности сына и Наслѣдника Престола и зарождалась надежда увидѣть его взрослымъ и, если и не здоровымъ, то, по крайней мѣрѣ, жизнеспособнымъ человѣкомъ.

По давно заведенному обычаю Султанъ, по вступленіи своемъ на Престолъ, отправлялъ особое посольство въ Ливадію, когда русскій Дворъ прибывалъ туда на болѣе или менѣе продолжительное пребываніе, для привѣтствія Ихъ Величествъ.

Въ маѣ 1914 года Султанъ Махмудъ V послалъ съ этой цѣлью въ Крымъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Талаатъ-бея и Генерала Иззетъ-пашу. Я пріурочилъ свою служебную поѣздку въ Крымъ ко времени прибытія въ Ялту турецкаго посольства. За время двухдневнаго пребыванія пословъ въ Крыму мнѣ пришлось, почти постоянно, быть съ Талаатомъ и его товарищемъ. Это дало мнѣ возможность познакомиться, до нѣкоторой степени, съ этимъ человѣкомъ, котораго, безъ преувеличенія, можно назвать однимъ изъ величайшихъ злодѣевъ всемірной исторіи.

Прибывшій въ Ялту, по случаю пріѣзда посольства, нашъ посолъ въ Константинополѣ, М. Н. Гирсъ, хорошо знавшій Талаата, благодаря своимъ служебнымъ сношеніямъ съ младо-турецкимъ правительствомъ, въ которомъ, на ряду съ военнымъ министромъ, Энверомъ, Талаатъ игралъ самую видную роль, предупредилъ меня, что изъ всего того, что скажетъ мнѣ Талаатъ, мнѣ не слѣдовало вѣрить ни одному слову. Это предостереженіе соотвѣтствовало вполнѣ всему, что мнѣ было извѣстно объ этомъ человѣкѣ и поэтому я внутренне желалъ бы, чтобы онъ былъ со мною, по возможности, мало общителенъ. Тѣмъ не менѣе онъ интересовалъ меня и въ эту пору даже болѣе, чѣмъ когда либо, потому что мнѣ хотѣлось, хоть поверхностно, узнать че-

ловѣка, отъ доброй или злой воли котораго зависѣла судьбы армянскихъ реформъ, начатыхъ незадолго передъ тѣмъ по почину русскаго правительства и въ благополучномъ проведеніи которыхъ я принималъ горячее участіе.

По внѣшности Талаатъ показался мнѣ чистѣйшимъ туранцемъ. Онъ былъ средняго роста, но сильнаго сложенія, съ широкимъ скуластымъ лицомъ, въ которомъ, изъ подъ низкаго лба, безпокойно смотрѣли умные карые глаза, старавшіеся глядѣть привѣтливо. Его товарищъ, Иззетъ-паша, казалось, менѣе заботился о впечатлѣніи, которое онъ производилъ на чужихъ людей въ новой для него обстановкѣ и обнаруживалъ свойственное людямъ востока безразличіе, невольно располагающее европейцевъ въ ихъ пользу.

Я присутствовалъ на ихъ пріемѣ въ Ливадійскомъ Дворцѣ и внимательно слѣдилъ за впечатлѣніемъ, которое производили на Талаата естественность и простота обращенія, которыми, въ такой высокой степени, отличался Императоръ Николай II. Лицо Иззета не выражало ничего, кромѣ спокойной почтительности, свойственной восточнымъ людямъ предъ земнымъ величіемъ. На болѣе подвижномъ и выразительномъ лицѣ Талаата я замѣтилъ слѣды нѣкотораго смущенія и робости, которыя нерѣдко проявляютъ люди грубые и беззастѣнчивые, когда попадаютъ въ хорошее общество.

Отвѣчая на привѣтствія пословъ, Государь сказалъ имъ, что онъ радъ видѣть у себя чрезвычайное турецкое посольство, что питаетъ, какъ къ Султану, такъ и къ турецкому народу, дружественныя чувства и искренно желаетъ имъ благополучія и процвѣтанія. Государь прибавилъ, что онъ ничего не ожидаетъ отъ турецкаго правительства и желаетъ только одного, чтобы оно оставалось хозяиномъ въ своемъ собственномъ домѣ и не передавало у себя власти въ чужія руки, чѣмъ, по его мнѣнію, лучше всего были бы обезпечены добрососѣдскія отношенія между Россіею и Оттоманской Имперіею.

Государь ограничился этимъ намекомъ, ясно понятнымъ турецкими послами, на неудовольствіе, вызванное у насъ чрезвычайными полномочіями, данными военной миссіи генерала Лимана-фонъ-Сандерса. Въ дальнѣйшихъ разговорахъ съ ними я коснулся этого вопроса и высказалъ имъ, съ полной откровенностью, мой взглядъ на опасность, которую представляло, съ точки зрѣнія интересовъ самой Турціи, внѣдреніе иностранной власти въ самомъ сердцѣ Турціи, которая, благодаря этому, подвергалась риску лишиться возможности свободнаго распоряженія своей судьбою и стать къ Германіи въ полувассальныя отношенія.

Все, что говорилъ и писалъ мнѣ М. Н. Гирсъ и что мнѣ было извѣстно изъ другихъ источниковъ о Талаатѣ и его младо-турецкихъ сподвижникахъ, указывало на то, что, несмотря на ихъ нестѣсняемое никакими нравственными соображеніями честолюбіе, младо-турки, по своему, были горячими патріотами и стремились стряхнуть тѣ многочисленныя ограниченія своего государственнаго самовластія, къ которымъ привели ихъ столѣтія борьбы съ христіанской Европой. Ввиду этого я могъ надѣяться, что приведенные мною доводы произведутъ нѣкоторое впечатлѣніе на пословъ, если соображенія личной выгоды еще не связали ихъ безповоротно съ Германіею. Случилось-ли это уже въ то время или еще нѣтъ, мнѣ не было извѣстно тогда. У меня оставался еще другой болѣе вѣскій аргументъ, всегда имѣвшій должное дѣйствіе на турецкое правительство, а именно скрытая угроза репрессалій со стороны Россіи, которой турки боялись больше всего на свѣтѣ, считая ее самымъ опаснымъ своимъ врагомъ. Но къ этому аргументу я могъ прибѣгнуть только въ самой осторожной формѣ, т. к. онъ былъ обоюдоострымъ оружіемъ, пользоваться которымъ приходилось съ величайшей осмотрительностью. Къ тому же, въ данную минуту, слѣдовавшую непосредственно за сближеніемъ между Германіею и Турціею, такъ ярко выразившимся въ миссіи Лимана въ Константинополь, Турція имѣла, болѣе чѣмъ когда-либо, основаніе расчитывать на поддержку германскаго правительства въ

случаѣ сильнаго давленія на нее со стороны Россіи. Наши союзники и друзья преслѣдовали, какъ было указано выше, свои собственныя цѣли и были для насъ въ Константинополѣ не надежными помощниками. Мы стояли поэтому, по отношенію къ туркамъ, въ полномъ одиночествѣ, что было имъ извѣстно не хуже, чѣмъ намъ самимъ. Оставались, такимъ образомъ, однѣ убѣжденія, оружіе вездѣ слабое, а на Востокѣ вполнѣ непригодное. Болѣе дѣйствительное средство, въ видѣ усиленія нашихъ войскъ на Малоазійской границѣ, одна возможность котораго приводила въ смущеніе французское и англійское правительства, хотя бы оно не преслѣдовало никакихъ наступательныхъ цѣлей, надо было приберечь на случай окончательной неудачи переговоровъ, которые мы вели въ эту пору, при участіи Германіи, съ Турецкимъ правительствомъ относительно введенія реформъ въ армянскихъ вилаетахъ. Въ данномъ случаѣ оно было бы, кромѣ того, непримѣнимо, потому что, будучи направлено противъ Германіи столько же, сколько и противъ Турціи, оно могло бы повести къ Европейской войнѣ, не говоря о томъ, что вопросъ о германской военной миссіи уже успѣлъ выйти изъ острой своей фазы и вступить въ затяжную. Нашей прямой задачей поэтому было такъ сказать капсюлировать миссію генерала Лимана и тѣмъ предотвратить возможность дальнѣйшаго развитія ея значенія въ нежелательномъ для насъ смыслѣ.

Политическіе разговоры съ Талаатомъ и Иззетомъ были нелегки. Они выслушивали съ большимъ вниманіемъ все, что мы имъ говорили, сами не высказывая никакихъ мнѣній и ссылаясь на свою неосвѣдомленность въ вопросахъ внѣшней политики, которою будто бы вѣдалъ Великій Визирь, Саидъ-Халимъ, не игравшій, какъ мы знали, ровно никакой роли въ правительствѣ, гдѣ все рѣшалось исключительно голосами Талаата, Энвера и Джемаля, главарями партіи Единенія и Прогресса.

Въ вопросѣ о проведеніи армянскихъ реформъ, которому я предавалъ очень большую важность изъ-за

того значенія, которое имѣло его благополучное завершеніе въ глазахъ многочисленнаго армянскаго населенія нашихъ пограничныхъ съ Турціею областей, Талаатъ-бей былъ, если это возможно, еще болѣе сдержанъ и остороженъ, чѣмъ въ вопросѣ о германской военной миссіи. Русскій починъ въ реформѣ армянскихъ вилаетовъ былъ особенно непріятенъ младо-турецкому правительству, смотрѣвшему на него, какъ на посягательство иностранной власти на государственную независимость Турціи. Тутъ я не могъ расчитывать ни на какое содѣйствіе младо-турокъ, питавшихъ къ своимъ армянскимъ соотечественникамъ глубокую ненависть и неискоренимую подозрительность. Единственно чего мнѣ хотѣлось достигнуть, въ моихъ бесѣдахъ съ Талаатомъ, было вселить въ него убѣжденіе, что мы смотримъ чрезвычайно серьезно на армянскій вопросъ и что мы были твердо намѣрены неослабно наблюдать за проведеніемъ въ жизнь реформъ, гарантировавшихъ турецкимъ армянамъ человѣческое существованіе.

Я не имѣю возможности сказать, произвели ли мои разговоры должное дѣйствіе на Талаата и убѣдили ли они его въ необходимости избѣгать опасности столкновенія съ Россіею, къ которому долженъ былъ привести ее, рано или поздно, отказъ отъ независимой національной политики и полное подчиненіе указаніямъ изъ Берлина. То немногое, что я слышалъ отъ него въ отвѣтъ, звучало дружественно и какъ будто указывало на желаніе считаться съ нашими предостереженіями, но было ли оно искренно, мнѣ было рѣшить трудно. Зная нравственное обличіе этого человѣка, я склонялся къ тому, что, въ обстановкѣ нашего крымскаго свиданія, ожидать отъ него правды было еще гораздо труднѣе, чѣмъ во всякой другой, когда онъ не ощущалъ на себѣ никакихъ внѣшнихъ стѣсненій и могъ дать полный просторъ тому цинизму, который сдѣлалъ его предметомъ ужаса и ненависти въ глазахъ его собственныхъ соотечественниковъ. Для психологическаго анализа не было времени и мнѣ приходилось судить о Талаатѣ по тѣмъ готовымъ даннымъ, которыми я могъ располагать.

Въ день своего отбытія Талаатъ и Иззетъ пригласили меня и моихъ сотрудниковъ, а также нѣсколькихъ лицъ свиты Государя, обѣдать на Султанской яхтѣ, лежавшей на якорѣ въ ялтинскомъ порту. Во время обѣда Талаатъ, сидѣвшій рядомъ со мною, говорилъ мало и казался чѣмъ то озабоченъ. Къ самому концу обѣда и незадолго передъ тѣмъ, что я хотѣлъ вернуться съ яхты на берегъ, онъ наклонился ко мнѣ и сказалъ мнѣ очень тихимъ голосомъ, чтобы не быть услышаннымъ другими: «Я долженъ сдѣлать вамъ серьезное предложеніе. Не хочетъ ли русское правительство заключить союзъ съ Турціею?» Я долженъ признаться, что это предложеніе застигло меня врасплохъ. Я ожидалъ чего угодно, кромѣ предложенія союза отъ Талаата. Справившись со своимъ изумленіемъ, я спросилъ у него: «Отчего вы оставили ваше предложеніе до послѣдней минуты, когда у васъ было столько случаевъ сдѣлать его раньше». Талаатъ отвѣтилъ мнѣ, что обсудить его теперь, конечно, уже не было времени и что ему хотѣлось только знать, какъ бы я взглянулъ на возможность подобнаго союза. Я сказалъ ему, что нашъ посолъ въ Константинополѣ вернется къ своему посту черезъ три дня и что мнѣ не оставалось ничего другого, какъ поручить ему войти съ нимъ въ подробное обсужденіе сдѣланнаго мнѣ турецкаго предложенія, котораго я принципіально не отвергалъ, хотя и думалъ, что о серьезныхъ вещахъ слѣдуетъ говорить серьезно, съ чѣмъ Талаатъ, повидимому, согласился.

Вернувшись домой, я обсудилъ еще въ тотъ же вечеръ съ М. Н. Гирсомъ сдѣланное мнѣ Талаатомъ, такъ неожиданно, предложеніе, котораго онъ, также какъ и всѣ остальные русскіе гости на султанской яхтѣ, не слышалъ, такъ какъ сидѣлъ за столомъ не съ нимъ, а рядомъ съ Иззетомъ — пашею.

Михаилъ Николаевичъ, давно и хорошо знающій ту спеціальную политическую атмосферу, которая составляетъ особенность Константинополя и съ которой можно освоиться только послѣ долгаго пребыванія въ Турецкой столицѣ, не скрылъ отъ меня своего удивленія, какъ по поводу самого предложенія Талаата, такъ

и по поводу того способа, которымъ оно было сдѣлано. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сказалъ мнѣ, что онъ однако не рѣшился-бы сразу отнестись къ предложенію Талаата, какъ къ вещи, не заслуживающей никакого вниманія, такъ какъ ему было извѣстно, что среди членовъ младо-турецкой партіи были люди, которые склонялись искать обезпеченія независимости своей страны въ сближеніи ея съ Россіею. Эти люди были тѣ, которые тяготились, болѣе другихъ, возраставшей зависимостью своего правительства отъ Германіи и которые были бы рады новой оріентаціи турецкой политики, въ которой они усматривали возможность выйти изъ подъ тяготѣвшей надъ ними опеки. Гирсу казалось возможно, что и Талаатъ начиналъ, почему либо, ощущать неудобство германской опеки и придумалъ сближеніе съ нами, какъ способъ ее съ себя стряхнуть. Все это можно было узнать и провѣрить только въ Константинополѣ, чѣмъ онъ собирался заняться тотчасъ по возвращеніи туда.

Я оставался въ Крыму лишь нѣсколько дней послѣ отъѣзда Турецкаго посольства и затѣмъ вернулся въ Петроградъ въ ожиданіи разъясненій М. Н. Гирсомъ ялтинской загадки. Прошло недѣли двѣ, прежде чѣмъ я получилъ отъ него письмо, изъ котораго мнѣ стало ясно, что было бы напрасно ожидать продолженія начатаго съ турками, въ послѣднюю минуту, разговора на тему о сближеніи съ Россіею. Младо-турецкій кабинетъ, очевидно испугавшись самъ смѣлости своего почина, рѣшилъ сойти съ того пути, на который его хотѣлъ поставить Талаатъ, а можетъ быть германское посольство, узнавъ о его попыткѣ найти у насъ противовѣсъ своему вліянію, быстро положило конецъ всѣмъ подобнаго рода поползновеніямъ. Какъ бы то ни было, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, — и это подтверждается и изъ другихъ источниковъ, — что младотурки не безъ колебаній связали окончательно свою судьбу съ германской Имперіею, въ несокрушимой мощи которой ихъ увѣрилъ германскій посолъ, баронъ Вангенгеймъ, и военная миссія генерала Лимана-фонъ-Сандерса. Въ эту несокрушимость вѣрили, пожалуй

еще тверже, если это было возможно, военный министръ, Энверъ-паша, пользовавшійся за долгую свою службу въ Берлинѣ, въ качествѣ военнаго агента, особымъ благоволѣніемъ Кайзера, а равно и весьма многочисленные, въ турецкихъ военныхъ кругахъ, германофилы.

Какъ было только что упомянуто, среди тѣхъ предметовъ, которыхъ я коснулся въ моихъ бесѣдахъ съ турецкими послами въ Ялтѣ, былъ и вопросъ о проведеніи реформъ въ армянскихъ вилаетахъ въ Малой Азіи, которому, какъ я откровенно высказалъ Талаату, я придавалъ особенное значеніе. На этомъ вопросѣ можно было прослѣдить, съ полною ясностью, борьбу политическихъ вліяній Россіи и Германіи на почвѣ ближневосточныхъ интересовъ. Ввиду этого я считаю нужнымъ удѣлить нѣсколько минутъ вниманія сложному и скорбному вопросу объ участи армянъ въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи и о попыткѣ Императорскаго правительства создать для этого христіанскаго народа условія сноснаго существованія.

Но подобіе евреевъ армяне представляютъ рѣдкій и противуестественный примѣръ народа безъ территоріи. Та горная страна, которая носитъ историческое названіе Арменіи и которая была колыбелью армянскаго племени, уже давно является родиной для небольшой только его части, теперь еще значительно уменьшенной послѣ того ужасающаго истребленія, которому турки подвергли армянъ въ Малой Азіи во время великой войны 1914 года. Но и ранѣе этихъ страшныхъ событій ни въ такъ называемой русской Арменіи, ни въ Турецкихъ вилаетахъ по ту сторону границы, армяне, нигдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, не составляли большинства мѣстнаго населенія.

Вся исторія армянскаго народа, начиная съ тринадцатаго вѣка, когда онъ подпалъ подъ власть сперва Сельджуковъ, затѣмъ, перемѣнно, — монголовъ и персовъ, а наконецъ, послѣ созданія Оттоманской Имперіи въ четырнадцатомъ вѣкѣ, онъ былъ отданъ турками въ крѣпостную зависимость курдскимъ феодальнымъ владѣтелямъ, представляетъ многовѣковой мар-

тирологъ. Какъ ни была полна ужасовъ исторія всѣхъ Христіанскихъ народовъ, подпадавшихъ подъ власть турокъ, ни одна изъ нихъ не можетъ быть сравнима, съ точки зрѣнія перенесенныхъ страданій, съ исторіею армянскаго народа, положеніе котораго было тѣмъ болѣе трагично, что онъ не могъ, подобно другимъ, расчитывать когда-либо свергнуть иго варваровъ и организовать свое существованіе на началахъ національной независимости. Для этого у него не хватало главнаго условія — собственной территоріи. Наиболѣе предпріимчивая часть армянъ ушла въ разсѣяніе и вскорѣ, благодаря своему трудолюбію и прирожденной дѣловитости, устроила себѣ, даже въ предѣлахъ самой Турецкой Имперіи, вполнѣ терпимое существованіе, а, въ иныхъ случаяхъ, достигала богатства и власти. Завидная, сравнительно, участь выпала на долю армянскаго населенія, жившаго въ тѣхъ областяхъ Россіи, которыя были присоединены къ ней послѣ многочисленныхъ ея побѣдъ надъ Турціею и Персіею. Несмотря на нѣкоторыя, кратковременныя, проявленія бюрократической нетерпимости, вродѣ лишенія армянскаго духовнаго управленія права распоряженія принадлежавшимъ ему церковнымъ имуществомъ, изъ за подозрѣнія въ употребленіи его на революціонныя цѣли, армяне пользовались, на всемъ протяженіи Россійской Имперіи, покровительствомъ закона и полнотою гражданскихъ правъ. Во многихъ городахъ юго-восточной Россіи они достигли высокой степени матеріальнаго благосостоянія и занимали, благодаря этому, преобладающее положеніе въ городскомъ управленіи, что иногда имѣло послѣдствіемъ проявленіе недружелюбія и зависти со стороны другихъ мѣстныхъ элементовъ.

Все вышесказанное должно быть отнесено лишь къ выселившейся въ чужія страны и принявшей чужое подданство части армянскаго населенія или, въ лучшемъ случаѣ, къ тѣмъ изъ оставшихся въ Турціи армянъ, которые такъ или иначе успѣли прочно пристроиться къ какому нибудь торговому или иному дѣлу въ Константинополѣ или одномъ изъ другихъ, болѣе крупныхъ, городовъ европейской или азіатской Турціи, причемъ

многіе изъ нихъ, благодаря принадлежности къ армяно-уніатскому исповѣданію, пользовались особымъ покровительствомъ со стороны посольствъ и консульствъ римско-католическихъ державъ, что являлось неоцѣнимымъ преимуществомъ во времена армянскихъ гоненій.

Что же касается до массы сельскаго населенія, оставшагося въ такъ называемыхъ армянскихъ вилаетахъ, то его судьба не только не улучшалась съ теченіемъ времени или смѣною правленій и политическихъ режимовъ, но, наоборотъ, становилась все невыносимѣе. Сколько бы ни научила терпѣнію армянъ тяжелая ихъ исторія, все же и ему сталъ наступать предѣлъ. Полное безправіе и свирѣпый произволъ турецкихъ властей и курдскихъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ армяне несли обязанности крѣпостной рабочей силы, поддерживали среди нихъ не стихавшій ропотъ, которымъ пользовались, естественно, для своихъ цѣлей, какъ мѣстные, такъ и зарубежныя революціонныя организаціи, возникшія на почвѣ этихъ безпощадныхъ притѣсненій. На нашемъ Закавказьи существовало нѣсколько группъ наиболѣе крупной революціонной организаціи, извѣстной подъ названіемъ Дашнакцютюнъ, которая содержала своихъ агентовъ во всѣхъ центрахъ армянскаго населенія по ту сторону Турецкой границы. Дѣятельность этой организаціи была извѣстна Русскому правительству, которое, не безъ нѣкотораго безпокойства, слѣдило за ея развитіемъ, такъ какъ слѣды его неоднократно обнаруживались и въ предѣлахъ Россіи, среди нашего собственнаго армянскаго населенія, причемъ иногда бывало трудно опредѣлить, предназначалась ли агитаціонная дѣятельность дашнакцютюнцевъ къ вывозу въ Турцію или преслѣдовала домашнія цѣли.

Возстаніе армянъ въ пограничныхъ съ Закавказьемъ малоазійскихъ вилаетахъ, всегда возможное въ силу невыносимыхъ условій жизни армянскаго населенія Турціи, грозило зажечь пожаръ и по сю сторону нашей границы, гдѣ многочисленные и зажиточные русскіе армяне неизбѣжно оказали бы своимъ возстав-

шимъ братьямъ дѣятельную помощь въ борьбѣ ихъ съ турецкими притѣснителями.

Закавказье, съ его пестрымъ и плохо замиреннымъ населеніемъ, представляло опасную почву для всевозможныхъ смутъ и волненій и наша мѣстная администрація была крайне заинтересована въ томъ, чтобы пограничныя съ нами турецкія области не сдѣлались театромъ вооруженнаго возстанія. Едва ли надо указывать на то, что такое возстаніе привело бы, почти неизбѣжно, къ войнѣ между Россіею и Турціею, т. е. къ такимъ послѣдствіямъ, которыя русское правительство желало, во что бы то ни стало, предотвратить.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что ни одинъ только гуманитарный интересъ къ судьбѣ несчастнаго христіанскаго населенія, какъ бы живъ онъ ни былъ, но и желаніе поддержать порядокъ на наименѣе спокойной изъ нашихъ окраинъ, привелъ императорское правительство къ сознанію необходимости взять въ свои руки починъ переговоровъ относительно проведенія коренныхъ реформъ въ армянскихъ вилаетахъ. Оно рѣшилось на этотъ шагъ ввиду своей наибольшей заинтересованности въ достиженіи этой цѣли, а также потому, что ему было хорошо извѣстно, что ни одна другая держава не пожелала бы подвергнуть риску свои добрыя отношенія къ Турціи, поднявъ весьма непріятный Портѣ вопросъ объ осуществленіи армянскихъ реформъ, нѣсколько разъ уже намѣчавшихся и, по 61 ст. Берлинскаго договора, принятыхъ ею на себя, какъ обязательство по отношеніи ко всѣмъ великимъ державамъ и, тѣмъ не менѣе, никогда не выполненныхъ по укоренѣлой привычкѣ всякаго турецкаго правительства.

Предвидя, что нашъ починъ вызоветъ неудовольствіе и подозрительность Берлинскаго кабинета, который все болѣе входилъ въ роль оффиціальнаго покровителя Турціи, и не желая усложнять и безъ того трудную задачу, взятую на себя Россіею, я поручилъ, въ концѣ мая 1913 года, нашему послу въ Берлинѣ, С. Н. Свербееву, предупредить германское правительство о нашемъ рѣшеніи взять починъ реформъ въ духѣ тѣхъ

проэктовъ, которые были предусмотрѣны берлинскимъ договоромъ и турецкимъ закономъ 1895 года, изданнымъ подъ давленіемъ державъ Тройственнаго Согласія вслѣдъ за массовымъ избіеніемъ армянъ и къ выполненію котораго еще не было приступлено. Свербеевъ долженъ былъ разъяснить вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы стремились избѣжать всякаго соперничества европейскихъ правительствъ въ этомъ вопросѣ, а объединить обѣ группы великихъ державъ въ общемъ усиліи добиться улучшенія положенія армянскаго населенія Оттоманской Имперіи путемъ разумныхъ и справедливыхъ реформъ и что, беря починъ въ этомъ дѣлѣ, Императорское правительство не имѣло въ виду нанести ущерба правамъ Турціи, а желало, въ ея собственномъ интересѣ, предупредить возможность опасныхъ осложненій на ея границѣ.

Французское и Великобританское правительства отозвались сочувственно на наше предложеніе и дали своимъ представителямъ въ Константинополѣ соотвѣтствующія инструкціи. Послы державъ Тройственнаго Союза получили, равнымъ образомъ, разрѣшеніе принять участіе въ обсужденіи предполагавшихся реформъ подъ слѣдующими условіями: 1) сохраненія верховныхъ правъ Султана надъ Арменіею и 2) участія въ совѣщаніяхъ турецкаго представителя.

Отдавая отчетъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія, нашъ посолъ сообщилъ мнѣ, что германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ не выразилъ сочувствія нашему намѣренію, хотя и признался, что и до Берлина доходили тревожныя извѣстія изъ армянскихъ вилаетовъ, которыя однако, по его словамъ, не могли всегда быть провѣрены. Вопросъ о реформахъ представлялся ему затруднительнымъ и, во многихъ случаяхъ, сами армяне дѣйствовали вызывающимъ образомъ. Къ тому же, заботясь объ армянахъ, Державамъ не слѣдовало также упускать изъ виду интересовъ Курдскаго населенія. Неудовольствіе г-на фонъ-Яго, по мнѣнію нашего посла, объяснялось тѣмъ, что германское правительство, повидимому, само имѣло въ виду, въ той или иной формѣ, поднять вопросъ

объ армянскихъ реформахъ и поэтому не могло быть довольно, видя что мы предвосхитили его намѣреніе. Неожиданный интересъ Германіи къ армянамъ объяснялся тѣмъ, что, не желая возбуждать раздраженія турокъ черезъ-чуръ широкими реформами, Берлинскій кабинетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ не прочь снискать расположеніе армянъ, которые являлись въ турецкой имперіи однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ факторовъ.

Русскій починъ въ вопросѣ объ армянскихъ реформахъ сразу измѣнилъ отношеніе германской дипломатіи къ этому вопросу. Вмѣсто поощренія Германія стала обнаруживать желаніе доказать армянамъ, что, безъ опоры изъ Берлина, имъ никогда не достигнуть осуществленія ихъ желаній и начала тормозить дѣло реформъ тѣмъ, что предупредила Великаго Визиря о предстоявшемъ русскомъ починѣ.

Тѣмъ не менѣе въ Константинополѣ все же собралась международная комиссія для разработки армянскихъ реформъ. Составленный, по порученію посла, первымъ драгоманомъ русскаго посольства, А. Н. Мандельштамомъ, проэктъ этихъ реформъ былъ внесенъ въ концѣ іюня въ комиссію, засѣдавшую въ домѣ Австро-Венгерскаго посольства въ Ени-Кеѣ. Основныя черты русскаго проэкта сводились къ тому, что, изъ шести такъ называемыхъ армянскихъ вилаетовъ, была составлена, въ административномъ отношеніи, одна провинція, поставленная подъ управленіе христіанскаго генералъ-губернатора, назначаемаго Султаномъ на пять лѣтъ, съ согласія Великихъ Державъ. Въ его рукахъ была сосредоточена вся исполнительная власть. На ряду съ нимъ, избираемое, поровну, изъ христіанъ и мусульманъ, провинціальное собраніе должно было исполнять законодательныя обязанности въ вопросахъ мѣстнаго значенія. Выработанные имъ законы утверждались или отвергались властью Султана. Въ вилаетахъ и санджакахъ были предусмотрѣны административные совѣты, также составленные поровну изъ христіанъ и мусульманъ, избранныхъ населеніемъ. Съ точки зрѣнія свободы вѣроисповѣданія, правосудія, народнаго обра-

зованія, воинской повинности, землевладѣнія и землепользованія, а также финансоваго обложенія русскій проэктъ предоставлялъ армянскому населнію вполнѣ достаточныя гарантіи, изъ которыхъ главная состояла въ томъ, что выполненіе всѣхъ означенныхъ пунктовъ реформы обезпечивалось контролемъ Великихъ Державъ.

Съ перваго же засѣданія комиссіи стало очевидно, что работы ея обречены на неудачу. Невозможность согласовать точку зрѣнія русскаго проэкта, поддерживаемую Франціею и Англіею, съ требованіями Германіи и ея Австро-Венгерской союзницы, преслѣдовавшихъ цѣли несовмѣстимыя съ этимъ проэктомъ, свела дальнѣйшія засѣданія комиссіи къ однимъ словопреніямъ, безплодность которыхъ дѣйствовала угнетающимъ образомъ на тѣхъ изъ ея членовъ, которые смотрѣли серьезно на ея задачи и искренне желали заблаговременными реформами предупредить возможность новаго кровопролитія въ несчастной странѣ, коренное населеніе которой періодически подвергалось самому безжалостному истребленію. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія засѣданій комиссіи русское правительство получило, чрезъ германское посольство въ Петроградѣ, ноту, въ которой сущность русскаго проэкта подвергалась критикѣ и которая кончалась выраженіемъ пожеланія, чтобы державы въ вопросѣ армянскихъ реформъ «считались, въ одинаковой мѣрѣ, съ желаніями Турціи».

Послѣ восьми засѣданій Ени-Кейская комиссія была вынуждена прекратить свои работы за полной безцѣльностью ихъ продолженія. Каждый изъ пунктовъ русскаго проэкта вызывалъ опредѣленно отрицательное отношеніе германскаго представителя и проэктъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ оказался послѣ внесенныхъ въ него нѣмцами безчисленныхъ измѣненій, утратилъ всякій смыслъ и практическое значеніе. Надо было положить конецъ этой недостойной комедіи.

Между тѣмъ положеніе въ армянскихъ вилаетахъ не только не улучшалось, но послы великихъ державъ въ Константинополѣ ежедневно получали отъ подвѣдомственныхъ имъ консуловъ донесенія о непрекра-

щавшихся насиліяхъ турокъ и курдовъ надъ армянскимъ населеніемъ. Турецкое правительство не только не препятствовало этимъ безчинствамъ, но подъ рукою ихъ поощряло, а Германское посольство въ Константинополѣ смотрѣло на нихъ равнодушнымъ окомъ.

Не добившись толку въ Ени-Кейской комиссіи, русское правительство рѣшило не останавливаться передъ этой неудачей, а стараться иными путями достигнуть поставленной себѣ цѣли установленія европейскаго контроля надъ дѣйствіями турецкой администраціи въ армянскихъ вилаетахъ.

Для этого министерство иностранныхъ дѣлъ поручило русскому послу въ Константинополѣ договориться непосредственно съ германскимъ посломъ, бароном Вангенгеймомъ, относительно совмѣстной выработки программы необходимыхъ реформъ. Такая программа, хотя и не безъ труда, была выработана и сводилась къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: вмѣсто одной области армянскіе вилаеты были раздѣлены на двѣ части, съ назначеніемъ Портою, во главѣ каждой изъ нихъ, генеральнаго инспектора изъ христіанъ иностранныхъ подданныхъ, по рекомендаціи державъ, съ правомъ отозванія всѣхъ должностныхъ лицъ, самостоятельнаго назначенія на низшія должности и представленія кандидатовъ на высшія административныя и судебныя должности для утвержденія Султаномъ; созданія въ каждой части собранія изъ мѣстныхъ христіанъ и мусульманъ поровну; равное распредѣленіе всѣхъ должностей между христіанами и мусульманами; признаніе за державами права наблюденія за примѣненіемъ реформъ, послами — въ Костантинополѣ и консулами — на мѣстахъ; заявленіе Порты о своемъ намѣреніи согласоваться съ державами по вопросу о введеніи дальнѣйшихъ реформъ въ армянскихъ вилаетахъ*). Эти пункты были приняты великими державами безъ возраженій.

Хотя программа реформъ и вышла значительно съуженной изъ германо-русской передѣлки, она была

*) А. Н. Мандельштамъ: Le sort de l'Empire Ottoman. Payot. Paris 1917.

тѣмъ не менѣе пріемлема для русскаго правительства, такъ какъ, даже въ этомъ несовершенномъ видѣ, вносила существенное улучшеніе въ бытъ армянъ турецкихъ подданныхъ. Въ моихъ глазахъ признаніе Портою принципа Европейскаго контроля надъ дѣйствіями турецкой администраціи было существеннѣе подробной разработки отдѣльныхъ пунктовъ административной реформы, примѣненіе которыхъ, все равно, легко могло бы давать, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, поводъ къ препирательствамъ между державами и Портой. Несмотря на всѣ свои недостатки, укороченный проэктъ все же отвѣчалъ своей главной цѣли тѣмъ, что полагалъ конецъ безконтрольному хозяйничанію въ армянскихъ вилаетахъ грубой и подкупной администраціи и необузданному произволу мѣстнаго мусульманскаго населенія. Этотъ проэктъ долженъ былъ служить первымъ шагомъ на пути введенія основныхъ началъ гражданской жизни среди несчастнаго христіанскаго населенія, вынужденнаго жить, долгіе вѣка, наперекоръ всѣмъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ. За этимъ первымъ шагомъ должны были неминуемо послѣдовать дальнѣйшіе и предъ армянами, наконецъ, раскрылась бы возможность болѣе мирнаго и обезпеченнаго отъ внѣшняго насилія существованія.

Мы знаемъ, что, къ несчастію, этой возможности не было суждено осуществиться и что, вмѣсто полученія ожидавшагося избавленія, армянскій народъ долженъ былъ внести въ общую массу человѣческихъ бѣдствій, вызванныхъ великой войною, еще свою огромную долю неописуемыхъ страданій.

Несмотря на нескрываемую злую волю, съ которой турецкое правительство отнеслось къ тому скромному проэкту, на который русской дипломатіи удалось вырвать согласіе германскаго правительства, и на всевозможныя затрудненія и препятствія, которыя оно чинило ихъ принятію, нашему повѣренному въ дѣлахъ, Гулькевичу, посчастливилось довести дѣло армянскихъ реформъ до конца и, въ началѣ 1914 года, имъ и Великимъ Визиремъ было подписано соглашеніе, текстъ

котораго затѣмъ былъ сообщенъ всѣмъ великимъ державамъ.

Ко всему сказанному остается въ заключеніе прибавить, что, давъ свое согласіе на совмѣстную выработку проэкта реформъ германскимъ и русскимъ послами въ Константинополѣ, Берлинскій кабинетъ не только не сдѣлалъ ничего для того, чтобы поддержать этотъ проэктъ передъ Портою, но, наоборотъ, всѣми силами тормозилъ его принятіе и что подпись германскаго представителя не значится на актѣ 8-го февраля 1914-го года, превратившагося изъ русско-германскаго проэкта въ русско-турецкое соглашеніе.

Когда я возстановляю въ моей памяти долгія перепитіи, предшествовавшія подписанію армянскаго соглашенія 1914 года, мнѣ приходитъ на умъ разговоръ, который у меня былъ, осенью 1911 года, съ германскимъ Канцлеромъ во время одного изъ моихъ краткихъ посѣщеній Берлина проѣздомъ изъ Франціи. Говоря г-ну Бетманъ-Гольвегу о необходимости болѣе довѣрчивыхъ отношеній, въ интересахъ европейскаго мира, между германскимъ и русскимъ представителями въ Константинополѣ, я услышалъ отъ него слѣдующее замѣчаніе, поразившее меня своею неожиданностью: конечно это было бы очень желательно, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ мы всегда бывали вами оставляемы безъ вниманія (wir sind immer vernachlässigt worden). Всякое лицо, даже поверхностно знакомое съ дипломатическою жизнью турецкой столицы за десять лѣтъ, предшествовавшихъ европейской войнѣ, пойметъ несуразность этого замѣчанія, хорошо зная, что германскіе послы въ Константинополѣ, и въ особенности знаменитый баронъ Маршаль-фонъ-Биберштейнъ, играли роль не обыкновенныхъ представителей Европейской Великой державы, что само по себѣ было на Востокѣ очень высокимъ положеніемъ, но, кромѣ того, — личнаго представителя Императора Вильгельма II, объявившаго себя покровителемъ Ислама. Соотвѣтственно взятой на себя ихъ государемъ новой исторической роли, германскіе послы старались создать себѣ особое положеніе среди своихъ товарищей и обособиться отъ нихъ,

насколько это было возможно, окруживъ себя особымъ престижемъ въ глазахъ турецкаго правительства и сведя къ неизбѣжному минимуму свои отношенія къ мѣстному дипломатическому корпусу. Напомнивъ объ этомъ г-ну Бетману-Гольвегу, я предоставилъ ему судить, легко ли было, при этихъ условіяхъ, нашимъ посламъ въ Турціи установить необходимую въ извѣстныхъ случаяхъ для интересовъ какъ нашихъ, такъ и всей Европы, близость съ Германскимъ представителемъ. Говоря о недостаточности общенія между германскими представителями и ихъ товарищами державъ Тройственнаго Согласія, Имперскій канцлеръ, можетъ быть, и не кривилъ душой, но баронъ Маршаль и баронъ Вангенгеймъ имѣли на этотъ счетъ свое особое мнѣніе и мало считались со взглядами своего начальника. Дѣйствія германской дипломатіи не были, во время управленія внѣшней политикой Имперіи г-на Бетмана-Гольвега, объединены его руководящей волей и знаменитая нѣмецкая дисциплина, бывшая предметомъ удивленія и нерѣдко зависти другихъ правительствъ, не распространялась на министерство иностранныхъ дѣлъ.

Въ первыхъ числахъ іюня, по старому стилю, въ Россію прибылъ Король Саксонскій Фридрихъ-Августъ. Онъ пріѣхалъ благодарить Государя за посылку русской военной депутаціи на торжества, которыми Германія праздновала въ 1913 году столѣтнюю годовщину великой битвы народовъ подъ Лейпцигомъ, гдѣ союзныя державы нанесли тяжелое пораженіе тогдашнему поработителю Европы Наполеону I и гдѣ Россія, выгнавъ французовъ изъ своихъ предѣловъ, продолжала вести борьбу со «врагомъ рода человѣческаго», уже не ради собственнаго сохраненія, а ради избавленія отъ его ига Германіи.

Король провелъ въ Россіи два дня и былъ помѣщенъ въ большомъ дворцѣ Царскаго Села. Его приняли со всѣмъ почетомъ, подобавшимъ главѣ древней династіи, съигравшей въ исторіи Европы не маловажную роль и низведенный въ разрядъ второстепенныхъ

владѣтельныхъ домовъ послѣ объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи.

Кромѣ обычныхъ придворныхъ торжествъ, въ честь Короля, былъ устроенъ парадъ стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ гвардейскихъ частей. Смотря на это великолѣпное зрѣлище изъ оконъ моего лѣтняго помѣщенія въ томъ же дворцѣ, я любовался красотою и удальствомъ нашихъ войскъ, не подозрѣвая, что, черезъ нѣсколько недѣль, этотъ цвѣтъ русскаго воинства долженъ будетъ выступить на защиту Россіи противъ наступающихъ армій той страны, къ которой принадлежалъ Государь, котораго чествовала эта прекрасная и жизнерадостная молодежь. Что сталось съ ней? Добрая половина ея сложила свои головы на поляхъ сраженій съ Германскимъ врагомъ, а другая погибла въ еще болѣе ужасной борьбѣ съ внутренней крамолой за честь и свободу родины.

Добродушный и простоватый на видъ Король съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за этой, единственной въ своемъ родѣ, картиной. Я слышалъ, что, еще находясь подъ впечатлѣніемъ лестнаго и радушнаго пріема, оказаннаго ему въ Россіи, онъ отнесся, по возвращеніи въ Саксонію, съ порицаніемъ къ той политикѣ, которая велась германской Имперской властью и которая не могла имѣть иного исхода, кромѣ міровой катастрофы. За это слѣдуетъ помянуть его добрымъ словомъ.

VIII.

Эта война — величайшее преступленіе противъ человѣчества, когда либо совершенное. Тѣ, кто въ ней виновны, несутъ страшную отвѣтственность, и, въ настоящее время, достаточно разоблачены.

Моя рѣчь въ Государственной Думѣ 22-го февраля 1916 года.

Въ началѣ января 1913 года Предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, г-нъ Пуанкарэ, былъ избранъ въ Президенты Французской Республики послѣ оставленія этой должности г-номъ Фаль-

еромъ. Избраніе Пуанкарэ было принято у насъ съ удовлетвореніемъ и отмѣчено, по мысли нашего посла въ Парижѣ, Извольскаго, поддержанной мною передъ Государемъ, пожалованіемъ ему, тотчасъ по вступленіи его въ должность, Андреевской ленты, въ отступленіе отъ обычая даровать главамъ государствъ высшую въ Имперіи награду, лишь послѣ нѣкотораго времени пребыванія ихъ у власти или при особыхъ къ тому случаяхъ, какъ напр. свиданіяхъ и т. п.

Посѣщеніе г-номъ Пуанкарэ въ 1912 году Петрограда оставило по себѣ хорошее воспоминаніе. У насъ оцѣнили по достоинству его миролюбіе, союзническую вѣрность и рѣдкую твердость воли, качество, не теряющее въ Государственномъ человѣкѣ своей цѣны, даже если оно, иногда, граничитъ съ соотвѣтствующимъ этому качеству недостаткомъ — упрямствомъ. Съ начала двадцатаго вѣка создалась въ Европѣ тревожная политическая атмосфера, вызванная неослабѣвавшей, несмотря ни на какія временныя соглашенія, напряженностью старой вражды между Германіей и Франціей и новымъ фактомъ морского соперничества между Великобританіей и Германіей. Къ этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ прибавилось еще третье. Съ наступленіемъ Бюловской міровой политики стало ясно обрисовываться стремленіе центральныхъ монархій подчинить себѣ не только въ экономическомъ, но и политическомъ, отношеніи Балканскій полуостровъ, пренебрегая законными правами мѣстныхъ народовъ и жизненными интересами Россіи. Эта, близко касавшаяся насъ, угроза заставляла русское правительство искренно привѣтствовать появленіе во главѣ власти во Франціи человѣка, относительно непоколебимости котораго, съ точки зрѣнія общихъ намъ и нашей союзницѣ политическихъ принциповъ, мы могли быть совершенно спокойны. Видѣть Пуанкарэ въ 1913 году въ должности президента французской республики было, несомнѣнно, успокоительно. Предыдущая его политическая дѣятельность и, еще болѣе, личное знакомство съ основными чертами его характера давали мнѣ надежду, что онъ съумѣетъ чисто декоративныя обязанности, при-

своенныя демократическою подозрительностью и боязливостью французскаго конституціоннаго строя Президенту Республики, превратить, въ минуту государственной опасности, въ политическій факторъ, реальное значеніе котораго станетъ замѣтно не только во Франціи, но и за ея предѣлами.

Нашъ посолъ въ Парижѣ писалъ мнѣ, что новый Президентъ республики намѣренъ выбрать первый удобный случай для оффиціальнаго посѣщенія Россіи.

Седьмого іюля по старому стилю г-нъ Пуанкарэ прибылъ въ Кронштатъ на эскадренномъ броненосцѣ «La France», въ сопровожденіи предсѣдателя совѣта министровъ, министра инстранныхъ дѣлъ, г-на Вивіяни.

Встрѣча Государя съ Президентомъ произошла на Кронштадтскомъ рейдѣ и носила торжественный и дружескій характеръ. Государь пригласилъ недавно прибывшаго въ Петроградъ новаго французскаго посла Палеолога, А. П. Извольскаго и меня на Императорскую яхту «Александрія», на которую прибылъ и Пуанкарэ для привѣтствія Государя. Яхта затѣмъ ушла съ нами въ Петергофъ, гдѣ въ большомъ Петровскомъ Дворцѣ были приготовлены для Президента покои.

День былъ ясный и солнечный. Никогда Петергофъ еще не производилъ на меня такого впечатлѣнія красоты, какъ въ этотъ день, когда онъ облекся во все свое царственное великолѣпіе для пріема главы французской демократіи, скромная фигура котораго выдѣлялась небольшимъ, темнымъ пятномъ на фонѣ всего этого блеска.

Пребываніе въ Россіи Президента продолжалось три дня. Эти три дня оказались роковыми въ исторіи человѣчества. Въ теченіе ихъ были приняты безумныя и преступныя рѣшенія, которыя повергли Европу въ неслыханныя бѣдствія, покрыли ее развалинами и остановили на долгіе годы нормальный ходъ ея развитія.

Ко всѣмъ упомянутымъ выше прежнимъ причинамъ общаго недомоганія въ области международныхъ отношеній въ срединѣ лѣта 1914 года, прибавилась еще

новая, истинное значеніе которой обнаружилось не сразу. 28-го іюня погибъ въ Сараевѣ отъ руки убійцы наслѣдникъ Австро-Венгерскаго престола, Эрцъ-Герцогъ Францъ-Фердинандъ. Съ нимъ вмѣстѣ была убита и его морганатическая супруга, герцогиня Гогенбургъ. Преступникъ оказался молодымъ сербомъ, боснійскимъ уроженцемъ и, слѣдовательно, австрійскимъ подданнымъ и былъ задержанъ на мѣстѣ преступленія. Послѣ перваго впечатлѣнія ужаса, волненіе, произведенное этимъ преступленіемъ какъ въ Австро-Венгріи, такъ и во всемъ свѣтѣ, начало понемногу улегаться, какъ, вдругъ, изъ Вѣны стали доходить извѣстія о томъ, что австрійское правительство склонно видѣть въ Сараевскомъ убійствѣ результатъ политическаго заговора, нити котораго восходятъ до Бѣлграда. Общественное мнѣніе, заранѣе подготовленное непрерывной травлей, въ теченіе многихъ лѣтъ оффиціальной и неоффиціальной австро-венгерской печатью сербскаго сосѣда, ухватилось за эти слухи и въ нѣсколько дней, во всей Австро-Венгріи, откуда оно быстро перебросилось и въ Германію, создалось весьма опасное настроеніе, основанное на убѣжденіи, что къ подготовленію убійства Эрцъ-Герцога было причастно и сербское правительство. Судебное слѣдствіе, которое открылось въ Сараевѣ тотчасъ послѣ совершенія убійства, не дало въ этомъ отношеніи ни малѣйшихъ указаній, а дознаніе отправленнаго, для выясненія факта участія Бѣлградскаго правительства, чиновника Вѣнскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, съ полной точностью установило, что о такомъ участіи не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе Австро-Венгерское правительство, а за нимъ и вся Вѣнская и Пештская печать продолжали вести ожесточенную травлю противъ Сербіи, дошедшую вскорѣ до убійствъ и разгромовъ въ разныхъ городахъ Монархіи, въ которыхъ было сербское населеніе. Подъ прикрытіемъ патріотическаго негодованія велась самая безстыдная политическая агитація съ очевидной цѣлью найти давно желанный предлогъ для сведенія счетовъ съ Сербіею. Наученное опытомъ пяти предшествовавшихъ лѣтъ, русское правительство съ тревогой

прислушивалось къ худымъ вѣстямъ, приходившимъ изъ Вѣны, ожидая, со дня на день, какого нибудь явно враждебнаго дѣйствія со стороны Вѣнскаго кабинета по отношенію къ Сербіи.

Всѣ три дня, проведенные Президентомъ Французской Республики въ Петергофѣ, прошли подъ тягостнымъ вліяніемъ ожиданія грядущей бѣды. Возвращеніе въ Петроградъ, ранѣе истеченія срока его отпуска, Австро-Венгерскаго посла, графа Сапари, тоже не способствовало моему успокоенію. Тѣмъ не менѣе у насъ поддерживали въ себѣ надежду, что восьмидесятичетырехлѣтній Императоръ Францъ Іосифъ не захочетъ омрачить кровопролитіемъ послѣднихъ дней своей жизни. Непричастность сербскаго правительства къ Сараевскому преступленію была для насъ настолько очевидна, что мы еще не теряли надежды, что Австро-Венгерскому правительству придется, волей или неволей, отказаться отъ обвиненія сербскихъ правительственныхъ властей въ соучастіи въ преступленіи фанатизированнаго подростка, преступленія, изъ котораго Сербія, къ тому же, не могла извлечь ни малѣйшей для себя пользы. Мнѣ лично представлялось особенно нелѣпой попытка вѣнскаго кабинета связать убійства Наслѣднаго Эрцъ-Герцога съ заграничнымъ заговоромъ послѣ того, какъ политика Эренталя и рабски за ней слѣдовавшая политика Берхтольда въ теченіе многихъ лѣтъ накопляла, въ самихъ предѣлахъ двойственной монархіи, массу горючаго матеріала, готоваго вспыхнуть при первой къ тому возможности.

Скоро нашимъ перемѣннымъ опасеніямъ и проблескамъ надежды пришлось уступить мѣсто дѣйствительности, оказавшейся болѣе грозной, чѣмъ ее рисовало себѣ воображеніе наиболѣе пессимистически настроенныхъ у насъ людей.

Вечеромъ 10 іюля ст. ст. броненосецъ «La France» покинулъ Кронштадтъ, направляясь въ Стокгольмъ. Въ это же приблизительно время Австро-Венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербскому министру иностранныхъ дѣлъ ультиматумъ, который составилъ предметъ удивленнаго негодованія всей Европы, и появ-

леніемъ котораго отмѣчена въ исторіи не одной Европы, а всего свѣта, новая эра. Этотъ ультиматумъ настолько, до сихъ поръ, всѣмъ памятенъ, что говорить о немъ подробно нѣтъ надобности. Достаточно замѣтить здѣсь, что требованій, какъ тѣ, которыя въ немъ заключались, еще никогда не предъявлялось ни къ одной европейской державѣ и что принятіе ихъ Сербіею, въ полномъ объемѣ, равнялось бы добровольному отреченію отъ національной независимости.

Моментъ врученія ультиматума былъ подогнанъ вѣнскимъ правительствомъ ко времени отъѣзда изъ Россіи Президента Французской Республики. О днѣ и часѣ этого отъѣзда оно было, заблаговременно, увѣдомлено при содѣйствіи германскаго посольства въ Петроградѣ, наводившаго по этому предмету справку въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Поручить эту справку своему собственному представителю въ Вѣнѣ не рѣшились, чтобы не возбуждать подозрѣній. Дѣйствуя такимъ образомъ, графъ Берхтольдъ хотѣлъ помѣшать русскому и французскому правительствамъ использовать присутствіе въ Россіи Президента Республики и министра иностранныхъ дѣлъ, чтобы тотчасъ же установить общій планъ дѣйствій союзныхъ кабинетовъ, ввиду создавшагося, благодаря австрійскому ультиматуму, новаго положенія. Прежде чѣмъ дать взорваться австрійской бомбѣ, было рѣшено дать Президенту Пуанкарэ и г-ну Вивіани удалиться изъ Россіи. Для возвращенія во Францію имъ предстояло, даже при отказѣ отъ всякихъ остановокъ по пути, четыре дня плаванія.

Узнавъ о врученіи ультиматума ночью съ 23-го на 24-ое іюля, я, на слѣдующее утро, перебрался изъ Царскаго Села въ городъ, такъ какъ мнѣ было ясно, что мы находились наканунѣ событій чрезвычайной важности. Срокомъ принятія австрійскихъ требованій было назначено сорокъ восемь часовъ, Въ такое краткое время державамъ Тройственнаго Согласія было невозможно сговориться относительно принятія общихъ мѣръ для умѣряющаго воздѣйствія на Вѣнское прави-

тельство. Ввиду этого первою моею заботой было добиться отсрочки въ пользу сербовъ. На мою просьбу о продленіи срока ультиматума послѣдовалъ отъ графа Берхтольда рѣшительный отказъ. Мое обращеніе за содѣйствіемъ къ Германіи, какъ черезъ наше посо́льство въ Берлинѣ, такъ и путемъ личныхъ разговоровъ съ Германскимъ посломъ, осталось безъ результатовъ, что укрѣпило меня въ предположеніи, что, на этотъ разъ, Германское правительство намѣрено было стать, по примѣру 1909 года, но можетъ быть съ еще большей рѣшимостью соотвѣтственно важности событій, на почву полной солидарности съ Австро-Венгріею. Отказъ Берхтольда отсрочить поставленныя Сербіи требованія не былъ мотивированъ. Нежеланіе Германіи удержать Австро-Венгрію на томъ опасномъ пути, на который она становилась, объяснялось намъ въ Берлинѣ тѣмъ соображеніемъ, что берлинскій кабинетъ не считалъ себя вправѣ вступать въ распрю между своею союзницею и Сербіею на томъ основаніи, что эта распря касалась ихъ однѣхъ и что поэтому борьба между ними, если бы до нея дошло дѣло, должна была быть локализована. Нелѣпость этого послѣдняго утвержденія бросалась въ глаза и обнаруживала явное намѣреніе не считаться, въ угоду Австро-Венгріи, со всѣмъ извѣстными фактами Балканской исторіи цѣлаго столѣтія. Было ясно, что мы имѣли дѣло не съ плохо обдуманнымъ починомъ недальновиднаго Австрійскаго министра, предпринятымъ на его личный страхъ и отвѣтственность, но съ тщательно подготовленнымъ планомъ, на который было заблаговременно получено согласіе Германскаго правительства, безъ поддержки котораго Австро-Венгрія не отваживалась бы приступить къ его исполненію.

Это заключеніе подсказывалось здравымъ смысломъ. Обнародованіе въ 1919 году секретныхъ дипломатическихъ документовъ Австро-Венгерскаго правительства, а равно и германскихъ, изданныхъ, въ томъ же году, Каутскимъ въ отдѣльномъ сборникѣ, принесло неопровержимое подтвержденіе этого заключенія и раскрыло, до мельчайшихъ подробностей, всѣ нити

Вѣнскаго заговора и ту поддержку, которую онъ нашелъ у Императора Вильгельма и его правительства.

Австрійскій ультиматумъ поставилъ Европу сразу на край пропасти, создавъ положеніе, изъ котораго трудно было найти иной выходъ, какъ европейская война. Въ исторіи не найдется примѣра, болѣе чреватаго неисчислимыми послѣдствіями дѣйствія человѣческой воли, предпринятаго, съ болѣе безразсуднымъ легкомысліемъ, чѣмъ это рѣшеніе Австро-Венгерскаго правительства поправить свое шаткое внутреннее положеніе и возстановить утраченное, бездарной дипломатіею, внѣшнее обояніе, бросившись, очертя голову, въ войну, не взвѣсивъ своихъ силъ и не зная даже числа возможныхъ своихъ противниковъ, въ одномъ расчетѣ на помощь могущественнаго союзника. На гибель Австріи и на несчастье всего человѣчества и свое собственное, этотъ могущественный союзникъ, который могъ бы однимъ словомъ остановить это безумное рѣшеніе*), какъ онъ сдѣлалъ не далѣе какъ во время второй Балканской войны, на этотъ разъ не захотѣлъ произнести сдерживающаго слова. Изъ Берлина, вмѣсто запрета, раздалось прямое поощреніе. Этого было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы сдѣлать тщетными усилія Россіи и Державъ Согласія предотвратить войну, отъ которой ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не могъ ожидать, для своей родины, ничего, кромѣ страшныхъ бѣдствій, а можетъ быть и гибели.

Послѣ пораженія Германіи и уничтоженія Австро-Венгріи люди, которыхъ въ Европѣ считаютъ отвѣтственными за войну и ея роковыя послѣдствія, ощутили, не исключая Императора Вильгельма, потребность обѣлить себя въ глазахъ по крайней мѣрѣ своихъ соотечественниковъ, если не всего свѣта, въ обвиненіяхъ либо въ злой волѣ, либо въ бездарности и преступномъ легкомыслiи, которыя сыпались на нихъ, какъ со стороны ихъ противниковъ, такъ и собственныхъ сограждан, разочарованныхъ и негодующихъ на нихъ за тра-

*) Въ 1913 году Италія, а за ней и Германія, отклонили всякое участіе въ задуманной Австро-Венгріею войнѣ съ Сербіею.

гическій исходъ войны, на которую ихъ вели, какъ на праздникъ. Эти люди стали доказывать въ безчисленномъ количествѣ оправдательныхъ книгъ и брошюръ, что они не хотѣли войны, что она была имъ навязана коварными противникми, что они начали ее въ цѣляхъ самозащиты и т. д.

Я не считаю себя вправѣ заподозрѣвать всѣхъ этихъ людей, безъ исключенія, въ недобросовѣстности и во лжи. Долгій жизненный опытъ указываетъ мнѣ на то, что люди обладаютъ свойствомъ безграничнаго самообольщенія и легко утрачиваютъ чувство реальнаго, постепенно начиная терять, вмѣстѣ съ нимъ, способность проводить грань между своими желаніями и намѣреніями и тѣмъ, что фактически они дѣлаютъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что среди тѣхъ, кого я склоненъ считать отвѣтственнымъ за міровую войну, со всѣми ея неизгладимыми послѣдствіями, и были и есть люди, которые ея не желали. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти люди не только ничего не сдѣлали, чтобы ее избѣжать, но, скрестивъ себѣ руки, пассивно смотрѣли на ея приближеніе, думая, что, такъ какъ она, по ихъ соображеніямъ, все равно неизбѣжна*), то можетъ быть было лучше дать ей разразиться тогда-же**). Правда, при этомъ они не допускали мысли объ иномъ исходѣ войны, кромѣ благопріятнаго для ихъ отечества. Если бы они обладали хотя бы нѣкоторымъ даромъ предвидѣнія, ихъ философское безразличіе по отношенію къ такому, по

*) Седьмого апрѣля 1913 года государственный канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ произнесъ рѣчь, въ которой была слѣдующая фраза: Если бы дѣло дошло до европейскаго пожара, который поставилъ бы другъ противъ друга славянъ и германцевъ... и т. д. Подобная фраза въ устахъ канцлера была величайшей неосторожностью и возбудила испугъ германскаго посла въ Петроградѣ, пріѣзжавшаго ко мнѣ нарочно, чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное ею на русское правительство и общественное мнѣніе.

**) Подобное отношеніе къ войнѣ характеризовало канцлера и высшихъ чиновъ М-ва Ин. Дѣлъ, Яго и Циммермана.

существу, страшному явленію, какъ война, со всѣми ея безконечными случайностями и трудностями, уступило бы мѣсто сознанію ихъ обязанности положить конецъ той игрѣ съ огнемъ, которой забавлялись въ Вѣнѣ со временъ Эренталя и за все управленіе внѣшней политикой его преемника Берхтольда, у котораго страхъ передъ Сербіею и ненависть къ ней выродились въ какую то маноманію. Оцѣнивая отвѣтственность германскихъ государственныхъ людей въ катастрофѣ 1914 года, спрашиваешь себя, что руководило ими, когда шестого іюля этого года, т. е. за двѣ недѣли до врученія австрійскаго ультиматума, они выразили согласіе на представленную при письмѣ Императора Франца Іосифа къ Вильгельму II политическую программу, направленную къ уничтоженію Сербіи и обѣщали этой программѣ свою поддержку.

Въ означенномъ письмѣ Франца Іосифа, гдѣ Болгаріи, какъ надежному съ австрійской точки зрѣнія фактору, отводится большая роль въ будущей борьбѣ съ Сербіею, находятся слѣдующія мѣста, которыя не допускаютъ, по всей ясности и недвусмысленности, никакихъ сомнѣній насчетъ истинныхъ намѣреній вѣнской политики. «Стремленія моего правительства», пишетъ Императоръ Францъ Іосифъ, «должны быть отнынѣ направлены къ изолированію и уменьшенію (Verkleinerung) Сербіи». Какъ связать это съ данными намъ Вѣною формальными обязательствами не покушаться на сербскую территорію? Далѣе, на той же страницѣ, мы читаемъ: «это», т. е. созданіе новаго Балканскаго союза подъ покровительствомъ Тройственнаго Союза, иными словами полное подчиненіе Балканъ Австро-Германской политикѣ,—«окажется только тогда возможнымъ, когда Сербія, составляющая центръ панславистской политики, будетъ уничтожена, какъ политическій факторъ на Балканахъ»*). Упомянутыя политическія соображенія, сопровождавшія письмо австрійскаго Императора, кстати сказать, составленныя раньше убійства Наслѣдника Пре-

*) Сборникъ Австро-Венг. Дипл. документовъ 1919 года, стр. 3.

стола, служили только развитіемъ основной мысли безпощадной борьбы съ Сербіею и ея уничтоженія.

Каковъ же былъ отвѣтъ Императора Вильгельма и Канцлера Бетмана-Гольвега на письмо Франца Іосифа и на записку Берхтольда?

Вильгельмъ II, ознакомившись съ содержаніемъ обоихъ документовъ и вполнѣ одобривъ намѣренія Вѣнскаго кабинета по отношенію къ Сербіи, заявилъ Австро-Венгерскому послу Сегени, передавшему ихъ ему, что: «если бы дѣло дошло даже до войны между Австро-Венгріею и Россіею, мы (т. е. Австрійцы) могли бы быть увѣрены, что Германія, съ обычной союзнической вѣрностью, стала бы на нашу сторону. Россія, впрочемъ, въ настоящемъ положеніи вещей еще далеко не готова къ войнѣ и хорошенько подумаетъ, прежде чѣмъ обратиться къ оружію». Вслѣдъ затѣмъ Императоръ прибавилъ: «Если мы (австрійцы), на самомъ дѣлѣ, убѣдились въ необходимости военныхъ дѣйствій противъ Сербіи, то онъ (Императоръ) пожалѣлъ бы, если бы мы оставили не использованною настоящую, намъ столь благопріятную, минуту. Что касается Румыніи, — относительно которой въ Вѣнѣ питали большія сомнѣнія, — то Императоръ позаботится о томъ, чтобы Король Карлъ и его совѣтники вели себя какъ должно»*).

Таковъ былъ отвѣтъ Кайзера. Что касается до государственнаго Канцлера, Бетмана-Гольвега, то онъ, въ присутствіи помощника статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, Циммермана, заявилъ Австрійскому послу, что «германское правительство, поскольку дѣло шло о нашихъ (австрійскихъ) отношеніяхъ къ Сербіи, стояло на той точкѣ зрѣнія, что намъ самимъ было судить о томъ, что надо было дѣлать для выясненія этихъ отношеній. При этомъ мы могли, каково бы ни было наше рѣшеніе, съ увѣренностью расчитывать, что Германія, какъ союзница и другъ Австро-Венгерской монархіи, будетъ стоять за нее». Посолъ прибавляетъ, что Канцлеръ, равно какъ и Императоръ Вильгельмъ «смот-

*) Сборникъ Австро-Венгер. Дипл. Документовъ 1919 года, № 6, стр. 22.

рятъ на немедленное выступленіе (sofortiges Einschreiten) съ нашей стороны, какъ на наиболѣе основательное и лучшее разрѣшеніе нашихъ затрудненій на Балканахъ. Съ международной точки зрѣнія Канцлеръ считалъ настоящій моментъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ какой либо болѣе поздній».

Интересно также, въ видѣ иллюстрацій берлинскихъ настроеній, слѣдующее краткое извлеченіе изъ письма графа Берхтольда къ Венгерскому первому министру, графу Тиссѣ *): «только что меня покинулъ Чиршкій (германскій посолъ въ Вѣнѣ), который сообщилъ мнѣ, что онъ получилъ телеграмму, которою Императоръ поручаетъ ему особенно подчеркнуть (mit allem Nachdruck zu erklären), что въ Берлинѣ ожидаютъ выступленія Австро-Венгерской монархіи противъ Сербіи и что въ Берлинѣ показалось бы непонятнымъ, если-бы мы пропустили случай нанести ей ударъ».

Австрійскій посолъ дополняетъ свои сообщенія объ отношеніяхъ разныхъ германскихъ высокопоставленлицъ къ плану Вѣнскаго кабинета нападенія на Сербію слѣдующей секретной телеграммой отъ 9-го іюля, въ которой онъ отдаетъ Берхтольду отчетъ о свиданіи съ только что вернувшимся изъ отпуска статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, фонъ-Яго: «статсъ-секретарь, какъ я могъ убѣдиться, вполнѣ согласенъ съ положеніемъ, занятымъ германскимъ правительствомъ и далъ мнѣ весьма рѣшительныя увѣренія, что, и по его мнѣнію, имѣющееся въ виду противъ Сербіи выступленіе должно было бы быть предпринято безотлагательно» (ohne Verzug**). Другой примѣръ отношенія статсъ-секретаря фонъ-Яго къ австрійскимъ замысламъ я заимствую изъ секретной телеграммы того же графа Сегени Берхтольду, въ которой онъ передаетъ слова, сказанные ему Яго по поводу отсрочки врученія Сербіи ультиматума до отъѣзда г-на Пуанкарэ изъ Петрограда: «Статсъ-секретарь чрезвычайно (ganz ausserordentlich)

*) Тотъ же сборникъ № 10, стр. 39.

**) Сборникъ Австро-Венгер. Дипл. Док. 1919 года, № 13, стр. 46.

сожалѣетъ объ этой отсрочкѣ. Г-нъ фонъ-Яго опасается, что сочувственное отношеніе и интересъ къ этому шагу въ Германіи можетъ ослабѣть, благодаря этой отсрочкѣ *)».

Видно Яго боялся отстать отъ своего Императора въ проявленіи «Нибелунговой вѣрности» къ союзникамъ. Если бы Яго умышленно толкалъ австрійцевъ на путь погибели, онъ не могъ бы говорить съ ними иначе.

Резюмируя свои предыдущія телеграфныя сообщенія въ подробномъ донесеніи своему начальнику, посолъ пишетъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «какъ Ваше Превосходительство освѣдомились изъ моихъ недавнихъ телеграфныхъ сообщеній, а равно и изъ личныхъ впечатлѣній графа Хоіоса**), какъ Императоръ Вильгельмъ, такъ и остальные, руководящіе здѣсь, лица, не только твердо стоятъ, какъ вѣрные союзники, за А. В. Монархію, но и подбадриваютъ (ermunteren) насъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, чтобы не дать пройти настоящей минутѣ, но, со всею энергіею, выступить противъ Сербіи и покончить, разъ навсегда, съ этимъ гнѣздомъ заговорщиковъ-революціонеровъ, совершенно предоставляя намъ выбрать для этого, какія намъ покажутся лучшими, средства***)». Изъ того же донесенія я извлекаю еще слѣдующее характерное мѣсто: «...германскіе руководящіе круги и не менѣе ихъ, самъ Императоръ Вильгельмъ, просто хотѣлось бы почти сказать, — заставляютъ (drängen) насъ предпринять военное выступленіе противъ Сербіи».

Сегени считаетъ нужнымъ объяснить своему правительству, почему Германія смотритъ на эту минуту, какъ на наиболѣе удобную для энергическихъ мѣръ противъ Сербіи. По его мнѣнію въ Берлинѣ пришли къ заклю-

*) Тотъ же сборникъ № 23, стр. 59.

**) Чиновникъ А. В. М-ва Ин. Дѣлъ, привезшій въ Берлинъ письмо Имп. Франца Іосифа и бывшій, вмѣстѣ съ гр. Форгачемъ ближайшимъ сотрудникомъ Берхтольда.

***) Тотъ же сборникъ № 15, стр 48, 49 и 50.

ченію, что Россія «вооружается для войны со своимъ западнымъ сосѣдомъ, на которую она не смотритъ болѣе, какъ на возможную въ будущемъ, но которой она отвела мѣсто въ своихъ политическихъ расчетахъ, однако только будущихъ, такъ что она, не теряя войны изъ виду, къ ней всѣми силами готовится, но въ настоящее время еще не собирается начать ее или, вѣрнѣе сказать, къ ней еще недостаточно подготовлена». Къ этому, по мнѣнію того же Сегени, присоединяется у нѣмцевъ еще и то соображеніе, что у Германіи «имѣются вѣрныя указанія, что Англія не приметъ въ настоящее время участія въ войнѣ, которая разразилась бы изъ за Балканскаго вопроса, даже и въ томъ случаѣ, если бы она привела къ военному столкновенію съ Россіею или даже съ Франціею. И не потому», прибавляетъ посолъ, «что отношенія Англіи къ Германіи улучшились настолько, чтобы Германіи не приходилось опасаться болѣе враждебности Англіи, но оттого, что Англія нынѣ совершенно не желаетъ войны и вовсе не расположена вытаскивать изъ огня каштаны для Сербіи или, въ конечномъ результатѣ, — для Россіи. Такимъ образомъ», заключаетъ онъ, «изъ вышесказаннаго вытекаетъ, что для насъ (Австро-Венгріи) общее политическое положеніе (Konstellation) въ настоящую минуту, какъ нельзя болѣе благопріятно».

Относясь строго-объективно къ свѣдѣніямъ стараго дипломата, который долгіе годы представлялъ Австро-Венгрію въ Берлинѣ и который заслужилъ полное довѣріе и уваженіе не только германскихъ правительственныхъ круговъ, но и самаго Императора Вильгельма, можно высказать предположеніе, что онъ съ полною точностью передавалъ истинное настроеніе Императора и его правительства. Когда партія была проиграна и революціонныя германскія власти приступили къ обнародованію секретной дипломатической переписки бывшаго правительства, многія лица, утверждавшія свою невиновность въ войнѣ, почувствовали себя задѣтыми этими разоблаченіями и стали объяснять свѣдѣнія, заключавшіяся въ сообщеніяхъ Сегени, старческимъ ослабленіемъ его умственныхъ способно-

стей*). Я не зналъ Сегени лично и не могу судить о состояніи его способностей, иначе какъ по его напечатаннымъ донесеніямъ, но лица, близко его знавшія именно въ эту пору его дѣятельности въ Берлинѣ, говорили мнѣ, что онъ находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти и не подавалъ признаковъ умственнаго одряхлѣнія. Я считаю долгомъ прибавить, что всегда слышалъ о немъ и о его Константинопольскомъ товарищѣ, Паллавичини, какъ о двухъ наиболѣе даровитыхъ представителяхъ Австро-венгерской дипломатіи.

Но не въ этомъ дѣло. Каково бы ни было состояніе здоровья Сегени, сообщавшіяся имъ въ Вѣну свѣдѣнія находятъ себѣ полное подтвержденіе въ упомянутомъ мною Сборникѣ Германскихъ оффиціальныхъ документовъ Каутскаго, изданномъ, какъ сказано выше, одновременно съ Австрійской Красной Книгой, изъ которой я дѣлалъ мои заимствованія.

Чтобы не быть голословнымъ, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ перваго изъ этихъ сборниковъ, проливающихъ яркій свѣтъ на отношеніе высшихъ германскихъ правительственныхъ круговъ къ задуманному Берхтольдомъ и его сообщниками нападенію на Сербію.

Императоръ Вильгельмъ имѣлъ привычку испещрять поля подносимыхъ ему для чтенія донесеній большимъ числомъ весьма характерныхъ, по своеобразному ходу мыслей и способу выраженія, собственноручныхъ замѣтокъ, изъ которыхъ многія воспроизведены Каутскимъ цѣликомъ. Изъ его сборника я извлекаю слѣдующую, не оставляющую ничего желать по своей краткости и выразительности: «Теперь или никогда». Эта помѣтка сдѣлана Императоромъ на донесеніи германскаго посла въ Вѣнѣ Чиршкаго, противъ того мѣста, гдѣ онъ говоритъ объ общемъ желаніи австрійцевъ, когда нибудь «основательно расчитаться съ

*) Подобное истолкованіе непріятныхъ раскрытій примѣнялось въ Германіи и въ другихъ случаяхъ. Такъ Вице-Канцлеръ Пайеръ объяснялъ разоблаченія извѣстнаго д-ра Мюлона его патологическимъ состояніемъ.

сербами» *). На томъ-же донесеніи, нѣсколькими строками дальше, Императоръ отмѣчаетъ по поводу вполнѣ основательнаго мнѣнія, высказаннаго его посломъ въ Вѣнѣ, о необходимости предостеречь австрійцевъ отъ скороспѣлыхъ рѣшеній: «Кто его на это уполномочилъ? Это очень глупо; совсѣмъ не его дѣло» и т. д., кончая такъ: «Чиршкій долженъ оставить эти глупости. Съ сербами надо расчитаться и притомъ поскорѣе». Вотъ какъ былъ встрѣченъ, съ высоты Престола, первый благоразумный совѣтъ, данный германскимъ дипломатомъ Вѣнскому кабинету. Не приходится удивляться послѣ этого, что этотъ совѣтъ оказался и послѣднимъ. Что касается самаго Чиршкаго, то для него этотъ урокъ не пропалъ даромъ и, съ этого дня, покончивъ съ неблагодарной ролью осторожнаго совѣтника, онъ превратился сразу въ одного изъ наиболѣе откровенныхъ подстрекателей.

Чтобы покончить съ цитатами императорскихъ помѣтокъ, приведу еще двѣ, сдѣланныя, одна на донесеніи того же Чиршкаго, гдѣ послѣдній пишетъ, что передача Австрійскаго ультиматума Сербіи была отложена до отъѣзда изъ Россіи Президента Французской Республики. Противъ этого мѣста Императоръ отмѣчаетъ: «Какъ жаль»!**). Другая отмѣтка, пожалуй еще болѣе типичная, украшаетъ поля донесенія германскаго посла въ Лондонѣ, князя Лихновскаго, въ которомъ этотъ спокойный и разсудительный дипломатъ, не безъ тревоги смотрѣвшій на горячечное настроеніе, охватившее его правительство, передаетъ своему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ опасеніе сэра Эдуарда Грэя, что краткій срокъ австрійскаго ультиматума дѣлаетъ войну почти неизбѣжною. Англійскій министръ заявилъ при этомъ Лихновскому о своей готовности сдѣлать, совмѣстно съ Германіею, представленія о продленіи срока ультиматума, такъ какъ этимъ путемъ онъ полагалъ, что можетъ быть было бы возможнымъ найти

---

*) Сборникъ Каутскаго 1, № 7, стр. 11.
**) Сборникъ Каутскаго № 49, стр. 74.

желанный исходъ изъ затрудненія. Противъ этого мѣста рукой Вильгельма II написано: «Безполезно» *).

Я думаю, что эти выдержки въ достаточной мѣрѣ очерчиваютъ душевное состояніе Императора Вильгельма, граничившее, иногда, съ потерей всякаго самообладанія и равновѣсія. Ихъ можно было бы пріумножить до безконечности, приведя не мало другихъ, имѣющихъ характеръ явно оскорбительный для лицъ, неугодившихъ Кайзеру. Но и этого болѣе чѣмъ достаточно.

Для характеристики взглядовъ Германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, г-на фонъ-Яго, я приведу весьма краткій документъ, телеграмму его германскому Послу въ Вѣнѣ слѣдующаго содержанія: «въ Норддейче Цейтунгъ появится, по поводу Австро-сербской распри, замѣтка, умышленно смягченная ради европейской дипломатіи. Высоко-офиціозное изданіе не должно преждевременно бить тревогу. Прошу Васъ озаботиться тѣмъ, чтобы это не было ложно истолковано, какъ уклоненіе, съ нашей стороны, отъ проявляемой въ Вѣнѣ рѣшительности».

Кромѣ усилій Государя и русскаго правительства добиться примирительнаго посредничества берлинскаго кабинета въ Вѣнѣ, къ которымъ мнѣ придется еще вернуться, таковыя были сдѣланы и Королемъ Карломъ румынскимъ, мнѣнія котораго всегда пользовались особеннымъ вѣсомъ у Императора Вильгельма и у германскаго правительства. Мудрѣйшій изъ Гогенцоллерновъ, въ разговорѣ съ представителемъ своего германскаго сородича, высказалъ нѣсколько мыслей, которыя должны были-бы навести на раздумье Императора и берлинскихъ дипломатовъ, но которыя, на этотъ разъ, скользнули по нимъ, не оставивъ слѣдовъ. Австрійцы успѣли убѣдить германское правительство въ томъ, что Россія замышляла созданіе новаго Балканскаго союза, направленнаго противъ Австро-Венгріи и этимъ, до извѣстной степени, могла быть объяснена та рѣшитель-

*) Тотъ-же сборникъ № 157, стр. 171.

ная поддержка, которую нашелъ въ Берлинѣ ихъ безумный планъ уничтоженія Сербіи. Когда германскій представитель развивалъ ему картину опасностей, проистекавшихъ изъ русскихъ замысловъ для Австро-Венгріи и самой Германіи, Король Румынскій прервалъ его замѣчаніемъ, что о подобномъ планѣ ему ничего не извѣстно. Замѣчаніе Короля заслуживало тѣмъ большаго вниманія, что описываемый разговоръ происходилъ, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, послѣ свиданія въ Констанцѣ, гдѣ какъ Государь, такъ и я, вполнѣ откровенно говорили Королю Карлу и его министрамъ о нашихъ взглядахъ на балканскіе вопросы, какъ они намъ представлялись послѣ обѣихъ балканскихъ войнъ и Бухарестскаго мира. Въ то время Балканскій союзъ 1912 года уже сдѣлалъ свое дѣло и для замѣны его новымъ, послѣ предательской измѣны ему, со стороны Фердинанда Кобургскаго и Родославова, не было на лицо нужныхъ элементовъ. Что касается вопроса объ участіи Сербіи въ убійствѣ Эрцъ-Герцога Франца-Фердинанда, воспринятаго въ Берлинѣ со словъ Берхтольда, какъ Евангельская истина, Король Карлъ заявилъ, что онъ не думаетъ, чтобы это преступленіе могло быть приведено въ какую-нибудь связь съ сербскимъ правительствомъ и что онъ объ этомъ уже говорилъ съ австро-венгерскимъ посланникомъ, Черниным, спросивъ его, имѣются ли этому въ Вѣнѣ какія-либо вѣрныя доказательства. Король прибавилъ, что политическое положеніе ему представляется серьезнымъ, но не безнадежнымъ. Въ Вѣнѣ, по его мнѣнію, потеряли голову. Было бы полезно, если-бы изъ Берлина подѣйствовали на Австро-Венгерское правительство, чтобы успокоить его воинственное настроеніе. При этомъ Король высказалъ нѣсколько неодобрительныхъ словъ по поводу положенія Босніи въ административномъ отношеніи. О дарованіяхъ графа Берхтольда онъ отозвался нелестнымъ образомъ. Говоря о вредной агитаціонной дѣятельности печати въ Сербіи, Король сказалъ, что слѣдовало бы пріостановить ее, такъ какъ неразборчивая газетная травля несетъ главную вину въ постоянномъ возбужденіи общественнаго настроенія. Въ

Австріи также надо было бы повліять на печать, чтобы она прекратила свои нападки на Сербію. Онъ прибавилъ, что я, будучи въ Констанцѣ, говорилъ ему, что Россія не помышляла вести войну по соображеніямъ внутренняго спокойствія*), но что нападенія Австріи на Сербію она потерпѣть бы не могла. «Въ такомъ случаѣ», прибавилъ Король «на Румынію не пало бы никакихъ обязательствъ»**).

Изъ этого разговора, который я привожу въ сокращенномъ видѣ, въ Берлинѣ могли бы извлечь не мало пользы. Мнѣнія Карла Гогенцоллернскаго, въ горячемъ германскомъ патріотизмѣ котораго никто не могъ сомнѣваться, должны были бы подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на Императора и на Германское правительство. Къ несчастію для всѣхъ, обвиненія Сербіи Берхтольдомъ и его единомышленниками въ участіи въ убійствѣ наслѣдника Австро - Венгерскаго Престола, поддерживаемое, вопреки собственнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, по соображеніямъ уже тогда довольно прозрачнымъ, а въ настоящее время, послѣ обнародованія секретныхъ документовъ, не представляющимъ и тѣни сомнѣнія, нашли въ Германіи настолько благопріятную почву и такъ быстро укоренились, что говорить съ нѣмцами о ихъ полной голословности стало уже невозможно. Виновность Сербіи, не только ничѣмъ не подтвержденная, но даже опровергнутая разслѣдованіемъ на мѣстѣ Австро-Венгерскаго лица, обратилась, тѣмъ не менѣе, въ непреложную истину и, какъ таковая, стала исходной точкой для всѣхъ разсужденій объ Австро-Сербскомъ спорѣ. Я помню, какъ глубоко меня возмущала эта предвзятость, когда я натыкался на нее, въ моихъ мучительныхъ разговорахъ съ германскимъ посломъ, графомъ Пурталесомъ, по этому поводу. Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, онъ

*) Королю тутъ измѣнила память. У Россіи не было вообще ни намѣренія, ни основанія вести войну съ кѣмъ бы то ни было, пока ея жизненные интересы не были затронуты. Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ съ Королемъ Карломъ.

**) Сборникъ Каутскаго № 41, стр. 61.

былъ яркимъ представителемъ того типа нѣмцевъ, которые отстаивали правоту германской точки зрѣнія даже тогда, когда ее трудно бывало примирить съ очевидностью. Приходилось, поневолѣ, вѣрить въ справедливость замѣчанія, слышаннаго мною уже давно отъ покойнаго Миловановича, одного изъ наиболѣе выдающихся сербскихъ государственныхъ дѣятелей, утверждавшаго, что большинство нѣмцевъ органически неспособны относиться безпристрастно ни къ французу, ни, въ особенности, къ славянину. Созданныхъ такимъ образомъ людей было много въ Берлинѣ въ 1914 году и къ нимъ принадлежалъ, къ несчастію, Вильгельмъ II, у котораго такое отсутствіе безпристрастія объяснялось, какъ я узналъ гораздо позже, его прирожденной ненавистью къ славянамъ. Въ попавшихся мнѣ подъ руку недавно воспоминаніяхъ австрійскаго генерала, графа Штюркга, прикомандированнаго, во время войны, къ главной квартирѣ Кайзера, я нашелъ слѣдующую, типичную, фразу, слышанную авторомъ отъ него самаго: «Я ненавижу славянъ. Я знаю, что это грѣшно. Никого не слѣдуетъ ненавидѣть, но я ничего не могу подѣлать; я ненавижу ихъ*).

Позволительно думать, что эти добрыя чувства Императора, раздѣлялись многими его ближайшими сотрудниками. Воля этихъ лицъ, несомнѣнно, имѣла рѣшающее вліяніе на ходъ событій въ эпоху міровой войны.

По мѣрѣ того, что я возобновляю въ своей памяти событія, предшествовавшія войнѣ 1914 года, предо мною все яснѣе раскрывается психологія тѣхъ людей въ Германіи, которые были непосредственно политически или экономически заинтересованы во включеніи въ германскую орбиту всей восточной Европы и которые вполнѣ правильно, со своей точки зрѣнія, разсуждали, что имъ было невыгодно для своихъ цѣлей дожидаться того времени, когда оборона Россіи, надъ которой стали работать серьезно лишь черезъ пять или

*) Politische und militärische Erinnerungen aus meinem Leben. Graf Joseph Stürgkh. Стр. 232.

шесть лѣтъ послѣ окончанія Японской войны, была бы доведена до такого состоянія, что осуществленія Германіею своего плана сдѣлалось бы несбыточнымъ или, по крайней мѣрѣ, трудно выполнимымъ. Тѣмъ не менѣе я долженъ признать, что починъ европейской войны принадлежитъ не Германіи, а несомнѣнно Австро-Венгріи, совершенно къ ней неподготовленной, но рѣшившейся на нее, во что бы то ни стало, по причинамъ изложеннымъ выше и въ непоколебимой увѣренности, если не въ своей собственной, то въ Германской непобѣдимости. Германія, взявшая на себя тяжкую отвѣтственность за попустительство преступнаго легкомыслія своей союзницы, ринулась въ войну въ той же увѣренности въ своей непобѣдимой силѣ съ завязанными глазами, сознавая себя вполнѣ подготовленной, съ военной точки зрѣнія, къ войнѣ на два фронта, политически же совершенно къ ней не готовая. Это настолько вѣрно, что въ Берлинѣ не имѣли никакого представленія о тѣхъ размѣрахъ, которые она неизбѣжно должна была принять и о тѣхъ задачахъ, превышающихъ германскія силы, которыя эта война должна была поставить. Становясь на эту точку зрѣнія, Вильгельмъ II могъ, не кривя душою, объявить своимъ войскамъ, что онъ ея не желалъ, а Германскіе государственные люди — провозглашать, во всѣ концы вселенной, что они не искали войны со всѣмъ свѣтомъ. Какъ сказано, въ 1914 году Германія, дѣйствительно, не изыскивала повода къ войнѣ, но разъ, что онъ былъ для нее найденъ Австро-Венгріею, она рѣшилась воспользоваться случаемъ свести счета съ восточнымъ и западнымъ сосѣдями, сломить, разъ навсегда, ихъ силу и, затѣмъ, спокойно приступить къ осуществленію своего плана пересозданія Средней Европы на новыхъ началахъ, которыя превратили бы ее, для нуждъ и потребностей Германіи, въ преддверіе Ближняго Востока.

Для выполненія подобной задачи надо было, уничтоживъ Сербію, вытѣснить Россію изъ Балканскаго полуострова и замѣнить ея вліяніе австро-венгерскимъ, въ чемъ Кайзеръ, съ полной откровенностью, признался, отмѣчая, согласно своей привычкѣ, на поляхъ до-

несенія Чиршкаго, отъ 24-го іюля 1914 года, что «Австрія должна первенствовать надъ мелкими государствами на Балканахъ за счетъ Россіи, а то не будетъ покоя»*). Было ясно, что пока существуетъ жизнеспособная Сербія, Австріи не будетъ возможно спокойно владѣть пятью милліонами сербовъ, присоединенныхъ Эренталемъ вмѣстѣ съ Босніей и Герцеговиною, ни, тѣмъ болѣе, — осуществить старую мечту о захватѣ Салоникъ, а Германіи, — не забравъ въ свои руки Константинополя**), — извлечь изъ великаго пути, предназначеннаго связать Гамбургъ съ Багдадомъ, всю пользу, которую отъ него ожидали его строители.

Всему этому мѣшала Россія, не отдававшая, безъ борьбы, Балкановъ, освобожденныхъ ею для блага и независимости балканскихъ народовъ и ради ея собственной безопасности, и не соглашавшаяся признать, вмѣсто Султана, Императора германскаго привратникомъ Проливовъ. Поэтому Германія, преслѣдуя на Балканахъ, съ момента вступленія своего на путь «міровой политики», новыя политическія цѣли, могла не считаться болѣе съ мнѣніемъ, высказаннымъ Бисмаркомъ въ 1890 году, что «поддержаніе честолюбивыхъ плановъ Австріи на Балканахъ является менѣе всего дѣломъ Германіи»***).

Минута, хотя и была выбрана не ею, тѣмъ не менѣе казалось ей подходящей. Въ рѣшимости Россіи воевать изъ-за сохраненія своего положенія на Балканахъ, значительно окрѣпшаго послѣ обѣихъ Балканскихъ войнъ, въ Берлинѣ не были твердо убѣждены. Къ тому же ея не считали способной вести войну. О боевой готовности Франціи были тоже невысокаго мнѣнія, а возможность увидѣть Англію въ лагерѣ своихъ враговъ не приходила рѣшительно никому въ голову, несмотря на предостереженія германскаго посла въ Лон-

*) Сборникъ Каутскаго № 155, стр. 168.

**) Этотъ планъ уже получилъ начало осуществленія въ военной миссіи генерала Лимана-фонъ-Сандерса.

***) O. Hamman. Der neue Kurs.

донѣ, князя Лихновскаго, надъ которымъ въ Берлинскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подшучивали, называя его снисходительно «добрымъ Лихновскимъ».

Основываясь на такой оцѣнкѣ общаго политическаго положенія, было рѣшено не только оказать Австро-Венгріи энергичную поддержку, но и всячески поощрять ее въ ея крестовомъ походѣ противъ «Бѣлградскихъ цареубійцъ». Если же Россія рѣшилась-бы, тѣмъ не менѣе, вступиться за сербовъ и не согласилась-бы отдать ихъ въ жертву австрійскимъ замысламъ, то пришлось бы воевать и съ Россіею, что, въ данную минуту, было бы даже, вѣроятно, легче, чѣмъ въ другое время, хотя, не будь австрійскаго почина, ее вѣроятно оставили бы, до поры до времени, въ покоѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, толкая, какъ мы видѣли, Австро-Венгрію на путь войны съ Сербіею, въ Берлинѣ требовали, прежде всего, ея «локализаціи», не отдавая себя отчета, что это требованіе было совершенно невыполнимо, благодаря тому, что, при существовавшей политической группировкѣ Державъ, война между двумя изъ нихъ должна была неминуемо привести къ Европейской войнѣ.

Неудовлетворительность дипломатическаго освѣдомленія Берлинскаго кабинета была поразительна. Когда не бывало никакой серьезной опасности международныхъ осложненій, германскіе дипломаты, сплошь да рядомъ, ее создавали, раздувая совершенно незначащіе случаи до размѣровъ политическихъ событій. Когда же предусмотрительнымъ германскимъ представителямъ случалось произнести слово предостереженія, имѣя для того вполнѣ достаточное основаніе, имъ не внимали, приписывая ихъ пессимизмъ чрезмѣрной впечатлительности или наивности, какъ это случилось съ княземъ Лихновскимъ. Ввиду этого у немногихъ хватало мужества продолжать писать своему правительству то, что они видѣли и слышали, зная, что оно не всегда совпадало съ берлинскими настроеніями. Большинство же германскихъ дипломатовъ, какъ, напр., графъ Пурталесъ, совершенно искренно исходили изъ убѣжденія въ непогрѣшимости своего началь-

ства. Это были тѣ, на донесеніяхъ которыхъ дѣлались наиболѣе любезныя помѣтки. Другіе же, какъ фонъ Чиршкій, замѣтивъ, что попали не въ тонъ, быстро его мѣняли и настраивались по Берлинскому камертону.

Надо отдать справедливость австро-венгерской дипломатіи, что, хотя она и оперировала надъ сомнительными данными, и исходила изъ невѣрныхъ отправныхъ точекъ, она, тѣмъ не менѣе, проводила свою политику съ большей логикой и послѣдовательностью, чѣмъ ея могущественная союзница. Берхтольдъ зналъ, чего онъ хотѣлъ, и выполнялъ планъ имъ самимъ задуманный, хотя для выполненія его ему приходилось расчитывать на чужія силы, тогда какъ Вильгельмъ II и его совѣтники впряглись въ неуклюжій австрійскій рыдванъ, давно плотно увязшій въ болотѣ, изъ котораго, и при германской помощи, было трудно его вытащить. Австро-Венгріи не оставалось болѣе ничего дѣлать для достиженія своихъ цѣлей, какъ добиваться правдою и неправдою подмоги со стороны Германіи, при чемъ никакой рискъ уже не могъ казаться ей опаснымъ. Для Германіи же, какъ бы въ конечномъ итогѣ ни была однородна ея политическая программа съ программой ея союзницы, отказъ отъ свободнаго почина и принятыя на себя, съ необыкновеннымъ легкомыслiемъ, обязательства, былъ, благодаря невыясненности общаго политическаго положенія, сопряженъ съ громаднымъ рискомъ. Пятое іюля*) оказалось для германской Имперіи и для Германскаго народа роковымъ днемъ. Въ этотъ день Германія отказалась отъ роли руководительницы судьбами Тройственнаго Союза и отдала себя въ кабалу своей безпомощной союзницѣ, связавъ себя по рукамъ и по ногамъ, ради служенія безнадежному дѣлу.

Почитатели Бисмарка, объясняя исторію возникновенія въ 1879 году Австро-Германскаго союза, говорятъ, что онъ не имѣлъ въ виду связать этимъ соглашеніемъ судьбу Германіи навѣки съ Австро-Венгріею,

*) 5-го іюля состоялся въ Потсдамѣ совѣтъ, на которомъ было рѣшено оказать Австро-Венгріи поддержку.

что оно отвѣчало лишь временной нуждѣ, по миновании которой онъ, несомнѣнно, нашелъ бы иное политическое сочетаніе, которое бы предоставляло Германіи тѣ же выгоды, не неся съ собою неудобствъ и рисковъ, происходящихъ изъ союза съ государствомъ, быстро и неудержимо клонившимся къ упадку. Еще менѣе имѣлъ онъ въ виду выпустить изъ своихъ рукъ руководство союзомъ, предоставивъ Австро-Венгріи вести себя, съ завязанными глазами, туда, куда влекли ее ея мелкіе интересы и недальновидные расчеты и гдѣ Германія могла мало выиграть, а потерять чрезвычайно много. Поклонники Бисмарка, вѣроятно, правильно судили о его политикѣ. На самомъ дѣлѣ трудно, даже и въ наши дни, когда обаяніе имени Бисмарка, бывшее необычайнымъ при его жизни и въ первые годы послѣ его кончины, уже значительно померкло, представить себѣ Германію, при его жизни ведомую въ поводу Австро-Венгріею. Въ его глазахъ союзъ съ нею, давая ей нужныя для ея существованія гарантіи, отводилъ ей, въ сущности, только служебную роль. Въ этой роли она была для Германіи не только полезна, но и необходима, защищая ея южную границу и давая ей, благодаря этому, возможность вести войну на два фронта. Для этой цѣли, по всей вѣроятности, и былъ созданъ союзъ центральныхъ Имперій, какъ привлеченіе къ нему, вслѣдъ затѣмъ, Италіи имѣло въ виду помѣшать ея сближенію съ Франціею, поддерживая искусственно между ними соревнованіе. На долю Италіи выпадала еще и другая задача — парализовать опасный для Австріи итальянскій ирредентизмъ. Бисмаркъ надѣялся достичь этой цѣли, впрягши ихъ обѣихъ въ одно ярмо. Если эта политика и могла казаться въ то время глубокою и мудрою, то, не долго послѣ смерти ея творца, ея тщета обнаружилась съ полной ясностью и сама Германія была вынуждена признать, что Тройственный Союзъ не выполнилъ возлагавшихся на него надеждъ. Союзъ съ Румыніею, служившей дополненіемъ къ Тройственному Союзу, также принесъ одни разочарованія и Королю Карлу, еще до войны, пришлось самому признать себя ненадежнымъ союзникомъ. Оставалась од-

на Австро-Венгрія, на которую, какъ она ни была ветха и дрябла, устремились всѣ германскія упованія. Въ Берлинѣ расчитывали также, до извѣстной степени, на Болгарію и Турцію, но эти перспективы рисовались еще только въ значительномъ отдаленіи.

Попытки договориться до какого нибудь соглашенія съ Англіею, о которомъ поочередно, начиная съ Бисмарка, предложившаго безуспѣшно лорду Сольсбери въ 1887 году союзъ противъ Россіи, и кончая Бетманомъ-Гольвегомъ, мечтали всю жизнь германскіе государственные люди, которые всѣ питали къ Англіи несчастную любовь, не привели ни къ чему, хотя англичане относились съ нѣкоторой симпатіею къ центральнымъ государствамъ и не отвергали возможности сближенія съ Германіею, которое положило бы конецъ ихъ взаимному соревнованію въ области военнаго судостроительства. Въ Германіи оказывались очень требовательными, англичане, со своей стороны, были несговорчивы и осторожны, пока, наконецъ, не было достигнуто соглашеніе, которымъ ни та, ни другая сторона не осталась вполнѣ довольной.

Отношенія къ Франціи были безнадежны. Годы оказались безсильными залѣчить рану, оставленную на тѣлѣ Франціи отторженіемъ отъ нея Эльзаса и Лотарингіи. Германцы, совершивъ роковую ошибку насильственнаго присоединенія этихъ крѣпко сросшихся съ французскимъ національнымъ организмомъ провинцій, ожидали отъ французовъ не только безпрекословнаго признанія этого, невиносимаго для ихъ самолюбія, отторженія, но и его забвенія. Каждое о немъ воспоминаніе во Франціи истолковывалось въ Берлинѣ, какъ вызовъ по адресу Германіи или какъ проявленіе непримиримаго шовинизма.

Объ отношеніяхъ между Россіею и Германіею мнѣ уже приходилось упоминать неоднократно на этихъ страницахъ. Съ нами мало считались въ Берлинѣ и мои добросовѣстныя усилія поставить на прочную и разумную ногу наши отношенія остались безуспѣшными. Наша безсмысленная война съ Японіей и вышедшія изъ нея первыя революціонныя вспышки убѣдили нѣмцевъ

въ томъ, что съ нами не нужно было особенно церемониться, хотя, иногда, въ минуты просвѣтленія, какъ будто признавали за нами большія, хотя и сокрытыя, силы и благодаря этому право на будущность. Но это бывало мимолетно и чаще всего склонялись поставить насъ, какъ политическую силу, на одну доску съ Австро-Венгріею и, по возможности, мало принимали въ соображеніе наши самыя законныя права и требованія.

Изъ этого бѣглаго обзора можно вывести заключеніе, что международное положеніе Германіи было въ 1914 году незавиднымъ и приближалось къ состоянію изолированности. Если когда либо въ ея исторіи была минута, требовавшая отъ ея государственныхъ людей особенной бдительности и осторожности, то это была именно пора, предшествовавшая Великой войнѣ. Между тѣмъ можно сказать, не боясь ошибиться, что никогда уровень дарованій и политическаго творчества не падалъ въ Германіи ниже, чѣмъ въ эту эпоху.

Величественное зданіе Германской Имперіи, сложенное сильными руками Бисмарка, простояло незыблемо сорокъ четыре года, безъ передѣлокъ и починки, въ то время, когда вокругъ него весь міръ обновлялся и перестраивался и сама жизнь Германіи, со стремительной быстротою, пробивалась въ новыя русла мірового экономическаго развитія. Строеніе германской государственности оставалось незатронутымъ ходомъ историческихъ событій и быстро измѣнявшимися условіями политической и экономической жизни всей Европы. На видъ оно было все такъ же крѣпко и внушительно, какъ и прежде, и вѣра въ его несокрушимость ни въ комъ не ослабѣвала. Даже для германскихъ соціалистовъ она обратилась въ нѣчто похожее на догматъ и критика ихъ не выходила изъ рамокъ профессіональнаго долга. Лишь изрѣдка раздавался, обыкновенно подъ прикрытіемъ анонимности, голосъ предостереженія, предвѣщавшій Германіи грядущія бѣды, но этотъ голосъ, прозвучавъ одиноко, быстро замиралъ, никѣмъ не услышанный. А между тѣмъ, несокрушимая на видъ, твердыня Бисмарка кое гдѣ обнаруживала трещины и нуждалась въ приспособленіи къ потребностямъ вѣчно мѣ-

няющагося времени. Молодой Императоръ, нетерпѣливо сносившій превосходство дарованій и политическаго опыта Бисмарка, удалилъ его на непрошенный и ненавистный ему покой, замѣнивъ его способнымъ и добросовѣстнымъ военнымъ администраторомъ, совершенно неподготовленнымъ къ роли руководителя внѣшней политикой Германіи. Будучи помѣшанъ на неизбѣжности войны съ Россіею, онъ ознаменовалъ свое четырехлѣтнее пребываніе у власти тѣмъ, что окончательно порвалъ послѣднюю связь между Германіею и нами. За нимъ послѣдовалъ, умный и опытный въ государственныхъ дѣлахъ, старый баринъ, наиболѣе изъ всѣхъ преемниковъ Бисмарка пригодный, по личнымъ своимъ качествамъ, для поста Государственнаго Канцлера, но уже отжившій свой вѣкъ и дряхлый. Его смѣнилъ у власти гибкій и ловкій дипломатъ, талантливый и остроумный ораторъ, безъ крѣпкихъ устоевъ и внутренняго балласта, человѣкъ того типа людей, которые дѣлаютъ блестящую карьеру въ періоды международнаго благополучія. За время его управленія внѣшней политикой Германія въ первый разъ открыто отождествила свою восточную политику съ Австро-Венгерскою, поддержавъ свою союзницу всею силою Германскаго вѣса въ самомъ недобросовѣстномъ и близорукомъ начинаніи вѣнской дипломатіи, за послѣднюю четверть вѣка. Эта союзническая услуга не была оцѣнена въ Австріи по достоинству и, какъ ни странно сказать, повела даже къ временному охлажденію между Вѣною и Берлиномъ. О впечатлѣніи, оставленномъ въ Россіи этимъ выступленіемъ, было говорено выше. Зато въ Германіи оно было прославлено на всѣ лады, какъ актъ «Нибелунговой вѣрности».

Однако не можетъ быть сомнѣнія, что, безъ этой дружеской услуги, неблаговидная продѣлка австрійской дипломатіи 1908-го года не увѣнчалась бы успѣхомъ и Австро-Венгрія не стала бы, вѣроятно, такъ опрометчиво на наклонную плоскость анти-сербской политики, по которой она, девять лѣтъ спустя, докатилась до дна пропасти, увлекая за собой друзей и недруговъ. На этотъ же путь «Нибелунговой вѣрности» вступилъ и

слѣдующій государственный канцлеръ, хотя и не сразу, такъ какъ, въ двухъ случаяхъ*), когда катастрофа казалась уже неизбѣжной, онъ своевременнымъ вмѣшательствомъ остановилъ зарывавшуюся союзницу и тѣмъ отсрочилъ день судный на нѣкоторе время. Была ли это заслуга Императора Вильгельма или его Канцлера, я не берусь сказать, но ея нельзя не признать, хотя она и была только временнаго характера. Когда же настало время, что руководящая Германіею воля отреклась отъ своей свободы и подчинила себя добровольно своей союзницѣ, «Нибелунгова вѣрность» стала проявляться съ такою силою и съ такимъ упорствомъ, что противъ нея оказались безсильными всѣ доводы разума и справедливости и судьба Европы свершилась.

Понятно, послѣ того, что было сказано о тѣхъ, на долю кого выпало управлять наслѣдіемъ Бисмарка и соблюдать въ должной исправности зданіе германской Имперіи, что эта задача оказалась имъ не подъ силу. Поэтому наслѣдники Бисмарковой власти, сознавая въ глубинѣ души свою немощь, и не принимались за эту задачу, въ надеждѣ, что геніальность творца германскаго единства обезпечитъ зданію Имперіи долгіе годы спокойнаго и прочнаго существованія. Дѣло Бисмарка не подвергалось въ Германіи критикѣ, а принималось, съ закрытыми глазами, на вѣру, съ чувствомъ подобострастнаго восхищенія. Зданіе Имперіи продолжало стоять въ томъ же видѣ, въ какомъ его оставилъ его творецъ, пребывая, по внѣшности, такимъ же несокрушимымъ и величественнымъ, вопреки общему закону о недолговѣчности дѣлъ рукъ человѣческихъ, требующихъ, для продленія своего существованія, постоянныхъ исправленій. Бисмаркъ построилъ его, отвѣчающимъ нуждамъ своего времени и соотвѣтственно особенностямъ склада своего ума, характера и дарованій, не считаясь съ неизбѣжнымъ фактомъ перехода его политическаго наслѣдства въ руки эпигоновъ. Въ эту ошибку впадали всѣ великіе люди, создатели Имперій, духовные и политическіе реформаторы, основате-

*) Въ 1912 году и, вторично, — въ 1913 году.

ли новыхъ соціальныхъ системъ и др., творя на свою мѣрку и забывая, что рано или поздно имъ придется оставить работу всей своей жизни, неоконченною, на руки людямъ общечеловѣческаго калибра. Помимо того дѣло Бисмарка, какъ и всякаго другого, созидающаго исторію, человѣка, какимъ бы онъ не обладалъ предвидѣніемъ, было расчитано, прежде всего, на его собственное время, на удовлетвореніе потребностей его вѣка и поэтому не могло считаться разъ навсегда завершеннымъ, а нуждалось въ приспособленіи къ постоянно измѣняющимся обстоятельствамъ, въ которыхъ тѣ «невѣсомыя»», которымъ онъ отводилъ широкое мѣсто въ человѣческихъ дѣлахъ, играютъ, иногда, рѣшающую роль. Если бы Бисмаркъ могъ прожить, вмѣсто одной, двѣ человѣческихъ жизни, то онъ, можетъ быть, нашелъ бы въ себѣ потребную гибкость, чтобы не дать окоченѣть своему творенію и произвелъ бы работу, которая была бы нужна для его приспособленія къ духу и требованіямъ новаго времени и прежде всего внесъ бы измѣненія въ ту систему союзовъ, которую онъ положилъ въ основаніе внѣшней политики Германіи и шаткость которой онъ не могъ не сознавать. Вотъ этой то работы не могли произвести эпигоны. Они продолжали жить на политическій капиталъ, оставленный имъ Бисмаркомъ, какъ будто этотъ капиталъ былъ неистощимъ. Замѣтивъ, наконецъ, что, благодаря быстрому процессу Австро-Венгерскаго разложенія, политическій кредитъ Германіи начиналъ терпѣть ущербъ, они стали искать спасенія въ мертво-рожденныхъ комбинаціяхъ, вродѣ Германо-Русско-Французскаго союза, на который имъ удалось вырвать въ Бьеркэ условное согласіе Императора Николая. Какъ я уже говорилъ, были и попытки прочнаго сближенія съ Англіей, любимой мечты всѣхъ Германскихъ государственныхъ людей, но хотѣли купить это сближеніе черезъ-чуръ дешевой цѣною.

А между тѣмъ развитіе программы міровой политики, для которой силъ одной Германіи, какъ бы велики онѣ ни были, не могло хватить, а нужны были болѣе надежные союзники, чѣмъ двуединая Габсбургская Мо-

нархія, шло прежнимъ шагомъ, продолжая вселять въ Государства Тройственнаго Союза чувство постоянной тревоги и побуждая ихъ принимать чрезвычайныя мѣры, чтобы не быть, въ боевомъ отношеіи, безнадежно опереженными Германіею. Задача Россіи, въ этомъ отношеніи, была особенно сложна и тяжела и болѣе всего, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить,—съ точки зрѣнія стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, на нашей западной границѣ, находились въ почти зачаточномъ состояніи и къ приведенію которыхъ въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ нуждами оборонительной войны у насъ начали приступать, въ сколько нибудь серьезныхъ размѣрахъ, только за годъ до Европейской войны, т. е. когда было уже слишкомъ поздно. Это, однако, не мѣшало германскому правительству утверждать, что русское желѣзнодорожное строительство послѣднихъ годовъ передъ войной велось съ наступательными цѣлями, когда вполнѣ достаточно бросить бѣглый взглядъ на карты Россіи и ея западныхъ сосѣдей, чтобы убѣдиться, что намъ было нужно не одно десятилѣтіе упорнаго труда и громадныхъ затратъ, чтобы сравняться съ ними въ этомъ отношеніи.

На ряду съ военными приготовленіями ко всякимъ случайностямъ Державы Тройственнаго Согласія готовились и въ политическомъ отношеніи къ борьбѣ съ центральными Державами, становившейся, съ каждымъ годомъ, болѣе вѣроятной, благодаря Австро-Венгерской политикѣ на Балканахъ, то, какъ въ 1909 году, открыто поддержанной Германіею, то, до поры до времени, ею обуздываемой, какъ во время балканскихъ войнъ. Предсказать что либо на слѣдующій день было совершенно невозможно. Неуклонно направленная къ уничтоженію Сербіи воля Австро-Венгріи была всѣмъ хорошо извѣстна, но рѣшающій факторъ въ вопросѣ войны и мира, т. е. воинственное или миролюбивое настроеніе Германіи, не поддавался, въ каждую данную минуту, никакому учету.

Съ осени 1913 года въ общемъ положеніи Европы послѣдовало замѣтное ухудшеніе. Отправленіе въ Константинополь военной миссіи генерала Лимана-фонъ-

Сандерса явно указывало на возраставшій интересъ Германіи къ Балканскимъ дѣламъ и, при наличности постоянныхъ вожделѣній Вѣнскаго кабинета въ этомъ направленіи, должно было быть разсматриваемо, какъ неблагопріятный для мира симптомъ.

Однимъ изъ послѣдствій этого шага Германіи, явно указывавшаго на ея желаніе занять господствующее положеніе на Босфорѣ, было автоматическое сближеніе между Державами Тройственнаго Согласія и нѣкоторое уточненіе ихъ взаимныхъ отношеній, на случай неблагопріятнаго для европейскаго мира развитія событій. Теперь, когда всѣ принятыя въ этомъ отношеніи мѣры сдѣлались общимъ достояніемъ, каждому безпристрастному человѣку не трудно убѣдиться изъ первоисточниковъ, насколько онѣ имѣли строго предохранительный характеръ и какъ несправедливы были обвиненія центральныхъ державъ, направленныя противъ Согласія, въ какихъ бы то ни было завоевательныхъ замыслахъ.

Я не помню или, вѣрнѣе, не знаю, кому принадлежитъ честь открытія такъ называемой «политики окруженія» Германіи, Императору ли Вильгельму, князю Бюлову или еще кому нибудь другому, но, начиная съ самаго Императора и его ближайшихъ сотрудниковъ, въ нее увѣровала рѣшительно вся Германія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ того дня, когда Король Эдуардъ VII и Делькассэ, основатели Тройственнаго Согласія, пришли къ сознанію необходимости найти, въ интересахъ Европейскаго мира, противовѣсъ, созданному Бисмаркомъ двадцатью пятью годами раньше, австро-германскому союзу, дополненному затѣмъ въ 1882 году включеніемъ въ него Италіи, въ Германіи не переставали говорить о грозившей ей отъ Согласія опасности окруженія. Въ Берлинѣ не хотѣли признать, что, благодаря существованію Тройственнаго Союза, политическое равновѣсіе въ Европѣ было нарушено въ пользу Центральныхъ Державъ и не предвидѣли, что, рано или поздно, но неизбѣжно, остальныя Великія Державы, поставленныя благодаря существованію этого союза въ невыгодное и даже опасное положеніе, додумаются до созданія такой

политической группировки, которая возстановила бы нарушенное Европейское равновѣсіе. Однако то, что должно было случиться, случилось.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ заключенія Тройственнаго Союза былъ заключенъ франко-русскій союзъ, а еще черезъ столько же времени появилось на свѣтъ такъ называемое «сердечное согласіе», за которымъ вскорѣ послѣдовало русско-англійское соглашеніе 1907 года, положившее начало Тройственному Согласію, которое, хотя существовало безъ какихъ бы то ни было договорныхъ актовъ, оказалось, въ минуту опасности, вполнѣ жизнеспособнымъ.

Въ Германіи, вѣроятно, до сей минуты, не мало людей, которые не могутъ освоиться съ мыслью, что франко-русскій союзъ, а затѣмъ и Тройственное Согласіе — законныя чада Тройственнаго Союза. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ невѣроятный успѣхъ, который имѣло открытіе или, вѣрнѣе, изобрѣтеніе знаменитой теоріи «германскаго окруженія» и тѣ Маккіавеллическіе замыслы, приписываемые, до сего дня, Королю Эдуарду и Делькассэ.

Лично знавъ обоихъ, а послѣдняго — очень близко, я могу безошибочно утверждать, что какъ тотъ, такъ и другой, несмотря на различіе ихъ государственнаго положенія, политическихъ функцій и личнаго склада ума и темперамента, были убѣжденными сторонниками сохраненія мира, вѣроятно потому, что оба, въ одинаковой степени, предвидѣли невыразимыя бѣдствія, которыми европейская война угрожала человѣчеству. Тройственное Согласіе не преслѣдовало никакихъ наступательныхъ цѣлей и стремилось только предупредить установленіе Германской гегемоніи въ Европѣ, въ чемъ оно усматривало опасность для своихъ жизненныхъ интересовъ. Справедливость этой точки зрѣнія едва ли можно оспаривать и законность поставленной себѣ Согласіемъ цѣли, я думаю, тоже не подлежитъ сомнѣнію.

Для достиженія означенной цѣли не требовалось никакого «окруженія» Германіи, которое, какъ на то указываетъ стратегическое происхожденіе этого слова, заключаетъ въ себѣ понятіе нападенія, бывшее одина-

ково чуждо стремленіямъ всѣхъ членовъ Согласія. Я постоянно натыкался въ нѣмецкой политической литературѣ и повременной печати, а также и въ разговорахъ съ германскими дипломатами, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать въ различныхъ мѣстахъ моей службы, на обвиненіе правительствъ Согласія въ намѣреніи произвести, на пагубу Германіи, эту знаменитую Einkreisung. При этомъ наиболѣе злостные замыслы приписывались, чаще всего, Англіи, а вслѣдъ за ней Франціи, въ лицѣ сначала Делькассэ, а позже и Пуанкарэ. На Россію въ этомъ отношеніи падало менѣе тяжкихъ подозрѣній и насъ, главнымъ образомъ, обвиняли въ сочувствіи, а иногда и содѣйствіи коварнымъ дѣяніямъ нашихъ друзей, причемъ больше всего обрушивалось обвиненіе на А. П. Извольскаго. Тѣмъ не менѣе, сколько я ни старался добиться какого нибудь опредѣленнаго указанія на попытку Согласія погубить Германію, я могу сказать по совѣсти, что не получилъ ни разу въ отвѣтъ ничего, кромѣ туманныхъ намековъ на какія-то коварныя намѣренія Англіи или Франціи или же истолкованій, рѣшительно не отвѣчавшихъ истинному характеру и значенію хорошо мнѣ извѣстныхъ, фактовъ. Никакія возраженія съ моей стороны не помогали и мнѣ никогда не удавалось поколебать моихъ собесѣдниковъ въ ихъ упорномъ заблужденіи. Всегда непріятно видѣть людей, упрямо идущихъ по ложному слѣду и не внемлющихъ никакимъ увѣщаніямъ, но, въ данномъ случаѣ, подобныя заблужденія были и опасны, потому что, благодаря имъ, сгущалась еще болѣе атмосфера недоброжелательства и взаимныхъ подозрѣній, въ которой Европа жила много лѣтъ до того, что надъ ней разразилась страшная буря 1914 года.

Я уже говорилъ выше, что планъ австро-венгерской дипломатіи, составленный еще ранѣе убійства Эрцъ-Герцога Франца Фердинанда, для приведенія въ исполненіе котораго она добилась пятаго іюля 1914 года обѣщанія поддержки и дѣятельной помощи Императора Вильгельма и Бетмана-Гольвега, былъ до крайности простъ. Онъ весь вмѣщался въ нѣсколькихъ словахъ: сломить Сербію, не считаясь съ Россіею (ohne

Rücksicht auf Russland). Этой краткою формулою опредѣлялась громадная политическая задача. Надъ трудностью ея серьезно призадумался бы всякій разумный и опытный государственный человѣкъ. Въ Вѣнѣ она была разрѣшена съ чрезвычайной быстротой, въ одно засѣданіе совѣта министровъ, при чемъ планъ Берхтольда встрѣтилъ противорѣчіе только со стороны одного изъ его членовъ, предсѣдателя Венгерскаго совѣта министровъ, графа Тиссы, который, однако, узнавъ, что Императоръ Францъ-Іосифъ заручился полнымъ согласіемъ Кайзера, отказался отъ разногласія и присоединился къ большинству, чѣмъ было достигнуто полное единодушіе совѣта.

Такимъ образомъ все было въ Вѣнѣ рѣшено и подготовлено къ нападенію на Сербію. Австро-Венгрія съ нетерпѣніемъ ожидала дня, когда ей можно будетъ, подъ прикрытіемъ германскаго щита, обрушиться на маленькаго сосѣда, слабость котораго она, въ своей горячности, переоцѣнивала. Объ остальномъ, какъ напр., о неизбѣжномъ столкновеніи съ Россіею, и о дальнѣйшихъ, ожидавшихъ ее, международныхъ осложненіяхъ, она мало заботилась. На то у нея была непобѣдимая союзница, Германія, обѣщавшая ей свою помощь и торопившая ее начать ея выступленіе. Чтобы избѣжать возможности какой нибудь осѣчки и бить навѣрняка, текстъ ультиматума былъ составленъ такъ, чтобы совершенно исключить какую либо возможность его принятія Сербіею. Чрезвычайно, въ этомъ отношеніи, поучительнымъ является донесеніе совѣтника германскаго посольства въ Вѣнѣ, князя Штольберга, на имя статсъ-секретаря фонъ-Яго отъ 18-го іюля*), изъ котораго я извлекаю слѣдующія мѣста: 1) «На мой вопросъ, что было бы, если бы дѣло опять ничѣмъ не кончилось» (т. е. если бы Сербія приняла Австро-Венгерскій ультиматумъ), «Графъ Берхтольдъ выразилъ мнѣніе, что тогда пришлось бы, при фактическомъ выполненіи отдѣльныхъ требованій ультиматума, прибѣгать къ придирчивому вмѣшательству (weitgehende Ingerenz)».

*) Сборникъ Каутскаго № 87 стр. 113.

2) «Хойсъ» (директоръ канцеляріи Берхтольда), «сказалъ мнѣ только что, что требованія все-же таковы, что государство, обладающее хотя бы нѣкоторымъ самолюбіемъ и чувствомъ собственнаго достоинства, никакъ принять ихъ не можетъ».

Такимъ образомъ все было предусмотрено. Если бы Сербія отвергла, какъ онѣ того заслуживали, требованія вѣнскаго кабинета, она подвергалась бы немедленному нападенію. Если бы она рѣшилась принять ихъ, то она должна была подвергнуться невыносимымъ придиркамъ, которыя все равно привели бы къ австрійскому вторженію. Гибель Сербіи была рѣшена. На что бы она ни рѣшилась, она не могла ея избѣжать.

Когда я 24-го іюля ознакомился, черезъ австро-венгерскаго посла, съ содержаніемъ вѣнскаго ультиматума, я, само собою разумѣется, не зналъ дипломатическихъ документовъ, изъ которыхъ я привожу выдержки при составленіи этихъ воспоминаній. Тѣмъ не менѣе, изъ одного чтенія его текста, мнѣ стало совершенно ясно, что дѣло именно такъ и обстояло. Неумолимо-злая воля сквозила изъ каждой строки этого, единственнаго въ своемъ родѣ, документа. У меня не было основанія скрыть отъ графа Сапари мое впечатлѣніе и я сказалъ ему, что я не сомнѣвался, что Австро-Венгрія искала войны съ Сербіей и что для этого она сжигала за собою всѣ мосты, предъявляя непріемлемыя требованія. Я прибавилъ, что своимъ образомъ дѣйствій она вызывала Европейскій пожаръ.

Въ тотъ же день и въ той же обстановкѣ, Сэръ Эдуардъ Грэй заявилъ Австро-Венгерскому послу въ Лондонѣ, графу Менсдорфу, что онъ «крайне безпокоится за сохраненіе мира между Великими Державами», а его германскому товарищу, князю Лихновскому, онъ сказалъ, что «опасность европейской войны сдѣлалась-бы непосредственной, въ случаѣ вторженія Австріи въ сербскую территорію». При этомъ самъ Лихновскій называлъ впечатлѣніе, произведенное въ Англіи ультиматумомъ, «ошеломляющимъ». То же самое пришлось услышать Австро-Венгерскимъ представителямъ въ Парижѣ и Римѣ. Такимъ образомъ въ предостереженіяхъ

недостатка не было, но Императоръ Францъ-Іосифъ, графъ Берхтольдъ и генералъ Конрадъ-фонъ-Гетцендорфъ были къ нимъ подготовлены и не дали себя свести съ того пути, на который они стали, при поощреніи Германіи, и который долженъ былъ привести, по ихъ ожиданіямъ, Австро-Венгрію къ прежней славѣ и могуществу.

Я уже упоминалъ, что первымъ моимъ шагомъ была попытка выиграть время и что я обратился въ Вѣну съ просьбой продлить 48-ми часовой срокъ ультиматума, какъ черезъ чуръ краткій, въ чемъ мнѣ было отказано безъ поясненій причинъ. Въ Берлинѣ моя просьба тоже не получила поддержки. При первомъ обмѣнѣ мнѣній съ Сербскимъ посланникомъ въ Петроградѣ, послѣ передачи въ Бѣлградъ ультиматума, я сказалъ ему, что не вижу возможности дать его правительству лучшаго, въ практическомъ отношеніи, совѣта, чѣмъ принять австрійскія требованія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя касались суверенныхъ правъ Сербіи, каковыми, очевидно, ни одно правительство, не желающее промѣнять свою независимость на положеніе вассальнаго государства, не могло поступиться. Тотъ же совѣтъ я передалъ по телеграфу въ Бѣлградъ, гдѣ у власти тогда находился государственный человѣкъ, на твердость и мудрость котораго я могъ твердо расчитывать для проведенія мѣры, которой никакой другой министръ, не имѣющій въ Европѣ положенія Пашича и не пользующійся его авторитетомъ въ своей странѣ, никогда не могъ бы провести. Пашичъ оказался на высотѣ страшнаго, по своей отвѣтственности, положенія, въ которое его поставили событія, и нашелъ въ себѣ мужество принести жертву, которая одна, какъ мы тогда думали, могла спасти его родину отъ скорой и дикой расправы.

Сербія приняла всѣ требованія австрійскаго ультиматума, за исключеніемъ одного, которое касалось участія австро-венгерскихъ чиновниковъ въ разслѣдованіи вопроса о соучастіи сербскихъ правительственныхъ круговъ въ Сараевскомъ преступленіи, при чемъ этотъ отказъ распространялся только на случай, если бы способъ означеннаго участія не соотвѣтствовалъ

нормамъ международнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пашичъ выразилъ готовность отдать дѣло Сербіи на рѣшеніе Гаагскаго международнаго суда, въ случаѣ если бы Вѣнское правительство предъявило еще какія нибудь дополнительныя требованія. Горькая чаша была испита до дна и, казалось, что Сербіи дальше итти было некуда по пути подчиненія тираническимъ требованіямъ болѣе сильнаго сосѣда.

Въ эти тяжелые дни Наслѣдный Королевичъ Александръ обратился къ Государю, отъ котораго одного онъ могъ надѣяться получить дѣйствительную помощь. Въ этомъ обращеніи къ Россіи заключалось признаніе невозможности самозащиты и просьба о быстромъ содѣйствіи. Въ отвѣтѣ Императора Николая, указывающемъ на его искреннія симпатіи къ сербскому народу и къ наслѣднику Престола, говорится объ усиленныхъ стараніяхъ русскаго правительства преодолѣть трудности момента и выражается увѣренность въ желаніи Сербіи найти изъ нихъ выходъ и избѣжать ужасовъ новой войны, предохранивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое достоинство. «Пока остается хоть малѣйшая надежда на избѣжаніе кровопролитія», говорится въ заключеніи отвѣтной телеграммы Государя, «всѣ мои усилія будутъ направлены къ этой цѣли. Если, несмотря на наше самое искреннее желаніе, мы ея не достигнемъ, Ваше Высочество можете быть увѣрены, что Россія, ни въ какомъ случаѣ, не останется равнодушной къ участи Сербіи».

Въ этомъ отвѣтѣ заключалось все, чего можно было ожидать отъ русскаго Государя въ эту трагическую минуту. Въ немъ ярко выступаетъ глубокое миролюбіе Императора Николая и вмѣстѣ съ тѣмъ твердое намѣреніе, которое раздѣляла и вся Россія, громко о немъ заявившая съ первой же минуты, не допустить того, чтобы Сербія стала первой жертвой завоевательной политики Австро-Венгріи на Балканахъ. Такъ, какъ вопросъ Австро-Сербскихъ отношеній былъ поставленъ Берхтольдомъ въ 1914 году, онъ далеко выходилъ за рамки чисто балканской политики. Вѣнскій ультиматумъ, хотя и былъ принятъ Сербіею, не взирая на содержавшіяся въ немъ невѣроятныя требованія, — по-

тому что выше указанная оговорка Сербіи никакъ не могла быть истолкована какъ ихъ отверженіе, — былъ, несомнѣнно, только первымъ шагомъ по направленію къ полному политическому порабощенію Сербіи. Это было ясно видно изъ его текста, а еще болѣе изъ того, съ какой стремительной быстротой Австро-Венгерская миссія поторопилась покинуть Бѣлградъ, послѣ врученія ей Сербскаго отвѣта, чѣмъ она давала явное доказательство своего полнаго равнодушія къ его содержанію. Разрывъ былъ предрѣшенъ. Тогда мы объ этомъ догадывались; теперь же оффиціальные сборники австрійскихъ и германскихъ дипломатическихъ документовъ даютъ намъ тому неоспоримыя доказательства. Нелѣпое обвиненіе сербскаго правительства въ участіи въ убійствѣ единственнаго члена дома Габсбурговъ, относившагося съ нѣкоторою симпатіею къ сербскому народу, могло быть, очевидно, только предлогомъ для замышлявшагося давно уничтоженія сербскаго государства, черезъ развалины котораго Австро-Венгрія имѣла въ виду подать руку своему единомышленнику и ставленнику Фердинанду Кобургскому.

Извѣстная намъ нынѣ изъ оффиціальныхъ источниковъ и нашедшая сочувствіе въ Берлинѣ, мечта вѣнскаго кабинета о созданіи новаго Балканскаго союза, подъ главенствомъ Центральныхъ Имперій, отдавала славянскій востокъ, связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, во власть Австро-Германіи, вытѣсняя, разъ навсегда, изъ Балкановъ русское вліяніе — наслѣдія полуторастолѣтія упорныхъ усилій и тяжелыхъ жертвъ, и открывая безпрепятственный доступъ австрійцамъ въ Салоники, а нѣмцамъ — въ вождѣленный Константинополь. Окончательное водвореніе Германіи на Босфорѣ и Дарданеллахъ было бы равносильно смертному приговору Россіи, точно такъ-же какъ водвореніе ея въ Калэ и въ Антверпенѣ было бы гибельнымъ для Франціи и Великобританіи.

Въ Вѣнѣ, совершенно очевидно, предугадывали впечатлѣніе, которое разрывъ съ Сербіею долженъ былъ произвести на русское правительство и на русское общественное мнѣніе. Поэтому Австро-Венгерскому

послу было поручено, для очищенія совѣсти, дать мнѣ, въ моментъ передачи текста ультиматума, увѣренія въ отсутствіи какихъ бы то ни было намѣреній его правительства присоединить части сербской территоріи или посягнуть на суверенныя права Сербіи. Эти увѣренія звучали тѣмъ болѣе странно, что весь ультиматумъ былъ возмутительнымъ посягательствомъ на политическую независимость Сербіи и поэтому австрійскія обѣщанія не заслуживали никакого вниманія. Тѣмъ не менѣе, любопытно сопоставить съ этими лживыми заявленіями то, что говорилось на Австро-Венгерскомъ совѣтѣ министровъ 7-го іюля 1914 года относительно территоріальной неприкосновенности Сербіи и ея независимости, какъ ихъ понимали въ Вѣнѣ. Я заимствую слѣдующее мѣсто изъ оффиціальнаго протокола этого засѣданія, напечатаннаго въ упомянутомъ мною уже не разъ сборникѣ Австро-Венгерскихъ дипломатическихъ актовъ изданія 1919 года: «затѣмъ началось обсужденіе цѣлей военнаго выступленія противъ Сербіи, причемъ было принято мнѣніе венгерскаго предсѣдателя совѣта министровъ (гр. Тиссы), что Сербія, хотя и уменьшенная территоріально, все же, изъ уваженія къ Россіи, не должна быть окончательно уничтожена». Австро-Венгерскій предсѣдатель совѣта министровъ (гр. Штюркгъ) отмѣчаетъ, что было бы также желательно, чтобы династія Кара-Георгіевичей была удалена и сербская корона отдана европейскому государю*) и, равнымъ образомъ, была установлена нѣкоторая зависимость уменьшенной Сербіи, въ военномъ отношеніи, отъ Двуединой Монархіи**).

Вотъ какъ въ Вѣнѣ понимали уваженіе независимости Сербіи и ея территоріальную неприкосновенность!

Объявленіе войны Сербіи, послѣдовавшее черезъ сорокъ восемь часовъ послѣ врученія въ Бѣлградѣ ультиматума, дѣлало продолженіе какихъ либо переговоровъ чрезвычайно затруднительнымъ. Краткость назначеннаго въ Вѣнѣ срока имѣла въ виду именно эту цѣль.

*) Читай — нѣмецкому. Прим. автора.

**) Австро-Венгерскій Сборн. Дипл. Док. 1919 г. № 8, стр. 33.

Тѣмъ не менѣе я продолжалъ употреблять всѣ усилія, чтобы не дать имъ порваться. Въ этомъ направленіи мнѣ оказывали энергическую поддержку наши союзники и друзья. На помощь французскаго правительства я могъ вполнѣ расчитывать, зная миролюбивыя теченія, которыя безсмѣнно преобладали въ Парижѣ съ самаго начала Балканскихъ войнъ. Но мнѣ было еще важнѣе добиться, безъ всякаго промедленія, открытаго заявленія Великобританскаго правительства о его солидарности съ Россіей и Франціей въ Австро-Сербскомъ столкновеніи. Съ первой же минуты мнѣ было ясно, что, хотя ударъ и былъ направленъ изъ Вѣны, надо было дѣйствовать на Берлинъ, чтобы предотвратить страшную опасность, угрожавшую миру Европы. Я былъ убѣжденъ, что лучшимъ, а можетъ быть и единственнымъ, средствомъ для этого было вызвать такое заявленіе со стороны Англійскаго правительства. У меня было еще свѣжо въ памяти впечатлѣніе, произведенное всюду и, прежде всего, въ Германіи рѣчью г-на Ллойдъ-Джорджа въ 1911 году, когда, вслѣдствіе Агадирскаго инцидента, Европа, какъ казалось, была наканунѣ всеобщей войны. Одного рѣшительнаго заявленія о солидарности Великобританскаго правительства съ Франціею было тогда достаточно, чтобы разогнать густо собиравшіяся грозовыя тучи.

Я былъ глубоко убѣжденъ, и сохраняю это убѣжденіе и по сей часъ, что, если бы подобное заявленіе о солидарности Державъ Тройственнаго Согласія въ вопросѣ объ Австро-Сербскомъ спорѣ было своевременно сдѣлано отъ лица Великобританскаго Правительства, изъ Берлина, вмѣсто словъ поощренія, раздались бы совѣты умѣренности и осторожности и что, если, можетъ быть, и не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на цѣлые годы былъ бы отсроченъ часъ расчета между двумя противными лагерями, на которые была раздѣлена Европа. На основаніи этого убѣжденія я посвятилъ первое же мое свиданіе съ англійскимъ посломъ, Сэромъ Джорджемъ Бьюкененомъ, въ промежуткѣ времени между врученіемъ австрійскаго ультиматума 23-го іюля и полученіемъ, 25-го, сербскаго отвѣта, на то, чтобы

убѣдить его въ необходимости разъяснить въ Лондонѣ нашу точку зрѣнія и получить согласіе его правительства на просимый рѣшительный шагъ. Имѣя подъ рукой англійскую синюю кингу 1914 года, я по ней провѣряю мои воспоминанія о первыхъ переговорахъ моихъ съ англійскимъ посломъ, происходившихъ въ присутствіи его французскаго товарища г-на Палеолога, энергично поддерживавшаго мои доводы. Начались они съ того, что я, приглашая посла на свиданіе по телефону, сказалъ ему, по первому впечатлѣнію, что предпринятый въ Вѣнѣ шагъ предвѣщалъ войну. Затѣмъ, въ теченіе свиданія, я высказалъ увѣренность, что Австро-Венгрія не дѣйствовала бы такимъ вызывающимъ образомъ, если бы не спросила предварительно согласія Германіи и тутъ же прибавилъ, что я надѣялся, что Королевское правительство не замедлитъ заявить о своей солидарности съ Россіею и Франціею. На отвѣтъ Сэра Дж. Бьюкенена, что интересы Англіи въ Сербіи ничтожны и что война изъ-за этой страны никогда бы не была допущена англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ, я возразилъ ему, что Англія не должна забывать, что дѣло шло объ общеевропейскомъ интересѣ, такъ какъ сербскій вопросъ являлся не только вопросомъ Балканскимъ, но и европейскимъ, и что великобританія не имѣла права отстраняться отъ разрѣшнія задачъ, выдвигаемыхъ, въ связи съ нимъ, на очередь Австріею. Донося въ Лондонъ объ этомъ разговорѣ, посолъ писалъ, что г-нъ Палеологъ и я настаивали на томъ, чтобы Лондонскій кабинетъ сдѣлалъ заявленіе о своей полной солидарности съ нами, на что Сэръ Дж. Бьюкененъ выразилъ мнѣ надежду, что его правительство, можетъ быть, согласится заявить въ Берлинѣ и Вѣнѣ, что выступленіе Австріи противъ Сербіи, вѣроятно, вызвало бы вмѣшательство Россіи и такимъ образомъ вовлекло бы въ борьбу Германію и Францію, и что, тогда, Англіи было бы трудно оставаться въ сторонѣ, такъ какъ война сдѣлалась бы всеобщею. Я возражалъ ему на это, что, если война разразится, англичане, рано или поздно, все равно будутъ въ нее вовлечены и что, не становясь сразу-же на сторону Россіи и Франціи, они сдѣлаютъ войну лишь

болѣе вѣроятною. Вмѣстѣ съ тѣмъ я выразилъ надежду, что, по меньшей мѣрѣ, Королевское правительство произнесетъ рѣзкое порицаніе рѣшенію, принятому Австро-Венгріей*).

На другой день, послѣ этого перваго свиданія, я возобновилъ мои увѣщанія, ввиду истеченія, въ тотъ же вечеръ, срока ультиматума и крайней опасности всякой проволочки, и сообщилъ англійскому послу, что слышалъ отъ сербскаго посланника, что Сербія собиралась обратиться къ Державамъ за поддержкою. Мнѣ казалось, что такое обращеніе было-бы полезно. Я думалъ, что надо было употребить всѣ усилія для того, чтобы перенести споръ на международную почву, что было бы тѣмъ болѣе правильно, что обязательства, принятыя на себя Сербіею въ 1908 году, относительно соблюденія добрососѣдскихъ отношеній съ Австро-Венгріею и о которыхъ было упомянуто въ ультиматумѣ 23 іюля, были приняты передъ Державами, а не передъ одною Австріею. Если бы Сербія обратилась къ Державамъ, Россія готова была бы остаться въ сторонѣ, передавъ вопросъ въ руки Англіи, Франціи, Германіи и Италіи. Можетъ быть оказалось бы также возможнымъ, что, помимо этого обращенія къ Державамъ, Сербія предложила бы подвергнуть свой споръ третейскому суду. Я подтвердилъ послу, что Россія не имѣла никакихъ воинственныхъ намѣреній и что она никогда не предприметъ ничего, пока ея къ этому не принудятъ. Дѣйствія Австро-Венгріи были направлены, въ сущности, столько же противъ Россіи, сколько противъ Сербіи и имѣли въ виду, уничтоживъ нынѣшнее стату кво на Балканахъ, установить тамъ свою гегемонію. Если бы Англія теперь-же заняла твердую позицію рядомъ съ Россіей и Франціей, войны бы не было и, наоборотъ, если бы Англія насъ въ эту минуту не поддержала, полились бы потоки крови и, въ концѣ концовъ, она все же была бы вовлечена въ войну. Несчастье заключалось въ томъ, что Германія была убѣждена, что она могла расчитывать на нейтралитетъ Ан-

*) Синяя Книга Франц. Изданіе. Ч. I, № 4, стр. 14, 15, 17.

гліи. Въ заключеніе я сказалъ послу, что Россія не можетъ позволить Австро-Венгріи раздавить Сербію и стать первенствующей Державой на Балканахъ, и что, если Франція окажетъ намъ свою поддержку, мы не отступимъ передъ рискомъ войны. Я вновь повторилъ послу, что мы не хотимъ вызвать столкновенія, но что, если Германія не удержитъ Австріи, положеніе сдѣлается безнадежнымъ*).

Оно представлялось мнѣ таковымъ съ первой же минуты, такъ какъ вытекало, съ неотразимой логикой, изъ послѣдовательнаго хода событій двухъ предыдущихъ лѣтъ. Говоря съ Сэромъ Дж. Бьюкененомъ, я не подозрѣвалъ, что мнѣ, когда либо, придется найти въ Австрійскихъ и Германскихъ первоисточникахъ буквальное подтвержденіе моихъ тогдашнихъ предположеній.

Какъ я уже сказалъ, я и теперь сохраняю убѣжденіе, что своевременное заявленіе Англіи о ея солидарности съ Россіей и Франціей побудило бы Германію повліять на Австро-Венгерское правительство въ смыслѣ умѣренія его требованій, благодаря чему явилась-бы возможность найти выходъ изъ созданнаго имъ опаснаго полонія. Въ появившихся въ настоящее время въ печати воспоминаніяхъ г-на Асквита, бывшаго въ то время Англійскимъ первымъ министромъ, о происхожденіи Европейской войны, онъ останавливается на этомъ моментѣ моихъ переговоровъ съ Сэромъ Дж. Бьюкененомъ и, объясняя положеніе, занятое его правительствомъ, говоритъ, что «до сихъ поръ еще не было дано серьезнаго доказательства, что угрожающее или хотя бы только непримиримое со стороны Великобританіи положеніе привело бы къ тому, что Германія и Австро-Венгрія сошли бы съ пути, на который они стали». Не знаю, вѣрно ли передана въ этихъ словахъ мысль г-на Асквита, такъ какъ я не видѣлъ англійскаго текста его воспоминаній и привожу эту выдержку по переводу, появившемуся во французской печати*). Какъ бы то

*) Синяя Книга. Ч. 1, № 9, стр. 29, 30 и 31.

*) Газета „Temps“ отъ 20-го августа 1923 года.

ни было, мнѣ кажется, что г-нъ Асквитъ забылъ, утверждая это, упомянутое мною вмѣшательство англійскаго правительства въ споръ между Германіею и Франціею въ 1911 г., по характеру своему не менѣе опасный для европейскаго мира, чѣмъ Австро-Сербское столкновеніе въ 1914 году. Въ томъ, что это вмѣшательство имѣло самые счастливые результаты, сомнѣваться, кажется, не приходится, такъ какъ даже такіе, не чуждые нѣкоторому шовинизму, германскіе государственные дѣятели, какъ адмиралъ Тирпицъ, признаютъ, что англійское вмѣшательство привело Германію къ дипломатическому пораженію, хотя онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаетъ воинственныя намѣренія своего правительства. Можно было ожидать, что такой удачный прецедентъ долженъ былъ бы имѣть бо́льшій вѣсъ въ глазахъ г-на Асквита, въ силу того значенія, которое англичане привыкли предавать прецедентамъ во всѣхъ областяхъ политической жизни своей страны. Къ тому же врядъ ли возможно еще предполагать, что г-нъ Бетманъ-Гольвегъ предвидѣлъ вступленіе Англіи въ борьбу съ Германіею, послѣ обнародыванія донесенія англійскаго посла въ Берлинѣ, Сэра Эдуарда Гошена, въ которомъ онъ даетъ отчетъ, при какихъ обстоятельствахъ состоялось объявленіе войны Англіею Германіи вслѣдъ за нарушеніемъ ею Бельгійскаго нейтралитета. Изъ этого, отнынѣ знаменитаго, донесенія видно, съ неоспоримой ясностью, что объявленіе войны Англіею было для германскаго Канцлера страшной неожиданностью. Поэтому позволительно думать, что своевременное предупрежденіе со стороны англійскаго кабинета произвело бы на Германію отрезвляющее дѣйствіе. Нельзя, очевидно, доказать, что не случившееся событіе имѣло бы тѣ или иныя послѣдствія. Но, въ данномъ случаѣ, имѣется, однако, сильная презумпція въ пользу того взгляда, который, безъ предварительнаго сговора, я настойчиво отстаивалъ въ Петроградѣ и который г-нъ Пуанкарэ защищалъ въ Парижѣ*). Воздержаніе англійскаго правительства отъ рѣшительнаго выступленія въ эту, полную

*) Донесеніе Сэра Фр. Барти. Синяя Книга № 99

тревоги, минуту было тѣмъ болѣе прискорбно и непонятно, что ни въ Россіи, ни во Франціи никто не могъ допустить сомнѣнія, что Англія такъ-же искренно прилагала всѣ усилія, чтобы предупредить возникновеніе европейской войны. Этому служило порукой, бывшаго тогда у власти либеральнаго кабинета г-на Асквита, слѣдовавшаго, въ этомъ отношеніи, преданіямъ своей партіи и, въ неменьшей степени, — нравственныя качества министра иностранныхъ дѣлъ, Сэра Эдуарда Грэя, не безъ основанія всю жизнь слывшаго убѣжденнымъ пацифистомъ.

Я былъ вынужденъ признать, съ глубокимъ безпокойствомъ, что первые шаги русскаго правительства на пути мирнаго улаженія Австро-Сербскаго столкновенія не дали желанныхъ результатовъ, несмотря на то, что Сербія сдѣлала не только все, что мы отъ нея ожидали, но пошла гораздо дальше въ этомъ направленіи, чѣмъ мы могли надѣяться. Англія уклонилась отъ заявленія, о которомъ мы ее просили и которое сразу внесло бы желательную опредѣленность и ясность въ крайне смутное и опасное положеніе, созданное центральными державами, а изъ Берлина мы ни о чемъ другомъ не слышали, какъ только о необходимости локализаціи Австро-Сербскаго столкновенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о намѣреніи Германіи оказать всякую поддержку своей союзницѣ, т. е. именно того, что, больше всего остального, должно было обострить положеніе, поощряя австрійцевъ въ ихъ непримиримости. Яго увѣрялъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ 23-го іюля, что ему неизвѣстно содержаніе австрійскаго ультиматума, хотя мы теперь знаемъ, что Чиршкій сообщилъ ему его полный текстъ еще 21-го іюля*). То-же самое Яго телеграфировалъ и Кн. Лихновскому**). Нелегко понять, почему надо было вводить въ заблужденіе не только противника, но и своихъ собственныхъ представителей.

Въ Парижѣ, на первыхъ же порахъ, дали себѣ ясный отчетъ въ общеевропейскомъ характерѣ зачинав-

*) Австро-Венг. Сборн. № 47, стр. 119.

**) Сборн. Каутскаго № 126, стр. 146 и 7.

шагося спора и не давали себя сбить съ толку его балканскимъ происхожденіемъ.

Намъ не оставалось ничего другого, какъ продолжать, съ тою же энергіею, наши усилія парализовать злую волю Австро-Венгріи и добиться пересмотра недопустимыхъ требованій Вѣнскаго кабинета путемъ посредничества Державъ, даже и послѣ послѣдовавшаго 25-го іюля разрыва сношеній между Австро-Венгріею и Сербіею. Какъ ни трудно было, ввиду этого факта, продолжать переговоры, я рѣшился отстаивать ихъ необходимость на совѣтѣ министровъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, который былъ назначенъ на 26-ое іюля н. ст. и заявилъ объ этомъ наканунѣ французскому послу.

Будучи увѣренъ, что Итальянское правительство неодобряло образа дѣйствія Австро-Венгріи, я поручилъ нашему послу въ Римѣ, Крупенскому, просить Маркиза Санъ-Джуліяно откровенно высказать въ Вѣнѣ свое несочувствіе австрійскимъ рѣшеніямъ и разъяснить Берхтольду невозможность локализаціи конфликта, а также и неизбѣжность русской поддержки Сербіи.

Какъ я узналъ вслѣдъ за тѣмъ, въ Италіи, съ возникновенія Австро-Сербскаго столкновенія, установилось опредѣленно отрицательное отношеніе къ положенію, занятому Вѣнскимъ кабинетомъ въ этомъ вопросѣ. Тщательно скрывавшееся отъ Италіи намѣреніе вѣнскаго кабинета поставить Сербію въ безъисходное положеніе, стало извѣстно въ Римѣ и возбудило тамъ сильное неудовольствіе и тревогу. Еще за нѣсколько дней до моего обращенія къ Маркизу С. Джуліяно, онъ сообщилъ Германскому послу, что ему кажется невозможнымъ какое бы то ни было представленіе Сербскому правительству со стороны Австро-Венгріи по поводу убійства наслѣднаго Эрцъ-Герцога, ввиду того, что оно было совершено австрійскимъ подданнымъ. Лица, близко стоявшія къ министру, заявляли открыто, что Австро-Венгрія, предъявивъ неумѣренныя требованія, поставила бы себя въ невыгодное положеніе и не могла бы расчитывать на поддержку Италіи. Санъ-Джуліяно избѣгалъ прямого обмѣна мыслей съ Ав-

стрійскимъ посломъ въ Римѣ, но не скрывалъ своихъ взглядовъ отъ германскаго посла фонъ-Флото, которому онъ сообщилъ, что Италія, ни въ какомъ случаѣ, не приметъ участія въ политикѣ подавленія національностей. Флото добросовѣстно сообщалъ въ Берлинъ, что итальянское правительство едва ли захочетъ поддерживать австрійскія требованія, чтобы не поставить себя въ противорѣчіе съ глубоко укоренившимися чувствами итальянскаго народа.

Эти сообщенія фонъ-Флото безпокоили германское министерство иностранныхъ дѣлъ, но ни на волосъ не измѣнили его сочувственнаго и поощрительнаго отношенія къ занятому Вѣнскимъ Кабинетомъ положенію.

Одновременно съ этимъ обращеніемъ въ Римѣ, я предложилъ гр. Берхтольду разрѣшить Австро-Венгерскому послу въ Петербургѣ разсмотрѣть со мною, частнымъ образомъ, текстъ ультиматума для того, чтобы, по взаимному соглашенію, измѣнить въ немъ нѣкоторыя мѣста, которыя казались мнѣ непріемлемыми.

Послѣ 48-ми часовъ ожиданія я получилъ отвѣтъ Берхтольда, въ которомъ онъ, чрезъ нашего посла въ Вѣнѣ, сообщалъ мнѣ, что не можетъ ничего взять обратно, ни входить въ обсужденіе условій австрійскаго ультиматума. Помимо этого онъ поручилъ графу Сапари передать мнѣ, что онъ подчеркнулъ въ своемъ разговорѣ съ Н. Н. Шебеко невозможность принятія подобнаго рода предложеній.

Изъ Берлина вѣсти были не лучше. Яго заявилъ нашему повѣренному въ дѣлахъ Броневскому, что онъ раздѣляетъ мнѣніе Пурталеса, что разъ, что между мною и австрійскимъ посломъ уже начались переговоры, ничто не мѣшало намъ ихъ продолжать, но на просьбу Броневскаго повліять въ Вѣнѣ въ примирительномъ смыслѣ, онъ отвѣтилъ, что не можетъ совѣтовать Австріи уступчивости*).

Предложеніе мое скрестилось съ предложеніемъ Сэра Эдуарда Грэя о посредничествѣ четырехъ незаинтересованныхъ державъ. Это предложеніе исходило изъ

*) Оранжевая книга. Франц. изд. № 38, стр. 54.

заявленія, сдѣланнаго мною Бьюкенену о готовности русскаго правительства, оставшись въ сторонѣ, передать дѣло посредничества между Австро-Венгріею и Сербіею въ руки четырехъ незаинтересованныхъ Великихъ Державъ и преслѣдовало двоякую цѣль: 1) собраніе ихъ подъ предсѣдательствомъ Грэя въ Лондонѣ для изысканія способа разрѣшенія спора и 2) пріостановку Австро-Венгріею и Сербіею всякихъ военныхъ приготовленій до окончанія совѣщанія посредниковъ.

Предложеніе Сэра Эд. Грэя, внушенное искреннимъ желаніемъ русскаго и англійскаго правительствъ, къ которымъ тотчасъ же присоединилось и французское, имѣло еще и то преимущество, что Державы, въ руки которыхъ было бы передано посредничество между спорившими сторонами, состояли бы поровну изъ представителей Тройственнаго Согласія и Тройственнаго Союза, чѣмъ бы, напередъ, была предотвращена всякая возможность пристрастнаго рѣшенія. Тѣмъ не менѣе и этому предложенію въ Берлинѣ былъ оказанъ не лучшій пріемъ, чѣмъ моимъ двумъ предыдущимъ. Французскій посолъ въ Берлинѣ, г-нъ Жюль Камбонъ, предложилъ, по порученію своего правительства, слѣдующую формулу, намѣренно неопредѣленную и смягченную для сообщенія ея въ Петроградъ и Вѣну: воздерживаться отъ всякаго дѣйствія, которое могло бы обострить настоящее положеніе*).

Какъ предложеніе Грэя, такъ и формула Ж. Камбона были категорически отвергнуты Бетманомъ-Гольвегомъ и фонъ-Яго. Отрицательный отвѣтъ Германіи вызвалъ, въ видѣ отвѣтной мѣры, отсрочку роспуска Великобританскаго флота, собраннаго для маневровъ въ Нѣмецкомъ морѣ. Принимая эту мѣру, Сэръ Эдуардъ Грэй заявилъ австро-венгерскому послу, что Англія не имѣла въ виду созывать резервистовъ и что въ мѣрѣ, принятой по отношенію къ флоту, не заключалось угрозы, но что, ввиду возможности Европейской войны, Англійское правительство не сочло возможнымъ разбра-

*) Оранжевая книга № 39, стр. 55.

сывать свои силы *). Если по словамъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ не слѣдовало видѣть угрозы въ военной мѣрѣ, принятой Англіею, то въ словахъ его къ графу Менсдорфу трудно было не усмотрѣть серьезнаго предостереженія. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ къ нимъ отнеслись, однако, какъ къ попыткѣ запугиванія.

Въ тотъ же день, когда Бехтольдъ отвѣтилъ отказомъ на мое предложеніе продолжать переговоры съ Австро-Венгерскимъ посломъ въ Петроградѣ, т. е. 28-го іюля н. ст., Австрія объявила войну Сербіи и совершила нападеніе на сербскую флотилію на Дунаѣ. Въ Петроградѣ ожидали, съ часа на часъ, объявленія Австрійской мобилизаціи. Уже 26-го іюля управляющій нашимъ консульствомъ въ Прагѣ извѣстилъ меня о состоявшемся, но еще не объявленномъ оффиціально, приказѣ о мобилизаціи, за которымъ долженъ былъ, очевидно, послѣдовать приказъ объ общей мобилизаціи, который и былъ подисанъ 28-го, т. е. въ день объявленія войны Сербіи.

Того же числа, подъ впечатлѣніемъ все ухудшавшагося политическаго положенія, я послалъ слѣдующую телеграмму графу Бенкендорфу въ Лондонъ: «Мои бесѣды съ германскимъ посломъ укрѣпляютъ во мнѣ предположеніе что Германія поддерживаетъ неуступчивость Австріи. Берлинскій кабинетъ, который могъ бы остановить развитіе кризиса, повидимому, совершенно не вліяетъ на своихъ союзниковъ. Германія находитъ отвѣтъ Сербіи неудовлетворительнымъ. Мнѣ кажется, что Англія, болѣе чѣмъ всякая иная Держава, могла бы еще попытаться воздѣйствовать на Берлинъ, чтобы побудить Германское правительство къ нужнымъ шагамъ. Ключъ положенія находится, несомнѣнно, въ Берлинѣ **)».

Того же 28-го іюля я получилъ отъ нашего генеральнаго консула въ Фіумэ телеграмму, въ которой онъ извѣщалъ меня объ объявленіи осаднаго положенія въ

*) Синяя книга № 48.

**) Оранжевая книга № 43, стр. 60 и 61.

Словеніи, Хорватіи и въ Фіумэ и о созывѣ резервистовъ всѣхъ разрядовъ.

Въ Петроградѣ, гдѣ убѣжденія неизбѣжности вооруженнаго столкновенія съ Австро-Венгріею, вслѣдствіе объявленія ею войны Сербіи, въ то самое время, когда Императорское правительство прилагало всѣ усилія, чтобы, путемъ мирныхъ переговоровъ и дружелюбнаго посредничества Державъ, предотвратить войну, проникало все глубже въ сознаніе Правительства и общественнаго мнѣнія всей Россіи, пришли, той порою, къ заключенію о необходимости принятія соотвѣтственныхъ мѣръ предосторожности, чтобы избѣгнуть опасности быть застигнутыми врасплохъ австрійскими приготовленіями. Совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, постановилъ приступить къ немедленной мобилизаціи четырехъ военныхъ округовъ, въ общей сложности 13-ти армейскихъ корпусовъ, предназначенныхъ дѣйствовать противъ Австро-Венгріи, и утромъ 29-го іюля указъ о ихъ мобилизаціи былъ обнародованъ въ обычномъ порядкѣ.

Наканунѣ изданія этого указа я телеграфировалъ въ Берлинъ, поручая Броневскому сообщить германскому правительству о принятыхъ нами, вслѣдствіе объявленія войны Австро-Венгріей, военныхъ мѣрахъ, изъ которыхъ «ни одна не была направлена противъ Германіи». Подобное сообщеніе было сдѣлано мною устно Германскому послу, который заявилъ мнѣ, отъ имени канцлера, что его правительство не переставало вліять умѣряющимъ образомъ въ Вѣнѣ и намѣревается продолжать это воздѣйствіе даже и послѣ объявленія войны. Поблагодаривъ графа Пурталеса за это сообщеніе, я сказалъ ему, что указомъ о мобилизаціи нашихъ четырехъ южныхъ округовъ не предрѣшались наступательныя мѣры противъ Австро-Венгріи, а что наша мобилизація объяснялась мобилизаціею большей части Австро-Венгерской арміи. При этомъ я выразилъ послу мнѣніе, что, для использованія всѣхъ средствъ къ мирному разрѣшенію кризиса, было бы цѣлесообразно прибѣгнуть къ посредничеству четырехъ незаинтересованныхъ державъ и, параллельно съ этимъ, — къ непосредствен-

нымъ переговорамъ между Россіею и Австро-Венгріею. Я прибавилъ, что послѣ уступчивости, обнаруженной Сербіею, не трудно было бы найти почву для компромисса, при условіи, конечно, нѣкоторой доброй воли со стороны Австріи и содѣйствія въ этомъ смыслѣ всѣхъ остальныхъ державъ. Во время этого разговора съ германскимъ посломъ я не зналъ еще, что Берхтольдъ уже отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на продолженіе прямыхъ переговоровъ съ Петроградомъ. Не зналъ я также, что Германія отвѣтитъ отказомъ, по формальнымъ причинамъ, на предложеніе о посредничествѣ четырехъ державъ. Какъ я, такъ и министры иностранныхъ дѣлъ Англіи и Франціи, не переставали получать, даже и послѣ этого отказа, увѣренія отъ Германскаго правительства въ томъ, что оно не переставало употреблять свое вліяніе въ Вѣнѣ въ смыслѣ миролюбія. Въ чемъ выражались эти старанія мы, конечно, не знали. Съ тѣхъ поръ, благодаря обнародованію германскихъ секретныхъ документовъ, намъ стало извѣстно, что крайне примирительный отвѣтъ Сербіи на Австрійскій ультиматумъ вызвалъ въ Императорѣ Вильгельмѣ, какъ кажется, вполнѣ искреннее желаніе образумить Вѣнскій Кабинетъ и убѣдить его удовольствоваться достигнутымъ имъ дипломатическимъ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ своемъ къ г-ну фонъ-Яго, Вильгельмъ II, не обинуясь, говоритъ, что «съ капитуляціею Сербіи, отпадаетъ всякое основаніе къ войнѣ». Но, ввиду своего недовѣрія къ искренности Сербовъ, онъ предлагаетъ Австріи «заручиться залогомъ въ видѣ захвата Бѣлграда», или иного временнаго занятія какой нибудь части сербской территоріи, «подобно тому, какъ мы (Германія) оставили войска во Франціи до выплаты милліардовъ». На такихъ основаніяхъ, писалъ Императоръ, онъ былъ бы готовъ предложить Австріи свое мирное посредничество.

Было ли это настроеніе глубоко и прочно, я не знаю. Можно въ этомъ усумниться. У людей впечатлительныхъ и поверхностныхъ, какъ Вильгельмъ II, настроенія нерѣдко переживаютъ тотъ моментъ, подъ вліяніемъ котораго они зарождаются. По крайней мѣрѣ мы

больше ничего не слыхали о какихъ либо серьезныхъ попыткахъ Кайзера употребить свое личное вліяніе въ Австріи на пользу мира. Тѣ старанія, о которыхъ онъ упоминалъ въ своихъ телеграммахъ къ Государю, были лишены всякаго значенія и на нихъ надо смотрѣть, просто какъ на реторическій пріемъ. Иначе онъ, вѣроятно, не называлъ бы «безсмыслицею»*) мысль, выражавшуюся Государемъ о передачѣ Австро-Сербскаго спора въ Гаагскій международный судъ.

Во всякомъ случаѣ, эти мимолетныя вспышки добрыхъ чувствъ не нашли поддержки у руководителей Германской внѣшней политики. Такимъ образомъ главной заботой Бетмана-Гольвега, въ критическіе іюльскіе дни, являлось, какъ это видно изъ его переписки съ Чиршкимъ, не сохраненіе мира, а скорѣе представленіе событій въ такомъ видѣ, чтобы Германія казалась вынужденной къ войнѣ. Послѣ необыкновенной поспѣшности, съ которой подготовлялось въ Вѣнѣ нападеніе на Сербію, послѣ того, что разрывъ дипломатическихъ сношеній произошелъ ровно черезъ сорокъ восемь часовъ по передачѣ ультиматума, что, затѣмъ, черезъ три дня послѣдовало объявленіе войны, а вслѣдъ за нимъ, еще черезъ сутки, — и бомбардированіе Бѣлграда, съ видимой цѣлью отрѣзать себѣ всѣ пути отступленія, можно было предположить, что военныя приготовленія Дунайской Монархіи были вполнѣ закончены и что она не могла дождаться минуты вторгнуться во вражескіе предѣлы. Между тѣмъ въ Берлинѣ неожиданно узнали, что Австро-Венгрія можетъ начать активныя дѣйствія только черезъ двѣ недѣли, т. е. не ранѣе 12-го августа. Такое непредвидѣнное запозданіе поставило, какъ мы узнаемъ изъ письма Канцлера Бетмана-Гольвега отъ 28-го іюля къ германскому послу въ Вѣнѣ, Германію въ крайне затруднительное положеніе, въ которомъ было бы не трудно найти элементъ комизма, если бы общее положеніе не было бы такъ глубоко трагично. Канцлеръ горько жалуется Чиршкому на это промедленіе, говоря, что германское правительство рискуетъ сдѣ-

*) Сборникъ Каутскаго. Ч. II. № 337, стр. 54.

латься,въ этотъ долгій промежутокъ времени, со стороны другихъ державъ, предметомъ настойчивыхъ предложеній посредничества или международной конференціи. Въ случаѣ же, если бы Германія продолжала соблюдать свое отрицательное отношеніе къ подобнымъ предложеніямъ, тяжкій упрекъ въ возбужденіи міровой войны палъ бы на нее даже со стороны ея собственнаго общественнаго мнѣнія. Въ такихъ условіяхъ нельзя было вести побѣдоносную войну на трехъ фронтахъ. «Поэтому», прибавляетъ Канцлеръ, «надо, — и это является для насъ повелительнымъ долгомъ, — чтобы отвѣтственность за участіе въ борьбѣ Государствъ, незаинтересованныхъ непосредственно въ спорѣ, пала, во всякомъ случаѣ (unter allen Umständen), на Россію».

Въ концѣ письма Канцлеръ поручаетъ послу настоять на томъ, чтобы Берхтольдъ повторялъ русскому правительству увѣренія въ нежеланіи Австро-Венгріи посягнуть на сербскую территорію, не создавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, впечатлѣнія, что Германія имѣла желаніе остановить Австро-Венгрію. Все дѣло должно было свестись къ тому, чтобы найти способъ осуществить цѣль вѣнской политики подрѣзать жизненный нервъ Великосербской пропаганды безъ того, чтобы разразилась война и въ случаѣ, если бы она оказалась неизбѣжной, изыскать, для ея веденія, возможно благопріятныя условія*).

Какъ охарактеризовать подобныя инструкціи? Прежде всего, онѣ являлись яркимъ отраженіемъ всей политика Бетмана-Гольвега, неопредѣленной и шаткой, не основанной на стремленіи къ ясно опознанной цѣли и не опирающейся на точномъ знаніи политическаго положенія Европы. Можно, говоря объ этой политикѣ, пойти дальше и сказать, что едва ли былъ когда нибудь государственный человѣкъ, на долю котораго выпало управленіе внѣшними сношеніями великой Имперіи, въ пору тяжелыхъ международныхъ осложненій, который обнаружилъ бы такую неспособность правильной оцѣнки не только положенія данной минуты, но и междуна-

*) Сборникъ Каутскаго. Ч. II № 323.

родныхъ отношеній, созданныхъ событіями послѣдняго пятидесятилѣтія Европейской исторіи. Искать разгадку его безчисленныхъ ошибокъ въ прирожденной воинственности или болѣзненно-повышенномъ національномъ самосознаніи, какое мы видимъ у многихъ германскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и даже у ученыхъ, совершенно невозможно. Бетманъ-Гольвегъ былъ человѣкъ, по природѣ, миролюбивый и даже свободный отъ шовинизма и тщеславія. Онъ не искалъ предлоговъ къ войнѣ и, вѣроятно, даже не желалъ ея, но, когда безумiемъ его союзниковъ онъ былъ поставленъ къ ней лицомъ къ лицу, онъ не сдѣлалъ не только ничего, чтобы спугнуть ея грозный призракъ, но, какъ безвольное существо, покорно пошелъ по пути, на который его поставили эти союзники, неясно отдавая себѣ отчетъ, куда его ведутъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тая надежду извлечь пользу изъ чужого грѣха, отвѣтственность за который онъ, однако, боялся взять на себя, а старался всѣми силами свалить на другого.

Корень ошибокъ германскихъ государственныхъ людей заключался въ томъ, что, мечтая достичь необъятныхъ цѣлей, поставленныхъ германскому народу создателями «міровой политики», они забыли мудрое правило Бисмарка не искать недостижимаго. Имъ представлялось, что такая задача, какъ созданіе пресловутой «Mitteleurora», т. е. установленіе германскаго владычества надъ континентомъ Европы, а тѣмъ болѣе — созданіе фантастической Имперіи, простиравшейся отъ береговъ Рейна до устьевъ Тигра и Ефрата, которое я, въ одной изъ моихъ думскихъ рѣчей, назвалъ Берлинскимъ халифатомъ, была достижима тѣми средствами, которыми располагала Германія и ея, умиравшая отъ безпощаднаго внутренняго недуга, союзница. Иными словами въ Берлинѣ было утрачено чувство соотношенія между цѣлью и средствами. Ни Вильгельму II-му, ни его Канцлеру не приходило въ голову, несмотря на манію преслѣдованія, которою они страдали и которая выражалась въ томъ, что они вѣрили въ какую-то политику вражескаго окруженія, жертвою которой должна была стать Германія, что опасеніе попытокъ, со сто-

роны Германіи, осуществленія этой міровой политики возникало у Державъ Тройственнаго Согласія, и многихъ иныхъ, при всякомъ международномъ осложненіи, къ которомъ были замѣшаны интересы Германіи или Австро-Венгріи, каковыхъ, какъ извѣстно, въ двадцатомъ вѣкѣ было нѣсколько. Трудно найти отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ Германія могла допустить мысль, что угрожающая существованію и независимости нѣсколькихъ европейскихъ государствъ политическая программа, открыто провозглашаемая въ теченіе долгихъ лѣтъ германской печатью и многими лицами, близко стоявшими къ правительству, и находящая, нерѣдко, сочувственный отголосокъ въ оффиціальныхъ заявленіяхъ не только правительства, но и самаго Императора, въ концѣ концовъ не приведетъ къ тому, что коалиціи, которыхъ Бисмаркъ такъ боялся для молодой Германіи, возникнутъ сами собой и сдѣлаютъ осуществленіе германскаго политическаго идеала невозможнымъ. При такомъ, легко объяснимомъ, настроеніи своихъ противниковъ, Германіи было достаточно одного неосторожнаго слова или жеста, чтобы укрѣпить ихъ въ убѣжденіи, что она считала любое изъ вышеозначенныхъ международныхъ осложненій удобнымъ для приведенія въ исполненіе своей программы мірового владычества. Поведеніе Берлинскаго кабинета, при возникновеніи Австро-Сербскаго столкновенія, было именно таково, что давало обильную пищу опасеніямъ и подозрѣніямъ Державъ Тройственнаго Согласія. Если, какъ увѣряютъ насъ главныя дѣйствующія лица трагедіи 1914-го года, они не желали войны, то хочется спросить ихъ, какъ бы поступили они, если бы они ея желали.

Говоря о примирительныхъ предложеніяхъ Императорскаго Правительства и Великобританскаго министра иностранныхъ дѣлъ, я упомянулъ о томъ, что двѣ мои попытки, также какъ и попытка, сдѣланная Сэромъ Эд. Грэемъ, не увѣнчались успѣхомъ. 28-го іюля Императоръ Вильгельмъ вернулся изъ своего обычнаго морского путешествія въ норвежскихъ фіордахъ. Государь, узнавъ объ этомъ, обратился къ нему съ телеграммой,

въ которой онъ выразилъ Кайзеру просьбу оказать ему свое содѣйствіе въ тягостную минуту объявленія Австро-Венгріею «подлой» (ignoble) войны слабому сосѣду. Негодованіе въ Россіи, вполнѣ раздѣляемое Государемъ, было огромное и онъ предвидѣлъ минуту, когда, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, ему придется прибѣгнуть къ мѣрамъ, могущимъ привести къ войнѣ. Государь просилъ Вильгельма II-го, именемъ ихъ старой дружбы, сдѣлать все отъ него зависѣвшее, чтобы избѣжать бѣдствій Европейской войны, помѣшавъ его союзникамъ зайти слишкомъ далеко.

На этой, искренней по содержанію и дружественной по формѣ, телеграммѣ Вильгельмъ II-ой сдѣлалъ, по своей привычкѣ, пространныя замѣчанія, въ которыхъ было рѣшительно все, начиная съ подозрѣнія, что Государь имѣлъ въ виду свалить на Кайзера отвѣтственность за происходившее, затѣмъ слѣдовали: упрекъ въ скрытой угрозѣ, истолкованіе выраженія «подлой» — войны, какъ проявленіе панславистскихъ взглядовъ, совѣтъ непосредственнаго обращенія къ Императору Францу-Іосифу для прямыхъ переговоровъ съ нимъ и еще многое другое, кромѣ, просимаго Государемъ, въ интересахъ мира, воздѣйствія на воинственное настроеніе Вѣнскаго кабинета*).

Такимъ образомъ личное обращеніе Государя къ Кайзеру съ просьбой о его своевременномъ вмѣшательствѣ въ Австро-Сербскій споръ имѣло не больше успѣха, чѣмъ примирительныя попытки Сэра Эд. Грэя и мои. Тѣмъ не менѣе Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, по моей просьбѣ, предпринялъ въ Берлинѣ новые шаги, цѣлью которыхъ было просить Германское правительство самому указать средство, которое, по его мнѣнію, могло бы сдѣлать возможнымъ посредничество четырехъ незаинтересованныхъ державъ для избѣжанія столкновенія между Россіею и Австро-Венгріею. При этомъ Сэръ Эд. Грэй, въ своей уступчивости вѣнскому кабинету, зашелъ за предѣлы первоначальной мысли русскаго правительства, стояв-

*) Сборникъ Каутскаго. Ч. II № 332.

шаго на точкѣ зрѣнія необходимости, одновременнаго съ посредничествомъ державъ, прекращенія военныхъ дѣйствій противъ Сербіи и предложилъ Австріи занятіе нѣкоторой части сербской территоріи до тѣхъ поръ, пока она ни добилась-бы удовлетворенія своихъ требованій, подъ условіемъ, однако, отказа отъ дальнѣйшаго движенія впередъ, въ ожиданіи окончательныхъ результатовъ посредническихъ усилій державъ.

Россія не возражала и противъ этого новаго предложенія, хотя оно и превышало, по своей уступчивости, все, чего можно было отъ нея ожидать.

Судя по разговорамъ, бывшимъ у меня, между тѣмъ, съ Германскимъ посломъ, я могъ надѣяться, что, на этотъ разъ, германское правительство согласится, наконецъ, употребить свое вліяніе въ Вѣнѣ, чтобы убѣдить Берхтольда въ необходимости бо́льшей сговорчивости. Утромъ 29-го іюля мы еще не получили извѣстій о переходѣ австрійцами сербской границы, за то въ главный штабъ постоянно доходили извѣстія о мобилизаціонныхъ мѣрахъ на русской границѣ въ Галиціи, о началѣ которыхъ мы были извѣщены уже нѣсколько дней передъ тѣмъ и которыя, по нашимъ свѣдѣніямъ, были почти закончены къ этому времени. Германія, по словамъ графа Пурталеса, продолжала настаивать на непосредственныхъ переговорахъ между Вѣной и Петроградомъ, на которые Австро-Венгрія, по прежнему, не соглашалась. Что касалось мысли о посредничествѣ Державъ, то германское правительство упорно считало ее не пріемлимою для своей союзницы. Выходило нѣчто похожее на работу Данаидъ. Съ какой степенью энергіи проявлялось Берлинское вліяніе въ Вѣнѣ, я не зналъ, да и теперь не берусь рѣшить. За то можно вполнѣ опредѣленно сказать, что Вѣна, съ своей стороны, съ чрезвычайной настойчивостью требовала отъ Берлина заявленія намъ о намѣреніи Германіи приступить къ мобилизаціи, если мы будемъ продолжать наши вооруженія. Со ставшимъ ей обычнымъ, по отношенію къ Австро-Венгріи, самоотреченіемъ Германія добросовѣстно выполнила это порученіе и 29-го іюля меня посѣтилъ Германскій посолъ, чтобы сооб-

щить мнѣ о принятомъ Германскимъ Правительствомъ, согласно австрійской просьбѣ*), рѣшеніи.

Сообщеніе графа Пурталеса было сдѣлано въ той, весьма внушительной, формѣ, въ которой дѣлались обыкновенно германскими представителями всѣ сообщенія ихъ правительства и которыя, нерѣдко, весьма близко подходили къ требованіямъ ультимативнаго характера. Свое сообщеніе самъ Пурталесъ назвалъ «дружественнымъ предостереженіемъ» (eine freundliche Mahnung) **).

Въ тотъ же день я послалъ А. П. Извольскому въ Парижъ и нашимъ представителямъ при Великихъ Державахъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «сегодня германскій посолъ сообщилъ мнѣ принятое его правительствомъ рѣшеніе мобилизовать, если Россія не прекратитъ своихъ военныхъ приготовленій. Мы приступили къ таковымъ только вслѣдствіе мобилизаціи, къ которой уже приступила Австро-Венгрія и ввиду очевиднаго у нея отсутствія желанія согласиться на какой бы то ни было способъ мирнаго разрѣшенія своего столкновенія съ Сербіею. Такъ какъ намъ невозможно уступить желанію Германіи, намъ не остается ничего другого, какъ ускорить наши собственныя вооруженія и считаться съ вѣроятной неизбѣжностью войны. Благоволите предупредить объ этомъ французское правительство и выразить ему, одновременно, нашу благодарность за заявленіе, сдѣланное мнѣ французскимъ посломъ, что мы можемъ вполнѣ расчитывать на поддержку союзной Франціи. При настоящихъ обстоятельствахъ это заявленіе особенно цѣнно***).

Въ день отправленія приведенной телеграммы Извольскому Государь, съ неменьшимъ, если не большимъ, чѣмъ всѣ члены русскаго правительства, напряженіемъ слѣдившій за каждымъ шагомъ заинтересованныхъ въ

*) Австрійская Красная Книга. Франц. изд. № 46.

**) Базельскія извѣстія 21-го сентября 1917 года.

***) Оранжевая книга, франц. изд. № 58.

европейскомъ кризисѣ правительствъ и изыскивавшій всевозможныя средства для спасенія Европы отъ всеобщаго пожара, отправилъ Императору Вильгельму телеграмму, изъ которой я извлекаю слѣдующія заключительныя слова: «Было бы справедливо повергнуть Австро-Сербскій споръ на рѣшеніе Гаагскаго трибунала. Я довѣряю твой мудрости и твоей дружбѣ» *).

Трудно не отдать дани удивленія этимъ простымъ, полнымъ глубокаго миролюбія и благородной довѣрчивости, словамъ покойнаго Государя. Онѣ не вызвали никакого отклика, кромѣ собственноручно написаннаго Вильгельмомъ II, на поляхъ телеграммы, выразительнаго восклицанія, заимствованаго изъ берлинскаго простонароднаго жаргона. Намъ уже извѣстно, что мысль о какомъ нибудь посредничествѣ считалась въ Вѣнѣ, а поэтому и въ Берлинѣ, совершенно недопустимой, такъ какъ было много вѣроятія, что посредничество разрушило бы всѣ планы австрійской политики и съ ними вмѣстѣ и надежды, возлагавшіяся на нихъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, по соображеніямъ, о которыхъ не трудно догадаться, германская Бѣлая книга, напечатавшая другія телеграммы Императора Николая къ Вильгельму II, ни однимъ словомъ не обмолвилась объ этой, и она была обнародована русскимъ «Правительственнымъ Вѣстникомъ» только черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего отправленія. Я помню изумленіе всѣхъ дружественныхъ и многихъ нейтральныхъ правительствъ, когда текстъ ея сталъ достояніемъ гласности. Петроградскіе представители ихъ спрашивали меня, какъ могло случиться, что документъ такой важности оставался никому неизвѣстнымъ цѣлыхъ полгода. Отвѣтъ былъ очень простъ: я самъ не зналъ ничего о его существованіи. Государь отправилъ свою телеграмму въ Потсдамъ, подъ вліяніемъ угнетавшей его заботы о сохраненіи европейскаго мира, прямо изъ Петергофа и затѣмъ, изъ-за огромной массы всякихъ дѣлъ, забылъ передать ее мнѣ, пока не напалъ на нее случайно въ январѣ 1915-го года.

---

*) Сборникъ Каутскаго № 336.

День 29-го іюля былъ многознаменательнымъ для переговоровъ, предшествовавшихъ объявленію намъ войны Германіею. Въ этотъ день мы узнали доподлинно, что военное столкновеніе между Австро-Германіею и Россіею и Франціею стало неизбѣжно. Сказать намъ это яснѣе, чѣмъ сдѣлалъ это германскій посолъ во время разговора со мной, было невозможно. Австро-Венгрія мобилизовала свои силы противъ Сербіи, которой она объявила войну, и на другой же день начала бомбардировку Бѣлграда. Противъ насъ ею было мобилизовано восемь армейскихъ корпусовъ, что вызвало съ нашей стороны отвѣтныя мобилизаціонныя мѣры на австрійской границѣ. Что же касается трехъ сѣверныхъ военныхъ округовъ, предназначенныхъ дѣйствовать противъ Германіи, то въ нихъ не былъ призванъ ни одинъ резервистъ. Объ этомъ ей было оффиціально заявлено военнымъ министромъ и мною и было хорошо извѣстно ея военнымъ представителямъ въ Петроградѣ, какъ это видно изъ ихъ опубликованныхъ донесеній своему начальству. Такимъ образомъ намъ, за мобилизацію противъ Австріи, предпринятую въ качествѣ отвѣтной предохранительной мѣры, угрожали изъ Берлина мобилизаціею германской арміи, предупреждая, что это будетъ означать войну (dies würde aber den Krieg bedeuten) *).

Что оставалось Россіи дѣлать, какъ не начать готовиться ко всеобщей мобилизаціи, очевидно не въ видахъ открытія военныхъ дѣйствій противъ Германіи, о чемъ Государь лично заявилъ Кайзеру, а чтобы быть готовыми ко всякимъ случайностямъ, которыя при медленности нашей мобилизаціи представляли для насъ особенную опасность.

День тридцатаго іюля не только не внесъ никакого проясненія въ общее чрезвычайно запутанное положеніе, но значительно его еще ухудшилъ. Всѣ переговоры, которые австрійское и германское правительства вели одновременно съ дружественными намъ кабинетами, и о которыхъ мы были постоянно освѣдомлены

*) «Базельскія извѣстія». 21 сент. 1917 года.

ими, увеличивали еще мою тревогу. Поставивъ себѣ задачею представить здѣсь краткій очеркъ событій, въ которыхъ я принималъ личное участіе и которыя могутъ способствовать правильному пониманію образа дѣйствій Императорскаго правительства въ эти мрачные дни, я принялъ за правило упоминать, не иначе какъ вскользь, даже о тѣхъ фактахъ, которые, изъ постороннихъ источниковъ, подкрѣпляли и оправдывали тогдашніе взгляды и образъ дѣйствія русской дипломатіи. Поэтому я ограничусь тѣмъ, что скажу, что укрѣпившееся въ насъ къ 30-му іюля убѣжденіе о неизбѣжности европейской войны, вслѣдствіе занятаго центральными Имперіями положенія, раздѣлялось не только въ Парижѣ и Лондонѣ, но и въ Римѣ. Несмотря на господствовавшее вездѣ миролюбіе, всѣми правительствами сознавалась необходимость, такъ или иначе, готовиться къ надвигавшимся на Европу грознымъ событіямъ. При этомъ, какъ мы, такъ и друзья наши, были проникнуты одинаковымъ намѣреніемъ не прерывать, пока была на то какая либо возможность, дипломатическихъ переговоровъ, прекращеніе которыхъ привело бы немедленно къ войнѣ.

Несмотря на крайне трудное положеніе, въ которое насъ ставило упорство вѣнскаго кабинета, отвергавшаго поочередно всѣ мои примирительныя предложенія, я тѣмъ не менѣе, съ полнаго одобренія Государя, продолжалъ мои попытки договориться до возможности установить съ центральными Державами какую нибудь общую точку зрѣнія. Объ этомъ я поставилъ въ извѣстность французскаго и англійскаго пословъ, съ которыми у меня наладилось довѣрчивое сотрудничество, ввиду общности преслѣдуемыхъ нами мирныхъ цѣлей, сказавъ имъ, что «я буду продолжать переговоры до послѣдней минуты»*).

Того же 30-го іюля у меня было снова свиданіе съ германскимъ посломъ, въ теченіе котораго онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не могли ли бы мы удовольствоваться обѣщаніемъ Австро-Венгріи не посягать на

*) Франц. желтая книга. № 54.

территоріальную неприкосновенность Сербіи и просилъ указать, на какихъ условіяхъ мы согласились бы пріостановить наши военныя приготовленія. Я тутъ же написалъ на листкѣ бумаги и передалъ ему слѣдующее заявленіе: «Если Австрія, признавъ, что Австро-Сербскій вопросъ принялъ характеръ вопроса европейскаго, заявитъ готовность удалить изъ своего ультиматума пункты, посягающіе на суверенныя права Сербіи, Россія обяжется прекратить свои военныя приготовленія» *).

Едва-ли было возможно Великой Державѣ дать большее доказательство своего миролюбія, чѣмъ то, которое заключалось въ предложенной мною графу Пурталесу формулѣ. Россія соглашалась пріостановить свои военныя приготовленія въ отвѣтъ на одинъ отказъ Австро-Венгріи отъ посягательства на государственную независимость Сербіи, не предъявляя ей, съ своей стороны, требованія о немедленномъ прекращеніи начатыхъ ею военныхъ дѣйствій и демобилизаціи на русской границѣ. Это предложеніе было, съ моей стороны, превышеніемъ власти, такъ какъ я не имѣлъ полномочій итти такъ далеко въ моихъ переговорахъ съ Центральными державами. Я могъ взять на себя отвѣтственность за него только потому, что я зналъ, что, въ глазахъ Государя, единственнымъ предѣломъ уступчивости и примирительности служили честь и жизненные интересы Россіи и что совѣтъ министровъ былъ настроенъ не менѣе примирительно, чѣмъ Императоръ Николай II.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ врученія означенной формулы германскому послу, я получилъ отъ нашего посла въ Берлинѣ, С. Н. Свербеева, телеграмму, въ которой онъ сообщалъ мнѣ, что передалъ статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ мое предложеніе, сообщеное одновременно и Пурталесомъ, и что г-нъ фонъ-Яго объявилъ ему, что онъ считаетъ наше предложеніе непріемлемымъ для Австріи **). Между Берлин-

*) Оранжевая книга. Франц. изд. № 60.

**) Оранжевая книга, франц. изд., № 63.

скимъ и Вѣнскимъ кабинетами установилось, очевидно, такое полное единодушіе, что одинъ могъ говорить за другого. Съ каждымъ часомъ послѣднія наши надежды на сохраненіе мира улетучивались и необходимость принятія мѣръ самозащиты становилась все настоятельнѣе.

Этотъ же день принесъ мнѣ другую вѣсть изъ Берлина. Свербеевъ телеграфировалъ мнѣ, что декретъ о мобилизаціи германской арміи былъ подписанъ. Не теряя минуты, я сообщилъ это извѣстіе военному министру и начальнику генеральнаго штаба. Я долженъ признаться, что, послѣ моихъ разговоровъ съ германскимъ посломъ, оно меня не удивило. Около полудня 30-го іюля въ Берлинѣ появился отдѣльный выпускъ германскаго офиціоза «Lokal Anzeiger'a», въ которомъ сообщалось о мобилизаціи германскихъ армій и флота. Телеграмма Свербеева съ этимъ извѣстіемъ была отправлена не зашифрованною въ Петроградъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ появленія означеннаго листка, и получена мною часа два спустя. Вскорѣ послѣ отправленія своей телеграммы Свербеевъ былъ вызванъ къ телефону и услышалъ отъ фонъ-Яго опроверженіе извѣстія о германской мобилизаціи. Это сообщеніе онъ передалъ мнѣ также по телеграфу, безъ всякаго замедленія. Тѣмъ не менѣе, на этотъ разъ, его телеграмма попала въ мои руки со значительнымъ запозданіемъ. Исторія появленія извѣстія о германской мобилизаціи до сихъ поръ не вполнѣ выяснена. Несомнѣнно одно, что оно появилось на другой день послѣ засѣданія въ Потсдамѣ короннаго Совѣта и, такъ или иначе, съ нимъ связано. Никто, конечно, не удивится, что къ этому извѣстію въ Россіи отнеслись весьма серьезно и что декрету о мобилизаціи арміи больше повѣрили, чѣмъ его опроверженію. Германскіе источники относятся къ ней различно. Офиціальныя или сочувствующія правительству изданія не придаютъ ему никакого значенія, оппозиціонныя же считаютъ его соотвѣтствующимъ истинѣ. Во всякомъ случаѣ само германское правительство допускаетъ, что оно не осталось безъ вліянія на рѣшеніе Россіи въ вопросѣ объ объяв-

леніи всеобщей мобилизаціи 31-го іюля. Такъ Бетманъ-Гольвегъ писалъ Кн. Лихновскому, что онъ думаетъ, что русскую мобилизацію можно объяснить ложными слухами, хотя и тотчасъ опровергнутыми, о германской мобилизаціи, которые ходили 30-го по городу и которые могли быть переданы въ Петроградъ*).

Это были не слухи, а опредѣленное сообщеніе отдѣльнаго выпуска офиціознаго органа.

У этой исторіи есть еще и другая сторона, въ одинаковой мѣрѣ не раскрытая. Это — причина непонятнаго запозданія второй телеграммы Свербеева, которою онъ, со словъ фонъ-Яго, опровергалъ первую. Ближайшее объясненіе этого страннаго факта, само собою напрашивающееся, то, что замедленіе передачи этой второй телеграммы было умышленное. Доказательствъ этому, разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ, но мнѣнія многихъ лицъ, обратившихъ въ печати свое вниманіе на это обстоятельство, сходятся на томъ, что запозданіе телеграммы русскаго посла было не случайное и произошло по распоряженію германскаго правительства, имѣвшаго въ виду этою мѣрою ускорить объявленіе русской мобилизаціи подъ первымъ впечатлѣніемъ сообщенія «Lokal Anzeiger'a», затѣмъ опровергнутаго и, такимъ образомъ, выставить русское правительство, въ глазахъ всей Европы и особенно германскаго общественнаго мнѣнія, виновникомъ войны. Я не имѣю неопровержимыхъ данныхъ утверждать, что это было такъ, но, ввиду упомянутой выше заботы германскаго правительства о томъ, чтобы, по соображеніямъ внутренней политики, сложить всю вину за возникновеніе европейскаго пожара на Россію, означенное толкованіе заслуживаетъ быть принято во вниманіе.

Какъ бы то ни было, было-ли сообщеніе «Lokal Anzeiger'a» маневромъ германскаго правительства или результатомъ нескромности какого нибудь лица, узнавшаго о подготовляемой или уже начатой тогда германской мобилизаціи, въ Петроградѣ, въ связи съ прихо-

*) Сборникъ Каутскаго, часть III № 488.

дившими съ границы извѣстіями, объявленію Берлинской офиціозной газеты было придано именно то значеніе, о которомъ упоминаетъ германскій государственный канцлеръ въ вышеприведенной своей телеграммѣ къ Германскому послу въ Лондонѣ.

Около двухъ часовъ дня 30-го іюля Начальникъ Генеральнаго штаба, генералъ Янушкевичъ телефонировалъ мнѣ, что ему необходимо было переговорить со мною о послѣднихъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ въ штабѣ, что у него въ кабинетѣ въ эту минуту находился Военный министръ и что они оба просятъ меня зайти къ нимъ. Идя въ зданіе главнаго штаба, гдѣ жилъ Янушкевичъ и которое находится въ пяти минутахъ ходьбы отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, я предугадывалъ то, что мнѣ придется услышать. Я засталъ обоихъ генераловъ въ состояніи крайней тревоги. Съ первыхъ же словъ я узналъ, что они считали сохраненіе мира болѣе невозможнымъ и видѣли спасеніе только въ немедленной мобилизаціи всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Имперіи. Объ Австро-Венгріи они почти болѣе не упоминали, вѣроятно потому, что оттуда намъ уже нельзя было ожидать болѣе никакихъ неожиданностей, такъ какъ намѣренія ея относительно Сербіи были вполнѣ ясны и что, ввиду надвигавшейся, со стороны Германіи, опасности, — Австрійская отходила на второй планъ и представлялась малозначущей. Генералъ Янушкевичъ сказалъ мнѣ, что для него не было ни малѣйшаго сомнѣнія, благодаря спеціальному освѣдомленію, которымъ располагалъ Генеральный Штабъ, что германская мобилизація подвинулась впередъ гораздо дальше, чѣмъ это предполагалось, и что, ввиду той быстроты, съ которой она, вообще, могла быть произведена*), Россія могла оказаться въ положеніи величайшей опасности, если бы мы провели нашу собственную мобилизацію не единовременно, а разбили бы ее на части. Генералъ прибавилъ, что мы могли проиграть войну, ставшую уже неизбѣжной, раньше

*) По выраженію Мольтке германская армія находилась въ состояніи постоянной мобилизаціи.

чѣмъ успѣли бы вынуть шашку изъ ноженъ. Я былъ достаточно знакомъ со степенью германской военной подготовленности и съ многочисленными недостатками и пробѣлами нашей собственной военной организаціи, чтобы не усумниться въ справедливости словъ Янушкевича. Я ограничился тѣмъ, что спросилъ, доложено ли объ этомъ Государю. Генералы отвѣтили мнѣ, что Государю въ точности извѣстно истинное положеніе вещей, но что до сихъ поръ имъ не удалось получить отъ Его Величества разрѣшеніе издать указъ объ общей мобилизаціи и что имъ стоило величайшихъ усилій добиться согласія Государя мобилизовать четыре южныхъ военныхъ округа противъ Австро-Венгріи, даже послѣ объявленія ею войны Сербіи и бомбардировки Бѣлграда, несмотря на то, что самъ Государь заявилъ Кайзеру, что мобилизація у насъ не ведетъ еще неизбѣжно къ открытію военныхъ дѣйствій. Ту же разницу между мобилизаціею и войною проводили у насъ на всѣхъ ступеняхъ нашей военной администраціи и это было хорошо извѣстно всѣмъ иностраннымъ военнымъ представителямъ въ Петроградѣ. Генералъ Янушкевичъ во время этого, хорошо памятнаго мнѣ, разговора, сообщилъ мнѣ, что наша мобилизація могла быть отложена еще на сутки, какъ крайній срокъ, но что, затѣмъ, она оказалась-бы безполезной, такъ какъ не могла бы быть проведена въ должныхъ условіяхъ и что ему, въ этомъ случаѣ, пришлось бы снять съ себя отвѣтственность за послѣдствія дальнѣйшихъ промедленій.

Ввиду чрезвычайной важности минуты, Начальникъ генеральнаго штаба и военный министръ просили меня убѣдительно переговорить по телефону съ Государемъ, находившимся въ Петергофѣ, и постараться повліять на него въ смыслѣ разрѣшенія принять нужныя мѣры для начала всеобщей мобилизаціи.

Мнѣ не приходится говорить о томъ, съ какимъ чувствомъ я принялся за исполненіе этой просьбы, касающейся области мнѣ совершенно чуждой и, по существу своему, нелегко примиримой со складомъ моего характера и моихъ убѣжденій. Я тѣмъ не менѣе взял-

ся выполнить возлагавшееся на меня порученіе, усматривая въ немъ тяжелый долгъ, отъ котораго я не считалъ себя вправѣ уклониться въ такую страшную по своей отвѣтственности минуту. Я долженъ сдѣлать здѣсь оговорку личнаго свойства. Я не былъ другомъ ни генерала Сухомлинова, ни генерала Янушкевича и простого ихъ утвержденія было бы недостаточно, въ обычное время, чтобы заставить меня перемѣнить мой взглядъ на какой либо вопрсъ, которому я придавалъ серьезное значеніе. Но, въ данномъ случаѣ, дѣло обстояло иначе. Во первыхъ, я лично былъ не менѣе, если не болѣе, ихъ подготовленъ услышать отъ нихъ то, что они мнѣ сказали, такъ какъ свѣдѣнія, которыми я располагалъ, хотя и были менѣе точны со стороны техническихъ подробностей, укрѣпляли меня въ томъ, что взглядъ генераловъ не только на очевидную неизбѣжность войны, но и на возможность ея неожиданнаго возникновенія въ каждую минуту, совершенно совпадалъ съ моимъ собственнымъ освѣдомленіемъ, почерпавшимся чаще изъ первоисточниковъ, чѣмъ изъ вторыхъ рукъ. Во вторыхъ, я хорошо зналъ, что ни генералъ Сухомлиновъ, ни генералъ Янушкевичъ не были настроены воинственно, и, тѣмъ менѣе, заражены германофобіею, которой болѣли еще у насъ молодые офицеры и то въ значительно меньшей степени, чѣмъ это было вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса, когда интересы Россіи были преданы Бисмаркомъ интересамъ нашихъ, всегдашнихъ, враговъ австрійцевъ и тогдашнихъ враговъ — англичанъ. Съ тѣхъ поръ смѣнилось цѣлое поколѣніе и наши раны зарубцевались. Чтобы раскрыть ихъ, надо было случиться событіямъ чрезвычайнымъ, а тѣ, которыя, съ быстротой грозовой тучи, на насъ надвигались, не успѣли еще проникнуть въ сознаніе нашей арміи. Къ тому же русскіе германофобы принадлежали къ числу, такъ называемыхъ, политическихъ генераловъ, типъ которыхъ сталъ исчезать послѣ смерти Скобелева или измельчалъ до полной безвредности. Помимо всего этого, глубокая искренность тона моихъ собесѣдниковъ и горячая ихъ патріотическая тревога убѣдили меня, что

мнѣ было невозможно не сдѣлать того, о чемъ они меня просили, какъ бы тягостно оно для меня ни было.

Я соединился съ телефономъ Петергофскаго Дворца. Прошло нѣсколько минутъ мучительнаго ожиданія, прежде чѣмъ я услышалъ голосъ, котораго я сразу не узналъ, человѣка, очевидно непривыкшаго говорить по телефону и спрашивавшаго, кто съ нимъ говорилъ. Я отвѣтилъ Государю, что говорю съ нимъ изъ кабинета начальника генеральнаго штаба. «Что же Вамъ угодно, Сергѣй Дмитріевичъ?» спросилъ Государь. Я отвѣтилъ, что убѣдительно прошу его принять меня съ чрезвычайнымъ докладомъ еще до обѣда. На этотъ разъ мнѣ пришлось ждать отвѣта еще дольше, чѣмъ раньше. Наконецъ голосъ раздался снова и сказалъ: «Я приму Васъ въ три часа». Генералы вздохнули облегченно, а я поспѣшилъ домой, чтобы переодѣться и еще до половины третьяго выѣхалъ въ Петергофъ, куда прибылъ къ назначенному мнѣ часу.

У Государя никого не было и меня тотчасъ же впустили въ его кабинетъ. Входя, я замѣтилъ, при первомъ же взглядѣ, что Государь усталъ и озабоченъ. Когда онъ здоровался со мною, онъ спросилъ меня, не буду ли я имѣть чего-либо противъ того, чтобы на моемъ докладѣ присутствовалъ генералъ Татищевъ, который, въ тотъ же вечеръ или на другой день утромъ, собирался ѣхать въ Берлинъ, гдѣ онъ уже нѣсколько лѣтъ занималъ должность, состоящаго при Императорѣ Вильгельмѣ, свитскаго генерала. Я отвѣтилъ, что буду очень радъ присутствію на докладѣ генерала, котораго я давно зналъ и съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но выразилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сомнѣніе, чтобы Татищеву удалось вернуться въ Берлинъ. «Вы думаете, что уже поздно», спросилъ Государь. Я могъ отвѣтить только утвердительно.

По звонку Государя, черезъ минуту, въ кабинетъ вошелъ генералъ Татищевъ. Это былъ тотъ самый Татищевъ, о которомъ не только знавшіе его лично люди, но и всѣ, кому извѣстна трагическая исторія его безстрашной смерти въ Екатеринбургѣ, вмѣстѣ съ Го-

сударемъ и всей его семьей, сохраняютъ благоговѣйную память, какъ объ одномъ изъ благороднѣйшихъ и преданнѣйшихъ слугъ Царя-мученика.

Я началъ мой докладъ въ десять минутъ четвертаго и кончилъ его въ четыре часа. Я передалъ Государю подробно мой разговоръ съ военнымъ министромъ и начальникомъ генеральнаго штаба, не пропустивъ ни одной подробности изъ слышаннаго мною отъ нихъ, и прибавилъ къ этому послѣднія, полученныя въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, извѣстія изъ Австріи и изъ Германіи, которыя были еще неизвѣстны Государю. Всѣ онѣ не оставляли сомнѣнія въ томъ, что положеніе, за тѣ два дня, что я не видѣлъ Его Величества, настолько измѣнилось къ худшему, что не оставалось больше никакой надежды на сохраненіе мира. Всѣ наши примирительныя предложенія, заходившія далеко за предѣлы уступчивости, которой можно ожидать отъ Великой Державы, силы которой еще не тронуты, были отвергнуты. Та же участь постигла и тѣ предложенія, которыя были сдѣланы, съ нашего согласія, Сэромъ Эд. Грэемъ и которыя свидѣтельствовали о не меньшемъ нашего миролюбіи Великобританскаго правительства. Перейдя къ вопросу о всеобщей мобилизаціи, я сказалъ Государю, что вполнѣ раздѣляю мнѣніе генераловъ Янушкевича и Сухомлинова объ опасности всякой дальнѣйшей ея отсрочки, такъ какъ, по свѣдѣніямъ, которыми они располагали, германская мобилизація, хотя и не объявленная еще оффиціально, тѣмъ не менѣе была уже значительно подвинута впередъ, благодаря совершенству германской военной организаціи, позволявшей безъ шума, путемъ личнаго призыва, выполнить значительную часть мобилизаціонной работы и, затѣмъ, послѣ объявленія мобилизаціи завершить ее въ самый короткій срокъ. Это обстоятельство создавало для Германіи громадное преимущество, которое могло быть парализовано нами, и то до извѣстной только степени, своевременнымъ принятіемъ мобилизаціонныхъ мѣръ. Государю это было хорошо извѣстно, что онъ давалъ мнѣ понять молчаливымъ наклоненіемъ головы. Утромъ 30-го іюля онъ получилъ отъ Им-

ператора Вильгельма телеграмму, въ которой говорилось, что если Россія будетъ продолжать свою мобилизацію противъ Австро-Венгріи, роль посредника, взятая на себя Кайзеромъ, по просьбѣ Государя, станетъ невозможной. Вся тяжесть рѣшенія лежала, поэтому, на плечахъ Государя, которому, такимъ образомъ, одному приходилось нести отвѣтственность за миръ и за войну. Эта телеграмма не успѣла еще дойти до меня и я ознакомился съ нею только въ кабинетѣ Государя. Я видѣлъ, по выраженію его лица, насколько онъ былъ оскорбленъ ея тономъ и содержаніемъ. Однѣ угрозы и ни слова въ отвѣтъ на предложеніе передачи австро-сербскаго спора въ Гаагскій трибуналъ. Это спасительное предложеніе, если бы не счастливая случайность, о которой я упомянулъ, осталось бы, посейчасъ, никому неизвѣстно. Давъ мнѣ время внимательно перечитать злополучную телеграмму, Государь сказалъ мнѣ взволнованнымъ голосомъ: «Онъ требуетъ отъ меня невозможнаго. Онъ забылъ или не хочетъ признать, что австрійская мобилизація была начата раньше русской и теперь требуетъ прекращенія нашей, не упоминая ни словомъ объ австрійской. Вы знаете, что я уже разъ задержалъ указъ о мобилизаціи и затѣмъ согласился лишь на частичную. Если бы я теперь выразилъ согласіе на требованія Германіи, мы стояли бы безоружными противъ мобилизованной Австро-Венгерской арміи. Это безуміе».

То, что говорилъ Государь, было передумано и перечувствовано мною еще наканунѣ, послѣ вышеупомянутаго посѣщенія Германскаго посла. Я сказалъ это Государю и прибавилъ, что, какъ изъ телеграммы Вильгельма II къ Его Величеству, такъ и изъ устнаго сообщенія мнѣ гр. Пурталеса, я могъ вынести только одно заключеніе, что намъ войны не избѣжать, что она давно рѣшена въ Вѣнѣ и что въ Берлинѣ, откуда можно было-бы ожидать слова вразумленія, его произнести не хотятъ, требуя отъ насъ капитуляціи передъ Центральными державами, которой Россія никогда не простила бы Государю и которая покрыла бы срамомъ доброе имя русскаго народа. Въ такомъ положеніи

Государю не оставалось ничего иного, какъ повелѣть приступить ко всеобщей мобилизаціи.

Государь молчалъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ голосомъ, въ которомъ звучало глубокое волненіе: «Это значитъ обречь на смерть сотни тысячъ русскихъ людей. Какъ не остановиться передъ такимъ рѣшеніемъ?» Я отвѣтилъ ему, что на него не ляжетъ отвѣтственность за драгоцѣнныя жизни, которыя унесетъ война. Онъ этой войны не хотѣлъ, ни онъ самъ, ни его правительство. Какъ онъ, такъ и оно, сдѣлали рѣшительно все, чтобы избѣжать ея, не останавливаясь передъ тяжелыми для русскаго національнаго самолюбія жертвами. Онъ могъ сказать себѣ, съ полнымъ сознаніемъ своей внутренней правоты, что совѣсть его чиста и что ему не придется отвѣчать ни передъ Богомъ, ни передъ собственною совѣстью, ни передъ грядущими поколѣніями русскаго народа за то кровопролитіе, которое принесетъ съ собою страшная война, навязываемая Россіи и всей Европѣ злою волею враговъ, рѣшившихъ упрочить свою власть порабощеніемъ нашихъ естественныхъ союзниковъ на Балканахъ и уничтоженіемъ тамъ нашего исторически сложившагося вліянія, что было бы равносильно обреченію Россіи на жалкое существованіе, зависимое отъ произвола центральныхъ Имперій. Изъ этого состоянія ей не удалось бы вырваться иначе, какъ путемъ невыразимыхъ усилій и жертвъ, притомъ въ условіяхъ полнаго одиночества и въ расчетѣ на однѣ собственныя силы.

Мнѣ было больше нечего прибавить къ тому, что я сказалъ Государю и я сидѣлъ противъ него, внимательно слѣдя за выраженіемъ его блѣднаго лица, на которомъ я могъ читать ужасную внутреннюю борьбу, которая происходила въ немъ въ эти минуты и которую я самъ переживалъ, едва ли не съ тою же силою. Отъ его рѣшенія зависѣла судьба Россіи и русскаго народа. Все было сдѣлано и все испытано для предотвращенія надвигавшагося бѣдствія и все оказалось безполезнымъ и непригоднымъ. Оставалось вынуть мечъ для защиты своихъ жизненныхъ интересовъ и ждать съ оружіемъ въ рукахъ нападенія врага, неизбѣжность ко-

тораго стала для насъ, за послѣдніе дни, осязаемымъ фактомъ или, не принявъ боя, отдаться на его милость и все равно погибнуть, покрывъ себя несмываемымъ позоромъ. Мы были прижаты въ тупикъ, изъ котораго не было выхода. Въ этомъ же положеніи находились и наши французскіе союзники, такъ-же мало желавшіе войны какъ и мы сами, уже не говоря о нашихъ балканскихъ друзьяхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе знали, что имъ выбора не оставалось и рѣшили, хотя и не съ легкимъ сердцемъ, принять вызовъ. Всѣ эти мысли мелькали у меня въ головѣ въ тѣ минуты мучительнаго ожиданія, которыя прошли между всѣмъ тѣмъ, что я, по внушенію моего разума и моей совѣсти, счелъ себя обязаннымъ высказать Государю и его отвѣтомъ. Рядомъ со мной сидѣлъ генералъ Татищевъ, не проронившій ни слова, но бывшій въ томъ же состояніи невыносимаго нравственнаго напряженія. Наконецъ Государь, какъ бы съ трудомъ выговаривая слова, сказалъ мнѣ: «Вы правы. Намъ ничего другого не остается дѣлать, какъ ожидать нападенія. Передайте начальнику генеральнаго штаба мое приказаніе о мобилизаціи». Я всталъ и пошелъ внизъ, гдѣ находился телефонъ, чтобы сообщить генералу Янушкевичу повелѣніе Государя. Въ отвѣтъ я услышалъ голосъ Янушкевича, сказавшій мнѣ, что у него сломался телефонъ. Смыслъ этой фразы былъ мнѣ понятенъ. Генералъ опасался получить по телефону отмѣну приказанія объ объявленіи мобилизаціи. Его опасенія были, однако, неосновательны и отмѣны приказанія не послѣдовало ни по телефону, ни инымъ путемъ. Государь поборолъ въ своей душѣ, унгетавшія его, колебанія и рѣшеніе его стало безповоротно.

Я не буду говорить, что я пережилъ въ эти ужасные часы и какъ тяжело мучила меня тревога объ исходѣ той ужасной борьбы, на которую влекли, плохо къ ней подготовленную, Россію и къ которой Государь относился съ такимъ непреодолимымъ отвращеніемъ. Это чувство раздѣлялось, съ одинаковою силою, и всѣми отвѣтственными за судьбы родины людьми. А вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ германскаго требованія о немедлен-

номъ разоруженіи, предъявленномъ мнѣ 29-го іюля гр. Пурталесомъ, мы могли ожидать только либо новыхъ и еще менѣе пріемлемыхъ требованій, либо открытаго нападенія. Положеніе, занятое Германіею въ этотъ рѣшающій моментъ, тогда еще только дипломатической, борьбы, могло быть объяснено лишь желаніемъ Берлинскаго Кабинета не задержать, а ускорить войну. Таково было впечатлѣніе въ Петроградѣ; таково же было оно въ Парижѣ и въ Лондонѣ, гдѣ Сэръ Эд. Грэй, настаивая въ разговорѣ съ германскимъ Посломъ, Лихновскимъ, на вмѣшательствѣ Германіи въ Вѣнѣ, сдѣлалъ ему предостереженіе, которое должно было бы открыть глаза слѣпому на отношеніе англійскаго правительства къ тѣмъ поощреніямъ, которыя давались изъ Берлина непримиримому положенію, занятому вѣнскимъ Кабинетомъ и на тѣ послѣдствія, къ которымъ оно должно было привести.

Теперь, послѣ того, что, благодаря обнародованному революціоннымъ правительствомъ въ 1919 году сборнику подлинныхъ дипломатическихъ документовъ, мы можемъ заглянуть за кулисы и ознакомиться изъ первоисточника съ истиннымъ настроеніемъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ на берлинской сценѣ, приходится признать, что у двухъ изъ нихъ, и какъ разъ тѣхъ, которые, казалось, должны были бы сказать рѣшающее слово, т. е. у Императора Вильгельма и Имперскаго Канцлера, были проблески правильной оцѣнки образа дѣйствій Вѣнскаго кабинета. На это указываетъ вышеупомянутое письмо Вильгельма II г-ну фонъ-Яго, написанное подъ первымъ впечатлѣніемъ крайней уступчивости Сербскаго правительства, проявленной вслѣдъ за врученіемъ ему австрійскаго ультиматума. Въ этомъ письмѣ онъ совѣтуетъ Австро-Венгріи удовольствоваться дипломатическимъ успѣхомъ, не видя для нея болѣе повода къ войнѣ. Такое же сознательное отношеніе къ австрійскимъ замысламъ мы находимъ и въ телеграммѣ Канцлера, отъ 30-го іюля, на имя германскаго посла въ Вѣнѣ. Здѣсь мы видимъ сѣтованія на то, что австрійское правительство упорно отказывалось отъ всякихъ примирительныхъ предложе-

ній, въ особенности англійскихъ, и, рядомъ съ этимъ, опасеніе, что, благодаря этому, едва ли будетъ возможно возложить на Россію (zuzuschieben) вину въ разгоравшемся европейскомъ пожарѣ*). Въ концѣ этой телеграммы мы снова встрѣчаемъ повтореніе опасенія, какъ бы Вѣнскій Кабинетъ не доказалъ своимъ поведеніемъ, что онъ желалъ войну и Россія не оказалась, такимъ образомъ, безвинной (schuldlos), «чѣмъ создалось бы для насъ, по отношенію къ нашему собственному народу, совершенно невыносимое (unhaltbar) положеніе». Засимъ слѣдуетъ настоятельное приглашеніе Вѣнскаго Кабинета принять предложеніе Грэя, какъ «ограждающее положеніе Австро-Венгріи во всѣхъ отношеніяхъ».

Этой телеграммѣ предшествовала, всего нѣсколькими часами, другая на имя того же Чиршкаго, въ которой говорилось, что прекращеніе переговоровъ съ Петроградомъ было бы «серьезной ошибкой, такъ какъ, такимъ образомъ, Россія прямо вызывалась бы (provoziert) на войну»**). Далѣе слѣдуетъ завѣреніе, что Германія готова исполнить свой союзническій долгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отказывается быть легкомысленно вовлеченной въ міровой пожаръ, безъ того, чтобы въ Вѣнѣ принимались во вниманіе ея совѣты.

Въ этихъ телеграммахъ нельзя не найти слѣдовъ примирительныхъ увѣщаній и совѣтовъ благоразумія, хотя приходится признать, что, стараясь, какъ будто, сдержать Вѣнскій кабинетъ отъ непоправимыхъ рѣшеній, въ Берлинѣ, какъ это съ полной убѣдительностью вытекаетъ изъ приведенныхъ документовъ, болѣе всего заботились о томъ, чтобы виновною въ будущей войнѣ оказались ни Австрія, ни Германія, а Россія. Это было нужно Имперскому Канцлеру для обѣленія его политики, какъ въ глазахъ собственнаго народа, который, ни въ какомъ случаѣ, не долженъ былъ считать свое правительство отвѣтственнымъ за войну, такъ и въ глазахъ общественнаго мнѣнія нейтральныхъ странъ.

*) Сборникъ Каутскаго № 441.

**) Сборникъ Каутскаго № 396.

Первая изъ этихъ задачъ, поставленныхъ себѣ Берлинскимъ кабинетомъ, была имъ успѣшно разрѣшена, такъ какъ, еще въ настоящее время, найдется не мало нѣмцевъ, увѣренныхъ въ наступательныхъ замыслахъ Россіи противъ ихъ отечества. Что же касается до второй, то тутъ старанія Бетмана-Гольвега не увѣнчались успѣхомъ и, внѣ Германіи, найдется не много людей, оправдывающихъ его политику. Тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что Германія ничего не сдѣлала для того, чтобы раскрыть глаза своей союзницѣ на безуміе ея политики и, въ отношеніи этихъ попытокъ, я былъ бы склоненъ дать пальму первенства Вильгельму II-му надъ Имперскимъ Канцлеромъ, такъ какъ побужденія Императора были болѣе высокаго нравственнаго качества, чѣмъ тѣ, которыми руководился Бетманъ-Гольвегъ. Признавъ наличіе, хотя и весьма запоздалой, но все же примирительной, нотки въ Берлинскихъ увѣщаніяхъ, приходится пожалѣть, что эта нота прозвучала настолько слабо и неувѣренно, что была совершенно заглушена шумомъ и трескомъ Австро-Венгерскихъ трубъ и барабановъ. Въ 1914 году въ Берлинѣ забыли, какимъ тономъ надо было говорить въ Вѣнѣ, чтобы быть услышаннымъ, хотя не прошло еще и года, что грозный окрикъ изъ Потсдама возымѣлъ, при почти торжественныхъ обстоятельствахъ, самое благотворное вліяніе на вѣнское воинственное настроеніе.

Какъ ни кажутся слабыми приведенныя увѣщанія Бетмана-Гольвега, утверждавшаго, что онъ не переставалъ дѣйствовать успокоительно на Вѣну, которая между тѣмъ неуклонно продолжала готовиться къ выступленію, требуя одновременно прекращенія русскихъ вооруженій, оказывается, что, даже въ такой робкой формѣ, ихъ въ Берлинѣ считали излишними. Во второй части сборника германскихъ официальныхъ документовъ Каутскаго мы находимъ телеграмму Канцлера, которою онъ предписываетъ Чиршкому не сообщать Берхтольду только что передъ тѣмъ отправленной телеграммы, приведенной выше, въ которой говорилось о необходимости продолжать начатые въ Петроградѣ переговоры, чтобы не давать Россіи повода готовиться

къ войнѣ*). Почему Канцлеръ счелъ нужнымъ бить отбой послѣ того, что онъ только что, казалось, такъ здраво оцѣнилъ опасность общеполитическаго положенія, понять чрезвычайно трудно, даже имѣя въ виду ту невѣроятную растерянность и сумятицу, которыя господствовали, въ эту пору, на Вильгельмъ-штрассе**) и о которыхъ адмиралъ Тирпицъ даетъ интересныя и поучительныя свѣдѣнія въ своихъ воспоминаніяхъ. Чтобы объяснить противорѣчивость и непослѣдовательность германской политики, надо, вѣроятно, искать причинъ болѣе глубокихъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ Тирпицъ усматриваетъ слабость берлинской дипломатіи, имѣвшую такія ужасныя послѣдствія.

Рядомъ съ только что упомянутой телеграммой Бетмана-Гольвега, отмѣнявшей предшествовавшую ей, болѣе примирительную, въ томъ-же Сборникѣ помѣщена другая***), въ которой пріостановка первой объясняется вмѣшательствомъ генеральнаго штаба, утверждавшаго, что военныя приготовленія восточнаго сосѣда, т. е. Россіи, вынуждали Германію «къ быстрымъ рѣшеніямъ во избѣжаніе неожиданностей». Въ день отправленія этой телеграммы, т. е. 30-го іюля, наши подготовительныя военныя мѣры сводились, какъ было сказано выше, къ мобилизаціи противъ Австро-Венгріи 4-хъ южныхъ округовъ, т. е. мы были, съ точки зрѣнія военной готовности, въ томъ же положеніи, какъ и она сама, не говоря о томъ, что она уже находилась въ войнѣ съ Сербіею. Всеобщая мобилизація была объявлена у насъ только 31-го іюля, т. е. въ тотъ же день, что въ Берлинѣ былъ объявленъ «Kriegsgefahrzustand» раньше, чѣмъ туда дошло извѣстіе о нашей мобилизаціи. Это объявленіе состоянія военной опасности мало чѣмъ, кромѣ названія, отличалось отъ мобилизаціи и представляло собою нѣмецкое ухищреніе, дозволяющее начать мобилизацію безъ того, чтобы это слово было произнесено.

*) Сборникъ Каутскаго № 450.

**) A. von Tirpitz. Erinnerungen, Leipzig 1920.

***) Сборникъ Каутскаго № 451.

Позволительно думать, что означенное вмѣшательство германскаго Генеральнаго Штаба, въ вопросѣ объ отправкѣ Канцлерской телеграммы, было вызвано желаніемъ прибѣгнуть къ тѣмъ «быстрымъ рѣшеніямъ», пора для которыхъ, по мнѣнію германскихъ военныхъ властей, уже настала. Можно также предположить, что, съ этого дня, судьбы Германіи, а вмѣстѣ съ ней и всей Европы, уже окончательно перешли изъ слабыхъ рукъ нѣмецкихъ дипломатовъ въ болѣе крѣпкія Генеральнаго Штаба.

На слѣдующій день, т. е. 31 іюля, г-нъ Бетманъ-Гольвегъ отправилъ въ Вѣну еще одну телеграмму, въ которой, на этотъ разъ, отмѣна вышеозначеннаго сообщенія Берхтольду объяснялась уже не вмѣшательствомъ Генеральнаго Штаба, а полученіемъ телеграммы отъ англійскаго Короля на имя принца Генриха Прусскаго *).

Какъ-бы ни интересно было разобраться въ этой путаницѣ и найти ея настоящія причины, это, пока еще, едва ли возможно изъ-за недостаточности подлинныхъ документовъ, находящихся во всеобщемъ распоряженіи. Поэтому, въ видѣ наиболѣе пріемлемаго разъясненія, приходится поневолѣ допустить первую гипотезу, а именно, о вмѣшательствѣ Генеральнаго Штаба, выведеннаго изъ терпѣнія нерѣшительностью берлинской политики, шатавшейся изъ стороны въ сторону. Второю — можно принять ту безурядицу, которая водворилась въ Государственной Канцеляріи, гдѣ, съ самаго начала сербскихъ осложненій, было замѣтно отсутствіе единой руководящей воли, достаточно сильной для отпора непрошенному вмѣшательству въ область внѣшней политики. Еще во времена всемогущества Бисмарка, Генеральный Штабъ былъ настолько вліятельнымъ учрежденіемъ, что самому Желѣзному Канцлеру было еле подъ силу съ нимъ бороться, а съ тѣхъ поръ, за время управленія Бетмана-Гольвега и слѣдовавшихъ за нимъ недолговѣчныхъ канцлеровъ, какъ передъ великой войной, такъ и особенно въ продолженіе ея, роль

*) Сборникъ Каутскаго № 464.

гражданской верховной власти стала сводиться къ тому, что она сдавала своей болѣе сильной соперницѣ, одну за другой, свои позиціи и вскорѣ дошла до состоянія полнаго испаренія.

Между тѣмъ, чтобы исполнить волю Государя и остаться вѣрнымъ данному себѣ и нашимъ союзникамъ слову до крайней возможности не обрывать переговоровъ съ противниками, я согласился на видоизмѣненіе Сэромъ Эд. Грэемъ сдѣланнаго мною, по просьбѣ гр. Пурталеса и тотчасъ же отвергнутаго Яго, предложенія пріостановки русскихъ вооруженій въ случаѣ отказа Австро-Венгріи отъ требованій, несовмѣстимыхъ съ положеніемъ Сербіи, какъ независимой Державы. Новая редакція, предложенная Грэемъ, значительно видоизмѣняла мою формулу, такъ какъ она допускала временное занятіе австрійцами нѣкоторыхъ частей сербской территоріи и этимъ приближалась къ мысли Императора Вильгельма объ «австрійскихъ залогахъ» въ Сербіи. Грэй требовалъ отъ Австріи только пріостановки дальнѣйшаго продвиженія своихъ войскъ и полагался на рѣшеніе державъ въ вопросѣ объ удовлетвореніи австрійскихъ требованій, при одномъ лишь условіи сохраненія суверенныхъ правъ сербскаго правительства и территоріальной неприкосновенности страны.

Какъ ни была мнѣ антипатична эта новая формула, я, тѣмъ не менѣе, испросилъ у Государя разрѣшеніе принять ее во имя интересовъ европейскаго мира, отдавая себѣ ясный отчетъ, что, будучи по существу несправедливой, она не могла привести къ правильному разрѣшенію Австро-Сербскаго столкновенія, ни установить удовлетворительныхъ и прочныхъ отношеній между спорящими сторонами. Государь, несмотря на свое глубокое миролюбіе, былъ непріятно пораженъ новымъ предложеніемъ Грэя и мнѣ стоило не меньшаго усилія убѣдить его дать на него свое согласіе, чѣмъ мнѣ самому просить его о немъ.

Такимъ образомъ намъ приходилось поставить крайнимъ предѣломъ нашей уступчивости вопросъ о неприкосновенности сербской территоріи и государ-

ственной независимости. За этимъ предѣломъ передъ нами возставалъ, во всемъ своемъ ужасѣ, кровавый призракъ европейской войны, отогнать который, несмотря на всѣ жертвы, принесенныя для этого сербскимъ народомъ и Россіею, намъ не удалось. Нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ становиться на путь отреченія и жертвъ, предвидя ихъ безполезность.

Предложеніе мое, четвертое по числу съ появленія австрійскаго ультиматума, со внесенными въ него Сэромъ Эд. Грэемъ измѣненіями, было сдѣлано 31-го іюля, т. е. въ день объявленія Германіею «состоянія опасности войны» и нашей общей мобилизаціи. Между ними, какъ я уже сказалъ, не было существенной разницы, кромѣ той, что объявленіе опасности войны давало возможность мобилизаціи безъ объявленія о ней. Но между самымъ понятіемъ мобилизаціи у насъ и въ Германіи была огромная разница. Въ Россіи на мобилизацію смотрѣли не только какъ на средство нападенія, но также какъ на средство самосохраненія и въ 1914 году нашей мобилизаціи былъ приданъ именно этотъ характеръ, какъ объ этомъ Государь лично предупредилъ Императора Вильгельма, въ одной изъ своихъ телеграммъ къ нему, подтвердивъ это утвержденіе своимъ словомъ и обѣщая ничего не предпринимать противъ своихъ сосѣдей, пока переговоры съ Австріей не были окончательно прерваны. Въ Германіи же мобилизація вела непосредственно къ войнѣ, какъ мнѣ объявилъ о томъ германскій посолъ. Какъ видно изъ телеграммы Бетмана-Гольвега къ Чиршкому отъ 30-го іюля, Генеральный Штабъ настаивалъ на «быстрыхъ рѣшеніяхъ», т. е. на немедленной мобилизаціи, иными словами, — на войнѣ.

Желаніе германской военной партіи было исполнено, хотя и не безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны государственнаго Канцлера*) и г-на фонъ-Яго, старавшихся отложить на нѣкоторое время объявленіе войны, сознавая, по объясненію г. Каутскаго, что Гер-

*) Адмиралъ Тирпицъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» утверждаетъ обратное.

манія начинала войну при неблагопріятныхъ для себя международныхъ условіяхъ *).

31-го іюля, въ полночь, германскій Посолъ вручилъ мнѣ ультиматумъ, въ которомъ Германія требовала отъ насъ, въ двѣнадцатичасовой срокъ, демобилизаціи призванныхъ противъ Австріи и Германіи запасныхъ чиновъ. Это требованіе, технически невыполнимое, къ тому же носило характеръ акта грубаго насилія, такъ какъ, взамѣнъ роспуска нашихъ войскъ, намъ не обѣщали однородной мѣры со стороны нащихъ противниковъ. Австрія въ ту пору уже завершила свою мобилизацію, а Германія приступила къ ней въ этотъ самый день объявленіемъ у себя «положенія опасности войны», а, если вѣрить главѣ временнаго Баварскаго правительства, Курту Эйснеру, вскорѣ затѣмъ убитому, — то и тремя днями раньше. Какъ будто этого всего было недостаточно, германскій ультиматумъ предъявлялъ намъ еще требованія какихъ то объясненій по поводу принятыхъ нами военныхъ мѣръ.

Ни по существу, ни по формѣ эти требованія не были, само собою разумѣется, допустимы. Военныя приготовленія нашихъ западныхъ сосѣдей представляли для насъ величайшую опасность, отъ которой насъ могло оградить только немедленное прекращеніе ими всякихъ мобилизаціонныхъ мѣръ. Не приходится говорить о томъ, что демобилизація, въ эту минуту, внесла бы полное и непоправимое разстройство во всю нашу военную организацію, которою наши противники, оставаясь мобилизованными, незамедлили бы воспользоваться, чтобы осуществить безпрепятственно свои замыслы.

Передавая мнѣ ультиматумъ своего правительства, германскій Посолъ обнаружилъ большую возбужденность и настойчиво повторялъ свое требованіе демобилизаціи. Мнѣ удалось сохранить мое спокойствіе и я могъ разъяснить ему, безъ раздраженія, причины, по которымъ русское правительство не могло пойти на-

*) K. Kautzky. „Comment s'est déclanchée la guerre mondiale". Paris. 1921.

встрѣчу желаніямъ Германіи. Я уже нѣсколько дней былъ подготовленъ къ этому шагу берлинскаго Кабинета и отчетливо сознавалъ, что дѣло мира, на которое мы положили безконечныя усилія, было безповоротно проиграно и что за этимъ шагомъ, черезъ нѣсколько часовъ, послѣдуетъ другой — послѣдній и окончательный, результатомъ котораго будутъ для всей Европы бѣдствія, о размѣрахъ которыхъ самое живое воображеніе не могло дать и блѣднаго представленія.

Пока протекалъ, данный намъ для капитуляціи передъ Центральными державами, срокъ, Австро-Венгерское правительство, неожиданно, выразило свое согласіе на возобновленіе прерванныхъ съ нами переговоровъ, которые оно такъ рѣшительно отвергало, пока отъ нихъ можно было ожидать какой нибудь пользы. Имѣло ли на рѣшеніе Берхтольда какое либо вліяніе давленіе изъ Берлина, какъ это утверждало германское правительство, обнародовавшее, съ запозданіемъ цѣлаго года*), телеграммы Бетмана-Гольвега къ Чиршкому, въ которыхъ онъ совѣтовалъ вѣнскому Кабинету возобновить съ нами разговоры, или же это рѣшеніе было принято Берхтольдомъ самопочинно, ввиду неготовности австрійской арміи къ активнымъ дѣйствіямъ не только противъ Россіи, но и противъ Сербіи, или же, наконецъ, — просто для отвода глазъ, такъ какъ въ Вѣнѣ уже имѣли увѣренность въ предстоявшемъ объявленіи намъ Германіею войны и поэтому могли, безнаказанно, обнаружить нѣкоторую примирительность, — въ настоящее время не представляетъ большого интереса. Громъ орудій помѣшалъ возобновленію этихъ переговоровъ, которымъ я придавалъ практическое значеніе только въ первую стадію Австро-Сербскаго столкновенія. Объявленіе войны Сербіи и бомбардированіе Бѣлграда лишали ихъ этого значенія и я, не отказываясь отъ нихъ по вышеприведеннымъ соображеніямъ, утра-

*) Фактъ этого трудно объяснимаго запозданія побудилъ многихъ заподозрѣть подлинность этихъ телеграммъ. Прим. автора.

тилъ къ нимъ всякій интересъ. Помочь они ничему не могли, а отсрочивать было болѣе нечего. Этотъ шагъ, послѣдній и безповоротный, былъ совершенъ Германіею въ субботу 1-го августа. Въ 7 часовъ вечера ко мнѣ явился графъ Пурталесъ и, съ первыхъ же словъ, спросилъ меня, готово ли русское правительство дать благопріятный отвѣтъ на предъявленный имъ наканунѣ ультиматумъ. Я отвѣтилъ отрицательно и замѣтилъ, что, хотя общая мобилизація не могла быть отмѣнена, Россія, тѣмъ не менѣе, была расположена, по прежнему, продолжать переговоры для разрѣшенія спора мирнымъ путемъ.

Графъ Пурталесъ былъ въ большомъ волненіи. Онъ повторилъ свой вопросъ и подчеркнулъ тѣ тяжелыя послѣдствія, которыя повлечетъ за собою нашъ отказъ считаться съ германскимъ требованіемъ отмѣны мобилизаціи. Я повторилъ уже данный ему раньше отвѣтъ. Посолъ, вынувъ изъ кармана сложенный листъ бумаги, дрожащимъ голосомъ повторилъ въ третій разъ тотъ же вопросъ. Я сказалъ ему, что не могу дать ему другого отвѣта. Посолъ, съ видимымъ усиліемъ и глубоко взволнованный, сказалъ мнѣ: «въ такомъ случаѣ мнѣ поручено моимъ правительствомъ передать Вамъ слѣдующую ноту». Дрожащая рука Пурталеса вручила мнѣ ноту, содержащую объявленіе намъ войны. Въ ней заключалось два варіанта, попавшіе, по недосмотру германскаго посольства, въ одинъ текстъ. Эта оплошность обратила на себя вниманіе лишь позже, такъ какъ содержаніе ноты было совершенно ясно. Къ тому же я не имѣлъ времени, въ ту пору, подвергнуть ее дословному разбору.

Послѣ врученія ноты посолъ, которому видимо стоило большого усилія исполнить возложенное на него порученіе, потерялъ всякое самообладаніе и, прислонившись къ окну, заплакалъ, поднявъ руки и повторяя: «кто могъ-бы предвидѣть, что мнѣ придется покинуть Петроградъ при такихъ условіяхъ!» Несмотря на собственное мое волненіе, которымъ мнѣ, однако, удалось овладѣть, я почувствовалъ къ нему искреннюю жалость

и мы обнялись передъ тѣмъ, что онъ вышелъ нетвердыми шагами изъ моего кабинета.

Несмотря на то, что графъ Пурталесъ не всегда удачно выполнялъ свою роль посредника между германскимъ и русскимъ правительствами въ критическое для обоихъ время и, повидимому, односторонне и неполно освѣдомлялъ Берлинскій кабинетъ о положеніи вещей въ Петроградѣ, я не сомнѣваюсь, что онъ искренно желалъ избѣгнуть разрыва между своей родиной и Россіею не только по чувству врожденнаго миролюбія, но и по тому, что онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, какія послѣдствія означенный разрывъ долженъ былъ неизбѣжно повлечь за собою. Вѣроятно представленіе объ этихъ послѣдствіяхъ возстало въ его воображеніи съ особенной силой въ минуту, когда ему пришлось принять непосредственное участіе въ его совершеніи и было причиною того припадка отчаянія, который овладѣлъ имъ, когда онъ сознялъ, что совершилось нѣчто грозное и непоправимое, ужасъ чего не было въ силахъ охватить ничье воображеніе.

Если бы Пурталесъ не былъ образцовымъ прусскимъ чиновникомъ, я бы могъ подумать, что въ его мысли, въ данную минуту, промелькнуло сомнѣніе въ томъ, было ли его правительствомъ и имъ самимъ сдѣлано все, что было возможно, чтобы избѣжать или, по крайней мѣрѣ, отсрочить надвигавшуюся катастрофу. Но такое сомнѣніе наврядъ ли его мучало. Онъ не подозрѣвалъ о многомъ, что сдѣлалось извѣстно лишь долгое время спустя, и вѣрилъ, какъ большинство его соотечественниковъ, въ непогрѣшимость своего правительства.

На другой день, въ 8 часовъ утра, посолъ со всѣмъ составомъ посольства и баварской миссіи и восьмидесятью другими германскими подданными покинулъ въ экстренномъ поѣздѣ Петроградъ, направляясь въ Берлинъ черезъ Швецію. Я съ удовольствіемъ отмѣчаю здѣсь, что отъѣздъ германскихъ дипломатовъ изъ Россіи состоялся, благодаря заботливости и предупредительности русскихъ властей, въ полномъ порядкѣ и благочиніи. Въ этомъ отношеніи онъ выгодно отли-

чался отъ отбытія изъ Берлина нашего дипломатическаго представительства и нѣкоторыхъ членовъ русской колоніи, покинувшихъ Германію вмѣстѣ съ С. Н. Свербеевымъ и подвергшихся оскорбленіямъ уличной толпы.

Такимъ образомъ состоялся разрывъ съ Германіею, вручившей намъ, втеченіе трехъ сутокъ, два ультиматума, требовавшихъ немедленнаго пріостановленія предпринятыхъ нами мѣръ военной безопасности, безъ всякаго ручательства взаимности ни съ австрійской, ни съ собственной стороны и, вслѣдъ за этими ультиматумами, послѣ нашего отказа отъ капитуляціи, объявила намъ войну. Эти угрозы были направлены противъ Россіи, дѣлавшей нечеловѣческія усилія, чтобы избѣжать войны, и приступившей къ мобилизаціи своей арміи только для того, чтобы не быть застигнутой событіями врасплохъ, тогда какъ въ Вѣнѣ, гдѣ война была давно предрѣшена съ вѣдома и согласія Германіи, не раздалось изъ Берлина ни одного внушительнаго слова, чтобы спасти Европу отъ угрожавшихъ бѣдствій. Германія отчудила свою свободу дѣйствій, свыклась съ мыслью о войнѣ и поэтому не хотѣла и не могла ея предотвратить. Въ этомъ заключается тяжкій грѣхъ берлинскаго правительства передъ человѣчествомъ и собственнымъ народомъ.

Между тѣмъ мы все еще не находились въ состояніи войны съ Австро-Венгріею, главной зачинщицей создавшагося невыносимаго положенія. Такъ какъ Вѣнскій Кабинетъ, въ послѣднюю минуту, заявилъ намъ о своемъ желаніи продолжать прерванные имъ съ нами переговоры, Русское правительство не давало своимъ войскамъ приказа перейти австрійскую границу, имѣя въ виду данное Государемъ обѣщаніе не нарушать мира пока будутъ продолжаться переговоры, т. е. пока не исчезнетъ послѣдняя, хотя бы и слабая, надежда на его сохраненіе. Германія, такимъ образомъ, оказалась въ положеніи державы, обнажившей мечь для защиты союзницы, на которую никто не нападалъ.

Въ Вѣнѣ не торопились объявленіемъ намъ войны. Какъ уже было сказано выше, Генералу Конраду фонъ Гетцендорфу, на котораго падаетъ главная отвѣтствен-

ность за рѣшеніе Императора Франца-Іосифа и его правительства вести войну во что бы то ни стало и съ кѣмъ бы то ни было, пришлось убѣдиться, что военныя силы Австро-Венгріи совершенно не соотвѣтствовали подобному замыслу, и что не только война съ Россіею, но даже съ Сербіею являлась для нихъ задачею, сопряженною съ большимъ рискомъ. Этимъ открытіемъ должно быть, очевидно, объяснено выраженное въ Вѣнѣ желаніе возобновить съ нами переговоры и такимъ образомъ выиграть нѣкоторое время для спѣшнаго окончанія военныхъ приготовленій. Такое неопредѣленное положеніе, среднее между войной и миромъ, не могло продолжаться долго. Въ Германіи медлительность «блестящаго секунданта»*) производила сильное раздраженіе и вскорѣ изъ Берлина послѣдовалъ совѣтъ, весьма похожій на приказаніе, объявить Россіи войну, что и послѣдовало на шестой день по объявленіи намъ войны Германіею.

Что мнѣніе Вѣнскаго Генеральнаго Штаба относительно неподготовленности Австро-Венгерской арміи было обосновано, выяснилось вполнѣ опредѣленно послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ Сербскими войсками генералу Кробатину, командовавшему Австрійскими войсками въ Босніи. При этихъ условіяхъ воинственный задоръ Конрада фонъ Гетцендорфа былъ бы вполнѣ непонятенъ, если бы въ Вѣнѣ расчитывали осуществить свои планы собственными силами и не имѣли бы безусловной увѣренности въ военной помощи Германіи.

Впрочемъ этого не приходится больше доказывать послѣ всего, что намъ теперь извѣстно и о чемъ я заявилъ еще въ началѣ конфликта, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ союзныхъ столицахъ, а именно, что ключъ положенія находился въ Берлинѣ.

Союзники наши въ этомъ не сомнѣвались, но германскій посолъ въ Петроградѣ отвергалъ это утвержденіе съ негодованіемъ, какъ оскорбительное для чести своего правительства. Германскіе націоналисты отвергаютъ его и понынѣ, не освободившись еще до сего дня

*) Такъ называлъ Императоръ Вильгельмъ Австро-Венгрію.

отъ дурмана, навѣяннаго на нихъ въ первые дни войны рѣчами Императора Вильгельма и германскаго канцлера и, еще болѣе, статьями патріотической печати. До какихъ предѣловъ доходило въ Германіи самообольщеніе не только взвинченныхъ народныхъ массъ, но и правящихъ круговъ, не исключая членовъ царствующихъ Домовъ, видно изъ факта, что, не довольствуясь утвержденіемъ, что Россія и ея союзники, — причемъ степень ихъ отвѣтственности колебалась и видоизмѣнялась безчисленное количество разъ, — вынудили Германію вести войну для самозащиты, но подъ конецъ договорились до того, что увѣровали въ объявленіе войны Германіи Россіею и Франціею и совершенно забыли о нотахъ, переданныхъ въ Петроградѣ и въ Парижѣ 1-го и 3-го августа, равно какъ и о врученіи 2-го августа ультиматума Бельгіи и вторженіи безъ всякихъ формальностей, въ предѣлы Великаго Герцогства Люксенбургскаго. Яркимъ образчикомъ подобной забывчивости и путаницы въ мысляхъ можетъ служить рѣчь Короля Людовика Баварскаго, сказавшаго, въ связи съ празднованіемъ юбилея Баварскаго Kanal-Verein'a, слѣдующую фразу: «объявленіе войны Франціею послѣдовало за таковымъ со стороны Россіи и когда, наконецъ, англичане также напали на насъ, я сказалъ себѣ: все это меня радуетъ и радуетъ, потому, что теперь намъ будетъ возможно свести счеты съ нашими врагами».

Такая фраза въ устахъ главы второго по величинѣ и значенію Германскаго государства раскрываетъ яркую картину того психоза, котораго жертвой сдѣлалась Германія въ эпоху мировой войны. Если такъ могъ говорить Король Баварскій, то чего же можно было ожидать отъ рядового нѣмца. Невѣроятная способность самообольщенія, которою обладаетъ германскій народъ и отъ которой его не спасаетъ высокая степень его культурнаго развитія, должна быть, очевидно, поставлена на счетъ его особой психологіи, являющейся первостепеннымъ политическимъ факторомъ, съ которымъ и впредь будутъ вынуждены считаться его сосѣди во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ Германіею и которому до сихъ поръ не придавали должнаго вниманія.

IX.

Великая война началась на восточномъ фронтѣ бомбардированіемъ Либавы германскимъ флотомъ, а на западномъ — нѣсколькими нарушеніями французской границы, вызванными, по утвержденію Германскаго правительства, подобными-же дѣйствіями французскихъ войскъ въ Германіи. Въ числѣ такихъ враждебныхъ дѣйствій, приписанныхъ Франціи, были и совершенно фантастическія, въ родѣ появленія французскихъ аэропдановъ надъ Карлсруэ и Нюренбергомъ, бросанія съ нихъ бомбъ для разрушенія желѣзнодорожныхъ путей и т. п. Эти обвиненія, ни кѣмъ непровѣренныя и недоказанныя, тѣмъ не менѣе послужили оффиціальнымъ поводомъ для объявленія войны Франціи, состоявшагося 3-го августа. Наканунѣ Германскій посланникъ въ Брюсселѣ вручилъ Бельгійскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ ноту, въ которой онъ требовалъ, подъ угрозой войны, согласія Бельгіи на свободный доступъ германскихъ войскъ въ Бельгійскую территорію, ввиду предупрежденія намѣренія Франціи нарушить неприкосновенность Бельгіи съ враждебными Германіи цѣлями, о которыхъ, будто бы, Германское правительство было освѣдомлено изъ достовѣрнаго источника. На полный достоинства отказъ Бельгіи подчиниться этому требованію послѣдовало немедленное вторженіе германскихъ войскъ въ Бельгію и появленіе ихъ подъ Льежомъ. Это былъ первый шагъ къ занятію Германіею Бельгійской территоріи, доведенный послѣдовательно до конца, несмотря на геройское сопротивленіе Бельгійской арміи, вынужденной подъ давленіемъ болѣе сильнаго противника перейти на территорію союзной французской республики, гдѣ она, подъ командованіемъ своего Короля, продолжала, вплоть до перемирія, принимать дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ противъ германскаго нашествія.

Насколько искусственно было построеніе, которымъ германская дипломатія старалась прикрыть давно обдуманное и напередъ рѣшенное нарушеніе Бельгійскаго нейтралитета и какъ неосновательны были возведен-

ныя ею на Бельгійское правительство обвиненія въ соучастіи въ какихъ-то враждебныхъ замыслахъ Франціи и Великобританіи противъ Германіи, видно изъ того факта, что ранѣе германскаго вторженія въ Бельгійскія предѣлы симпатіи Брюссельскаго правительства и общественнаго мнѣнія Бельгіи не только не клонились предпочтительно въ сторону Франціи, но скорѣе шли по направленію Германіи, съ которой Бельгію связывали ея экономическіе интересы и, — въ значительной части ея населенія, — кровное родство.

Бельгійскій посланникъ въ Россіи, графъ де-Бюиссерэ, съ которымъ мнѣ приходилось неоднократно касаться вопроса о положеніи его отечества, какъ международнаго фактора, повторялъ мнѣ, что Бельгія настроена нейтрально не только политически, благодаря своему географическому положенію между тремя великими державами, но также и въ силу своего историческаго прошлаго и особенностей своей національной культуры, спасающихъ ее отъ одностороннихъ увлеченій. Положеніе Бельгіи, по словамъ Бюиссерэ, вынуждаетъ ее жить въ одинаково дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми ея сосѣдями, не отдавая предпочтенія никому изъ нихъ и считая своимъ врагомъ того, кто бы онъ ни былъ, кто обнаружитъ поползновеніе покуситься на ея независимость. «Nous serons contre l'agresseur de qulque côté qu'il vienne», говорилъ посланникъ. Въ основательности этихъ словъ трудно было сомнѣваться, потому что было ясно, что они вполнѣ отвѣчаютъ правильно понятымъ интресамъ культурной и богатой, но, въ военномъ отношеніи, слабой страны, увѣренной, что въ борьбѣ за свою независимость она всегда найдетъ могущественныхъ союзниковъ. Въ Парижѣ это было хорошо извѣстно и французскому правительству не приходило въ голову использовать Бельгію для наступательныхъ цѣлей противъ Германіи.

Рискъ, связанный съ подобной политикой, долженъ былъ бы быть извѣстенъ и въ Берлинѣ. Но давно выработанный, на случай нападенія на Францію, стратегическій планъ и увѣренность какъ въ непогрѣшимости этого плана, такъ и въ быстрой и рѣшительной по-

бѣдѣ, не говоря уже о возможности, одинаково заманчивой съ экономической и военной точекъ зрѣнія, захвата устьевъ Шельды, затмѣвали взоръ германскихъ политиковъ и стратеговъ и Германія рѣшилась на шагъ, который долженъ былъ неминуемо спутать ея расчеты и разрушить надежды на скорый успѣхъ, вовлекши Англію въ войну на сторонѣ союзниковъ.

Хотя въ Германіи, особенно подъ первымъ впечатлѣніемъ выступленія Великобританіи на сторонѣ Россіи и Франціи, посыпались по адресу англійской политики безчисленныя обвиненія въ заговорѣ, коварно подготовленномъ вмѣстѣ съ союзниками, для уничтоженія Германіи, Русское правительство находилось, до самой минуты вторженія германскихъ войскъ въ Бельгію, въ тревожной неизвѣстности относительно намѣреній Лондонскаго кабинета. Настойчивыя убѣжденія, обращенныя мною къ англійскому правительству заявить о солидарности его интересовъ съ интересами Россіи и Франціи и тѣмъ раскрыть глаза германскаго правительства на страшную опасность пути, на который его поставила самоувѣренность берлинскаго генеральнаго штаба и германскихъ государственныхъ людей, не имѣли въ Лондонѣ успѣха. Едва ли надо мнѣ прибавить, что если бы между Англіею и двойственнымъ союзомъ существовалъ означенный заговоръ, то просьба моя, обращенная къ лондонскому кабинету, не имѣла бы никакого смысла. Эмпиризмъ англійскаго народа отвергаетъ національную опасность, пока она не стала осязательной всѣмъ и каждому. Поэтому понятно, почему въ Англіи не мало государственныхъ людей, не рѣшающихся, предупреждая изъявленіе воли общественнаго мнѣнія, говорить отъ его имени.

Война не была своевременно предупреждена и приходилось ее вести. Поздно вечеромъ, 4-го августа, въ Берлинѣ произошло свиданіе между германскимъ канцлеромъ и великобританскимъ посломъ, во время котораго было произнесено роковое слово о «клочкѣ бумаги», ставшее съ тѣхъ поръ нераздѣльнымъ съ именемъ Бетмана-Гольвега.

Едва ли можно найти въ исторіи политической жизни Европы другое неосторожно сказанное слово, которое причинило-бы большій нравственный уронъ не только человѣку, произнесшему его, но и тому правительственному строю, котораго онъ являлся представителемъ.

5-го августа утромъ вѣсть объ объявленіи Англіею войны Германіи достигла Петрограда и была принята съ одинаковымъ удовлетвореніемъ какъ въ правительственныхъ, такъ и въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія. Чувство грозной опасности, тяготѣвшее надъ нами при вступленіи въ борьбу, ставшую неизбѣжной, благодаря безумію Австро-Венгріи и попустительству Германіи, смѣнилось у насъ надеждой на ея благополучный исходъ. У меня лично, съ момента вторженія германскихъ войскъ въ Бельгію, исчезли всякія сомнѣнія на счетъ участія Англіи въ европейской войнѣ на сторонѣ Двойственнаго Союза и явилась не только надежда на ея благопріятный исходъ, но и полная увѣренность въ торжествѣ надъ попыткою Германіи навязать Европѣ свою гегемонію. Не достигнувъ объявленія лондонскимъ кабинетомъ своей солидарности съ нами, мы могли только радоваться, что сама Германія вынудила его вступить въ ряды своихъ противниковъ и такимъ образомъ добилась того, къ чему мы тщетно стремились. Разъ что европейская война не могла быть избѣгнута, было существенно важно вести ее въ условіяхъ наибольшей успѣшности. Эти условія наступали для Двойственнаго Союза въ томъ случаѣ, если бы борьба велась не только сухопутными силами, но въ ней участвовали-бы громадныя морскія силы Великобританіи, которыя парализовали бы всю экономическую жизнь врага.

Оставалась, однако, еще одна и весьма серьезная опасность. Германія могла нанести сокрушающій ударъ Франціи и Россіи въ первыя же недѣли войны, обрушившись всѣми своими силами на одного изъ союзниковъ. Опасность эта была особенно велика для Франціи, легче уязвимой, чѣмъ Россія, благодаря сравнительной близости Парижа отъ границы. Мы всѣ слы-

шали о планѣ кампаніи берлинскаго генеральнаго штаба, состоявшаго въ сосредоточеніи главныхъ силъ Германіи противъ одного изъ противниковъ Германіи, а затѣмъ, послѣ его разгрома, обращеніи ихъ противъ другого. Эти операціи должны были быть произведены въ возможно короткій срокъ. Поэтому во мнѣ давно укоренилось убѣжденіе, что, если Германія не одержитъ въ первые два, три мѣсяца войны рѣшающихъ судьбу кампаніи успѣховъ, она не выйдетъ изъ нея побѣдительницей.

Этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, по крайней мѣрѣ въ полномъ его объемѣ. Отвѣтственность за его измѣненіе, кажется, еще не выяснена въ самой Германіи. Тѣмъ труднѣе говорить о ней иностранцамъ. Въ печати я видѣлъ указанія на то, что виновникомъ его неисполненія одни считаютъ Императора Вильгельма, другіе—генерала Мольтке, племянника знаменитаго стратега, не унаслѣдовавшаго его талантовъ, третіе — подначальныхъ лицъ, неимѣвшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на вопросы такой важности, а силившихся угодить тому или иному, власть имущему, лицу. Несомнѣнно одно то, что Германія въ 1914 году начала войну на обоихъ фронтахъ и этимъ, можетъ быть, лишила себя возможности быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ на одномъ изъ нихъ.

Событія скоро подтвердили мои ожиданія. Побѣда на Марнѣ, которой Франція обязана генераламъ Жофръ и Галліени и самоотверженной помощи Россіи, пославшей, по просьбѣ Французскаго правительства, на почти вѣрную гибель армію генерала Самсонова, неподготовленную для наступательнаго похода, въ предѣлы Восточной Пруссіи, сразу остановила побѣдное продвиженіе германской арміи на Парижъ и этимъ спасла не только столицу Франціи, но, въ значительной степени, предрѣшила и исходъ войны. Истинное значеніе пораженія на Марнѣ не оставило въ германскихъ руководящихъ кругахъ никакого сомнѣнія и берлинское правительство приняло должныя мѣры для того, чтобы помѣшать ему проникнуть въ сознаніе общественнаго мнѣнія и тѣмъ поколебать, въ самомъ началѣ

войны, увѣренность народа въ ея счастливомъ исходѣ. Эта цѣль была легко достигнута и по сей день въ Германіи еще не много людей, которымъ значеніе сентябрьскихъ боевъ на Марнѣ было-бы ясно.

Изъ всего, что сказано выше, можно вывести заключеніе, что европейская война началась для Тройственнаго Согласія, какъ въ дипломатическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ, при благопріятныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе не только Россія, къ ней совершенно не готовая, но даже и Франція, находившаяся съ 1870 года подъ вѣчной угрозой вторженія германскихъ войскъ, оказалась, съ точки зрѣнія техническаго снабженія, въ положеніи мало соотвѣтствовавшемъ требованіямъ минуты и ея промышленности пришлось сдѣлать невѣроятныя усилія, чтобы наверстать потерянное время. Англія находилась въ томъ-же, и едва ли не худшемъ, положеніи, потому что, не говоря о несовершенствѣ технической части, ей пришлось работать надъ созданіемъ арміи, способной вести на континентѣ борьбу съ лучшею арміею Европы, технически и численно во много разъ превышавшей ея силы. Для этого ей пришлось улучшить свой командный составъ, оставлявшій желать многаго, и обезпечить наборъ своей арміи.

Для этого Франціи и Англіи пришлось разрѣшить задачи, представлявшія громадныя трудности. Тѣмъ не менѣе обѣимъ нашимъ союзницамъ удалось довольно быстро съ ними справиться и вскорѣ сдѣлаться поставщицами Россіи, остро нуждавшейся въ вооруженіи и снарядахъ, несмотря на что она продолжала вести тяжелую борьбу, благодаря превосходному духу арміи, несшей съ геройскимъ самопожертвованіемъ ужасающія потери.

Я не буду выходить за предѣлы моей личной освѣдомленности и касаться подробно военныхъ дѣйствій въ эпоху міровой войны. Эта задача отчасти уже выполнена военными писателями Тройственнаго Согласія, хотя всесторонняя ея разработка, поскольку это касается Россіи, можетъ быть совершена лишь, когда нужный для этого матеріалъ станетъ доступенъ военнымъ

историкамъ и когда наступитъ пора нормальныхъ условій жизни и научнаго труда. Если мнѣ придется упоминать о тѣхъ или иныхъ военныхъ событіяхъ, то я буду дѣлать это лишь поскольку оно будетъ необходимо для освѣщенія тѣхъ событій, которымъ посвящены мои воспоминанія.

По мѣрѣ того, что развивались военныя дѣйствія, принявшія, благодаря отсутствію рѣшительныхъ успѣховъ какъ со стороны Тройственнаго согласія, превратившагося слишкомъ поздно въ Тройственный Союзъ, такъ и со стороны Центральныхъ Державъ, съ первыхъ же мѣсяцевъ великой войны затяжной характеръ, передъ союзными правительствами начинали возставать, поочередно, политическіе вопросы первостепенной важности. Эти вопросы требовали разрѣшенія путемъ спеціальныхъ соглашеній, ввиду общаго интереса, который они представляли для каждаго изъ союзныхъ государствъ.

Благодаря крайней сложности политическихъ интересовъ, связанныхъ со многими изъ этихъ вопросовъ, разрѣшеніе ихъ требовало долгой предварительной работы и самаго внимательнаго и безпристрастнаго изученія. Работа эта была настолько трудна, что едва-ли было бы возможно надѣяться довести ее до удовлетворительнаго разрѣшенія при иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыя Великія Державы внезапно были поставлены наступленіемъ европейской войны. Ею открывалась новая эра въ исторіи человѣчества.

Подъ давленіемъ міровыхъ событій, которыя должны были повлечь за собою коренныя измѣненія въ картѣ стараго свѣта, разрѣшеніе важнѣйшихъ политическихъ задачъ, остававшихся цѣлыя столѣтія неразрѣшенными, стало не только возможно, но и настоятельно необходимо. Державы Тройственнаго согласія, спаянныя страхомъ передъ германской опасностью, не замедлили проникнуться сознаніемъ неизбѣжности взаимнаго размежеванія въ тѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ до тѣхъ поръ ихъ интересы находились, казалось, въ непримиримомъ несогласіи между собой.

Низверженіе Германіи съ высоты міровой державы не было цѣлью ни одной изъ державъ Согласія, ввиду очевидной невыполнимости подобнаго замысла иначе, какъ путемъ принятія на себя риска и отвѣтственности, на которые ни одна изъ нихъ не отважилась бы. Но, съ другой стороны, умаленіе силы и значенія Германіи, какъ міровой державы, представлялось каждой изъ нихъ естественнымъ и законнымъ возмездіемъ тому государству, которое взяло на себя означенные рискъ и отвѣтственность и подвергло самое существованіе державъ Согласія серьезной опасности. Въ этомъ отношеніи между ними, съ осени 1914 года, не было никакого разногласія. Всѣ сходились на томъ, что результатомъ войны должно было быть обезвреженіе Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ было ясно, что, если Германія будетъ разбита соединенными силами Согласія, ея положеніе Великой Державы, лежащей въ центрѣ Европы и обладающей вторымъ по численности населеніемъ, богато надѣленной естественными и культурными благами, мало чѣмъ измѣнится вслѣдствіе нанесеннаго ей пораженія. Германія была опасна для мира Европы не какъ европейская, а какъ міровая держава, поставившая себѣ цѣли, несовмѣстимыя съ политическимъ существованіемъ Великихъ Державъ, выступившихъ нѣсколькими столѣтіями раньше ея на путь имперіализма и не угрожавшихъ болѣе миру Европы. Пока Германія довольствовалась соперничествомъ съ ними на торгово-промышленной почвѣ и вела борьбу ради вытесненія своихъ соперниковъ изъ старыхъ рынковъ и пріобрѣтенія новыхъ, въ чемъ она преуспѣвала, благодаря своей предпріимчивости и энергіи, а также созданнымъ ею финансовому и техническому аппаратамъ, она была непріятной сосѣдкой для другихъ европейскихъ державъ, которыя смотрѣли на нее косо, сознавая, что имъ было трудно съ нею состязаться, такъ какъ она могла быть побѣждена только тѣмъ же оружіемъ, которое она создала для своихъ цѣлей и которымъ никто иной въ Европѣ не обладалъ. Государственные люди, слѣдившіе за необычайнымъ ростомъ экономическаго вліянія Германіи, предвидѣли ея ко-

нечное торжество не только на европейскихъ рынкахъ, но и далеко за ихъ предѣлами, на что указывали поразительные успѣхи, одержанные ею въ Старомъ Свѣтѣ, какъ то въ Индіи и на Дальнемъ Востокѣ, а равно и на обоихъ континентахъ Америки и въ Австраліи.

Подобныя перспективы тревожили, среди Державъ Согласія, прежде всего Англію, интересы которой были задѣты наиболѣе чувствительнымъ образомъ торжествующимъ шествіемъ германской торгово-промышленной конкуренціи и меньше всего Россію, стремленія которой не шли дальше овладѣнія своимъ собственнымъ рынкомъ и проникновенія русскихъ товаровъ на ближайшіе азіатскіе рынки. Франція занимала, въ этомъ отношеніи, особое положеніе. Для нея быстрый ростъ германской промышленности и соотвѣтственно ему развитіе внѣшней торговли представлялись менѣе опасными, ввиду того обстоятельства, что французская вывозная торговля ограничивалась преимущественно вывозомъ на міровые рынки товаровъ, по отношенію къ которымъ у нея существовала какъ бы монополія.

Европа начала мириться съ мыслью о неизбѣжности своего превращенія въ германскую данницу. Если бы Германія, оцѣнивъ истинное значеніе такой побѣды въ настоящемъ и, еще болѣе, въ будущемъ, удовольствовалась громаднымъ результатомъ, достигнутымъ трудолюбіемъ своего народа и организаторскимъ даромъ своихъ промышленниковъ и предоставила естественному ходу событій завершить начатое дѣло, она, въ настоящую пору, стояла бы, по богатству и могуществу, во главѣ государствъ Европы. Призракъ мірового владычества заслонилъ въ ея глазахъ эту, легко достижимую, цѣль. Угрожая каждой изъ Великихъ Державъ Согласія, сблизившихся между собою не по влеченію сердца, а изъ сознанія общей опасности, въ самомъ центрѣ уязвимости каждой изъ нихъ, Германія превратила ихъ изъ соперницъ, до извѣстной степени свыкшихся съ уменьшеніемъ своего экономическаго значенія, въ непримиримыхъ враговъ, знавшихъ, что имъ не будетъ пощады, въ случаѣ достиженія Германіею своихъ политическихъ цѣлей.

Ввиду этого, начавшаяся съ объявленія нѣмцами войны Россіи и съ вторженія ихъ войскъ въ Бельгію, европейская борьба приняла сразу же характеръ смертнаго боя. Каждой изъ державъ Согласія было ясно, что ее ожидало въ случаѣ торжества Германіи. Россія теряла прибалтійскія пріобрѣтенія Петра Великаго, открывшія ей доступъ съ сѣвера въ западноевропейскія страны и необходимыя для защиты ея столицы, а на югѣ лишалась своихъ черноморскихъ владѣній, до Крыма включительно, предназначенныхъ для цѣлей Германской колонизаціи, и оставались такимъ образомъ, послѣ окончательнаго установленія владычества Германіи и Австро-Венгріи на Босфорѣ и на Балканахъ, отрѣзанной отъ моря въ размѣрахъ Московскаго Государства, какимъ оно было въ семнадцатомъ вѣкѣ. Польша при этомъ перекраивалась на новый ладъ и попадала въ вассальныя отношенія къ Австріи.

Вотъ что ожидало Россію. Не лучшіе виды открывались на будущее и для Франціи. Одновременно съ объявленіемъ намъ войны германскій посолъ въ Парижѣ получилъ приказаніе сообщить французскому правительству, что, въ случаѣ если Франція заявитъ о своемъ нейтралитетѣ, Германія вынуждена будетъ, въ видѣ обезпеченія этого нейтралитета, потребовать сдачи крѣпостей Туль и Вердэнъ, которыя будутъ заняты Германіей и возвращены Франціи послѣ окончанія войны съ Россіей.

Это сообщеніе не могло быть сдѣлано барономъ фонъ Шэнъ ввиду того, что г-нъ Вивіани, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, не далъ ему на это возможности, заявивъ, что Франція «будетъ дѣйствовать сообразно своимъ интересамъ». Тѣмъ не менѣе это сообщеніе является, въ своемъ родѣ, единственнымъ документомъ. Оставаясь нейтральной, Франція лишалась, на время войны, двухъ важнѣйшихъ защитныхъ пунктовъ на своей восточной границѣ. Чего она могла ожидать въ случаѣ участія въ войнѣ и побѣды Германіи? Вѣроятно — утраты доброй трети своей территоріи и большей части своихъ колоніальныхъ владѣній и,

въ результатѣ, превращенія во второстепенную державу.

Что касается Великобританіи, то ей не угрожалъ захватъ ея европейской территоріи, но за то занятіе Германіею Бельгіи, даже временнаго характера, уже не говоря о возможности ея полнаго присоединенія, на что существуютъ положительныя указанія*), создавало для нея положеніе, съ которымъ общественное мнѣніе Англіи не могло бы никогда примириться.

Державы Согласія вступили въ войну съ Германіею съ полнымъ сознаніемъ рокового ея значенія для каждой изъ нихъ. Для нихъ побѣда означала сохраненіе независимости и возможность свободно жить и развиваться въ будущемъ. Для Германіи вопросъ ставился иначе. Хотя ея государственные дѣятели и печать твердили о «борьбѣ на жизнь или смерть», они понимали, что дѣло сводилось, въ сущности, для ихъ родины только къ тому, удастся-ли германскому народу осуществить свою мечту о міровомъ владычествѣ или нѣтъ. Нельзя, конечно, отрицать, что ставка была громадная. Въ надеждѣ на ея выигрышъ было воспитано все новое поколѣніе Германіи и всѣ принесенныя ею жертвы и потраченныя усилія, какъ со стороны правительства, такъ и всѣхъ сознательно работавшихъ для величія отечества нѣмцевъ, были направлены къ этой цѣли. Возможность неудачи представлялась ударомъ для народнаго самолюбія и грозной опасностью для государственнаго строя, связавшаго свою судьбу съ грандіознымъ планомъ мірового владычества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, трезвые нѣмцы, — правда, что въ бурную эпоху міровой войны ихъ было не много, — понимали, что, суждено-ли было ихъ мечтамъ осуществиться или нѣтъ, Германія отъ этого не перестанетъ существовать, что ея многомилліонный народъ не утратитъ прису-

*) Въ разговорѣ съ Бельгійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, барономъ Бейенсъ, г. Фонъ Яго высказалъ ему мысль, что маленькія государства не будутъ, среди происходившихъ въ Европѣ видоизмѣненій, въ состояніи сохранить независимое существованіе. 2-ая Сѣрая книга. № 2.

щихъ ему качествъ, создавшихъ его величіе и поэтому и своей силы, и что государственная его территорія подвергнется, въ худшемъ случаѣ, лишь незначительнымъ измѣненіямъ. Германія, переставъ быть міровою, все же осталась бы великою европейскою державою.

Это было ясно и всѣмъ отвѣтственнымъ дѣятелямъ Тройственнаго Согласія, какъ и всякому политически мыслящему человѣку. Рискъ, связанный съ Европейской войной, не былъ равенъ для обѣихъ состязавшихся сторонъ. Для Германіи онъ представлялъ крушеніе честолюбивой мечты, для ея противниковъ-же — либо окончательную гибель, либо такое умаленіе чести и матеріальной силы, которое было мало чѣмъ лучше гибели.

Этимъ, можетъ быть, возможно объяснить то легкомысліе, съ которымъ германское правительство увлекло свой народъ на путь міровой войны, выбравъ для осуществленія своего политическаго замысла наименѣе благопріятную минуту. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что уязвимость Германіи была несравненно меньше уязвимости Державъ Согласія. Ослабить ее длительно было возможно только, лишивъ ее тѣхъ подсобныхъ силъ, которыми она располагала въ юговосточной Европѣ, послѣ развала искусственной системы союзовъ, созданной Бисмаркомъ и расширеннымъ его преемниками, вдохновленными его примѣромъ. Среди этихъ подсобныхъ силъ первое мѣсто принадлежало Австро-Венгріи, послѣ которой слѣдуетъ назвать Турцію и Болгарію.

Я уже говорилъ, что, при слабомъ управленіи Вильгельма II и Бетмана-Гольвега, характеръ взаимоотношеній Германіи и Австро-Венгріи видоизмѣнился опредѣленно не въ пользу первой. Заключая въ 1879 году союзъ съ Австро-Венгріей, Бисмаркъ имѣлъ въ виду отвести ей въ этомъ политическомъ сочетаніи служебную роль на случай войны съ Россіею, которая стала вѣроятной съ того времени, что Германія отказалась на Берлинскомъ конгрессѣ отъ своей вѣковой дружбы съ на-

ми, принеся въ жертву наши интересы на Балканахъ интересамъ Австро-Венгріи и Англіи. Этой перемѣной фронта она положила начало системѣ новыхъ союзовъ, раздѣлившей Европу, въ концѣ 19-го столѣтія, на два враждебныхъ лагеря и косвенно приведшей къ катастрофѣ 1914-го года. Уже съ 1909 года отношенія участниковъ союза начало измѣняться и Австро-Венгрія стала играть въ немъ роль, несоотвѣтствовавшую ея истинному значенію. Лѣтомъ 1914 года эта перемѣна ролей обозначилась на столько рѣзко, что главнымъ факторомъ въ немъ оказался не Берлинскій, а Вѣнскій кабинетъ, давшій его политикѣ направленіе, соотвѣтствовавшее его собственнымъ видамъ.

Я снова возвращаюсь здѣсь къ этому факту для того, чтобы имѣть случай указать, что Австро-Венгрія, сама по себѣ никому не опасная, пріобрѣтала въ силу той неразрывной связи съ Германіею, въ которую ее поставила политика князя Бюлова, громадное значеніе не для одной Россіи, которой она открыто бросила вызовъ, а и для остальныхъ Великихъ Державъ тѣмъ, что держала въ своихъ рукахъ судьбы Европейскаго мира. Какъ ни слаба была ея военная сила, благодаря отсутствію въ ней національнаго единства, никакой иной союзникъ не могъ замѣнить ее для Германіи, ввиду особенности ея географическаго положенія. Заслоняя ея южную границу, Придунайская держава лежала на пути между Балканскими странами и Ближнимъ Востокомъ, куда стремительно влекла Германію программа ея «новаго курса». Сама природа какъ будто предназначала Габсбургскую Монархію служить цѣлямъ германской политики съ тѣхъ поръ, какъ ея внутренняя немощь сдѣлала ее неспособною къ достиженію своихъ политическихъ цѣлей собственными силами.

Какъ ноль удесятеряетъ значеніе цифры, послѣ которой онъ стоитъ, такъ и Австро-Венгрія увеличивала силы своей союзницы. Самый вѣрный способъ нанести Германіи чувствительный ударъ и обезопасить себя отъ возможности захвата ею міровой власти, было разрушеніе шаткаго строенія Габсбургской Монархіи, давно клонившагося къ упадку, но неутратившаго, до

послѣдняго дня своего существованія, значенія главнаго очага европейской смуты.

Послѣ Балканскихъ войнъ Турція потеряла свое значеніе не только какъ великая, но и какъ Европейская держава. Она сохранила лишь незначительную часть своихъ владѣній по сю сторону Проливовъ, но оставалась, по прежнему, ихъ привратницей, благодаря чему не утратила своего международнаго значенія. Какъ я указывалъ, Турція, съ начала 20-го вѣка, постепенно все болѣе подпадала подъ прямую зависимость отъ Германіи. Осенью 1913 года эта зависимость установилась на столько прочно и открыто, что вызвала законный протестъ со стороны Россіи, какъ державы наиболѣе заинтересованной въ сохраненіи Турецкой независимости, и возбудила проявленіе нѣкотораго безпокойства въ нашихъ западноевропейскихъ друзьяхъ. Отношеніе Турціи къ войнѣ 1914 года являлось, для всѣхъ безъ исключенія ея участниковъ, вопросомъ первостепенной важности. Переходъ Турціи на сторону Австро-Германіи угрожалъ Россіи особенно опасными послѣдствіями, такъ какъ, во первыхъ, открывалъ непріятельскимъ морскимъ силамъ доступъ въ Черное море и задерживалъ на Турецкой границѣ значительную часть нашей арміи, отвлекая ее отъ участія въ войнѣ на главномъ фронтѣ, и, во вторыхъ, запирая насъ въ Черномъ морѣ, отрѣзывалъ насъ отъ прямыхъ общеній съ союзниками и парализовалъ экономически, сводя наши сношенія съ внѣшнимъ міромъ къ одному морскому выходу чрезъ отдаленный и, во всѣхъ отношеніяхъ, малоудовлетворительный Архангельскій портъ.

Эти соображенія, естественнымъ образомъ, были приняты во вниманіе Германіею и ея представитель въ Константинополѣ, баронъ Вангенгеймъ, типичный представитель воинствующихъ германскихъ дипломатовъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы втянуть Порту въ войну съ самаго ея возникновенія. По свидѣтельству Американскаго посла въ Турціи, г-на Моргентау, внимательно слѣдившаго за дѣятельностью своего германскаго товарища, Вангенгеймъ, съ первой минуты открытія военныхъ дѣйствій между Германіею и Россіею,

рѣшилъ использовать присутствіе въ Средиземномъ морѣ двухъ германскихъ крейсеровъ, Гэбена и Бреслава, чтобы, открывъ имъ доступъ въ Константинополь чрезъ Дарданеллы, поставить Европу лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ Турецко-Германскаго союза и упразднить, такимъ образомъ, предварительную фазу дипломатическихъ переговоровъ. Благодаря оплошности командировъ эскадръ нашихъ союзниковъ, этотъ маневръ удался блестящимъ образомъ и 10-го августа оба германскихъ крейсера были въ полной безопасности въ Турецкихъ водахъ и Турція безповоротно связала свою судьбу съ нашими противниками.

Этотъ фактъ повлекъ за собою всѣ тѣ тяжелыя послѣдствія для Россіи, о которыхъ было только что упомянуто, и затянулъ войну на долгое время. Мы снова, во второй разъ съ 1911-го года, оказались закупоренными въ Черномъ морѣ, причемъ наше морское побережье, отъ устьевъ Дуная до Малой Азіи, очутилось подъ обстрѣломъ германскихъ судовъ, которымъ у насъ, ни по силѣ вооруженія, ни по быстроходности, нечего было противопоставить.

Мнѣ представляется сомнительнымъ, чтобы Турція, какъ бы ни была велика ея матеріальная зависимость отъ Германіи и какъ бы она ни находилась подъ гипнозомъ германской непобѣдимости, рѣшилась связать свою судьбу съ нею при самомъ началѣ войны, не выждавъ, для выбора своей оріентаціи, чтобы ходъ военныхъ дѣйствій обозначилъ опредѣленно, въ чью сторону клонились вѣсы военнаго счастья. Эта вполнѣ естественная осторожность въ вопросѣ первостепенной важности для самаго существованія Турціи привела бы къ тому, что при затяжномъ характерѣ, который приняла война, благодаря отсутствію быстрыхъ и рѣшительныхъ побѣдъ Германіи, на которыхъ былъ построенъ германскій планъ европейской борьбы, Турція, весьма вѣроятно, воздержалась бы отъ участія въ ней и этимъ, въ значительной степени, способствовала бы ея болѣе скорому и благопріятному для Россіи окончанію. Все это учитывалось, безъ сомнѣнія, въ Берли-

нѣ и находчивость и быстрота, съ которой Вангенгеймъ выполнилъ свою задачу, сослужили Германіи большую услугу. Изъ всѣхъ боевыхъ германскихъ дипломатовъ, посолъ въ Константинополѣ былъ, несомнѣнно, наиболѣе удачливымъ.

За то въ тѣхъ европейскихъ государствахъ, которыя были связаны съ Австро-Германскимъ союзомъ опредѣленными договорными отношеніями и гдѣ достиженіе цѣлей германской политики было подготовлено долголѣтнею и сложною дипломатическою работою, Германія не только ихъ не добилась, но натолкнулась на положеніе, которое исключало всякую возможность успѣха. За эту неудачу прежде всего была отвѣтственна Австро-Венгрія, обнаружившая по отношенію къ Италіи и Румыніи нежеланіе считаться съ выговоренными ими правами и стать на путь какихъ бы то ни было уступокъ, какъ разъ въ ту минуту, когда она болѣе всего нуждалась въ ихъ содѣйствіи. И тутъ Берлинскій кабинетъ, отрекшійся отъ своего естественнаго права политическаго руководства, оказался безсильнымъ сломить упорство и исправить ошибки своей союзницы. Въ виду этого Римскій и Бухарестскій кабинеты могли съ полнымъ правомъ, основываясь на текстѣ договоровъ, отказаться отъ своихъ обязательствъ и остаться нейтральными, несмотря на всѣ усилія германскихъ дипломатовъ въ Римѣ и щедрые ихъ посулы въ Бухарестѣ.

Кромѣ формальнаго права, на рѣшеніе Итальянскаго и Румынскаго правительствъ не осталось безъ вліянія присоединеніе Великобританіи къ Франко-Русскому союзу, придавшее ему недостававшій элементъ морской силы и сдѣлавшій его непобѣдимымъ въ длительной войнѣ. Нельзя также забывать, что Италія вышла изъ періода германофильскихъ увлеченій Криспи сильно разочарованной. Эти увлеченія не дали ей никакихъ выгодъ, колоніальныхъ или иныхъ, и привели ее къ тяжелому экономическому кризису. Въ силу закона реакціи она охотно пошла на встрѣчу попыткамъ дружественнаго сближенія со стороны г-на Делькассэ, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, и Россіи. Въ Румыніи

произошло нѣчто похожее на это. Какъ я упомянулъ, говоря выше объ отношеніяхъ Россіи къ этой державѣ, въ Бухарестѣ правительство и общественное мнѣніе убѣдились въ справедливости Русской точки зрѣнія относительно невозможности достигнуть національнаго объединенія иначе, какъ при содѣйствіи Русскаго правительства. Поэтому, ко дню объявленія намъ войны Германіею и Австріею, не оказалось въ Бухарестѣ, кромѣ короля Карла и нѣсколькихъ нео-консерваторовъ партіи Карпа и Маргиломана, никого, кто бы считалъ себя связаннымъ договоромъ съ Австро-Венгріею, и Румынія, по примѣру Италіи, объявила о своемъ нейтралитетѣ, не поддавшись соблазну посуловъ берлинскаго кабинета вознагражденія за счетъ Россіи въ видѣ присоединенія Бессарабіи. Въ эту пору, и даже еще позже, въ Бухарестѣ понимали, насколько подобный подарокъ былъ опасенъ и любителей идти на эту приманку не нашлось. Надо было безъ малаго трехъ лѣтъ большевистскаго хозяйничанія въ Россіи для того, что бы грубое отторженіе крѣпко сросшейся съ Русскимъ государственнымъ организмомъ Молдаванской окраины сдѣлалось возможнымъ.

Развалъ Тройственнаго Союза и отпаденіе отъ него Румыніи, вызванные великой войной, были фактами, благопріятными для державъ Согласія. Съ другой стороны Германіи и Австро-Венгріи было невозможно, при этихъ условіяхъ, вести борьбу, не заручившись союзниками на Балканахъ. Уловленіе Турціи въ германскія сѣти совершилось легко и быстро, но этотъ успѣхъ могъ пріобрѣсти всю свою цѣнность только въ томъ случаѣ, если бы за нимъ послѣдовалъ, въ скоромъ времени, подобный же успѣхъ въ Болгаріи, для полнаго защемленія Сербіи. Эта задача оказалась нѣсколько сложнѣе первой и потребовала болѣе долгаго времени, но, благодаря содѣйствію Фердинанда Кобургскаго, она не оказалась неразрѣшимой и освобожденный Россіею болгарскій народъ, послушный своему нѣмецкому государю и правительству, подобранному для нуждъ германской политики, вступилъ въ ряды враговъ своей освободительницы.

Европейская война доставила Фердинанду Кобургскому желанный поводъ возстановить, какъ ему казалось, свое положеніе, поколебленное отрицательнымъ результатомъ его политики 1913-го года, и отомстить Сербіи за нанесенныя ему пораженія. Еще болѣе чѣмъ на Сербіи, онъ сосредоточилъ свою ненависть на Россіи, которую онъ считалъ главной виновницей невыгоднаго для Болгаріи Бухарестскаго мира и неудачи, постигшей его византійскія мечтанія. Служа на Балканахъ дѣлу Германіи, онъ надѣялся, если не вполности воскресить въ своемъ лицѣ Царьградскаго Василевса, то, по крайней мѣрѣ, найти какое-нибудь примѣненіе заблаговременно припасенной имъ византійской бутафоріи*). Люди, знающіе Царя Фердинанда, вѣроятно не станутъ оспаривать высказаннаго здѣсь предположенія.

Всѣмъ еще памятно всеобщее негодованіе, съ которымъ была встрѣчена въ Россіи эта новая измѣна Фердинанда, вторая съ 1913-го года. Въ серединѣ октября 1915-го года, по согласованному съ Австро-Германцами движенію, болгарскія войска ринулись на Сербовъ въ то время, какъ нѣмцы заняли Семендрію и Бѣлградъ. Съ этого момента началось эпическое отступленіе сербской арміи къ Адріатическому морю, по непроходимымъ горнымъ тропамъ, увлекая за собою часть населенія, бѣжавшаго отъ ужасовъ болгарскаго нашествія, причемъ люди и лошади гибли тысячами отъ холода и недостатка пищи. Со временъ катастрофы подъ Березиной ни одна армія не переживала подобной трагедіи. Тѣмъ не менѣе часть Сербской арміи дожила до счастливаго дня возстановленія родины и приняла славное участіе въ побѣдѣ надъ врагами, доведшими Сербію до края гибели. Къ своему счастію она имѣла дѣло только съ внѣшнимъ врагомъ, а не испытала худшей изъ бѣдъ — внутренней измѣны.

---

*) Царь Фердинандъ пріобрѣлъ отъ какой-то театральной дирекціи и хранилъ у себя регаліи и полный костюмъ Византійскаго Императора.

Замѣнивъ, такимъ образомъ, отпавшихъ союзниковъ новыми, Германія, въ значительной степени, вознаградила себя за это отпаденіе, отрѣзавъ, какъ я сказалъ, Россію отъ ея западныхъ союзниковъ. Съ закрытіемъ Проливовъ и переходомъ Болгаріи на сторону нашихъ враговъ мы лишились всякой возможности прямыхъ сношеній съ западомъ иначе, какъ чрезъ далекій Сѣверъ и еще болѣе далекій азіатскій Востокъ. Этимъ обстоятельствомъ крайне затруднялось для насъ скорое и правильное полученіе необходимыхъ нашимъ войскамъ снарядовъ и предметовъ вооруженія, въ которыхъ у насъ началъ ощущаться недостатокъ въ первые же мѣсяцы войны. У насъ почти не было тяжелыхъ орудій, кромѣ какъ въ крѣпостной артиллеріи и во флотѣ, а ружей и патроновъ къ нимъ, къ лѣту 1915 года, было не болѣе трети нужнаго количества. Полевая артиллерія, хотя и отличнаго качества и при наличіи прекраснаго состава артиллеристовъ, дѣйствовала неудовлетворительно изъ-за скудости снарядовъ. О быстромъ пополненіи убыли въ вооруженіи собственными средствами нельзя было думать, благодаря недостаточному оборудованію нашихъ военныхъ заводовъ и общей отсталости нашихъ техническихъ средствъ.

Я упоминаю объ этомъ фактѣ для того, чтобы выяснить то роковое значеніе, которое имѣло для насъ вовлеченіе Германіею Турціи и Болгаріи въ войну и послѣдовавшаго, вслѣдъ за тѣмъ, нашего полнаго изолированія. Можно безошибочно сказать, что оно имѣло рѣшающее вліяніе не только на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій, но даже на направленіе политическихъ событій въ Россіи, тяжко отразившихся на исходѣ войны. Напряженіе силъ обѣихъ воюющихъ сторонъ въ этой ужасной борьбѣ народовъ было настолько велико, что ни одна изъ державъ, участвовавшихъ въ ней, не была въ состояніи выйти изъ нея съ честью, расчитывая исключительно на собственныя средства. Если наши союзники, — не говоря о германцахъ, создавшихъ свой совершенный технической аппаратъ съ опредѣленной цѣлью пріурочить его къ нуждамъ европейской войны, — стоящіе, съ точки зрѣнія техниче-

скаго развитія, неизмѣримо выше насъ, оказались не на высотѣ требованій времени и могли не безъ труда заполнить пробѣлы своего вооруженія, чтобы успѣшно продолжать борьбу, то это стало для нихъ возможно, благодаря установившемуся между ними сразу взаимодѣйствію не только въ области чисто военной, но и финансовой и экономической. Сознавъ всю пользу подобнаго взаимодѣйствія, они, затѣмъ, осуществили его въ единствѣ фронта и командованія, подчинивъ общія силы верховному командованію генерала Фоша, какъ наиболѣе талантливаго изъ союзныхъ военноначальниковъ. О строгомъ проведеніи этого принципа нашими врагами едва-ли надо говорить. Въ Берлинѣ не только рѣшался планъ кампаніи и давались указанія относительно военныхъ дѣйствій каждаго изъ союзниковъ, но германскіе отряды перебрасывались съ одного фронта на другой для оказанія помощи тамъ, гдѣ она оказывалась нужной. Взамѣнъ этого союзники Германіи снабжали ее всѣмъ, въ чемъ она нуждалась въ видѣ пищевыхъ продуктовъ и всякаго сырья. При этомъ, однако, далеко не покрывались огромныя нужды ея арміи и населенія и подвозъ изъ нейтральныхъ странъ, затрудняемый бдительностью англійскаго флота, становился все необходимѣе.

Нетрудно себѣ представить, при такомъ положеніи вещей, что сталось-бы съ любымъ изъ нашихъ союзниковъ или противниковъ, если бы онъ оказался, съ первыхъ мѣсяцевъ войны, лишеннымъ прямыхъ и быстрыхъ способовъ сообщенія съ тѣми государствами, съ которыми его связали судьбы войны. Результатъ изолированнаго положенія оказался бы весьма близкимъ къ тому, который наблюдался у насъ, съ растущей тревогой, правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, по мѣрѣ того, что становилось все ощутительнѣе наше одиночество. На почвѣ тревоги за исходъ войны легко развивается и растетъ чувство всеобщаго недовольства и падаетъ то обаяніе властью, безъ котораго не можетъ держаться никакая государственная организація, достойная этого имени. Когда-же къ этимъ случайнымъ причинамъ присоединяются еще

другія, болѣе общія и давнія, какъ это было въ Россіи, процессъ разрушенія идетъ еще стремительнѣе. Я глубоко убѣжденъ, что крушеніе Русской Государственности могло произойти только благодаря тому, что Россія, съ начала европейской войны, оказалась поставленной въ условія несравненно худшія, чѣмъ ея союзники. Борясь плечомъ къ плечу съ ними, она несомнѣнно съ успѣхомъ выполнила-бы выпавшую на ея долю громадную задачу. Она была лишена главнаго элемента успѣха, давшаго ея союзникамъ побѣду: тѣснаго сліянія и сплоченности между собою и общности матеріальныхъ средствъ. Торжество русской революціи есть прежде всего результатъ народнаго разочарованія, перешедшаго затѣмъ въ безнадежность и отчаяніе. Этому способствовали еще и другія причины, но онѣ были сами по себѣ недостаточны, чтобы совершилось преступное и безумное дѣло разрушенія Русскаго Государства, въ существѣ своемъ здороваго и жизнеспособнаго и нуждавшагося лишь въ разумныхъ реформахъ для приспособленія его къ требованіямъ и духу времени.

Основная мысль, заложенная Столыпинымъ въ его преобразованія, исходила изъ этого убѣжденія. Онъ началъ ихъ постепеннымъ раскрѣпощеніемъ крестьянскаго населенія, не освободившагося еще отъ оковъ общиннаго землевладѣнія. Этой существенной реформой подводилось здоровое и прочное основаніе подъ зданіе русской государственности. Революція, уже разъ въ 1906 году сломленная Столыпинымъ, увидѣла наступавшую для нея смертельную опасность и рукою Богрова свалила этого благороднѣйшаго сына Россіи. Принято говорить, что нѣтъ людей незамѣнимыхъ. Но Столыпина у насъ никто не замѣнилъ и революція, среди тяжелой нравственной и матеріальной атмосферы войны, восторжествовала. Пока я пишу эти строки, передо мною живо встаетъ величавый въ своей силѣ и простотѣ образъ Столыпина и мнѣ припоминаются неоднократно слышанныя отъ него слова: для успѣха русской революціи необходима война. Безъ нея она безсильна. Въ 1914 году мы получили эту войну, а, послѣ

трехъ лѣтъ тяжелой борьбы, которую намъ пришлось вести одинокимъ и отрѣзаннымъ отъ общенія съ нашими союзниками, къ намъ прибыла изъ Германіи и революція въ лицѣ Ленина и его сообщниковъ, отдавшая себя на служеніе нашимъ врагамъ и радостно принятая ими, какъ желанная сотрудница.

Когда обнаружилась измѣна Фердинанда Кобургскаго и Радославова, въ каждой изъ трехъ союзныхъ странъ Согласія раздались громкіе упреки, направленные противъ правительства за непринятіе своевременныхъ мѣръ къ ея предупрежденію. Громче всего они раздались, само собою разумѣется, въ Россіи. Для насъ это предательство должно было повлечь за собою наиболѣе тяжелыя послѣдствія и наше общественное мнѣніе болѣзненно ощутило нравственную низость болгарской измѣны. Главная доля упрековъ обрушилась, какъ и слѣдовало ожидать, на русскую дипломатію и на меня, какъ отвѣтственнаго ея руководителя. Не только печать націоналистическаго направленія, съ Новымъ Временемъ во главѣ, но и тѣ общественные круги, гдѣ къ вопросамъ внѣшней политики относились вообще болѣе объективно и спокойно, порицали недостатокъ бдительности, проявленный моимъ вѣдомствомъ по отношенію къ такому, первостепенной важности, фактору, какъ Болгарія, въ европейской войнѣ, разгорѣвшейся на почвѣ балканскаго вопроса. Даже въ Государственной Думѣ, гдѣ моя внѣшняя политика находила нерѣдко благожелательную оцѣнку и поддержку, раздались по моему адресу упреки, которые были тѣмъ болѣе мнѣ чувствительны, что я не могъ, въ ту пору, раскрыть полную картину безчисленныхъ трудностей, которыя препятствовали успѣшному воздѣйствію державъ Согласія на Фердинанда Кобургскаго для удержанія его въ своей орбитѣ. Среди этихъ трудностей главная заключалась въ отсутствіи согласованнаго плана дѣйствій у нашихъ западныхъ союзниковъ въ вопросѣ о выступленіи ихъ на ближневосточномъ фронтѣ, которое одно могло помѣшать болгарскому нападенію на Сербію. Появленія сильнаго

союзнаго отряда, въ нужный моментъ, въ Салоникахъ и въ долинѣ Вардара, хотя бы въ составѣ союзныхъ отрядовъ, отправленныхъ въ Дарданеллы для выполненія почти безнадежной задачи захвата Константинополя съ суши, при отсутствіи базы, которая позволила бы союзникамъ развернуть свои силы, было бы вѣроятно достаточно, чтобы удержать Болгарію отъ вмѣшательства въ войну и спасти десятки тысячъ загубленныхъ жизней. Хотя Галлиполійская экспедиція не разрѣшила своей главной задачи, она, тѣмъ не менѣе, оттянула часть турецкихъ силъ отъ нашей границы и этимъ способствовала безпрерывнымъ военнымъ успѣхамъ, подчинившимъ намъ всю сѣверовосточную часть Малой Азіи.

Кто у нашихъ союзниковъ былъ виноватъ въ неудачномъ исходѣ галлиполійской аттаки, затянувшемъ войну на долгій срокъ, я не берусь рѣшить. Во Франціи раздавались обвиненія по адресу Делькассэ, который будто бы противился всякому ослабленію французскихъ силъ на главномъ фронтѣ посылкою отрядовъ на Балканы. Въ Англіи считали отвѣтственнымъ за неудачу экспедиціи г-на Уинстона Черчилля, сторонники котораго слагали, въ свою очередь, вину на лорда Китчинера, погибшаго впослѣдствіи на морѣ при отплытіи въ Россію, куда онъ отправлялся для разрѣшенія вопросовъ согласованія военныхъ дѣйствій противъ Германіи. Вѣроятнѣе всего слѣдуетъ искать причину слабости восточной политики нашихъ союзниковъ не въ личной отвѣтственности того или другого изъ названныхъ лицъ, а въ отсутствіи той полной согласованности военныхъ дѣйствій, которой имъ удалось достигнуть лишь подъ конецъ войны и которая дала имъ побѣду.

Для Россіи неудача Галлиполійской экспедиціи была большимъ бѣдствіемъ. Послѣдствій ея мы не могли исправить собственными силами, благодаря невозможности переброски на Балканскій фронтъ нашихъ войскъ съ Малоазіатской границы, гдѣ они вели наступленіе противъ турокъ. Для выполненія такой задачи наши транспортныя средства были совершенно недостаточ-

ны. Помимо этого наша Главная Квартира требовала отправленія на нашъ западный фронтъ всѣхъ частей, которыя не были настоятельно необходимы для удержанія нашихъ завоеваній въ Малой Азіи и для дальнѣйшаго продвиженія въ предѣлахъ Азіатской Турціи.

Я получалъ отъ нашего посланника въ Болгаріи, А. В. Неклюдова, настоятельныя просьбы о спѣшной отправкѣ десантовъ въ Варну и Бургасъ, занятіе которыхъ русскою военною силою могло одно, по мнѣнію его, предотвратить предательство короля Фердинанда.

Это мнѣніе не было лишено основанія, но рѣшить вопросъ о его выполнимости приходилось не мнѣ, а нашимъ военнымъ властямъ, у которыхъ мысль Неклюдова не встрѣтила сочувствія. Въ письмѣ, полученномъ мною отъ генерала Алексѣева по этому поводу въ октябрѣ 1915 года, онъ сообщалъ мнѣ, что перевозка русскихъ отрядовъ въ Сербію по Дунаю была невозможна и что высадка войскъ въ Варнѣ или Бургасѣ была бы выполнима только въ томъ случаѣ, если бы мы располагали Констанцой, какъ операціонною базой. Перевозочная способность всѣхъ судовъ, находившихся въ Одессѣ и Севастополѣ, не дозволяла посадки болѣе двадцати тысячъ человѣкъ единовременно. Такимъ образомъ, по мнѣнію генерала, первые десантные отряды подверглись бы серьезной опасности до высадки всего экспедиціоннаго корпуса. Ввиду этого Россія оказывалась не въ состояніи подать прямую помощь Сербіи, но она могла оказать ей дѣйствительную поддержку возобновленіемъ своего наступленія въ Галиціи. На этомъ рѣшеніи и остановилось наше верховное командованіе. Что же касается Болгаріи, то она оставалась внѣ нашего воздѣйствія.

Упоминаніе генераломъ Алексѣевымъ о Констанцѣ, какъ объ операціонной базѣ для русскихъ войскъ въ Болгаріи, даетъ мнѣ поводъ отмѣтить здѣсь отношеніе румынскаго правительства осенью 1915 года къ возможности дѣятельнаго участія Румыніи на сторонѣ державъ Согласія. Когда въ числѣ всякихъ предположеній о непосредственной помощи Сербіи русскою военною силою, у насъ, вполнѣ естественно, явилась мысль из-

брать наиболѣе легкій и прямой способъ воздѣйствія на Болгарію путемъ посылки въ нее нашихъ войскъ черезъ румынскую территорію, этотъ планъ долженъ былъ тотчасъ же быть оставленъ, благодаря заявленію г-на Братіяно, что прохожденіе русскихъ отрядовъ по территоріи Румынскаго королевства не будетъ допущено. Какъ ни непріятно было намъ это заявленіе Братіяно, удивляться ему не приходилось. Въ ту пору Румынія была еще слабѣе и менѣе подготовлена къ участію въ европейской войнѣ, чѣмъ она оказалась годъ спустя, когда она была вынуждена, подъ давленіемъ нашихъ союзниковъ, рѣшиться на запоздалое выступленіе, чтобы не лишиться надежды осуществить когда-либо свою національную программу.

Оказавшись въ невозможности предпринять что либо цѣлесообразное, чтобы помѣшать Болгарскому Царю выполнить свой замыселъ, русскому правительству пришлось удовольствоваться воздѣйствіемъ на него мѣрами нравственнаго характера, въ родѣ царскаго манифеста, въ которомъ бичевалось болгарское предательство и объявлялось о тяжелой для Россіи необходимости обнажить мечь противъ славянской страны, освобожденной цѣною ея крови. На основаніи настойчивыхъ убѣжденій союзниковъ русскія суда бомбардировали Варну. Мѣра эта, совершенно безполезная, была мнѣ чрезвычайно непріятна. Бомбардированіе незащищенныхъ городовъ, ставшее обычнымъ явленіемъ во время европейской войны, отбросившей, какъ ненужный хламъ, всякія ограниченія неизбѣжныхъ, при веденіи войны, жестокостей и прибавившей къ нимъ еще новыя и неслыханныя варварства, казалось мнѣ ничѣмъ неоправдываемымъ проявленіемъ одичанія. Помимо этого оно было мнѣ противно еще и потому, что Россія, въ своемъ славномъ прошломъ, неоднократно брала на себя починъ въ выработкѣ международныхъ правилъ для смягченія ужасовъ войны и страданій, причиняемыхъ ею мирному населенію. Къ несчастью, тѣ или иныя мѣры, къ которымъ бывали вынуждены прибѣгать, по ихъ словамъ, военноначальники въ видѣ репрессій и, косвенно, ради сокращенія длительности вой-

ны, выходили за предѣлы вліянія дипломатіи и вмѣшательства ея въ эту область были заранѣе обречены на неуспѣхъ.

Наши союзники, какъ я сказалъ, оказались не менѣе безсильными остановить съ запада наступленіе Болгаръ на Сербію и соединеніе ихъ съ Австро-Германскими войсками, чѣмъ мы — съ востока. Такимъ образомъ могло безпрепятственно совершиться событіе, которое имѣло крайне тяжелыя послѣдствія для противниковъ Германіи, въ особенности-же для Россіи, приведя ее въ состояніе почти полной отрѣзанности отъ союзниковъ, въ технической помощи которыхъ она уже начала нуждаться шесть мѣсяцевъ послѣ начала военныхъ дѣйствій. Для людей, которые, какъ я, стояли близко къ центру управленія, этотъ фактъ не явился неожиданностью. Мы знали, что для приведенія Россіи въ состояніе боевой готовности надо было еще трехъ или четырехъ лѣтъ усиленной работы и такихъ реформъ въ нашей военной администраціи, для которыхъ лица, стоявшія во главѣ его, были мало пригодны*). Въ широкихъ общественныхъ кругахъ и, до извѣстной степени, въ самой арміи истинное положеніе вещей было извѣстно не многимъ. Съ того момента, когда оно обнаружилось осязательно, у насъ появи-

*) Неоспоримый фактъ нашей полной неподготовленности къ войнѣ не помѣшалъ германской національстической пропагандѣ, возведенной недавно на степень науки и имѣющей своихъ профессоровъ и свои кафедры, распространить, въ Германіи и за ея предѣлами, легенду о воинственныхъ замыслахъ г-на Пуанкарэ и русской военной партіи, возглавляемой Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. При этомъ нѣкоторые органы этой пропаганды изображали меня слѣпымъ орудіемъ этой партіи. О миролюбіи французскаго правительства вообще и, въ частности, г-на Пуанкарэ довольно подробно упоминалось выше. Что же касается до воинственнаго задора «военной партіи Великаго Князя Николая Николаевича», то я считаю долгомъ совѣсти заявить, что никакой военной партіи въ 1914 году въ Россіи не было. Если во время балканскихъ войнъ въ нѣкоторыхъ придворныхъ и военныхъ кругахъ Петрограда и замѣ-

лось то опасное настроеніе, которое было использовано, совмѣстными силами, нашими внѣшними и внутренними врагами и привело къ скорому паденію въ рядахъ арміи дисциплины. Въ народныхъ массахъ, не говоря уже о высшихъ слояхъ русскаго общества, стали проявляться сомнѣнія въ возможности довести войну до благополучнаго окончанія. Къ этимъ сомнѣніямъ присоединялось чувство безполезности тяжелыхъ жертвъ и лишеній, налагаемыхъ на населеніе войною съ противникомъ, издавна подготовленнымъ къ ней и превосходно оборудованнымъ. Германская пропаганда, веденная параллельно съ разрушительной работой нашихъ революціонныхъ партій, щедро финансированныхъ изъ Берлина*), падала на благопріятную почву. Внутренняя политика, не только не считавшаяся съ законными желаніями населенія, но шедшая наперекоръ имъ, должна была, рано или поздно, привести правительственную машину къ полному крушенію. Императоръ Николай II былъ поглощенъ заботами верховнаго командованія, принятаго имъ на себя хотя и съ самыми высокими побужденіями, но въ недобрый часъ

чалось довольно сильное возбужденіе, то полный его неуспѣхъ имѣлъ послѣдствіемъ значительное успокоеніе всякихъ воинственныхъ поползновеній, которыхъ не осталось и помина въ эпоху Австро-Сербскаго кризиса. Попытка представить меня орудіемъ чьихъ бы то ни было воинственныхъ замысловъ не заслуживаетъ даже опроверженія. Всякій, кто хоть поверхностно былъ знакомъ съ положеніемъ вещей въ русскихъ правящихъ сферахъ, могъ бы сообщить изобрѣтателямъ этой небылицы, что мои отношенія къ лицамъ, причастнымъ къ шовинистической агитаціи 1913 года, были таковы, что исключали всякую возможность сотрудничества съ ними. Такихъ освѣдомленныхъ лицъ въ Петроградѣ было очень много, начиная съ членовъ аккредитованнаго при Императорскомъ Дворѣ дипломатическаго корпуса, въ числѣ котораго были двѣ германскія миссіи.

*) По увѣреніямъ нѣмецкаго соціалиста Бернштейна, никѣмъ не опровергнутымъ, Германское Правительство отпустило на нужды русской революціи семьдесятъ милліоновъ марокъ.

для Россіи, и находился въ главной квартирѣ, бывая въ столицѣ лишь наѣздомъ, причемъ онъ видимо тяготился ея атмосферой. Центръ правительственной власти, за продолжительнымъ отсутствіемъ Государя, перешелъ въ руки несвѣдущихъ и недостойныхъ людей, сгруппировавшихся вокругъ Императрицы и ея вдохновителей, во главѣ которыхъ находился пріобрѣтшій позорную извѣстность Распутинъ. Это стеченіе обстоятельствъ было, очевидно, выгодно врагамъ Россіи. Было бы наивностью предположить, что оно не было использовано Германіею, изобрѣтательницею теоріи законности нанесенія вреда противнику всѣми возможными средствами.

Выше было сказано, что минута, избранная Центральными Державами для войны противъ Тройственнаго Согласія, была неудачна и что дипломатическая ея подготовка Берлинскимъ и Вѣнскимъ Кабинетами была весьма недостаточна. При отсутствіи скорыхъ и рѣшительныхъ побѣдъ на обоихъ фронтахъ надежды Центральныхъ Державъ на успѣхъ могли быть только слабыми. Ловкій маневръ германскаго посла въ Константинополѣ, втянувшаго Турцію въ войну противъ насъ съ самаго начала, а затѣмъ предательство Фердинанда Кобургскаго значительно улучшили ихъ положеніе. Тѣмъ не менѣе, — и въ этомъ едва-ли усомнится кто либо, кто знакомъ съ ходомъ событій, — главнымъ козыремъ германской политики оказалось удачное объединеніе ея усилій съ усиліями революціи, разложившей военныя силы Россіи. Благодаря этому, часъ германскаго пораженія былъ отсроченъ на полтора года. Слѣпота русскихъ правящихъ круговъ, въ которые, въ періодъ бездержавія, пробралось съ задняго крыльца не мало недостойныхъ лицъ, сдѣлала возможнымъ успѣхъ заговора противъ чести и цѣлости Россіи и затѣмъ, въ скоромъ времени, поставила ее на край гибели.

Можетъ быть мои краткія разъясненія чрезвычайной затруднительности нашего военнаго положенія въ 1915 году отвѣтятъ, до нѣкоторой степени, на вопросъ, какимъ образомъ сталъ возможенъ успѣхъ плана Бол-

гарскаго Царя и его приспѣшниковъ. За невозможностью принять по отношенію къ нимъ дѣйствительныя мѣры Русское правительство оказалось вынуждено прибѣгнуть къ дипломатическимъ суррогатамъ, по существу непригоднымъ и потому ничего не предотвратившимъ. Одновременно съ нашими увѣщаніями Болгарія получала въ награду за свою измѣну обѣщаніе дѣятельной помощи и будущихъ политическихъ выгодъ и земельныхъ приращеній. Этого было болѣе чѣмъ нужно, чтобы положить конецъ колебаніямъ Фердинанда Кобургскаго и побудить его связать судьбу своего народа съ тою изъ воюющихъ странъ, за которою, по его мнѣнію, была обезпечена побѣда.

X.

Я имѣлъ случай упомянуть выше о томъ значеніи, которое имѣлъ для Россіи вопросъ о Проливахъ. Въ сознаніе русскихъ государственныхъ людей, да и всякаго образованнаго русскаго, уже давно проникло убѣжденіе, что будущность русскаго государства зависитъ отъ того разрѣшенія, которое этотъ вопросъ получитъ.

Пребываніе Турціи въ составѣ европейскихъ Великихъ Державъ обратилось, послѣ освободительныхъ войнъ Россіи въ 19-мъ вѣкѣ и разгрома Оттоманской Имперіи балканскими союзниками въ 1912 году, въ политическій парадоксъ, находившій себѣ объясненіе въ соперничествѣ Великихъ Державъ на Босфорѣ и столько-же, если не болѣе, въ страхѣ подчиненія Проливовъ русской государственной власти. Къ этимъ причинамъ присоединилась впослѣдствіи еще третья — проведеніе въ жизнь Германіею своей міровой политики. Вопросъ о политическомъ и экономическомъ соперничествѣ державъ отошелъ на второй планъ, ввиду вполнѣ опредѣленнаго стремленія Берлинскаго Кабинета прочно установить Германское вліяніе въ Константинополѣ прежде, чѣмъ закрѣпить за собою остальные пункты своего дальнѣйшаго проникновенія въ наибо-

лѣе богатыя области Азіатской Турціи. Такимъ образомъ, должна была быть осуществлена идея новаго Халифата, во главѣ котораго, объявившій себя покровителемъ ислама, Вильгельмъ II считалъ себя призваннымъ стать. Само собою очевидно, что при выполненіи подобнаго замысла Германія должна была перестать считаться съ правами другихъ народовъ, неразрывно связанныхъ, исторически и экономически, съ Проливами со временъ, когда Ближній Востокъ не имѣлъ для нѣмцевъ никакого реальнаго значенія. Германія вступила на путь исканія себѣ, по выраженію своихъ государственныхъ людей, «мѣста на солнцѣ», опрокидывая при этомъ всѣ препятствія, которыя заслоняли ей дорогу, и не давая себѣ труда разбираться въ законности правъ на тѣ или иныя части турецкаго наслѣдства, которыя могли быть предъявлены соперниками, чьи интересы были исторически тѣснѣе связаны съ Ближнимъ Востокомъ, чѣмъ ея собственные, которые были происхожденія болѣе недавняго и болѣе искусственнаго.

Мы не могли, уже за годъ до европейской войны, имѣть сомнѣнія относительно истинныхъ цѣлей германской политики на Востокѣ. Систематическое стремленіе развить и упрочить вліяніе Австро-Венгріи на Балканахъ въ ущербъ нашему, въ чемъ Вильгельмъ II признался передъ началомъ европейской войны*), постепенное подчиненіе турецкаго правительства руководящей волѣ берлинскаго кабинета и, наконецъ, переходъ командованія гарнизономъ Константинополя въ руки нѣмецкаго генерала — заставили русское правительство относиться съ удвоенной бдительностью къ тому, что готовилось на берегахъ Босфора. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось обсужденіе нашею дипломатіею и военными властями тѣхъ мѣръ предосторожности и предупрежденія, къ которымъ Россія могла бы прибѣгнуть, въ случаѣ наступленія опасности, чтобы отстоять свои законные интересы отъ германскаго посягательства. Я уже говорилъ о февраль-

*) Дипломат. документы Каутскаго I, стр. 168.

скомъ совѣщаніи 1914 года, состоявшемся подъ вліяніемъ вызывающаго характера миссіи ген. Лимана-фонъ-Сандерса. Возвращаюсь къ нему только для того, чтобы заявить здѣсь, лишній разъ, самымъ категорическимъ образомъ, что это совѣщаніе, не давшее, къ тому же, ничего, кромѣ отрицательныхъ выводовъ съ точки зрѣнія нашей боевой готовности на Черномъ морѣ, было вызвано исключительно заботой охраны жизненныхъ интересовъ Россіи и было лишено какихъ бы то ни было наступательныхъ цѣлей. Враждебная намъ германская печать, стремящаяся выставить Францію и Россію зачинщицами міровой войны, продолжаетъ утверждать съ упорствомъ, способнымъ вызвать подозрительность въ самомъ безпристрастномъ наблюдателѣ, что г-нъ Пуанкарэ, съ одной стороны, а съ другой — А. П. Извольскій и воинственно настроенные Петроградскіе военные круги, за которыми, будто бы, покорно слѣдовала русская дипломатія, работали надъ нарушеніемъ европейскаго мира, первый — въ цѣляхъ возвращенія Франціи Эльзаса и Лотарингіи, а вторые — для осуществленія національной мечты объ обладаніи Константинополемъ и Проливами.

Мнѣ не придетъ въ голову отрицать, что надежда вернуть себѣ утраченныя области никогда не покидала общественнаго сознанія Франціи и что, равнымъ образомъ, для каждаго русскаго господство надъ Проливами служило и будетъ служить предметомъ горячихъ надеждъ и пожеланій. Но вмѣстѣ съ этимъ ни мы, ни наши союзники никогда не сходили съ реальной почвы въ нашихъ усиліяхъ къ достиженію національныхъ цѣлей. Еще менѣе расчитывали мы осуществить эти цѣли, вызвавъ міровую катастрофу. Какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Парижѣ, никогда не упускали изъ виду громаднаго риска военнаго предпріятія, которое нѣмцы называютъ «предупредительной войною» (Preventivkrieg), противъ которой ихъ неоднократно предостерегалъ Бисмаркъ. Этотъ рискъ былъ неизмѣримо выше выгодъ, которыя онъ могъ доставить, въ особенности въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставила Европу въ 20 столѣтіи система ея политическихъ сою-

зовъ. Забрасывая насъ своими обвиненіями, германская національстическая печать забываетъ, что вся военная организація какъ Россіи, такъ и Франціи послѣ 1870 года, была построена на началахъ обороны, и что, благодаря этому, ни та, ни другая не были приспособлены къ веденію, на своихъ германскихъ границахъ, широкаго наступленія*). Военные планы берлинскаго Генеральнаго Штаба исходили изъ діаметрально противоположнаго принципа, а именно стремительнаго нападенія на западнаго и восточнаго сосѣдей, при чемъ оба были обречены на возможно скорый разгромъ. Такого рода система, глубоко внѣдрившаяся въ нравы германскаго военнаго міра и испытанная на опытѣ нѣсколькихъ войнъ, исключала возможность веденія Германіею иного рода войны, кромѣ наступательной. Духъ этой системы сказался и на ходѣ дипломатическихъ переговоровъ между Германіею и Россіею и Франціею. О какихъ бы то ни было переговорахъ съ Бельгіею и Люксенбургомъ говорить вообще не приходится. Первое слово, раздавшееся въ Брюсселѣ изъ Берлина, было облечено въ форму ультиматума, за которымъ послѣдовало вторженіе нѣмецкихъ войскъ въ Бельгію.

По отношенію къ Россіи дипломатическая процедура, въ первой своей стадіи, носила менѣе бурный характеръ, но затѣмъ она ускользнула изъ рукъ г. г. Бетмана-Гольвега и фонъ-Яго и перешла въ руки Генеральнаго Штаба, причемъ Канцлеръ и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ выказали, по отношенію къ военной власти, чисто толстовское непротивленіе злу. Вслѣдъ за этимъ переговоры приняли стремительное теченіе и съ 29-го іюля вступили въ стадію ультиматумовъ, вызвавшихъ въ Россіи ускореніе предохранительныхъ военныхъ мѣръ и приведшихъ къ единовременной мобилизаціи

*) Наступленіе въ Восточную Пруссію, предпринятое по просьбѣ Франціи въ критическую минуту было блестящею импровизаціею и не входило въ расчеты нашего генеральнаго штаба. Хотя оно достигло цѣли, сдѣлавъ возможной побѣду французовъ на Марнѣ, оно тѣмъ не менѣе кончилось для насъ чувствительнымъ пораженіемъ.

какъ у насъ, такъ и въ Берлинѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и къ объявленію германскимъ посломъ войны.

Роль, сыгранная начальникомъ берлинскаго Генеральнаго Штаба генераломъ фонъ-Мольтке, въ этомъ стремительномъ ускореніи роковой развязки, выяснена въ воспоминаніяхъ начальника австрійскаго Генеральнаго Штаба, генерала Конрада фонъ-Гетцендорфа, свидѣтельство котораго не можетъ быть опорочено съ германской стороны.

Принимая во вниманіе германскія оффиціальныя изданія, показывающія въ истинномъ ихъ свѣтѣ настроенія и дѣйствія берлинскихъ правящихъ круговъ, спрашиваешь себя, какую цѣль могутъ преслѣдовать германскіе націоналисты, упорствуя въ утвержденіяхъ, ложность которыхъ давно ясна всякому непредубѣжденному человѣку. Практическая польза этого удивительнаго упорства весьма сомнительна. Мнѣ кажется, что оно идетъ противъ цѣлей, которыя себѣ поставили націоналисты и болѣе вредитъ ихъ дѣлу, чѣмъ ему служитъ. Все чаще и чаще въ германской печати раздаются трезвые голоса, пытающіеся умѣрить патріотическія увлеченія націоналистовъ, видящихъ бревно въ глазу своихъ противниковъ и не допускающихъ въ своемъ собственномъ ни малѣйшаго сучка. Когда нибудь Германіи придется вернуться къ мирному сожительству съ сосѣдями, безъ чего ни она сама, ни ея сосѣди не будутъ въ состояніи жить сколько нибудь удовлетворительно. Бередитъ свои раны, чтобы поддерживать ихъ въ состояніи нагноенія, неразумная вещь, тѣмъ болѣе, что время, если только дать ему сдѣлать свою благотворную работу, залѣчиваетъ самыя тяжелыя язвы. Это замѣчаніе вызвано во мнѣ страстною полемикой германскихъ націоналистовъ, но можетъ быть отнесено и къ другимъ странамъ Европы, не исключая Россіи, испившей до дна чашу человѣческихъ страданій. Не надо давать злу и горю нашего времени затмевать видъ на всегда возможное болѣе свѣтлое будущее.

Возвращаясь къ вопросу о Проливахъ, я не могу не повторить еще разъ, что если намъ никогда не приходила въ голову преступная мысль затѣять европейскую

войну, чтобы разрѣшить его въ нашу пользу, то, съ другой стороны, русская дипломатія не могла, когда эта война была уже начата и притомъ не ею, не сосредоточить на немъ все свое вниманіе. Мы знали, что разрѣшеніе этого коренного вопроса русской внѣшней политики, въ смыслѣ вѣковыхъ ожиданій Россіи, возможно было не иначе, какъ въ связи съ европейской войной и что его разрѣшеніе могло одно примирить русское общественное мнѣніе съ тѣми огромными жертвами, на которыя эта война обрекала русскій народъ.

Почти вслѣдъ за объявленіемъ намъ войны, я почувствовалъ на себѣ, весьма осязательнымъ образомъ, давленіе общественнаго мнѣнія въ смыслѣ использованія создавшагося, помимо нашей воли, международнаго положенія для осуществленія острой потребности Россіи въ прочномъ обезпеченіи ея экономической свободы и политической безопасности. Вопросъ ставился для насъ съ неумолимою опредѣленностью: добиться его благопріятнаго разрѣшенія въ теченіе начавшейся европейской войны, или обречь русскій народъ на вѣроятно продолжительный періодъ экономическаго недомоганія и всегда возможной внѣшней опасности. На этотъ вопросъ могъ послѣдовать только одинъ отвѣтъ, на счетъ котораго въ 1914 году въ Россіи не было двухъ разныхъ мнѣній. Они явились три года спустя, когда, подъ вліяніемъ нравственнаго разложенія, вызваннаго переутомленіемъ войною и чадомъ революціонной пропаганды, затмившей здравый смыслъ и патріотическое сознаніе народа и его самозванныхъ руководителей, была произнесена, подсказанная народу изъ-за рубежа, пагубная формула: «безъ аннексій и контрибуцій». Ухватившись за нее, революціонное правительство начало отмахиваться отъ завѣщанной Россіи прошлыми вѣками политики и заклеймило себя актомъ историческаго отступничества, равнаго которому едва ли можно пріискать въ лѣтописяхъ человѣчества.

Но въ 1914-мъ году все было иначе. Русскій народъ не утратилъ еще сознанія своего національнаго существованія и это сознаніе неотразимо ощущалось въ области внѣшней политики. Необходимость приступить

къ разрѣшенію вопроса о Проливахъ выступила на первый планъ съ такою осязательной очевидностью, съ какой онъ никогда не представлялся ни одному государственному человѣку временъ Екатерины или Николая I, когда онъ не выходилъ еще изъ области кабинетной политики и не становился достояніемъ общественнаго мнѣнія всей Россіи. Правда, ни въ 19-мъ, ни тѣмъ болѣе въ 18-мъ столѣтіяхъ, общественное мнѣніе Россіи не было представлено особымъ органомъ, какъ это было послѣ введенія у насъ народнаго представительства. Я уже говорилъ, что всегда прислушивался къ мнѣнію нашихъ народныхъ представителей, въ которыхъ я могъ, въ ту пору, еще видѣть, по выраженію Государя, «лучшихъ русскихъ людей». Революціонныя волненія, отмѣтившія появленіе на свѣтъ Государственной Думы и наложившія свой отпечатокъ на первыя двѣ Думы, изжились и новые представители страны не успѣли еще заразиться тѣмъ озлобленіемъ противъ правительственной власти, которое явилось послѣдствіемъ ея роковыхъ ошибокъ за два года, предшествовавшіе революціи. Третья и четвертая Думы были собранія, съ которыми ни одинъ разумный министръ не имѣлъ права не считаться. Если въ послѣдней изъ нихъ и появились опасныя теченія, то государственная власть могла бы безъ труда преодолѣть ихъ, сойдя съ опаснаго пути принципіальнаго недовѣрія къ народному представительству и систематическаго отказа принять во вниманіе законное требованіе Думы видѣть у власти людей, къ которымъ она могла относиться съ уваженіемъ и довѣріемъ.

Вся Государственная Дума, за исключеніемъ немногочисленныхъ крайнихъ элементовъ, среди которыхъ преобладали инородцы, обнаружила къ вопросу о Проливахъ напряженный интересъ съ того момента, когда Турція вступила въ ряды нашихъ враговъ, являясь вѣрною представительницею настроенія всей мыслящей Россіи. При каждой встрѣчѣ съ членами Государственной Думы мнѣ приходилось выслушивать ихъ распросы о томъ, что намѣрено было сдѣлать правительство въ этомъ вопросѣ и горячія просьбы не пропустить

благопріятно сложившихся обстоятельствъ для окончательнаго разрѣшенія вѣковѣчной и мучительной ближневосточной проблемы, тормозившей правильное развитіе національной жизни.

Подобное настроеніе отвѣчало въ полной мѣрѣ моему собственному. Я давно сознавалъ, что процессъ историческаго развитія русскаго Государства не могъ завершиться иначе, какъ установленіемъ нашего господства надъ Босфоромъ и Дарданеллами, являющимися самой природой созданными воротами, черезъ которыя, непрестаннымъ потокомъ, выливались на Западъ природныя богатства Россіи, въ которыхъ Европа ощущаетъ постоянную потребность, и вливаются обратно необхдоимые намъ предметы ея промышленности. Всякая пріостановка въ этомъ обмѣнѣ производитъ опасное разстройство въ экономической жизни Россіи, похожее на застой кровообращенія въ человѣческомъ организмѣ и требующее постояннаго наблюденія и регулированія. Эта задача не можетъ быть предоставлена доброй или злой волѣ сосѣда, дѣйствующаго иногда подъ вліяніемъ врага или самого являющагося врагомъ. Черезъ эти же ворота вторгались въ Россію и вражескія силы, внося войну и раззореніе въ ея предѣлы. Нашъ единственный хорошій портъ, Севастополь, не можетъ служить надежной защитой отъ этой опасности, находясь на слишкомъ далекомъ разстояніи отъ Босфора. Всякій, кто знакомъ съ исторіей Русскаго Государства и кто смотритъ безпристрастно на возможность свободнаго роста и развитія нашего народа, самаго многочисленнаго въ Европѣ, пойметъ, что этотъ народъ не можетъ оставаться безконечное время въ положеніи несравненно менѣе благопріятномъ, чѣмъ то, въ которое поставлены другіе европейскіе народы, не призванные къ исторической роли, которую Россія играетъ съ воцаренія Романовыхъ, и которая проявилась не только въ созданіи великой Имперіи, но и въ выполненіи такой громадной культурной задачи, какъ освобожденіе и призваніе балканскихъ народовъ къ свободной политической жизни и внесенія гражданскаго порядка и цивилизаціи въ безграничныя области

Сѣверной и Средней Азіи. Если разрушительная работа безумной и безплодной революціи внесла временную пріостановку въ жизнь Россіи, то едва ли можно усомниться, что она проснется для новой и плодотворной дѣятельности, какъ скоро стряхнетъ съ себя ярмо коммунистическаго строя, навязаннаго русскому народу кучкою международныхъ фанатиковъ, использовавшихъ надломъ его нравственныхъ силъ, вызванный войною, и подготовленный прежними условіями его существованія. Онъ выйдетъ изъ бездны, казавшихся въ 20-омъ вѣкѣ невозможными, страданій, такъ-же, какъ онъ вышелъ изъ болѣе раннихъ болѣзней роста Монгольскаго Владычества и Смутнаго Времени, окрѣпшимъ и излѣченнымъ отъ политическаго утопизма, которымъ онъ страдалъ болѣе столѣтія.

Я былъ въ вопросѣ о Проливахъ за одно съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, хотя насъ раздѣлялъ роковой вопросъ о Константинополѣ, который русскій народъ назвалъ Царьградомъ и окружилъ въ своемъ воображеніи особымъ ореоломъ.

Что касается до меня, Царьградъ не представлялся мнѣ органически связаннымъ съ Босфоромъ и Дарданеллами. Мнѣ казалось, что онъ сильно затруднялъ разрѣшеніе вопроса о Проливахъ соотвѣтственно нашимъ интересамъ. Какъ сынъ Православной Церкви, я не могу относиться къ колыбели моей вѣры иначе, какъ съ чувствомъ благоговѣнія и благодарности, но политически я видѣлъ въ немъ всегда одну нежеланную помѣху. Между Москвой и Царьградомъ нѣтъ племенной связи, а духовная, по мѣрѣ развитія нашей церковной жизни и политическихъ судебъ Греческой Церкви, свелась къ мало осязаемому единству догматическаго ученія. Какъ ни цѣнны, въ моихъ глазахъ, наши отношенія ко Вселенской Патріархіи, они не затмевали для меня политическихъ разномыслій между нами и греками, на которыя мы наталкивались въ вопросахъ нашей восточной политики. Великое прошлое Византіи и историческій блескъ Константинополя создали для него обаяніе, котораго не могло разрушить даже его превращеніе въ столицу Османскихъ Халифовъ, ос-

новавшихъ, на крови и на костяхъ восточнаго Христіанства, государственную власть, съ которою Россіи привелось вести двухвѣковую борьбу.

Сдѣлавшись столицею султановъ, Константинополь не утратилъ своего политическаго значенія. Оно даже увеличилось, благодаря тому, что онъ сдѣлался центральнымъ передаточнымъ пунктомъ между Западомъ и мусульманскими странами, когда между ними установились правильныя торговыя сношенія. Этимъ объясняется, въ значительной степени, ревнивое отношеніе къ нему нашихъ западныхъ сосѣдей, которые старались упрочить въ немъ свое вліяніе, какъ экономическое такъ и политическое, въ ущербъ другъ другу и Россіи, какъ наиболѣе заинтересованной, по своему географическому положенію, въ судьбахъ Чернаго моря и Проливовъ. Въ этомъ отношеніи главными нашими противниками были долгое время Англичане и Французы. Съ начала 20-го столѣтія намъ пришлось встрѣтиться съ новымъ и еще болѣе опаснымъ соперникомъ въ лицѣ Германской Имперіи, вступившей на путь колоніальной политики и экономическихъ завоеваній.

Нападеніе на насъ въ 1914 году Центральныхъ Державъ и, подъ давленіемъ ихъ, Турціи поставило Россію въ необходимость выйти изъ роли внимательной наблюдательницы и поставить вопросъ о Проливахъ, иными словами, о нашей безопасности въ Черномъ морѣ, на очередь вопросовъ, требовавшихъ скорѣйшаго практическаго разрѣшенія. Бомбардированіе германскими военными судами, подъ турецкимъ флагомъ, нашихъ прибрежныхъ городовъ доказало намъ, насколько было шатко и опасно положеніе нашихъ южныхъ окраинъ. Я пришелъ къ заключенію о настоятельности начатія переговоровъ съ нашими союзниками о признаніи нашихъ правъ на обладаніе Проливами, какъ единственное обезпеченіе нашей безопасности. Поступая такимъ образомъ, я становился на путь, на который, много раньше насъ, въ другихъ частяхъ свѣта, стали наши союзники и друзья, не дожидаясь вторженія въ свои предѣлы непріятельскихъ силъ. Если бы я не поступилъ такъ, я не исполнилъ-бы своего долга по отноше-

нію къ своей родинѣ и былъ бы достоинъ осужденія русскаго народа.

Я зналъ, начиная переговоры съ французскимъ и великобританскимъ послами, что меня ожидали многочисленныя трудности.

Несмотря на наши двадцатилѣтнія союзныя отношенія съ Франціею, мы не могли достигнуть вполнѣ согласованной политики на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ французское правительство оберегало интересы своихъ подданныхъ, вложившихъ крупные капиталы въ различныя финансовыя предпріятія, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Малой Азіи. Помимо этихъ реальныхъ интересовъ его охранѣ подлежали и еще другіе, унаслѣдованные отъ временъ, иногда весьма отдаленныхъ, французской монархіи. Эта охрана выражалась въ покровительствѣ французскаго посольства многочисленныхъ римско-католическихъ духовныхъ учрежденій, независимо отъ того, боролось ли въ данное время французское правительство у себя съ римской церковью или нѣтъ. Охраняя эти разнообразные интересы, французское правительство имѣло въ виду оберегать на Востокѣ обаяніе французскаго имени и французской культуры противъ всякихъ враждебныхъ теченій.

На почвѣ финансовыхъ предпріятій между Россіею и Франціею не возникало недоразумѣній. Въ области желѣзнодорожныхъ концессій въ Малой Азіи намъ тоже, безъ особаго труда, удавалось разграничить сферы нашихъ взаимныхъ интересовъ. Что касается до вопросовъ религіозныхъ, то тамъ дѣло обстояло менѣе благополучно. Между Православными и Римско-Католическими Духовными учрежденіями на Востокѣ и особенно въ Палестинѣ, съ давнихъ поръ, существовало соперничество, приводившее иногда къ открытымъ столкновеніямъ, которыя затѣмъ посольствамъ приходилось улаживать совмѣстными усиліями.

Тѣмъ не менѣе Ближній Востокъ былъ тою областью, гдѣ, даже послѣ вступленія Россіи и Франціи въ союзническія отношенія, имъ не всегда удавалось достигнуть полнаго согласованія нашихъ политическихъ взглядовъ и цѣлей, какъ это замѣчалось обыкновенно,

когда возникали какія либо международныя осложненія. Эта несогласованность обнаруживалась опредѣленнѣе всего въ столицѣ турецкой имперіи, гдѣ французскіе представители нерѣдко проводили политику, несогласную съ интересами Россіи.

Что касается Англіи, то отношеніе ея къ нашимъ политическимъ цѣлямъ въ европейской Турціи было пережиткомъ старыхъ временъ соперничества и взаимной подозрительности, когда въ Англіи и у насъ, хотя можетъ быть и въ меньшей степени, никто не допускалъ мысли, чтобы что нибудь, могущее служить на пользу одной сторонѣ, этимъ самымъ не представляло опасности для другой. Такой упрощенный взглядъ, плохо служившій дѣлу европейскаго мира, находилъ сторонниковъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи, преимущественно среди лицъ консервативнаго образа мыслей и лишь либеральному правительству Гладстона удалось впервые порвать со старыми предразсудками и внести въ оцѣнку русской политики на Востокѣ болѣе справедливую точку зрѣнія. Этимъ объясняется та симпатія, которою окружена у насъ до сихъ поръ память этого государственнаго человѣка.

Со времени заключенія соглашенія между Россіею и Великобританію въ 1907 году, имъ удалось къ выгодѣ обѣихъ сторонъ установить болѣе дружественныя и довѣрчивыя отношенія. Нахожденіе у власти въ 1914 году либеральнаго правительства съ Сэромъ Эдуардомъ, нынѣ лордомъ, Грэемъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, уже доказавшаго, въ пору означеннаго соглашенія, свое желаніе достигнуть, въ интересахъ укрѣпленія міра, сближенія съ Россіею на почвѣ справедливаго размежеванія нашихъ обоюдныхъ сферъ вліянія въ Средней Азіи, давало мнѣ основаніе предполагать, что наши еще болѣе важныя интересы на Ближнемъ Востокѣ найдутъ у него такое же справедливое къ себѣ отношеніе. Я зналъ, что нежеланіе англичанъ допустить установленіе русской власти надъ турецкими Проливами исходило не только изъ опасенія перехода важнаго стратегическаго пункта въ руки Государства, которому общественное мнѣніе Англіи привыкло припи-

сывать враждебныя замыслы противъ ея владѣній въ Индіи, но также изъ убѣжденія, что на земномъ шарѣ не должно было быть моря, доступъ въ которое могъ бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оказаться закрытымъ для судовъ Великобританскаго флота. Въ отношеніи къ Проливамъ и къ Черному морю это убѣжденіе не можетъ быть названо иначе, какъ политическимъ суевѣріемъ. На сколько понятно и законно желаніе Англіи, какъ первой морской державы міра, вынужденной оберегать политическіе и торговые интересы, раскиданные на обоихъ полушаріяхъ, обезпечить себѣ свободу плаванія на всѣхъ міровыхъ путяхъ, на столько же мало понятнымъ кажется ея опасеніе допустить превращеніе Чернаго моря, имѣющаго характеръ закрытаго, въ достояніе Россіи и соприбрежныхъ съ нею странъ. Ожидать, что Россія, овладѣвъ Проливами, стѣснила-бы свободный доступъ въ Черное море торговыхъ судовъ западно-европейскихъ государствъ было совершенно неразумно. Почти вся русская вывозная и ввозная торговля производилась судами этихъ государствъ и всякія запретительныя мѣры нанесли бы прежде и больше всего ущербъ самой русской торговлѣ.

Само собою разумѣется, что европейская политика не могла руководиться подобными взглядами. Поэтому приходится допустить мысль, что, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, стратегическое значеніе Проливовъ оцѣнивалось выше торговаго и именно въ смыслѣ возможности нападенія на Россію, тогда какъ приписывать ей такіе замыслы противъ морскихъ державъ Запада не имѣло бы и тѣни основанія. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ Россія наиболѣе континентальная и какое-бы развитіе ни получили ея силы, она никогда не могла бы стать могущественной морской державой. Стоитъ взглянуть на ея карту, чтобы въ этомъ удостовѣриться.

Я рѣшился взять на свою личную отвѣтственность приступить къ переговорамъ относительно Проливовъ, въ видѣ предварительнаго, совершенно частнаго, обмѣна мыслей съ англійскимъ и французскимъ послами. Я

не посвятилъ въ мои намѣренія моихъ товарищей по Совѣту Министровъ. Среди нихъ, послѣ удаленія отъ дѣлъ гр. Коковцева и неудачной замѣны его И. Л. Горемыкинымъ, не было людей, съ которыми можно было разговаривать, съ пользою для дѣла, о предметахъ внѣшней политики. За то между ними было нѣсколько лицъ, которыхъ я имѣлъ основаніе опасаться изъ-за ихъ нерасположенія къ моимъ политическимъ взглядамъ, а, равнымъ образомъ, ихъ прирожденной неспособности хранить что либо про себя. Морской министръ, адмиралъ Григоровичъ, къ которому я относился съ уваженіемъ и довѣріемъ, благодаря его прямому характеру и симпатичнымъ мнѣ политическимъ сужденіямъ, былъ уже знакомъ со взглядами министерства иностранныхъ дѣлъ на вопросъ о Проливахъ и я могъ положиться на его готовность оказать мнѣ, въ нужную минуту, всякое содѣйствіе. Военнаго министра, генерала Сухомлинова, подобные вопросы вообще мало интересовали и я могъ, безъ ущерба для дѣла, его обойти.

Что касается до Императора Николая, обнаруживавшаго неизмѣнно живой интересъ къ вопросамъ внѣшней политики и правильное ихъ пониманіе, я зналъ напередъ, что мой починъ возбудитъ въ немъ горячее сочувствіе. Если я рѣшился начать переговоры съ союзными послами, не испросивъ предварительно его разрѣшенія, то я сдѣлалъ это на томъ основаніи, что мнѣ не хотѣлось вмѣшивать Государя въ первоначальную стадію переговоровъ, исходъ которыхъ мнѣ не былъ извѣстенъ. Беря на себя отвѣтственность за ихъ неудачу, я имѣлъ въ виду придать моему почину чисто личный характеръ. Я былъ готовъ, въ случаѣ этой неудачи, понести всѣ ея послѣдствія, заявивъ Государю, что дальнѣйшее мое нахожденіе во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ было несовмѣстимо съ интересами Россіи. Въ этомъ смыслѣ я вполнѣ откровенно высказался предъ союзными послами не съ цѣлью произвести давленіе на ихъ правительства, какъ это было заявлено впослѣдствіи однимъ извѣстнымъ французскимъ публицистомъ, соединявшимъ антипатію къ Россіи съ

желаніемъ использовать всѣ выгоды союза съ нею своей родины, а только для того, чтобы не оставить въ нихъ сомнѣнія въ твердости моего рѣшенія уйти со сцены, уступивъ мое мѣсто другимъ лицамъ, — а въ желавшихъ занять его не было недостатка, — политическая оріентація которыхъ была менѣе опредѣленна, чѣмъ моя.

Мысль о какомъ либо давленіи на рѣшеніе союзныхъ правительствъ была мнѣ тѣмъ болѣе чужда, что нахожденіе у власти такихъ государственныхъ людей, какъ покойный Делькассэ и, нынѣшній лордъ Грэй, на политическую мудрость и чувство справедливости которыхъ можно было вполнѣ положиться, значительно ослабляли возможность неудачи моихъ переговоровъ. Тѣмъ не менѣе она не была вполнѣ устранена и мнѣ приходилось допустить въ видѣ случайныхъ факторовъ, въ руководящихъ кругахъ нашихъ союзниковъ тѣхъ политическихъ предразсудковъ или суевѣрій, о которыхъ я упомянулъ выше. Поэтому я считалъ долгомъ внести возможно большую опредѣленность въ мои переговоры съ перваго момента ихъ возникновенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я вполнѣ ясно сознавалъ, что, для достиженія намѣченной мною цѣли, мнѣ было необходимо стать на путь уступокъ и возмѣщеній за выгоды, которыя должно было дать Россіи обезпеченіе ея важнѣйшихъ экономическихъ интересовъ и внѣшней безопасности. На это я былъ готовъ тѣмъ болѣе, что опредѣленно сознавалъ, что какъ Государь, такъ и весь русскій народъ, за исключеніемъ нравственно и умственно изуродованныхъ революціонною проповѣдью людей, съ мнѣніями которыхъ въ ту пору еще не приходилось считаться, не откажутся признать вмѣстѣ со мною право нашихъ союзниковъ на возмѣщенія. Событія оправдали мои расчеты и пока судьба Россіи находилась въ рукахъ психически здоровыхъ людей, не нашлось человѣка, который усомнился бы въ правильности взятаго мною почина. Для того, чтобы въ русскомъ народѣ исчезло сочувствіе къ цѣлямъ національной политики, понадобилось разлагающее вліяніе интернаціональной революціи, не нашедшее себѣ отпора

со стороны полоненнаго революціею временнаго правительства. Подъ этимъ вліяніемъ затуманились чувства народной чести, любви къ родинѣ и просто здраваго смысла и военный бунтъ 27-го февраля превратился въ кровавую и безумную революцію въ то время, когда на германскомъ фронтѣ взаимоотношеніе вооруженныхъ силъ въ первый разъ сложилось въ нашу пользу и Германія, по признанію самихъ нѣмцевъ, находилась въ величайшей опасности.

Въ ту пору, когда я приступилъ къ переговорамъ о Проливахъ, Россія была еще здорова и политика, стремившаяся осуществить національныя цѣли, была возможна. По мѣрѣ развитія переговоровъ моя вѣра въ ихъ успѣхъ росла и скоро превратилась въ увѣренность. Я ждалъ, чтобы выяснилось принципіальное отношеніе союзныхъ правительствъ къ предмету переговоровъ, чтобы доложить Государю о ихъ результатахъ.

Я могъ сдѣлать это въ концѣ второй половины октября 1914 года. Къ этому времени мнѣ уже было ясно, что требованіе Россіи уступки ей Проливовъ, если и не встрѣтитъ особеннаго сочувствія парижскаго и лондонскаго кабинетовъ, — этого трудно было ожидать, помня политику этихъ Державъ въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка,—то будетъ, по крайней мѣрѣ, признано законнымъ и оправдываемымъ событіями.

Въ то время рѣчь о Константинополѣ шла только мимоходомъ и я не противился мысли придать его будущему устройству международный характеръ. Мысль объ овладѣніи Константинополемъ меня, какъ сказано, не только никогда не прельщала, но я видѣлъ въ ней, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи, болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ сторонъ. Превратить бывшую Византію въ русскій городъ, который поневолѣ занялъ бы третье мѣсто въ іерархіи русскихъ городовъ, было очевидно невзможно, а сдѣлать изъ него новую южную столицу Россіи было нежелательно, а можетъ быть и опасно.

Государь принялъ мой докладъ о Проливахъ, какъ я того ожидалъ, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, которое вылилось въ памятныя мнѣ слова: «я вамъ

обязанъ самымъ радостнымъ днемъ моей жизни». Услышать эти слова для всякаго русскаго, взиравшаго на своего Государя, какъ на носителя идеи національнаго единства своей родины, было само по себѣ большой наградой. Прирожденная Императору Николаю II крайняя сдержанность удваивала цѣнность этой награды. Представляя ему проэктъ установленія русской власти надъ Проливами и устройства Константинополя на международныхъ началахъ, какъ оно въ ту пору обрисовывалось, я остановился подробно на доводахъ, которые побуждали меня относиться отрицательно къ мысли распространенія на Турецкую столицу русскаго владычества, мысли издавна дорогой многимъ русскимъ сердцамъ. Мнѣ хотѣлось предупредить, со стороны Государя, проявленіе того сентиментальнаго отношенія къ этому вопросу, которое обнаруживали обыкновенно патріотически настроенные классы русскаго народа. Я боялся, чтобы обаяніе имени Царьграда и освященная вѣками мечта о водруженіи Россіею православнаго креста на куполѣ Святой Софіи не предрѣшили взгляда Государя на вопросъ о судьбѣ Константинополя.

Этого не случилось, но уже тогда, изъ нѣкоторыхъ его замѣчаній, я вывелъ заключеніе, что онъ не вѣрилъ въ возможность удержаться на позиціи, занятой нами въ первой стадіи переговоровъ. Я самъ былъ недалекъ отъ этого мнѣнія, предвидя, что, съ развитіемъ событій, намъ придется ее покинуть подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и стратегической необходимости, передъ которой всегда исчезаютъ всякія иныя соображенія. Съ другой стороны отъ меня не ускользали безчисленныя осложненія, которыя ожидали насъ съ минуты установленія кондоминіума, намѣчавшагося въ первоначальномъ проэктѣ новаго устройства Константинополя. Даже при соблюденіи самаго справедливаго разграниченія сферъ интересовъ и вліянія каждой изъ оккупирующихъ сторонъ, нельзя было не предвидѣть неизбѣжныхъ треній и соревнованій, которыя должны были повести, по законамъ всякаго совмѣстнаго владѣнія, къ опаснымъ столкновеніямъ, послѣдствія которыхъ трудно было предусчесть.

Вся зима 1914-1915 годовъ прошла въ подготовительныхъ переговорахъ и къ марту 1915 года вопросъ о Проливахъ назрѣлъ настолько, что я могъ уже придать моимъ переговорамъ съ союзниками опредѣленную форму дипломатическаго соглашенія. Мнѣ пришлось это сдѣлать не только для того, чтобы закрѣпить ихъ согласіе на наше требованіе, но еще болѣе потому, что Государственная Дума и русская печать обнаруживали нетерпѣливый интересъ къ вопросу, которому Россія придавала наибольшее значеніе. Этотъ интересъ раздѣляли въ не меньшей степени наши военные круги, помнившіе горькій опытъ Крымской войны, а равно и появленіе британскаго флота подъ Галлиполи въ то время, когда русская армія, послѣ пораженія Турціи, должна была отказаться отъ заслуженной ею награды вступленія въ Константинополь, и находившіеся еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прорыва германскихъ судовъ въ Черное море и бомбардированія нашихъ незащищенныхъ портовъ въ октябрѣ 1914-го года,

Мнѣ было невозможно скрыть отъ Думы, что я велъ съ союзниками переговоры объ уступкѣ намъ Проливовъ и что я имѣлъ основаніе расчитывать на благополучное разрѣшеніе этого вопроса. Наши военное и морское вѣдомства были, само собою разумѣется, вполнѣ освѣдомлены о ходѣ переговоровъ и то давленіе на министерство иностранныхъ дѣлъ, котораго я опасался, не замедлило проявиться съ большою силою.

Подъ вліяніемъ этихъ условій, пріобрѣтавшихъ съ каждымъ днемъ, большее значеніе, отношеніе правительства къ вопросу о Царьградѣ стало постепенно измѣняться. Проэктъ международнаго устройства сталъ быстро отступать на задній планъ. Мысль о кондоминіумѣ никого не удовлетворяла. Общественное мнѣніе, поскольку оно находило себѣ выраженіе въ Государственной Думѣ, а также военные круги видѣли въ ней прямую опасность для осуществленія русскаго владычества надъ Проливами, необходимость котораго никѣмъ не оспаривалась. Если мнѣ было возможно не соглашаться со стремленіями русскаго общества, исходящими изъ вѣковыхъ и весьма почтенныхъ побужденій,

болѣе сентиментальнаго, чѣмъ политическаго характера, то, по отношенію къ настояніямъ нашихъ военныхъ властей, я былъ вполнѣ безоруженъ и долженъ былъ сдать мои позиціи, хотя и не былъ вполнѣ убѣжденъ ихъ доводами. Но съ Генеральнымъ Штабомъ о стратегіи не спорятъ.

Вслѣдствіе измѣненія предмета моихъ переговоровъ съ союзными послами, расширенныхъ внесеніемъ въ нихъ вопроса объ уступкѣ намъ Константинополя, мнѣ стало труднѣе отстаивать требованія русскаго правительства. Тѣмъ не менѣе мое положеніе въ отношеніи нашей новой союзницы Англіи было довольно опредѣленно. Вскорѣ послѣ пропуска Турціею, по настоянію германскаго посла, нѣмецкихъ военныхъ судовъ черезъ Проливы и ихъ налета на русскіе порты, Сэръ Эдуардъ Грэй выразилъ мнѣ, отъ имени великобританскаго правительства, согласіе на наше желаніе уступки намъ Проливовъ. Перваго февраля 1915 года это согласіе было мнѣ оффиціально подтверждено англійскимъ посломъ. Такимъ образомъ не оставалось мѣста никакому сомнѣнію въ дружественномъ намѣреніи Англіи считаться съ желаніями Россіи въ области, въ которой достиженіе соглашенія между нами представлялось до тѣхъ поръ едва-ли возможнымъ. Это дало мнѣ случай тогда же сообщить англійскому правительству, въ общихъ чертахъ, нашъ взглядъ на земельныя присоединенія, которыя казались намъ необходимыми для обезпеченія нашей безопасности въ Черномъ морѣ. Требованія Россіи сводились къ слѣдующему: на европейскомъ берегу долженъ былъ быть положенъ конецъ турецкому владычеству; линія Энось-Мидія, соединяющая Эгейское море съ Чернымъ, должна была служить границею между нами и Болгаріею; пограничная линія на Азіатскомъ берегу должна была проходить по рѣкѣ Сакаріи и положеніе наше въ Проливахъ должно было быть обезпечено съ южнаго берега Мраморнаго моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ экономическіе интересы Румыніи, Болгаріи и остальной Турціи, а также и интересы европейской торговли должны были быть приняты нами во вниманіе. Въ этомъ первоначальномъ

проэктѣ, какъ видно, Константинополь не упоминается, но взглядъ Русскаго правительства на судьбу этого города можно вывести косвенно изъ его намѣренія положить конецъ турецкому владычеству въ Европѣ.

Наше положеніе въ отношеніи старой союзницы Франціи было менѣе опредѣленно и требовало выясненія и уточненія. Эту задачу я поручилъ нашему послу въ Парижѣ, А. П. Извольскому, въ надеждѣ, что дружественное расположеніе къ Россіи тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, Делькассэ, облегчитъ ходъ переговоровъ по вопросу, къ разрѣшенію котораго ни правительство, ни общественное мнѣніе Франціи не были еще подготовлены.

Парижскіе переговоры, несмотря на добрую волю Делькассэ, подвигались довольно медленно. Убѣдить совѣтъ министровъ и французскую печать въ необходимости стать на точку зрѣнія Россіи въ вопросѣ жизненнаго значенія для нея, оказалось не легко. Отвлеченность и теоретичность, которыми отличается французскій способъ мышленія, служили не малой помѣхой для быстраго окончанія этихъ важнѣйшихъ переговоровъ.

Несмотря на то, что я началъ ихъ вести одновременно съ представителями обѣихъ союзныхъ державъ и продолжалъ ихъ параллельно въ Англіи и во Франціи черезъ нашихъ пословъ, я скоро убѣдился, что между обоими правительствами не существовало по вопросу о Проливахъ тѣснаго общенія и тѣмъ менѣе согласованія взглядовъ. Въ то время, когда изъ Лондона меня увѣдомляли о принятіи нашихъ пожеланій, въ Парижѣ еще стояли на точкѣ зрѣнія нейтрализаціи Проливовъ и устройства для Константинополя международнаго статута, въ духѣ того, который былъ созданъ для Танжера. Изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній вопроса о Проливахъ нейтрализація является, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи, худшимъ. Русское правительство никогда не скрывало своего предпочтенія сохраненія надъ ними турецкаго владычества. Нейтрализація важныхъ въ стратегическомъ отношеніи мѣстъ допустима только при наличіи военной силы, способной, въ нужную

минуту, охранить ихъ неприкосновенность, какъ мы видимъ на примѣрѣ Суэцкаго канала, оба берега котораго, хотя и принадлежатъ Египту, находятся подъ контролемъ англійскихъ военныхъ силъ. Что касается до турецкихъ Проливовъ, ихъ нейтрализація представлялась бы совершенно призрачной и зависѣла бы отъ доброй или злой воли наиболѣе сильной морской державы. На эту роль, какъ извѣстно, Россія никогда не претендовала да и не можетъ претендовать по своему географическому составу Все это на столько очевидно, что большевики, относящіеся весьма вольно къ обязанностямъ всякаго, даже самозваннаго, правительства оберегать неприкосновенность государственной территоріи, какъ видно изъ примѣра Брестъ-Литовскаго и Рижскаго мирныхъ договоровъ, съ трудомъ рѣшились подписать Лозанскій договоръ.

Если у насъ были возможны колебанія относительно политическаго положенія Константинополя, то, въ вопросѣ о Проливахъ, русское правительство сразу заняло вполнѣ опредѣленное положеніе и я не оставилъ, въ моихъ разговорахъ съ г. Палеологомъ и съ Сэромъ Джорджемъ Бьюкененомъ, въ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ. Тѣмъ не менѣе все указывало на то, что въ Парижѣ неохотно и съ трудомъ усваивали себѣ русскую точку зрѣнія, расходящуюся съ воззрѣніемъ, укрѣпившимся за долгіе годы политическихъ разногласій, прерываемыхъ иногда періодами открытой борьбы, которыми были отмѣчены отношенія между нею и Россіею. Въ этомъ отношеніи не помогъ и тотъ бракъ по расчету, который былъ заключенъ между ними въ концѣ прошлаго столѣтія подъ давленіемъ общей опасности со стороны Германіи. Возможность появленія Россіи на Проливахъ и въ Константинополѣ продолжала устрашать воображеніе французовъ, не легко свыкающихся съ перемѣной привычнаго имъ положенія вещей.

Признавая наличіе значительныхъ финансовыхъ и культурныхъ интересовъ Франціи въ Турціи и Константинополѣ въ частности, русское правительство, при предъявленіи своихъ правъ на турецкое наслѣдство въ

Европѣ, заявило о своемъ намѣреніи не только не посягать на эти права, но дать имъ новую гарантію въ формѣ взаимнаго соглашенія съ французскимъ правительствомъ. Цѣнность такой гарантіи была очевидна. Если въ Турціи было около четырехъ милліардовъ французскихъ денегъ, то въ Россіи ихъ было вдвое больше и пока существовала русская Имперія и съ нею — національное правительство, интересы нашихъ иностранныхъ заимодавцевъ пользовались защитою государственной власти и закона и охранялись неослабно даже въ самые тяжелые годы русской исторіи.

Что касается культурныхъ интересовъ Франціи въ Турціи, т. е. главнымъ образомъ, ея духовныхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденій, то большая ихъ часть была разбросана въ предѣлахъ Азіатской Турціи и перемѣна въ политическомъ положеніи Европы для нихъ не могла имѣть значенія.

Такъ какъ я не пишу дипломатической исторіи великой войны, ожидать которую придется еще много лѣтъ, а записываю здѣсь только мои личныя воспоминанія и впечатлѣнія главнѣйшихъ событій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, я не буду излагать подробно моихъ переговоровъ съ союзными правительствами по вопросу о Проливахъ и Константинополѣ. Скажу лишь, что они протекали, въ общемъ, благополучно и, если имѣть въ виду ихъ огромное значеніе, довольно быстро.

Въ концѣ зимы 1915-го года театръ военныхъ дѣйствій на Ближнемъ Востокѣ расширился вслѣдствіе кампаніи, начатой Англо-Французскими войсками на территоріи европейской Турціи въ ближайшемъ сосѣдствѣ турецкой столицы и Дарданеллъ, куда были отправлены значительныя морскія и сухопутныя силы. Послѣднія высадились на сѣверномъ берегу Дарданелльскаго полуострова съ расчетомъ, совмѣстнымъ движеніемъ на Константинополь и на Проливы, завладѣть ими и такимъ образомъ вывести Турцію изъ строя.

Цѣль эта была крайне заманчива и достиженіе ея должно было повліять на быстрый и благополучный исходъ войны, отрѣзать Германію отъ Болгаріи и Турціи и обезопасить Сербію съ юго-востока.

Оказались-ли силы Англо-Французской арміи недостаточными или стратегическій планъ кампаніи былъ невѣрно задуманъ и неудачно выполненъ, я не знаю, но союзный походъ на Константинополь стоилъ огромныхъ жертвъ и кончился неуспѣхомъ. По чьей мысли и по чьему настоянію была предпринята эта кампанія, до сихъ поръ, кажется, еще не выяснено. Бывшіе наши союзники утверждаютъ, что мысль о ней возникла у нашего главнаго командованія, ввиду облегченія нашихъ операцій на Азіатскомъ фронтѣ и что планъ ея былъ выработанъ г. Уинстономъ-Чэрчиллемъ, тогдашнимъ англійскимъ морскимъ министромъ.

На сколько я горячо сочувствовалъ мысли о вогнаніи клина между Турціею и Болгаріею и Центральными Державами на столько же мнѣ была непріятна возможность захвата Проливовъ и Константинополя силами нашихъ союзниковъ, а не русскими войсками и Черноморскимъ флотомъ. Мнѣ казалось, что разобщеніе между Австро-Германцами и Турціею можно было, съ меньшимъ рискомъ, достигнуть, направивъ союзныя войска изъ Македоніи на Болгарскую границу. Этимъ движеніемъ были бы парализованы всякія воинственныя поползновенія Царя Фердинанда и была бы въ корнѣ пресѣчена возможность его измѣны. Когда Галлиполійская экспедиція была окончательно рѣшена нашими союзниками и Англійскій и Французскій послы заявили мнѣ объ этомъ во время одного изъ своихъ ежедневныхъ посѣщеній, мнѣ стоило труда скрыть отъ нихъ непріятное впечатлѣніе, которое произвело на меня это извѣстіе. Я ограничился тѣмъ, что сказалъ имъ: помните, что вы предпринимаете эту экспедицію не по моей просьбѣ.

Помимо выше означенной причины у меня была и другая. Мнѣ казалось, что союзники, начиная свой подступъ къ Константинополю съ узкаго Дарданелльскаго полуострова, не добьются никакихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что укрѣпленія Проливовъ и столицы, находившіяся давно въ рукахъ нѣмцевъ, были, за первые шесть мѣсяцевъ войны, приведены въ состояніе полной исправности и значительно усилены. Но какъ у человѣка

не военнаго, у меня на этотъ предметъ не могло быть авторитетнаго мнѣнія. Взамѣнъ его у меня были одни впечатлѣнія и болѣе или менѣе разумныя опасенія, не имѣвшія ни въ чьихъ глазахъ, кромѣ моихъ собственныхъ, никакой цѣны, поэтому я никому ихъ не навязывалъ.

Галлиполійская экспедиція развивалась медленно и неудачно, но ходъ ея не имѣлъ вліянія на продолженіе начатыхъ мною осенью переговоровъ съ Лондономъ и Парижемъ. Ихъ надо было продолжать, не теряя времени, до достиженія намѣченной цѣли — признанія нашихъ правъ на Проливы и Константинополь. Съ своей стороны, мы, очевидно, были готовы отвѣтить имъ полной взаимностью на ихъ требованія территоріальныхъ уступокъ за счетъ общаго врага, Турціи, въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ были сосредоточены ихъ главные политическіе и экономическіе интересы.

Мало по малу вопросъ объ обладаніи Россіею Проливами и Константинополемъ созрѣлъ на столько въ сознаніи англійскаго и французскаго правительствъ, что я могъ отправить 17-го марта 1915 года русскимъ посламъ въ Лондонѣ и Парижѣ телеграмму слѣдующаго содержанія, составленную при участіи Сэра Джорджа Бьюкенена: «ходъ послѣднихъ событій привелъ Е. В. Императора Николая II къ убѣжденію, что вопросъ о Константинополѣ и Проливахъ долженъ быть окончательно разрѣшенъ въ смыслѣ вѣковыхъ стремленій Россіи. Всякое его разрѣшеніе, которое не включало бы въ составъ Русской Имперіи города Константинополя, западнаго берега Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ, а равно и южной Фракіи по черту Эносъ-Мидія, было бы не удовлетворительно. Подобнымъ-же образомъ, по стратегическимъ соображеніямъ, часть Азіатскаго побережья, заключающаяся между Босфоромъ и рѣкою Сакаріею и между пунктомъ, подлежащимъ опредѣленію, на берегу Измидскаго залива, острова Имбросъ и Тенедосъ должны будутъ быть присоедены къ Имперіи. Спеціальные интересы Великобританіи и Франціи въ означенной области будутъ строго соблюдены. Императорское правительство надѣется, что вы-

шеизложенныя соображенія будутъ благожелательно встрѣчены обоими союзными правительствами. Эти правительства, въ свою очередь, могутъ расчитывать на благожелательное отношеніе Императорскаго правительства при осуществленіи своихъ видовъ въ другихъ областяхъ Турціи, а также и внѣ ея предѣловъ».

Я привожу здѣсь цѣликомъ текстъ этой телеграммы, потому что изложенный въ ней проэктъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ области Проливовъ былъ, вскорѣ, послѣ его сообщенія въ Лондонъ и Парижъ, положенъ, безъ измѣненій, въ основаніе соглашенія, достигнутаго Россіею и ея союзниками. При дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ этотъ проэктъ былъ расширенъ и распространенъ на Азіатскія владѣнія Турціи. Настаивая на удовлетвореніи своихъ требованій, назрѣвавшихъ вѣками и унаслѣдованныхъ отъ минувшихъ поколѣній, Россія не имѣла въ виду противодѣйствовать требованіямъ приращенія своихъ союзниковъ въ тѣхъ частяхъ Азіатской Турціи, на которыя они предъявляли свои права.

Для насъ было существенно установить русскую власть въ той части Малой Азіи, которая прилегала къ Закавказскимъ владѣніямъ Россіи и которая, по своему этническому составу, была только въ небольшой долѣ Турецкою. Этотъ край былъ театромъ постоянныхъ возстаній и невѣроятныхъ, по своей жестокости, усмиреній. О значеніи армянскихъ вилаетовъ въ отношеніи спокойствія и благополучія нашего Закавказья я уже говорилъ въ связи съ моей попыткой введенія реформъ для этихъ провинцій, которыя были обитаемы едва ли не самымъ несчастнымъ христіанскимъ населеніемъ Турціи.

Была еще другая турецкая область, имѣвшая, въ глазахъ русскаго народа, чрезвычайно важное значеніе. Это была Палестина, куда столѣтіями направлялась непрерывная струя русскихъ паломниковъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Эти паломничества, по численности своей, превышали число паломниковъ всѣхъ другихъ христіанскихъ странъ вмѣстѣ взятыхъ и привели къ возникновенію Православнаго Палестинскаго Обще-

ства, обладавшаго большими матеріальными средствами и раскинувшаго сѣть своихъ духовныхъ и учебныхъ учрежденій по всей Палестинѣ и отчасти Сиріи. Эти учрежденія пользовались, ввиду ихъ національнаго значенія, особымъ покровительствомъ нашего посольства въ Константинополѣ и консульствъ на мѣстахъ. Въ силу общаго правила, что на востокѣ все, такъ или иначе, связано съ политикой, эти учрежденія, по существу своему чуждыя ей, не были лишены нѣкотораго политическаго значенія, являясь показателями русскаго вліянія. При переговорахъ съ союзниками относительно перемѣнъ, которымъ должно было подвергнуться политическое положеніе Турціи по окончаніи войны, вопросу о Палестинѣ было отведено свое мѣсто. Россія, не предъявляя для себя особыхъ правъ и преимуществъ, потребовала лишь неприкосновенности того положенія, котораго ей удалось достигнуть въ Палестинѣ во времена турецкаго владычества и, прежде всего, — безпрепятственнаго допущенія своихъ паломниковъ къ святымъ мѣстамъ, независимо отъ того новаго порядка, который долженъ былъ быть тамъ установленъ.

Весь мартъ 1915 года протекъ въ переговорахъ между Петроградомъ, Лондономъ и Парижемъ о Проливахъ и Константинополѣ. Они шли вполнѣ удовлетворительно, хотя и не ровнымъ шагомъ, причемъ Англія опережала союзную Францію. Делькассе не могъ не сознавать, что требованія Россіи были справедливы и что наступила пора положить конецъ политикѣ, которая держала Великую и дружественную державу, съ населеніемъ въ сто семьдесятъ милліоновъ жителей, въ мышеловкѣ, откуда ей не было выхода, но куда врагамъ ея былъ открытъ доступъ. Его товарищамъ по кабинету и французскому общественному мнѣнію, державшимся старой политической рутины, стоило большого труда освоиться съ новою для себя мыслью и Делькассэ пришлось выдержать упорную борьбу, чтобы преодолѣть ихъ сопротивленіе.

Въ Англіи тоже было немало противниковъ разрыва съ укоренившимися преданіями долгаго царство-

ванія королевы Викторіи, отличавшагося враждебностью*) къ Россіи, завѣщанной ей ея супругомъ, принцемъ Альбертомъ Кобургскимъ. Но въ характерѣ англійскаго народа есть черта, въ силу которой, разъ рѣшившись на какой нибудь шагъ, даже ему непривычный и непріятный, онъ уже не оглядывается назадъ, а совершаетъ его быстро, какъ проглатываютъ горькую пилюлю. Я уже упоминалъ выше о справедливости и безпристрастіи, которыми отличалась политика Сэра Эдуарда Грэя по отношенію къ Россіи еще задолго до начала европейской войны. Эти рѣдкія качества выступили особенно ярко въ связи съ переговорами о Проливахъ и Константинополѣ. Я не могу вспомнить о его роли, въ эту знаменательную для Россіи пору, иначе, какъ съ чувствомъ искренней признательности.

Къ концу марта оставалось только оформить состоявшееся соглашеніе и закрѣпить его въ видѣ письменнаго акта. Къ тому времени, когда было достигнуто удовлетворительное рѣшеніе по коренному вопросу, союзникамъ оставалось лишь выяснить наше отношеніе къ другому, существенному для нихъ, вопросу о гарантіи русскимъ правительствомъ свободы торговаго плаванія въ Проливахъ и Мраморномъ морѣ.

Принципіальное наше согласіе на широкое обезпеченіе экономическихъ интересовъ нашихъ союзниковъ и черноморскихъ прибережныхъ государствъ, а равно и всѣхъ дружественныхъ намъ державъ было выражено мною при началѣ переговоровъ. Выработка окончательной формулы этого обезпеченія была отложена до момента составленія текста мирнаго договора, въ который наша гарантія должна была быть включена.

27-го марта Сэръ Джорджъ Бьюкененъ вручилъ мнѣ меморандумъ, составленный имъ на основаніи инструк-

*) Въ недавно изданныхъ воспоминаніяхъ лорда Барти, бывшаго Англійскимъ посломъ въ Парижѣ во время войны, враждебное настроеніе автора къ русской политикѣ обнаружилось въ формѣ самыхъ неприличныхъ нападокъ на меня. Въ дипломатическихъ кругахъ лордъ Барти былъ вообще болѣе извѣстенъ своей грубостью, чѣмъ политическими талантами.

ціи изъ Лондона, въ которомъ подтверждалось согласіе англійскаго правительства на присоединеніе Россіею Проливовъ и Константинополя подъ условіемъ, что война будетъ доведена до побѣдоноснаго конца и что Великобританія и Франція осуществятъ свои пожеланія за счетъ Оттоманской Имперіи и «нѣкоторыхъ областей, лежащихъ внѣ ея». Условіе «доведеніе войны до побѣдоноснаго конца» было упомянуто въ меморандумѣ, хотя было вполнѣ очевидно, что, безъ этого условія, нельзя было говорить о пріобрѣтеніи какихъ бы то ни было частей Турецкой территоріи. Моя вѣра въ побѣду Тройственнаго Согласія надъ Центральными Державами, и въ ихъ твердую волю довести борьбу до конца, была, съ самаго начала войны, непоколебима, но я не предвидѣлъ, что единственной изъ державъ Согласія, не удовлетворившей этому основному условію, будетъ моя родина, выведенная изъ строя революціею въ ту пору, когда ей, наконецъ, удалось завершить свое вооруженіе и оставалось сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы пожать плоды трехлѣтней тяжелой борьбы. Поэтому включеніе въ англійскій меморандумъ этого условія не имѣло на мой взглядъ практическаго значенія. Русской революціи была суждена незавидная доля вложить въ эту оговорку реальное содержаніе, которое еще сокрыто отъ глазъ большинства нашихъ соотечественниковъ, благодаря перенесеннымъ огромнымъ большинствомъ изъ нихъ личнымъ страданіямъ и ужасной картинѣ разрушенія Россіи.

Во что обошлись русскому народу навязанные ему интернаціоналомъ отказъ отъ долга чести и отреченіе отъ завѣтовъ исторіи, станетъ ясно лишь будущимъ поколѣніямъ.

Въ числѣ упомянутыхъ въ англійскомъ меморандумѣ пожеланій были еще слѣдующія: устройство въ Константинополѣ вольнаго порта для склада и провоза товаровъ, имѣвшихъ назначеніемъ въ страны Малой Азіи и юговосточной Европы, кромѣ Россіи; оставленіе Аравіи и мусульманскихъ святыхъ мѣстъ подъ независимой мусульманской властью; подчиненіе нейтральной зоны въ Персіи англійскому вліянію путемъ пересмотра

русско-англійскаго соглашенія 1907 года. На всѣ эти пожеланія лондонскаго кабинета, какъ и на тѣ, которыя были намъ выражены Г. Палеологомъ относительно уступки Франціи Сиріи и Киликіи, русское правительство выразило свое согласіе. Дальнѣйшая разработка и уточненіе территоріальныхъ пріобрѣтеній нашихъ союзниковъ за счетъ Оттоманской имперіи были произведены позже, въ личныхъ переговорахъ между мною и ихъ особыми уполномоченными, Сэромъ Маркомъ Сайксомъ и г. Пико. Въ апрѣлѣ 1916 года, по окончаніи этихъ переговоровъ и выясненіи пожеланій каждаго изъ членовъ Тройственнаго Согласія, я сообщилъ въ письмѣ къ союзнымъ представителямъ въ Петроградѣ о согласіи Императорскаго Правительства на предъявленныя ими требованія о присоединеніи Англіею Месопотаміи и Франціею — Сиріи и Киликіи, подъ условіемъ пріобрѣтенія Россіею въ Малой Азіи Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса вплоть до пункта на Черноморскомъ побережьи, который долженъ былъ быть опредѣленъ при проведеніи новыхъ границъ. Часть Курдистана, лежащая на югъ отъ Вана и Битлиса, должна была равнымъ образомъ отойти къ Россіи, взамѣнъ чего Франція пріобрѣтала въ Малой Азіи значительную территорію съ городомъ Харпутомъ. Вотъ въ общихъ чертахъ соглашеніе, къ которому пришло русское правительство съ уполномоченными Англіи и Франціи въ 1916 году. Россія, благодаря постигшему ее внутреннему катаклизму, не только не сдѣлала новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но потеряла не мало старыхъ. Нашимъ союзникамъ пришлось тоже отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ намѣченныхъ ими турецкихъ областей. Надъ другими ими былъ установленъ протекторатъ болѣе или менѣе призрачнаго характера, принесшій имъ до сихъ поръ сомнительныя выгоды.

Я возвращаюсь къ событіямъ весны 1915-го года. Ходъ Галлипольской кампаніи нашихъ союзниковъ не обѣщалъ удачнаго исхода. Кабинеты Согласія, тѣмъ не менѣе, вели переговоры о временномъ устройствѣ Константинополя послѣ его паденія, расчитывая, что

оно совершится въ недалекомъ будущемъ. Окончательная судьба Турецкой столицы уже была предрѣшена соглашеніемъ между русскимъ и союзными правительствами, но, на время продолженія войны, вопросъ о такомъ временномъ устройствѣ требовалъ разрѣшенія. Съ этой цѣлью былъ составленъ совмѣстно проэктъ городского управленія Константинополя, въ которомъ, на ряду съ военнымъ командованіемъ, предвидѣлось гражданское устройство города. Мы отстаивали ту точку зрѣнія, что контроль главнокомандующаго союзными силами надъ верховными комиссарами Державъ, какъ представителями гражданской власти, не долженъ былъ быть допущенъ. Имѣлось въ виду учрежденіе шести отдѣловъ, которые должны были вѣдать всѣми отраслями гражданскаго управленія, причемъ каждому изъ союзныхъ правительствъ предоставлялось назначеніе двухъ начальниковъ отдѣловъ. Изъ этихъ отдѣловъ Россія оставляла за собой управленіе внутренними дѣлами и юстиціею. Завѣдываніе Вакуфами, т. е. мусульманскими духовными имуществами, поручалось мусульманину.

Я не касаюсь здѣсь проэкта мѣстной юрисдиціи, какъ наиболѣе спеціальнаго изъ всей системы временнаго устройства Константинополя, которому не суждено было, благодаря полной неудачѣ Галлиполійской экспедиціи, увидѣть даже начала осуществленія. Англо-Французскіе контингенты были спѣшно отозваны, во избѣжаніе непоправимой катастрофы. Этотъ эпизодъ союзной борьбы принесъ дѣлу согласія значительный нравственный и матеріальный ущербъ и соотвѣтственно тому повысилъ самонадѣянность его враговъ. Турки, начавшіе войну не по своему свободному выбору, а подъ принужденіемъ германскаго посла, Вангенгейма, не только укрѣпились въ своей вѣрѣ въ непобѣдимость Германіи, но начали не сомнѣваться въ своей собственной. Вообще же балканскіе кліенты Германіи сплотились еще тѣснѣе вокругъ своей покровительницы, служа ея интересамъ съ самоотверженіемъ, за которое имъ пришлось впослѣдствіи заплатить дорогую цѣну. Удары, наносимые туркамъ русскою арміею въ далекой

Малой Азіи, не производили желаннаго впечатлѣнія на Константинополь, находившійся въ крѣпкихъ германскихъ рукахъ. Картина измѣнилась только гораздо позже, послѣ балканскихъ побѣдъ маршала Франшэ-д'-Эсперэ. Онѣ раскрыли туркамъ и болгарамъ глаза на безнадежность ихъ положенія и этимъ приблизили моментъ германскаго пораженія на западномъ фронтѣ.

Событіе это, важность котораго нельзя достаточно подчеркнуть, не застало уже Россіи въ рядахъ побѣдителей. Революція была, въ ту пору, занята устройствомъ своей пролетарской республики, основанной на костяхъ лучшихъ сыновъ прежней Россіи. Русскій марксизмъ самъ себя извергъ изъ среды цивилизованныхъ государствъ, совершивъ надъ народомъ актъ произвольнаго самоотравленія въ то время, когда всѣ силы страны, какъ духовныя, такъ и матеріальныя, были ей нужнѣе, чѣмъ когда-либо за все ея существованіе. Я говорю о самоотравленіи, а не самоубійствѣ, такъ какъ, къ счастью, нѣтъ яда, котораго не могъ-бы преодолѣть молодой и сильный организмъ русскаго народа.

XI.

Война 1914 года застигла врасплохъ не только противниковъ Австро-Венгріи и Германіи, что, очевидно, было въ порядкѣ вещей, но и самихъ ихъ союзниковъ, что не могло быть выгодно ни Австріи, ни Германіи. Это обстоятельство тѣмъ болѣе непонятно, что ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ не предавались самообольщенію насчетъ крѣпости союзовъ, связавшихъ Центральные кабинеты съ Италіею и Румыніею, заинтересованныхъ, какъ та, такъ и другая, въ ослабленіи Австро-Венгріи. Остается предположить, что увѣренность въ громадномъ превосходствѣ военной подготовки и боевыхъ силъ Германіи заставила Австро-Венгерцевъ пренебречь всякими другими соображеніями въ надеждѣ втянуть въ свою орбиту колеблющихся союзниковъ

силою военнаго успѣха, тѣмъ болѣе что они смотрѣли на этихъ союзниковъ, какъ не на вполнѣ равноправныхъ. Событія, какъ извѣстно, разбили эти надежды. Италія и Румынія остались нейтральными. Вскорѣ стало ясно, что объявленный ими нейтралитетъ не былъ дружественнымъ по отношенію къ Центральнымъ Державамъ, а былъ вызванъ ихъ боевой неготовностью, почему онъ не могъ продолжаться дольше срока, нужнаго для завершенія ихъ вооруженій. Для Италіи, какъ великой державы, этотъ срокъ былъ короче, чѣмъ для Румыніи съ ея ограниченными матеріальными средствами и ея небольшимъ населеніемъ.

Какъ бы ни были эти государства заинтересованы въ выступленіи противъ своихъ недавнихъ союзниковъ, имъ было нужно, прежде чѣмъ перейти Рубиконъ, сговориться съ новыми союзниками относительно тѣхъ выгодъ, которыя ихъ выступленіе должно было принести. Какъ Италія, такъ и Румынія преслѣдовали цѣль возможно полнаго включенія въ свои границы соплеменниковъ, находившихся подъ властью Габсбургской Монархіи. Если бы Вѣнскій кабинетъ обнаружилъ нѣкоторое желаніе удовлетворить, хотя бы частично, эти желанія, возможно, что сознаніе огромности риска и жертвъ, сопряженныхъ съ войною, удержало бы Италію и Румынію отъ вступленія на путь, который долженъ былъ ускорить гибель Австро-Венгріи и побудилъ бы ихъ удовольствоваться временнымъ компромиссомъ. Такого рода рѣшеніе было бы не только въ интересахъ самой Австро-Венгріи, но и Германіи. Однако, и въ этомъ случаѣ, изъ Берлина не было своевременно принято серьезныхъ мѣръ воздѣйствія на Вѣну и ея упорству былъ предоставленъ полный просторъ. Боялась-ли Германія лишиться, въ самую нужную минуту, поддержки своей союзницы или она была убѣждена, что время для дипломатическаго торга было уже пропущено, но какъ въ Римѣ, такъ и въ Бухарестѣ вскорѣ увидѣли, что всякое соглашеніе съ Вѣной, и еще болѣе — Будапештомъ, совершенно безнадежно и что ожидать чего либо можно было только отъ державъ Согласія.

Это теченіе взяло верхъ и, тотчасъ послѣ объявленія войны, между кабинетами Согласія и Римомъ и Бухарестомъ открылись переговоры относительно тѣхъ территоріальныхъ уступокъ, которыя Согласіе было готово сдѣлать Италіи и Румыніи за счетъ Австро-Венгріи въ случаѣ побѣды надъ Центральными Державами.

Императорское правительство поставило себѣ за правило не препятствовать видамъ своихъ союзниковъ въ вопросахъ, касавшихся измѣненія карты западной Европы, имѣвшаго для насъ второстепенное значеніе, предоставляя себѣ рѣшающій голосъ тамъ, — т. е. въ восточной и юговосточной Европѣ, — гдѣ были ближайшимъ образомъ затронуты интересы Россіи. Ввиду того, что территоріальныя притязанія Италіи простирались не только на южные склоны Альпъ и на Истрію, но также и на нѣкоторыя части восточнаго побережья Адріатическаго моря, а требованія Румыніи касались юго-восточныхъ областей Габсбургской Имперіи, на долю Петроградскаго Кабинета выпала трудная задача договориться съ обѣими державами, не теряя изъ виду интересовъ нашихъ юго-славянскихъ союзниковъ. Насколько сложна была эта задача, я увидѣлъ съ перваго же дня, когда Итальянское и Румынское правительства заявили о своей готовности вступить въ переговоры по вопросу о ихъ національномъ объединеніи. Я долженъ признаться, что требованія ихъ показались мнѣ преувеличенными. Насколько я считалъ законнымъ желаніе Италіи получить на сѣверѣ стратегическую границу, которая обезопасила бы ее навсегда отъ угрозы вторженія чрезъ Альпійскіе проходы, бывшіе въ рукахъ Австріи, настолько же не оправдывались, въ моихъ глазахъ, итальянскія притязанія на бо́льшую часть Далматинскаго побережья съ прилегающими къ нему островами, заселеннаго сплошнымъ славянскимъ населеніемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ. Итальянцы, предъявляя свои требованія, объясняли ихъ необходимостью владѣть, ради безопасности, обоими берегами Адріатики. Я прилагалъ всѣ усилія, чтобы убѣдить Итальянскаго посла, что, имѣя въ своихъ рукахъ Таранто, Анкону, Венецію,

Тріэстъ, Полу и Валлону, обладаніемъ которой они въ то время еще очень дорожили, они могли бы считать свое положеніе въ Адріатикѣ вполнѣ обезпеченнымъ, тѣмъ болѣе что, даже при переходѣ Далматіи во владѣніе Сербіи, превращеніе послѣдней въ сильную морскую державу было едва-ли вѣроятно. Тѣмъ не менѣе Италія настаивала на своихъ требованіяхъ присоединенія намѣченной части побережья и на нейтрализаціи той, которая должна была отойти къ Сербіи.

Тройственному Согласію важно было заручиться участіемъ Италіи въ войнѣ и поэтому наши союзники побуждали русское правительство къ возможно бо́льшей уступчивости въ Адріатическомъ вопросѣ. Я сознавалъ всю цѣну союза съ Италіей не только съ точки зрѣнія общаго его значенія для Согласія, но и съ нашей собственной, ввиду помощи, которую она могла оказать намъ въ борьбѣ съ Австріей, вынуждавшей насъ держать значительныя силы на юго-западномъ фронтѣ, которыя были бы намъ полезнѣе на сѣверѣ противъ Германіи. Мнѣ стоило большого усилія надъ собой, чтобы, ради выгодъ итальянскаго союза, пожертвовать интересами сербскаго народа, желанія котораго могли получить осуществленіе только въ связи съ Великой войной. Выходъ къ морю былъ, во всякомъ случаѣ, обезпеченъ Сербіи, но значительная часть сербскаго населенія лишалась возможности присоединиться къ объединенной родинѣ. Помимо этой стороны дѣла меня озабочивала еще и другая, которая, хотя и не представляла немедленной опасности, угрожала въ будущемъ серьезными политическими осложненіями. Размежеваніе итальянскихъ и сербскихъ владѣній по Адріатическому побережью, согласно проэкту Римскаго кабинета, должно было, черезъ нѣкоторое время, неминуемо привести къ столкновенію между Италіею и Сербіею, опасному для Европейскаго мира. Созданіе на Адріатикѣ еще одного лишняго очага международныхъ конфликтовъ вдобавокъ къ тѣмъ, которые должны были естественно возникнуть послѣ окончанія войны, было крайне нежелательно. Къ счастью заинтересованныхъ сторонъ и всей Европы и къ чести

итальянскихъ государственныхъ людей, опасность эта теперь устранена. Установленіе дружественныхъ отношеній между Италіею и Югославіею, путемъ взаимныхъ уступокъ, служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ дальнѣйшаго мирнаго сожительства двухъ сопредѣльныхъ народовъ, изъ которыхъ одинъ уже достигъ своего расцвѣта, а другой стоитъ на вѣрномъ пути развитія своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Остается только желать, чтобы этотъ благой примѣръ разрѣшенія международныхъ споровъ, посредствомъ полюбовнаго соглашенія, нашелъ себѣ подражателей у другихъ европейскихъ народовъ. Это тѣмъ болѣе желательно теперь, пока громоздкій аппаратъ Лиги Націй, медлительный и сложный, не пріобрѣлъ еще должнаго авторитета и рѣшенія его оставляются въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ вниманія.

Переговоры о выступленіи Италіи совмѣстно съ Тройственнымъ Согласіемъ продолжались до мая 1915 года, когда она объявила Австро-Венгріи войну. За это время Италія, боевая подготовка которой была недостаточна, успѣла значительно подвинуть ее впередъ и организовать, сообразно нуждамъ войны, свои многочисленные и хорошо оборудованные металлургическіе заводы. Эти десять мѣсяцевъ дипломатической и технической подготовительной работы не прошли для Италіи безъ пользы какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ.

Нельзя сказать, что переговоры съ Румыніею, главная тяжесть которыхъ пала на русское правительство, шли быстро и успѣшно. Съ самаго ихъ начала румынское правительство, въ лицѣ г. Братіяно, заняло неопредѣленное положеніе. Отказавшись стать на сторону Центральныхъ Державъ, вопреки настояніямъ короля Карла, вѣрившаго въ торжество Германіи и желавшаго исполнить свои союзническія обязательства, Румынія держала себя настолько двусмысленно, что Державы Согласія, долгое время, не могли уяснить себѣ, пойдетъ ли она по пути, избранному Италіею, или же снова примкнетъ къ своимъ прежнимъ союзникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не отказывалась отъ веденія въ

Петроградѣ переговоровъ съ цѣлью выяснить, какую цѣну Россія готова предложить ей, чтобы она окончательно порвала съ Центральными Державами и связала свою судьбу съ новыми друзьями. Въ самомъ началѣ переговоровъ у меня создалось впечатлѣніе, что колебанія Румыніи зависѣли, главнымъ образомъ, отъ неувѣренности, на чьей сторонѣ останется побѣда и отъ опасенія поставить свою ставку на битую лошадь. Такое настроеніе крайне затрудняло переговоры и утомляло кабинеты Согласія. Тѣмъ не менѣе, оно не возбуждало съ ихъ стороны черезчуръ рѣзкаго осужденія, такъ какъ имъ было извѣстно, что Румынія была совершенно не готова къ войнѣ. Не смотря на эту неподготовленность, Румынія предъявляла настолько высокія требованія территоріальныхъ вознагражденій, что не разъ казалось, что переговоры должны будутъ оборваться, не достигнувъ цѣли. Уступка Румыніи областей Венгріи, имѣвшихъ румынское населеніе и желавшихъ присоединенія къ ней, ради освобожденія отъ мадьярскаго гнета, не составляла никакихъ затрудненій и была предрѣшена въ благопріятномъ смыслѣ. Задержки возникали въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія г. Братіяно касались областей, въ которыхъ румынскій элементъ былъ представленъ гораздо слабѣе, какъ, напримѣръ, въ Буковинѣ и въ Банатѣ, гдѣ были задѣты интересы Россіи и Сербіи.

Вопросъ объ участіи Румыніи въ войнѣ внесъ нѣкоторое раздвоеніе во взгляды Державъ Тройственнаго Согласія. Въ глазахъ Петроградскаго кабинета главной цѣлью политики Согласія долженъ былъ быть разрывъ между Румыніею и Центральными Имперіями, который гарантировалъ бы болѣе ея нейтралитетъ, чѣмъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Румынія, благодаря своимъ естественнымъ богатствамъ, является крупнымъ экономическимъ факторомъ Юговосточной Европы. Роль ея, какъ поставщицы зерна и нефти, въ которыхъ Германія и Австрія ощущали острую нужду, пріобрѣтала, во время войны, исключительное значеніе. Лишить нашихъ враговъ румынскаго ввоза было моей главной заботой и за эту услугу Императорское

Правительство было готово заплатить Румыніи высокую цѣну.

Привлеченіе ея на поля сраженій было сопряжено не только съ неудобствами, но и съ большимъ для насъ рискомъ, такъ какъ возлагало на насъ обязанности, которыя должны были внести безпорядокъ въ наши военные планы. Съ этимъ безпорядкомъ, при несовершенствѣ нашей боевой организаціи, намъ было не легко справиться. Быть постоянно наготовѣ для оказанія помощи слабому союзнику, была задача болѣе посильная Германіи, чѣмъ намъ, да и ей она давалась не безъ труда.

Активная помощь Румыніи могла быть намъ полезна только при двухъ условіяхъ: если бы вступленіе румынской арміи въ борьбу противъ Австро-Венгріи совершилось одновременно съ наступленіемъ генерала Брусилова, приведшимъ ко взятію Львова и Перемышля въ началѣ 1915 года, и если бы румынскія войска, вмѣсто того, чтобы спѣшить занять Трансильванію и заручиться такимъ образомъ пріобрѣтеніемъ области, которая при успѣшномъ исходѣ войны не могла безъ того не достаться ей, ударили на болгаръ и предотвратили ихъ нападеніе на Сербію, разгромъ которой открылъ Германіи свободный доступъ въ Турцію. Румынія не выполнила ни того, ни другого условія и, преслѣдуя свои узкія цѣли, требовала, вдобавокъ, отъ Россіи обезпеченія ея южной границы отъ возможнаго вторженія Болгаръ въ Добруджу. На этихъ условіяхъ выступленіе Румыніи на сторонѣ Державъ Согласія теряло всякую цѣнность.

Я считаю полезнымъ привести здѣсь мнѣніе безпристрастнаго и авторитетнаго иностранца, французскаго генерала Бюа (Buat) *), которое указываетъ на то, какъ оцѣнивалось руководящими военными сферами Франціи положеніе, занятое Румыніею въ первую стадію европейской войны. Этотъ писатель, въ сочиненіи, появившемся послѣ заключенія мира утверждаетъ, что своевременное объявленіе войны Румыніею Австро-Венгріи, а именно въ моментъ наступленія гене-

*) General Buat. Hindenbourg et Ludendorff. Pages 165, 166.

рала Брусилова, могло бы имѣть рѣшающее вліяніе на исходъ войны, въ концѣ-же августа 1916 года оно являлось уже запоздалымъ.

Этотъ взглядъ генерала Бюа́ на нерѣшительное и позднее выступленіе Румыніи раздѣлялся вполнѣ и русскими военными кругами и мною лично. Дни моего пребыванія во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ были уже сочтены. Смѣнившій меня въ этой должности Штюрмеръ держался въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, противоположнаго со мною взгляда. Это облегчало ему обязанность имѣть собственное мнѣніе въ вопросахъ внѣшней политики. По настояніямъ нашихъ союзниковъ, дѣйствовавшихъ, въ свою очередь, подъ давленіемъ нервно настроеннаго общественнаго мнѣнія, начальникъ русскаго главнаго штаба, генералъ Алексѣевъ, былъ вынужденъ потребовать, въ концѣ августа 1916 года, немедленнаго выступленія Румыніи противъ Австріи подъ угрозой лишенія ея обѣщанныхъ выгодъ. Въ глазахъ Штюрмера это было большимъ дипломатическимъ успѣхомъ, на самомъ же дѣлѣ это было ошибкою, размѣры которой генералъ Алексѣевъ вѣрно оцѣнивалъ. Мы были не въ силахъ вынести Румынію на своихъ плечахъ изъ кровавой свалки. Два года напряженной войны, застигшей насъ врасплохъ, страшно разрѣдили нашу армію и привели ея, безъ того недостаточное, вооруженіе въ состояніе непригодности. Каждый солдатъ и каждое орудіе были необходимо нужны для удержанія нѣмцевъ на линіи, на которой намъ удалось остановить ихъ вторженіе въ русскую территорію, а тутъ приходилось, черезъ силу, опекать и ограждать новаго союзника, не успѣвшаго за два года сомнѣній и колебаній привести себя въ должный боевой видъ.

Дальнѣйшія событія вскорѣ доказали, что, насколько намъ былъ цѣненъ дружественный нейтралитетъ Румыніи, настолько же была опасна ея военная помощь. Короткое время спустя по ея выступленіи, румынскую армію постигла катастрофа, приведшая государство къ краю гибели. Единственнымъ спасеніемъ отъ нея было заключеніе безславнаго мира, связаннаго съ именемъ

Маргиломана. Король и Королева, выказавшіе въ эту тяжелую минуту много патріотической стойкости, остались вѣрными союзу съ Державами Согласія. Только окончательная побѣда нашихъ союзниковъ на Западномъ театрѣ войны могла спасти Румынію, которая, благодаря имъ, вышла изъ страшнаго шквала, въ которомъ чуть не погибла, со значительными территоріальными приращеніями. Надо сознаться, что эти приращенія не соотвѣтствовали роли, которую она сыграла въ военныхъ дѣйствіяхъ, не говоря уже о послѣдовавшемъ захватѣ Бессарабіи путемъ продѣлокъ, изъ которыхъ нарушеніе торжественно даннаго слова было едва ли не самой невинной.

Само собою разумѣется, что горькая участь, постигшая вѣрное Россіи молдаванское населеніе, освобожденное ею въ 1812 году изъ подъ ига Турціи и ставшее за сто слишкомъ лѣтъ разумнаго и благожелательнаго русскаго управленія одной изъ наиболѣе цвѣтущихъ областей Имперіи, могла поразить ее только благодаря сверженію въ Россіи законной національной власти, оберегавшей неприкосновенность государственной территоріи и замѣнѣ ея интернаціональнымъ большевизмомъ, вышедшимъ изъ революціи и не признающимъ ни народности, ни границъ.

Населеніе Бессарабіи, состоящее въ четырехъ сѣверныхъ уѣздахъ преимущественно изъ молдаванъ, а въ южныхъ трехъ — изъ пестрой этнической смѣси, въ которой молдаване представлены слабо, отнеслось съ возмущеніемъ къ своему насильственному присоединенію къ Румыніи, совершенному, будто бы, во имя національнаго объединенія молдавскаго народа и подъ предлогомъ возвращенія въ лоно общей родины части, отторгнутой отъ нея Россіею въ 1812 году. Я уже имѣлъ случай коснуться выше этого вопроса, къ которому западно-европейское общественное мнѣніе отнеслось съ легкомысліемъ, объяснимымъ его малымъ знакомствомъ съ исторіею восточно-европейскихъ народовъ. Наши бывшіе союзники, которымъ истинное положеніе вещей было извѣстно, также отнеслись безразлично къ захвату Бессарабіи съ ея болѣе чѣмъ двухъ

милліоннымъ населеніемъ, неопрошеннымъ относительно его воли, а переданнымъ въ чужое подданство, какъ африканскіе дикари. Вскорѣ этотъ актъ насилія былъ ими санкціонированъ оффиціальнымъ признаніемъ присоединенія Бессарабіи къ Румыніи. Этотъ поступокъ оставилъ въ русскихъ сердцахъ неизгладимый слѣдъ горечи и обиды. Я не берусь объяснить причину рѣшенія союзниковъ, ни опредѣлить долю отвѣтственности тѣхъ государственныхъ людей, которые его поддерживали. Несомнѣнно только то, что, отторгая Бессарабію отъ Россіи, союзники безсознательно выполнили программу Германіи, обѣщавшей эту область румынамъ за ихъ выступленіе противъ Державъ Согласія въ началѣ европейской войны. Въ ту пору Румынія благоразумно отказалась отъ этого опаснаго дара. Затѣмъ, съ появленіемъ большевизма, все измѣнилось и Румынія захватила плохо лежавшую Бессарабію, отъ которой она незадолго еще отказывалась. Мнѣ привелось услышать, какъ объясненіе положенія, занятаго Франціею и Англіею въ Бессарабскомъ вопросѣ, что, благодаря согласію на отдачу румынамъ Бессарабіи, союзники спасли эту область отъ ужасовъ большевистскаго разгрома. Очевидно, что, какъ бы не относиться отрицательно къ румынской системѣ управленія, съ ея безчисленными недочетами, хозяйничанье большевиковъ еще тяжелѣе отозвалось-бы на положеніи этой цвѣтущей окрайны. Но самый фактъ насилія отъ этого не мѣняется. Бессарабія, въ полномъ ея составѣ, никогда не имѣла политической связи съ Румынскимъ государствомъ. Даже южные ея уѣзды, съ молдаванскимъ населеніемъ лишь въ меньшинствѣ, присоединенные къ Дунайскимъ Княжествамъ по Парижскому договору 1856 года, находились въ зависимости отъ Румынскаго Княжества лишь въ теченіе весьма короткаго срока, т. е. отъ момента созданія Княжества Румыніи до Берлинскаго конгресса.

Если, какъ я сказалъ, мнѣ неизвѣстно, на чьей совѣсти лежитъ грѣхъ отторженія Бессарабіи, то побужденія Франціи въ этомъ вопросѣ, я думаю, не трудно объяснить. Крушеніе русской Имперіи, подъ ударомъ

большевизма, произвело коренную перемѣну въ воззрѣніяхъ многихъ французскихъ государственныхъ людей на цѣнность русскаго союза. Въ числѣ ихъ было не мало лицъ и ранѣе враждебно настроенныхъ къ монархическому порядку и, въ частности, — къ русскому, съ которымъ они были вынуждены связать судьбу своей родины, ввиду вѣчно грозившей ей германской опасности. Неожиданный для всѣхъ, не исключая самихъ большевиковъ, успѣхъ ихъ предпріятія развязалъ руки нашимъ французскимъ недоброжелателямъ, убѣдивъ ихъ, что не было болѣе нужды считаться съ мало симпатичной союзницей, которая, къ тому же, была выведена изъ строя. Къ этому чувству примѣшивалось еще желаніе, давно замѣчавшееся у нѣкоторыхъ французскихъ государственныхъ людей, создать себѣ въ восточной Европѣ кліентовъ, могущихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, замѣнить союзниковъ. Въ роли такого кліента Румынія могла принести нѣкоторую пользу. Къ огорченію русскихъ друзей Франціи нашимъ бывшимъ союзникамъ не приходило въ голову напрашивавшееся само собою сравненіе между Бессарабіею и Эльзасомъ и Лотарингіею, крѣпко сросшимися съ Франціею, хотя у нихъ и не было ничего общаго съ точки зрѣнія національности и языка. За то между ними установилась настолько сильная культурная связь, что, почти полстолѣтія существованія въ составѣ Германской Имперіи, не измѣнило ихъ чувствъ привязанности къ Франціи, несмотря на то, что зависимость отъ Германіи давала имъ значительныя матеріальныя выгоды. Нѣтъ сомнѣнія, что присоединеніе къ Румыніи не дастъ Бессарабіи подобныхъ выгодъ и что единеніе ея съ сородичами королевства будетъ имѣть для нея больше отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ результатовъ. Примѣръ Эльзаса и Лотарингіи доказалъ, что память сердца имѣетъ значеніе и въ политикѣ. Россія вѣритъ, что, оторванная отъ нея, прекрасная область вернется къ ней и что засилье, жертвою котораго она стала, отступитъ предъ давленіемъ свободно выраженной воли Бессарабскаго народа, которая всегда найдетъ у нея горячій откликъ.

Записывая эти строки, я переношусь къ засѣданію Совѣщанія Пословъ по Бессарабскому вопросу, къ которому была привлечена русская политическая делегація, собравшаяся въ Парижѣ послѣ перемирія 1918-го года. На этомъ засѣданіи, единственномъ въ которомъ делегація принимала участіе за все время своего существованія, присутствовали М. Н. Гирсъ, В. А. Маклаковъ и я. Развивая русскую точку зрѣнія на Бессарабскій вопросъ, мы настаивали на невозможности предрѣшить участь Бессарабіи безъ предварительнаго плебисцита для свободнаго выясненія желаній самаго населенія, что было бы актомъ элементарной справедливости и отвѣчало бы принципу самоопредѣленія народовъ, поддержанному президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, Вильсономъ. Требуя плебисцита, мы настаивали, чтобы, прежде всего, были опрошены жители тѣхъ четырехъ уѣздовъ, гдѣ преобладало молдаванское населеніе. Такимъ образомъ вопросъ о присоединеніи Бессарабіи къ Румыніи былъ бы разрѣшенъ наиболѣе заинтересованной въ немъ частью населенія. Такой способъ разрѣшенія Бессарабскаго вопроса самими молдаванами представлялся намъ наилучшимъ. Казалось, что, поставивъ вопросъ на такую разумную почву, мы его тѣмъ самымъ и рѣшали.

На томъ засѣданіи Совѣщанія Пословъ, на которое мы были приглашены въ качествѣ представителей Россіи, Румынія не участвовала. Г. Братіяно былъ выслушанъ ими отдѣльно. Предложеніе Россіи устроить въ Бессарабіи плебисцитъ, при условіи полнаго невмѣшательства румынской администраціи и оккупаціонныхъ войскъ, привело, какъ мнѣ передалъ на другой день одинъ изъ близко мнѣ знакомыхъ членовъ Совѣщанія, г-на Братіяно въ величайшее безпокойство. Будучи отлично освѣдомленъ объ истинномъ настроеніи Бессарабскаго населенія, Братіяно отдавалъ себѣ отчетъ, что и среди чисто молдаванской части этого населенія Румынія не получила бы ни одного голоса. Въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ преобладали русскіе, нѣмцы-колонисты, болгары, евреи и цыгане, румынскія притязанія встрѣтили бы, само собой разумѣется, еще болѣе рѣшитель-

ное сопротивленіе. Увѣренность въ этомъ опредѣлила отношеніе Братіяно къ русскому предложенію и побудила его употребить всѣ усилія, чтобы Совѣщаніе отвергло наше предложеніе. Иного отношенія къ вопросу, опаснаго для его правительства, плебисцита нельзя было ожидать отъ румынскаго представителя. Его усилія увѣнчались успѣхомъ и вопросъ о плебисцитѣ былъ первоначально отложенъ въ долгій ящикъ, а впослѣдствіи разрѣшенъ въ неблагопріятномъ смыслѣ для Россіи простымъ признаніемъ присоединенія Бессарабіи къ Румыніи. Это рѣшеніе Совѣщанія Пословъ, вызывающее протестъ даже со стороны большевиковъ, не можетъ не отозваться неблагопріятно на будущихъ отношеніяхъ между Россіею и Румыніею.

Я не могу закончить этой главы, не упомянувъ о политическомъ возрожденіи Чехо-Словацкаго народа, наиболѣе близкаго и симпатичнаго намъ изъ группы западныхъ славянъ. Въ національномъ возрожденіи онъ не нуждался, хотя и жилъ нѣсколько столѣтій подъ чужимъ игомъ. Лишившись своей самостоятельности, этотъ народъ не давалъ угасать пламени своихъ патріотическихъ воспоминаній и надеждъ, свято охраняя родную культуру и никогда не забывая о своей независимости и былой славѣ.

Чехо-Словакія, находясь подъ тяжелымъ гнетомъ Австро-Мадьярскаго владычества, никогда не утрачивала яснаго сознанія своей принадлежности къ Славянству и кровнаго родства съ великимъ русскимъ народомъ. Между Чехами и нами, еще въ восемнадцатомъ столѣтіи, завязались культурныя сношенія, неразрывно связанныя со славными именами отца Славизма, Добровскаго, а позднѣе — Юнгмана, Шафарика, Палацкаго и цѣлой плеяды ученыхъ и политическихъ дѣятелей.

Идея славизма, какъ культурно-національнаго самоопредѣленія славянскихъ народовъ, восприняла, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ, нѣкоторые элементы, превратно понятые западной Европой, окрестившей пробужденіе славянъ изъ вѣковой летаргіи словомъ «Панславизмъ». Это слово никогда не имѣло реальнаго значенія, потому что оно не

обозначало никакого объединительнаго движенія и было придумано съ цѣлью устрашенія западно-европейскаго общественнаго мнѣнія призракомъ славянской опасности. Надо сознаться, что въ этомъ отношеніи «Панславизмъ» удачно выполнилъ свое назначеніе. Всѣ западноевропейскія государства увѣровали въ славянскую угрозу и истолковывали этотъ терминъ, какъ политическую формулу, которою прикрывалась честолюбивая политика Россіи, мечтавшей объединить подъ своею властью всѣ славянскіе народы. Болѣе всего угрожаемою почувствовала себя Австро-Венгрія съ ея огромнымъ славянскимъ населеніемъ, котораго она не съумѣла слить съ собою, ни даже просто примирить со своимъ господствомъ. Это ей удалось только по отношенію къ полякамъ и то цѣной отдачи въ ихъ полное распоряженіе судьбы украинскаго населенія Галичины. Въ составъ сѣверной Германіи вошло также большое количество славянскихъ элементовъ, но нѣмцы принялись своевременно за ассимиляцію своихъ славянъ и успѣли ихъ обезличить и претворить въ себѣ въ глухое время европейской исторіи, когда національное самосознаніе граждански слабо развитыхъ народовъ еще не начинало проявляться. Тѣмъ не менѣе и сѣверные нѣмцы раздѣляли со своими южными соплеменниками, почти въ одинаковой степени, органическую ненависть къ славянству, съ которымъ они вторично вступили въ близкое соприкосновеніе сравнительно недавно, въ эпоху раздѣловъ Польши. Поэтому, если не трудно понять страхъ Австро-Венгерцевъ передъ пугаломъ панславизма, то объяснить широкое его использованіе германской печатью можно только чисто политическими цѣлями, можетъ быть желаніемъ создать въ европейскомъ общественномъ мнѣніи противовѣсъ пангерманской агитаціи, служенію которой отдались весьма многія ученыя и литературныя силы консервативной Германіи.

Если, какъ слѣдуетъ предположить, подъ неизвѣстнымъ въ Россіи панславизмомъ подразумѣвались весьма распространенныя у насъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ славянофильскія теченія, то приписывать имъ какое либо

опредѣленное политическое направленіе совершенно невозможно. Вся роль этихъ теченій сводилась къ поддержанію духовной и культурной связи между Россіею и западнымъ и южнымъ славянствомъ. Только въ одномъ случаѣ славянофильство приняло политическую окраску. Это было въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ эпоху жестокихъ преслѣдованій турецкихъ славянъ, пытавшихся цѣлымъ рядомъ возстаній облегчить свою участь. Общественное мнѣніе западно-европейскихъ государствъ, въ особенности Англіи, гдѣ его самымъ авторитетнымъ выразителемъ былъ Гладстонъ, не скрывало своихъ симпатій къ жертвамъ турецкаго изувѣрства, къ которымъ страны Центральной Европы оставались невнимательными или равнодушными.

Въ Россіи, какъ и слѣдовало ожидать, гоненія на балканскихъ славянъ отозвались съ такой силою, что правительство было вынуждено уступить давленію общественнаго мнѣнія и объявить Турціи войну во имя освобожденія болгаръ отъ ига, грозившаго имъ полнымъ истребленіемъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не признать, что славянофильскія теченія въ русскомъ обществѣ, проникнувъ въ сознаніе народныхъ массъ, достигли такого напряженія, что привели къ послѣдствіямъ чисто политическаго характера. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, въ единодушномъ и неудержимомъ порывѣ народнаго чувства въ пользу болгаръ, нельзя найти слѣда пресловутаго панславизма, ибо не можетъ быть сомнѣнія, что крестный походъ въ 1877 году не былъ предпринятъ по какому либо опредѣленному политическому плану, такъ какъ вся кампанія 1876—77 годовъ носила явный характеръ импровизаціи, будучи начата послѣ скороспѣлой и неудачной дипломатической подготовки и съ недостаточными военными силами.

Начавшись, какъ я сказалъ, на отвлеченной почвѣ, наше сближеніе съ чешскимъ народомъ приняло затѣмъ осязательныя формы, благодаря довольно значительной эмиграціи чеховъ въ югозападныя губерніи Россіи, гдѣ русское правительство встрѣчало ихъ радушно и отводило имъ земли. Чешскіе выходцы, сто-

явшіе въ хозяйственномъ отношеніи на высокой культурной ступени, быстро осваивались съ новой обстановкой и прочно основывали у насъ свое матеріальное благосостояніе, которое у многихъ изъ нихъ достигло значительныхъ размѣровъ. Вслѣдъ за этой категоріею эмигрантовъ появилась въ Россіи другая. По приглашенію министерства народнаго просвѣщенія, въ пору бывшаго у насъ увлеченія классическимъ образованіемъ, отъ котораго тогдашнее правительство ожидало ослабленія революціоннаго движенія, въ русскія среднія учебныя заведенія прибыло значительное количество чешскихъ преподавателей латинскаго и греческаго языковъ и въ Россіи едва-ли найдется кто либо, среди людей моего поколѣнія, кто бы не былъ въ свое время ихъ ученикомъ. Я не знаю, стали ли мы отъ этого лучшими филологами, но, во всякомъ случаѣ, всѣ мы сохранили добрую память о нашихъ учителяхъ. Съ своей стороны и чехи, переселившіеся въ Россію или только прожившіе въ ней извѣстное число лѣтъ, привязывались къ ней, какъ ко второй родинѣ, ибо таковою она для нихъ становилась на самомъ дѣлѣ. Хотя и на этой новой родинѣ чехи находили административную опеку, напоминавшую, можетъ быть до извѣстной степени, покинутые ими порядки, но въ Россіи эта опека была свободна отъ того недоброжелательства, которое дѣлало ее у нихъ на родинѣ трудно выносимою. Монархическая Россія была страна не либеральная, но въ ней полицейская опека носила характеръ добродушія, благодаря которому большинство пришлаго населенія легко съ ней примирялось. Вообще въ Россіи всѣмъ, кто не подкапывался подъ ея устои, жилось настолько хорошо и привольно, и въ этомъ единодушны безчисленные иностранцы, жившіе въ ней, въ томъ числѣ и наши друзья чехи, что отвѣдавшіе русскаго гостепріимства люди разныхъ національностей заявляли мнѣ неоднократно о своемъ горячемъ желаніи вернуться въ нее при первой возможности.

Въ связи съ другими національными вопросами, выдвинутыми на первый планъ участіемъ Австро-Венгріи въ европейской войнѣ, находился, само собой разумѣ-

ется, вопросъ возсозданія чешской независимости. Наврядъ ли былъ въ Европѣ народъ, который имѣлъ болѣе правъ на свободу, чѣмъ чехи. Славная исторія ихъ древняго государства и ихъ вѣковая національная культура, сохранившаяся неприкосновенною за время ихъ трехсотлѣтняго порабощенія, создали имъ исключительное положеніе въ семьѣ славянскихъ народовъ. Непоколебимая вѣрность лучшихъ народныхъ вождей и чешскихъ народныхъ массъ славянскимъ идеаламъ внушали намъ, русскимъ, глубокое уваженіе. Когда, по ходу европейской войны, противникамъ Австріи пришлось приступить къ разсмотрѣнію возможнаго измѣненія политической карты Европы, которое должно было послѣдовать за ослабленіемъ или окончательнымъ крушеніемъ Габсбургской монархіи, передъ нами сразу же сталъ вопросъ о возстановленіи чешскаго государства. Ни для Императора Николая II, ни для меня, стоявшаго во главѣ русской иностранной политики, не существовало болѣе яснаго и справедливаго вопроса, чѣмъ политическое возрожденіе Чехіи. Русское общественное мнѣніе смотрѣло на него такимъ же образомъ. Я, разумѣется, подразумѣваю здѣсь только принципіальное разрѣшеніе чешскаго вопроса, иными словами объединеніе чешскихъ племенъ въ одинъ независимый государственный организмъ въ территоріальныхъ предѣлахъ, обезпечивающихъ его свободное развитіе. Всякія дальнѣйшія уточненія Россія оставляла на рѣшеніе самого чешскаго народа, въ политической зрѣлости котораго она не сомнѣвалась, предоставляя себѣ оказать, въ нужную минуту, дѣятельную помощь осуществленію его желаній.

Вскорѣ послѣ начала войны меня посѣтила депутація изъ одиннадцати членовъ чешскаго національнаго комитета, которая изложила мнѣ свои виды на будущее и надежды на содѣйствіе Россіи для проведенія ихъ въ жизнь. Мнѣ было очень пріятно выслушать пожеланія депутаціи, къ которымъ я относился съ искреннимъ сочувствіемъ. Во время нашего свиданія депутаты просили меня исходатайствовать для себя пріемъ у Государя, чтобы лично изложить ему свои надежды. Пе-

редъ тѣмъ другая чешская депутація была принята Его Величествомъ въ Кремлѣ, причемъ она выразила пожеланіе, «чтобы свободная и независимая корона Св. Вацлава заблистала въ лучахъ короны Романовыхъ».

Когда я доложилъ Его Величеству просьбу чешской депутаціи быть принятой имъ, Государь сказалъ мнѣ, что онъ приметъ ее съ удовольствіемъ. Въ серединѣ сентября депутація представилась ему въ Царскомъ Селѣ. Чехи просили о разрѣшеніи создать единую организацію, которая бы вѣдала всѣмъ чехо-словацкимъ движеніемъ въ предѣлахъ имперіи. Государь принялъ депутацію чрезвычайно милостиво и подробно разсматривалъ съ нею на картѣ границы будущаго чехо-словацкаго государства въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представлялись чешскимъ депутатамъ.

Засимъ послѣдовали со стороны чеховъ обращенія къ начальнику штаба Главнокомандующаго о формированіи чешскихъ частей, въ которыя могли бы поступать не одни русскіе чехи, а также чешскіе и словацкіе военноплѣнные, сдававшіеся въ большомъ числѣ русскимъ войскамъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій. На этой почвѣ произошло не мало недоразумѣній, тѣмъ болѣе прискорбныхъ, что они были использованы врагами русскаго правительства какъ въ Россіи, такъ и въ Чехіи, какъ доказательство двуличности и недоброжелательства Императорскаго правительства по отношенію къ чехамъ. Едва ли нужно мнѣ послѣ сказаннаго выше вторично утверждать, что по отношенію къ чехамъ ни у русскаго правительства, ни у русскаго народа не было и тѣни какого бы то ни было недружелюбія. До этой неоспоримой истины не трудно дойти путемъ краткаго и простого разсужденія. Уже не говоря о сознаніи кровной связи, которая живо ощущалась въ Россіи, гдѣ народъ чутко относился къ голосу крови, Россія отдавала себѣ отчетъ, что въ славянахъ Австро-Венгріи она находила драгоцѣнныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ германизмомъ въ лицѣ Имперій Гогенцоллеровъ и Габсбурговъ. Отталкивать отъ себя этихъ союзниковъ не было ни смысла, ни расчета. Мнѣ приходилось отстаивать интересы славянъ, какъ сербовъ,

такъ и чехо-словаковъ, передъ нашими французскими союзниками, у которыхъ мы замѣчали стремленіе искать у Австро-Венгріи опоры противъ Германіи путемъ привлеченія ея въ орбиту Тройственнаго Соглашенія посредствомъ уступокъ за счетъ славянскихъ народовъ. Такія стремленія были довольно сильны въ извѣстныхъ кругахъ Франціи. Едва ли нужно распространяться объ ошибочности этихъ расчетовъ, уже не говоря объ опасностяхъ, связанныхъ съ ними, съ точки зрѣнія прочности нашихъ союзныхъ отношеній. Къ счастью твердая рука Делькассэ положила конецъ этимъ поползновеніямъ.

Замедленія въ признаніи за чешскими отрядами характера національнаго войска происходили не вслѣдствіе недоброжелательства русскаго правительства по отношенію къ чехамъ или желанія затянуть возсозданіе ихъ государственности, а просто отъ того, что въ огромную массу австрійскихъ славянъ, взятыхъ въ плѣнъ или добровольно сдавшихся, могло проникнуть не мало элементовъ, славянскихъ только по имени, но не по чувству и что, въ критическую для Россіи минуту, ей нельзя было отнестись съ достаточною осторожностью къ тѣмъ иностранцамъ, которыхъ она допускала участвовать въ борьбѣ за ея существованіе вмѣстѣ съ ея собственными военными силами. Наши военныя власти остерегались не славянъ, отъ которыхъ Россія не могла ожидать зла, а тѣхъ, кто, подъ личиной славянства, были ея врагами. Къ несчастью указанныя здѣсь недоразумѣнія не разсѣялись вполнѣ и до сихъ поръ, въ чемъ я имѣлъ возможность убѣдиться, проживъ около года въ Прагѣ. Въ Чехіи по сей день есть люди, которые утверждаютъ, что монархическая Россія не только ничего не сдѣлала для возрожденія Чехіи, но даже ему мѣшала*). Что Россіи пришлось оставить не-

*) Въ числѣ упрековъ, обращенныхъ къ монархической Россіи враждебно къ ней расположенной частью чешскаго общественнаго мнѣнія на первое мѣсто выдвигается отсутствіе у Императорскаго Правительства точно разработаннаго плана возсозданія Чешскаго государства. Можно ли было ожидать

доконченной эту близкую ея сердцу задачу, какъ и многія другія, связанныя съ Великой войной, благодаря антинаціональной революціи, парализовавшей на долго ея силы, въ этомъ не можетъ быть къ несчастью сомнѣнія, но чтобы она не сочувствовала или тѣмъ болѣе мѣшала осуществленію великой мечты чешскаго народа достичь политической свободы, — это утвержденіе, которое не можетъ быть оправдываемо ни фактами, ни здравымъ смысломъ. Объясненіе его могло бы быть скорѣе найдено въ партійныхъ страстяхъ, или неправильныхъ политическихъ расчетахъ, а можетъ быть и въ томъ и другомъ одновременно. Не имѣя достаточно данныхъ для разрѣшенія этого вопроса, я предпочитаю оставить разобраться въ немъ будущему историку, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, возникшихъ между нами и чехами вслѣдъ за крушеніемъ русской Монархіи и оставшихся не разъясненными по настоящее время. Пока же будемъ хранить наши старыя дружественныя чувства къ чехо-словацкому народу и съ благодарностью помнить все, что имъ было сдѣлано въ пользу русскихъ бѣженцевъ и нашей уча-

---

отъ Россіи такого плана и не было ли съ ея стороны благоразумнѣе и осторожнѣе не вмѣшиваться въ эту внутреннюю національную задачу самого чешскаго народа, которую, какъ намъ казалось, онъ одинъ могъ разрѣшить? Этотъ вопросъ напрашивается самъ собою ввиду того, что, по мнѣнію многихъ чеховъ, дѣло политическаго возрожденія ихъ родины совершено не вполнѣ удовлетворительно съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ частей населенія Чехословацкой республики. Могло ли непосредственное участіе Русскаго Правительства, хотя и искренно дружественнаго, но недостаточно знакомаго съ желаніями и нуждами населенія, служить ручательствомъ удачнаго выполненія этой трудной задачи? Наврядъ-ли. Поэтому положеніе, занятое Россіей, представляется мнѣ правильнымъ. Русское Правительство рѣшило ограничить свою роль энергической поддержкой пожеланій чешскаго народа и огражденіемъ его интересовъ въ томъ видѣ, въ которомъ опредѣлилъ бы ихъ самъ народъ, отъ всякихъ посягательствъ извнѣ, враждебныхъ его національнымъ стремленіемъ.

щейся молодежи въ трудныя времена неслыханныхъ гоненій, лишившихъ ихъ святѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго, что дано человѣку — родины.

XII.

Кончившееся въ іюлѣ 1916 года второе двухлѣтіе Великой войны совпало съ концомъ моего управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Съ появленіемъ на предсѣдательскомъ креслѣ совѣта министровъ Горемыкина, а затѣмъ Штюрмера, т. е. съ момента, когда высшая правительственная власть въ Имперіи стала на наклонную плоскость, по которой она должна была скатиться въ пропасть, положеніе правительства дѣлалось съ каждымъ днемъ все болѣе неустойчивымъ и разъединеннымъ въ своемъ составѣ. Я характеризовалъ перваго изъ этихъ гробовщиковъ русскаго государства, — къ несчастью ихъ затѣмъ явилось цѣлое множество, — какъ человѣка, пережившаго самого себя и утратившаго пониманіе государственныхъ дѣлъ. Какъ ни была очевидна его несостоятельность, онъ находилъ поддержку не только при Дворѣ, гдѣ друзья Распутина успѣли расположить въ его пользу Императрицу Александру Феодоровну, но и въ самомъ составѣ правительства, гдѣ у него оставались отъ прежнихъ лѣтъ старыя служебныя связи. Число его единомышленниковъ въ совѣтѣ министровъ было не велико и не всѣ изъ нихъ остались ему вѣрны до конца. Министръ земледѣлія, А. В. Кривошеинъ, которому Горемыкинъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ предсѣдателемъ совѣта, отошелъ отъ него, когда раскрылась его непригодность для этой роли. Отношенія правительства къ Государственной Думѣ достигли опасной степени напряженія, благодаря нежеланію и неумѣнію Горемыкина наладить съ нею правильное сотрудничество. Распустивъ въ 1906 году первую Думу, не отвѣчавшую по своей политической незрѣлости и революціонному темпераменту требованіямъ критической минуты, когда она была призвана Государемъ въ качествѣ

перваго въ Россіи представительнаго учрежденія парламентскаго типа, Горемыкинъ перенесъ свою старую антипатію и недовѣрчивость и на третью Думу, хотя она ихъ совершенно не заслуживала. Какъ по своему составу, такъ и по умѣренному направленію большинства своихъ членовъ, третья Государственная Дума отвѣчала требованіямъ, которыя разумная государственная власть могла ставить народнымъ представителямъ въ пору первыхъ шаговъ Россіи на пути политической свободы, послѣ неудачной войны и серьезной политической смуты. Избирательная реформа Столыпина, смѣнившаго у власти Горемыкина послѣ роспуска Первой Думы и вслѣдъ за тѣмъ и второй, оказавшейся не лучше первой, явилась актомъ, вынужденнымъ событіями и была проведена не конституціонно. Россія, потрясенная дальневосточной катастрофой и революціонной вспышкой, подавленной не безъ труда, настоятельно нуждалась въ умиротвореніи и спокойной законодательной работѣ, которая одна могла вывести ее на путь давно назрѣвшихъ политическихъ и экономическихъ реформъ. Опытъ первыхъ двухъ Думъ не подавалъ на это надежды. Дума, избранная по старому избирательному закону, не могла освободиться отъ революціоннаго хмѣля и, вмѣсто послѣдовательной практической работы, направила всѣ свои усилія къ борьбѣ съ правительственной властью. Къ счастью для Россіи эта власть находилась въ твердыхъ рукахъ человѣка, не имѣвшаго иной заботы, кромѣ интересовъ родины и не искавшаго ничего, кромѣ ея благополучія. Молодой, самоотверженный и безстрашный онъ, не колеблясь, принебрегъ буквою закона, чтобы спасти его духъ. Создавъ безъ участія представительныхъ учрежденій избирательный законъ, который закрывалъ разрушительнымъ элементамъ доступъ въ Государственную Думу, онъ сдѣлалъ возможнымъ ея дальнѣйшее существованіе и плодотворное участіе въ политическомъ переустройствѣ Россіи на началахъ народнаго представительства. Идя нормальнымъ законодательнымъ путемъ, онъ не достигъ бы этой цѣли. Государственная Дума никогда не согласилась бы наложить са-

ма на себя руки ради осуществленія того, что представлялось ея крайнимъ партіямъ торжествомъ ненавистнаго гражданскаго порядка и тѣмъ отдѣляло возможность соціальной революціи, на которую они возлагали всѣ свои надежды. Эти партіи были авангардомъ надвигавшагося на Россію большевизма, задержаннаго введеніемъ избирательнаго закона Столыпина и дальнѣйшими государственными мѣрами, изъ которыхъ главной была его земельная реформа. Послѣдняя залѣчивала старую язву соціальной жизни Россіи и открывала широко двери русскому крестьянству для удовлетворенія его насущныхъ экономическихъ и культурныхъ потребностей. Вмѣстѣ съ этимъ пресѣкалась агитація соціалистовъ въ средѣ многомилліоннаго русскаго крестьянства на почвѣ давно ожидавшагося имъ земельнаго переустройства на началахъ частной собственности.

Независимо отъ всего задуманнаго и сдѣланнаго Столыпинымъ, было достаточно одной этой реформы, чтобы поставить его на ряду величайшихъ государственныхъ людей Россіи. Революція оцѣнила, по своему, его громадныя заслуги правильнѣе, чѣмъ люди порядка, — въ числѣ которыхъ до сихъ поръ еще есть такіе, которые отказываются признать ихъ, — и убила его. Русская исторія не знаетъ болѣе безошибочно задуманнаго злодѣянія. Принято думать, что не бываетъ незамѣнимыхъ людей. Можетъ быть это и вѣрно при правильномъ теченіи государственной жизни. Въ моменты острыхъ политическихъ пароксизмовъ это безусловно не такъ. Въ Россіи Столыпинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ удачно бороться съ революціею и побѣдить ее. Когда онъ былъ сметенъ ею, другого не оказалось и революція, благодаря безпомощной растерянности однихъ и попустительству другихъ, сдѣлала свое безумное и кровавое дѣло, вырвавъ, вмѣстѣ съ плевелами, великолѣпный урожай пшеницы.

Удаленіе графа Коковцова, замѣнившаго Столыпина на мѣстѣ предсѣдателя совѣта министровъ, имѣло

весьма неблагопріятныя послѣдствія. У Коковцова была масса враговъ, благодаря его малоуживчивому нраву, отсутствію гибкости и вкорененной долгой бюрократической службой привычкѣ поступать по своимъ убѣжденіямъ, не принимая во вниманіе мнѣній своихъ противниковъ. Названные недочеты этого незауряднаго государственнаго человѣка не замедлили отозваться на его отношеніяхъ къ Государственной Думѣ. Какъ учрежденіе молодое, она грѣшила преувеличеннымъ самолюбіемъ, котораго Коковцовъ не умѣлъ щадить. При Дворѣ у него не было поддержки, хотя Государь отдавалъ должное его качествамъ. Его рѣзко отрицательное отношеніе къ Распутину возбудило противъ него неудовольствіе Императрицы, привыкшей, въ послѣдніе годы дореволюціоннаго періода, оказывать свою благосклонность только лицамъ, расположеннымъ къ Распутину и его кликѣ. При этихъ данныхъ старанія одного или двухъ вліятельныхъ членовъ совѣта министровъ, настроенныхъ непріязненно противъ Коковцова, привели къ тому, что его дальнѣйшее пребываніе во главѣ правительства стало невозможно. Въ началѣ 1914 года онъ былъ уволенъ отъ должности и замѣненъ Горемыкинымъ. Въ кресло, которое занималъ отлично освѣдомленный въ вопросахъ внутренняго управленія и обладающій рѣдкою работоспособностью Коковцовъ, опустился дряхлый и полуживой старикъ. Назначеніе его не было сдѣлано при прямомъ участіи Императрицы, но оно было ей угодно, ввиду симпатій къ нему Распутина и за все двухлѣтнее нахожденіе его у власти онъ неизмѣнно пользовался расположеніемъ и поддержкой Ея Величества. Оно было дѣломъ рукъ, какъ я сказалъ, министра земледѣлія Кривошеина, давнишняго противника Коковцева, у котораго, однако, не хватило мужества самому занять, въ тяжелую минуту, самый отвѣтственный постъ въ Имперіи, несмотря на выраженное ему желаніе Государя.

Я не буду подробно останавливаться на исторіи управленія И. Л. Горемыкина. Я коснусь его лишь поскольку оно повліяло на судьбу совѣта министровъ и мою собственную.

Появленіе Горемыкина у власти дало себя почувствовать осязательнымъ образомъ въ совѣтѣ министровъ и внѣ его. Въ министерской средѣ произошелъ расколъ, который затормозилъ правильный ходъ государственной работы. Образовалось двѣ группы, или вѣрнѣе, два лагеря, одинъ — его сторонниковъ, другой — его противниковъ. Первый, какъ это нерѣдко бываетъ по человѣческой слабости, былъ многочисленнѣе второго, по крайней мѣрѣ, въ первое время, пока несостоятельность Горемыкина не сдѣлалась очевидной для всей страны. Первая группа состояла изъ правыхъ элементовъ Совѣта. Во главѣ ея былъ министръ юстиціи Щегловитовъ, умный человѣкъ и ученый юристъ, пылавшій рвеніемъ новообращеннаго консерватора, вышедшаго изъ рядовъ оппозиціи. Единомышленники Горемыкина были, въ болѣе или менѣе скрытой формѣ, противниками Столыпина и если они допускали необходимость реформъ, то такихъ только, которыя не касались важныхъ частей государственной машины, обветшавшихъ отъ долголѣтняго употребленія. Съ существованіемъ Государственной Думы имъ, не менѣе чѣмъ самому Горемыкину, было особенно трудно примириться и тѣмъ болѣе установить съ нею необходимый modus vivendi. Если я прибавлю, что нѣкоторые изъ нихъ были тайными распутинцами, то, вѣроятно, не ошибусь.

Упомянутая мною вторая группа министровъ, получившая совершенно незаслуженно названіе радикаловъ, состояла изъ такихъ же убѣжденныхъ монархистовъ, какъ ихъ болѣе правые товарищи съ тою только разницей, что они понимали, что не можетъ быть учрежденія, какъ бы разумно ни было его основаніе, которое могло бы претендовать на неизмѣнность. Научное положеніе, одно, кажется, изъ немногихъ, никогда и ни кѣмъ не опровергнутыхъ, гласящее, что только то, что способно видоизмѣняться, можетъ расчитывать на продолжительное существованіе, составляло сущность ихъ государственной мудрости. Затѣмъ эти люди вѣрили еще, что все, что здорово и жизнеспособно въ политической и гражданской жизни каждой страны, должно

быть тщательно оберегаемо и что никакая, вызванная требованіемъ времени, реформа не должна приводить къ внезапному разрыву между прошлымъ и настоящимъ, а должна быть произведена постепенно, чтобы стать понятной народу и не носить характера опаснаго эксперимента. Для англосаксонскихъ народовъ это стало неоспоримой истиной, установленной опытомъ вѣковъ, народы же политически болѣе молодые рѣдко считаются съ этимъ фактомъ. Въ Россіи принебреженіе имъ имѣло послѣдствія, которыя не только поставили ее на край гибели, но и внесли тяжелыя потрясенія въ жизнь многихъ другихъ народовъ, грозящія имъ большими опасностями.

Вотъ тѣ взгляды и убѣжденія, которые подали поводъ русскимъ реакціоннымъ кругамъ обвинить своихъ противниковъ въ радикализмѣ. Это обвиненіе всегда казалось мнѣ безсмысленнымъ. Теперь же оно представляется просто невѣроятнымъ, послѣ ужасныхъ потрясеній, разразившихся надъ Россіей.

Приглядываясь къ ходу событій и къ отношенію къ нимъ Совѣта Министровъ, какъ высшаго правительственнаго учрежденія въ Имперіи, мои единомышленники и я скоро пришли къ убѣжденію, что, если не будетъ положено преграды косности правительства, то пройдетъ не много времени до окончательнаго его крушенія.

Всѣ живыя силы страны уходили на безплодную борьбу съ революціоннымъ движеніемъ, ободреннымъ отсутствіемъ у власти, послѣ убійства Столыпина, государственнаго человѣка, который былъ бы въ силахъ его остановить. Какъ ни была законна и справедлива эта борьба, правительство вело ее не такъ, чтобы имѣть за себя, во всѣхъ случаяхъ, общественное мнѣніе страны. На каждомъ шагу совершались промахи, тактическія ошибки, которые ставились ему въ счетъ, ввиду его непопулярности, даже умѣренными элементами русскаго общества, не говоря уже о тѣхъ, весьма многочисленныхъ, которые не преслѣдовали иной цѣли, кромѣ дискредитированія власти. Между Государствен-

ною Думою и Правительствомъ не существовало живой связи. Ее старались создать, своимъ примирительнымъ образомъ дѣйствій, отдѣльные министры, которымъ Дума, вслѣдствіе этого, оказывала довѣріе. По личному опыту мнѣ извѣстно, что было совсѣмъ не трудно достигнуть необходимаго сотрудничества Думы послѣднихъ созывовъ. Она была, въ общемъ, патріотично настроена и лѣвые элементы были въ ней сведены къ второстепенной роли. Сговориться съ нею для совмѣстной работы на пользу страны было вполнѣ возможно. Стоило только кое-что забыть и кое-чему научиться, что было тѣмъ легче, что она требовала немногаго, будучи умудрена горькимъ опытомъ своихъ предшественницъ, хотѣвшихъ не только законодательствовать, но и править. Третья Дума научилась правильно понимать свои задачи и производить свою работу въ рамкахъ, отведенныхъ ей закономъ. Стало возможно надѣяться на наступленіе внутренняго мира. Но для достиженія его требовалось соотвѣтствующее настроеніе въ правительствѣ. Пока во главѣ его стоялъ Горемыкинъ и въ Совѣтѣ находились его единомышленники, на которыхъ онъ, въ своей безпомощности, опирался, предоставляя имъ всю работу по управленію страной, всякая надежда на улучшеніе положенія была напрасна. Оно могло бы наступить только, если бы Горемыкинъ былъ лишенъ этихъ подпорокъ и, оставшись одинъ среди людей, правильно понимавшихъ задачи правительства, отдался-бы ихъ вліянію или добровольно удалился-бы отъ дѣлъ. Но то и другое было одинаково сомнительно.

Вотъ тѣ заключенія, къ которымъ я пришелъ вскорѣ послѣ назначенія Горемыкина предсѣдателемъ Совѣта министровъ. Съ каждымъ днемъ его нахожденія у власти мнѣ представлялась все яснѣе настоятельная необходимость вывести правительственную власть изъ реакціоннаго оцѣпенѣнія, въ которое привелъ ее отказъ Горемыкина и его единомышленниковъ продолжать вести страну указаннымъ Столыпинымъ путемъ, который былъ путемъ ея спасенія. У меня не выходилъ изъ мысли стихъ Гётэ о «тянущихся какъ застарѣлая

болѣзнь законѣ и правахъ»*), такъ вѣрно характеризующій внутреннее положеніе Россіи въ эту пору. Это положеніе казалось мнѣ тѣмъ болѣе ужаснымъ, что я былъ тогда и остаюсь еще и теперь, несмотря на все случившееся, глубоко убѣжденъ, что было вполнѣ возможно предотвратить надвигавшуюся катастрофу. Правительство имѣло въ рукахъ всѣ нужныя для этого средства: незараженную еще революціонной проказой военную силу, оставленные въ блестящемъ видѣ Коковцовымъ финансы, административный аппаратъ, доказавшій свою пригодность для борьбы съ революціею и, въ большинствѣ своихъ членовъ, патріотически настроенную Государственную Думу. Всѣ данныя для спасенія находились на лицо. Если прибавить къ этому еще то обстоятельство, значеніе котораго нельзя достаточно оцѣнить, что русскій народъ никогда не проявлялъ политическаго честолюбія, а только желалъ удовлетворительнаго земельнаго устройства, въ родѣ намѣченнаго Столыпинской реформой, и освобожденія отъ путъ особой и давно устарѣвшей административной опеки, то получится картина, подтверждающая высказанное мною убѣжденіе, что время, предшествовавшее міровой войнѣ, было еще благопріятно для того, чтобы Россія стала на правильный путь мирнаго развитія духовныхъ силъ своего народа и правильнаго использованія своихъ естественныхъ богатствъ. Я не сомнѣваюсь, что достижимому еще въ ту пору благополучію Россіи мѣшала центральная правительственная власть, находившаяся въ рукахъ группы людей, служившихъ отжившимъ идеаламъ и не умѣвшихъ читать знаменій времени.

Всѣмъ, что здѣсь сказано, опредѣляется положеніе, которое я занялъ, какъ въ совѣтѣ министровъ, такъ и внѣ его, вскорѣ послѣ возвращенія Горемыкина на политическую сцену. Мое особое положеніе, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, не призваннаго къ непосредственному участію въ разработкѣ правительственныхъ мѣропріятій, касавшихся внутренняго управ-

*) „Es schleppen sich Gesetz und Rechte wie eine alte Krankheit fort".

ленія страны, не давало мнѣ возможности имѣть какое нибудь вліяніе на то или иное направленіе, которое получали распоряженія административной власти. Они становились мнѣ извѣстными въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ, послѣ согласованія ихъ заинтересованными вѣдомствами, т. е. когда я только имѣлъ возможность остаться при особомъ мнѣніи. При этомъ я обыкновенно имѣлъ противъ себя большинство голосовъ моихъ сотоварищей по Совѣту. Прибѣгать часто къ этому платоническому протесту не имѣло смысла. Поэтому я приберегалъ свои возраженія на тѣ случаи, когда дѣло касалось вопросовъ, могущихъ отозваться, прямо или косвенно, на внѣшнемъ положеніи Имперіи или же когда рѣшенія, принятыя большинствомъ, казались мнѣ принципіально недопустимыми.

Горемыкинъ и сочувствовавшіе ему министры не замедлили увидѣть во мнѣ врага и противъ меня началась кампанія, которая привела въ іюлѣ 1916 года къ моему паденію. Съ своей стороны я не оставался празднымъ. Съ каждымъ днемъ во мнѣ крѣпло убѣжденіе, что пока не будутъ удалены отъ дѣлъ Горемыкинъ и поддерживавшіе его столпы реакціи, между которыми я считалъ министра юстиціи, Щегловитова, наиболѣе опаснымъ, ввиду его дарованій, правительство не пріобрѣтетъ въ странѣ довѣрія, безъ котораго оно не могло успѣшно выполнять своихъ задачъ. Мнѣ было ясно, что я не могъ, единоличными силами, добиться этого результата. Поэтому я рѣшился выяснить одинаково мыслившимъ со мною министрамъ, со всей откровенностью, мой взглядъ на національную опасность, которую я видѣлъ въ полной отчужденности, существовавшей между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, въ лицѣ разумной и мало взыскательной Государственной Думы, а, подъ ея вліяніемъ, и всей благонамѣренной Россіей и затѣмъ раскрыть картину этой опасности предъ Государемъ и достигнуть ея устраненія.

Первый изъ моихъ сотоварищей, съ которымъ я началъ обмѣнъ мнѣній, былъ ближайшій мой сосѣдъ министръ финансовъ, П. Л. Баркъ, жившій со мной

подъ одной крышей. Въ этомъ вопросѣ мы оказались вполнѣ единомышленными. Ввиду его близкихъ отношеній съ министромъ земледѣлія, Кривошеинымъ, я просилъ его передать ему о нашемъ разговорѣ и заручиться его содѣйствіемъ. Съ своей стороны я видѣлся съ государственнымъ контролеромъ, П. А. Харитоновымъ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся членовъ Совѣта и заручился его сочувствіемъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько дней послѣ первыхъ моихъ шаговъ, было достигнуто соглашеніе между членами группы министровъ, которая находилась въ оппозиціи политикѣ своего предсѣдателя. Съ общаго согласія оказались намѣченными къ удаленію отъ власти слѣдующія лица: Министръ Юстиціи, Щегловитовъ, Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Саблеръ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Маклаковъ и Военный Министръ, генералъ Сухомлиновъ. Первые три были представителями крайняго реакціоннаго направленія и пользовались заслуженнымъ нерасположеніемъ Государственной Думы и широкихъ слоевъ русскаго общества. Послѣдній, не менѣе ихъ не популярный, не за свои политическія убѣжденія, которыхъ у него не было, а вслѣдствіе его необычайнаго легкомыслія и полнаго отсутствія качествъ, нужныхъ военному министру въ пору опасныхъ внѣшнихъ осложненій.

Что касалось главы правительства, то мои сотоварищи и я пришли къ заключенію, что просить Государя объ его удаленіи, одновременно съ названными министрами, представляло многія неудобства и могло повредить успѣху нашего плана. Я уже говорилъ, что у Горемыкина была могущественная покровительница въ лицѣ Императрицы Александры Феодоровны и добиться, при этихъ условіяхъ, его отставки было трудно. Помимо этого мы расчитывали, что, безъ Щегловитова, который былъ душой и мозгомъ реакціи и безъ другихъ своихъ пособниковъ, роль Горемыкина въ правительствѣ будетъ ничтожна.

Между нами было рѣшено, что каждый изъ насъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы довести до свѣдѣнія Государя объ истинномъ положеніи вещей въ

Имперіи, о растущей въ думскихъ и общественныхъ кругахъ непопулярности правительства и объ опасности, которая была связана съ недовѣріемъ къ власти въ критическое время, когда Россіи приходилось переживать, вмѣстѣ съ тяжелой войной, плохо замиренную внутреннюю смуту.

Я не могу умолчать здѣсь, говоря о шагѣ, на который мы рѣшились, чтобы предотвратить неизбѣжныя послѣдствія затянувшагося отсутствія бдительной правительственной власти, объ усиліяхъ, которыя я началъ употреблять, съ этой цѣлью, еще ранѣе того, что нами было предпринято какое-либо согласованное дѣйствіе. Я считалъ своимъ долгомъ довести до Государя мою тревогу за ближайшее будущее Россіи и русской Монархіи, которыя всегда представлялись мнѣ, а теперь, послѣ опыта пролетарской республики, болѣе чѣмъ когда-либо, не иначе, какъ слитно и нераздѣльно. Я упоминаю о моихъ попыткахъ неохотно, не желая подать кому либо повода подумать, что я придаю имъ значеніе, котораго онѣ на самомъ дѣлѣ не имѣли, благодаря ихъ полной неудачѣ. Настоянія мои были истолкованы Императрицей или, вѣрнѣе, тѣми, въ чьихъ рукахъ она, того не подозрѣвая, была послушнымъ орудіемъ, какъ желаніе захватить руководительство внутренней политикой Имперіи. Какъ ни странно можетъ показаться подобное подозрѣніе, оно, можетъ быть, оставило слѣдъ въ умѣ Государя. Я сталъ замѣчать въ немъ нѣкоторую сдержанность, которая мѣшала и мнѣ высказываться передъ нимъ съ той полной откровенностью, которую я, съ перваго дня моей министерской дѣятельности, положилъ, съ его согласія, въ основаніе моихъ отношеній къ нему. Втеченіе первыхъ пяти лѣтъ моей службы Государь давалъ мнѣ постоянныя доказательства своего полнаго довѣрія. За это время я привыкъ смотрѣть на это довѣріе, какъ на нѣчто принадлежавшее мнѣ по праву и испытывалъ лишь опасеніе лишиться его по моей собственной винѣ. Возможность утратить его по чужой винѣ меня мало безпокоила, даже въ то время, когда прежнее благоволеніе Императрицы ко мнѣ на-

чало переходить въ открытое нерасположеніе, благодаря моей враждебности къ распутинской кликѣ.

Когда я поднялъ вопросъ объ очищеніи Совѣта Министровъ отъ засорявшихъ его реакціонныхъ элементовъ, недовѣріе ко мнѣ Государя еще ни въ чемъ не проявлялось и я могъ высказаться передъ нимъ такъ же свободно, какъ и раньше. Мнѣ приходилось, во время моихъ докладовъ, постоянно касаться, въ связи съ вопросами внѣшней политики, внутренняго положенія Россіи, все болѣе обострявшагося подъ вліяніемъ революціонной пропаганды. Какъ всегда бываетъ въ критическую пору жизни государствъ, внѣшніе и внутренніе вопросы, дѣйствуя взаимно другъ на друга, сплетались такъ тѣсно, что раздѣлять ихъ было невозможно. Первые, какъ ни многочисленны и трудны они были, причиняли мнѣ меньше тревоги, чѣмъ послѣдніе. Военныя дѣйствія, — хотя они развивались не всегда быстро и удачно для Россіи, — все же не представляли серьезной угрозы. Отношенія съ нашими союзниками были вполнѣ удовлетворительны и ничто не указывало на возможность ихъ ухудшенія. За то внутреннее положеніе Имперіи привлекало къ себѣ тревожное вниманіе всякаго, кто обладалъ способностью видѣть и понимать, что вокругъ него происходило. Такихъ людей было множество и опасенія, высказывавшіяся во всѣхъ слояхъ страны безъ всякаго стѣсненія, приняли вскорѣ угрожающій характеръ. Военное вѣдомство съ каждымъ днемъ пріобрѣтало новыхъ противниковъ, требовавшихъ примѣненія рѣшительныхъ мѣръ противъ его недочетовъ.

Плохая организація нашихъ тыловыхъ частей болѣзненно ощущалась всей страной. Военный министръ, никогда не пользовавшійся общественнымъ довѣріемъ, скоро сдѣлался предметомъ тяжкихъ обвиненій, доходившихъ до подозрѣнія въ государственной измѣнѣ. Успѣвъ близко ознакомиться съ характеромъ генерала Сухомлинова, я былъ убѣжденъ, что эти подозрѣнія были неосновательны, какъ это и было впослѣдствіи установлено судебнымъ порядкомъ. Тѣмъ не менѣе, еще до начала войны, я уже не могъ сомнѣваться въ

его полной непригодности для роли военнаго министра. Несмотря на свой почтенный возрастъ, Сухомлиновъ отличался юношескою безпечностью и жаждою удовольствій. Онъ наслаждался жизнью и тяготился трудомъ, который обязанности военнаго министра возлагали на него. Его пребываніе во главѣ военнаго вѣдомства было сущимъ бѣдствіемъ и дискредитировало государственную власть, благодаря злоупотребленіямъ, совершавшимся, если не имъ самимъ, то близко стоявшими къ нему людьми. Заставить его работать было очень трудно, но добиться отъ него правды было почти невозможно.

Въ началѣ 1915-го года я довольно подробно изложилъ Государю мое мнѣніе о вредной бездѣятельности генерала Сухомлинова. Я надѣялся, что откровенно сказанное слово лицомъ, далеко стоявшимъ отъ военнаго вѣдомства и не имѣвшимъ съ Сухомлиновымъ никакихъ личныхъ счетовъ, побудитъ Его Величество относиться менѣе довѣрчиво къ недобросовѣстному оптимизму, которымъ были пропитаны доклады министра, основанные нерѣдко на ложныхъ данныхъ. Хотя моя первая попытка и не имѣла успѣха и произвела на Государя скорѣе неблагопріятное для меня впечатлѣніе, я возобновилъ ее при первомъ удобномъ случаѣ, подъ впечатлѣніемъ свѣдѣній, полученныхъ отъ членовъ Государственной Думы, передавшихъ мнѣ о растущемъ негодованіи Думскихъ комиссій противъ Сухомлинова. На этотъ разъ Государь, любившій въ Сухомлиновѣ его жизнерадостное настроеніе, отвѣтилъ мнѣ, что ему давно извѣстно, что у генерала много враговъ и въ особенности въ Главной Квартирѣ, но что на всѣ ихъ обвиненія онъ будетъ смотрѣть, какъ на голословныя, пока онъ не увидитъ «чернымъ по бѣлому» доказательства ихъ справедливости. Я выразилъ Государю сожалѣніе, что не могъ представить ему такихъ доказательствъ и прибавилъ, что они мнѣ кажутся ненужными, такъ какъ было легко получить ихъ, и при томъ не менѣе достовѣрныя, въ иномъ видѣ, стоило только этого пожелать. Я уѣхалъ озабоченнымъ изъ Царскаго Села и нѣкоторое время не возвращался

въ разговорахъ съ Государемъ къ этому щекотливому предмету, искренно желая, чтобы случай доставилъ мнѣ неоспоримое доказательство справедливости моего мнѣнія о Сухомлиновѣ. Этой надеждѣ суждено было осуществиться раньше, чѣмъ я ожидалъ. Вскорѣ послѣ начала войны французскій посолъ затронулъ въ разговорѣ со мной вопросъ о вооруженіи нашихъ войскъ. Ему было извѣстно, что онъ стоялъ у насъ очень остро и что имъ интересовались не однѣ Думскія комиссіи, но и само правительство, относившееся скептически къ военному министру. Съ своей стороны французское правительство живо интересовалось состояніемъ нашего вооруженія, подозрѣвая, что оно оставляло желать многаго. Говоря со мной о своихъ опасеніяхъ на этотъ счетъ, г-нъ Палеологъ сообщилъ мнѣ, что онъ, по просьбѣ французскаго военнаго министерства, писалъ генералу Сухомлинову, увѣдомляя его о желаніи Франціи придти намъ на помощь для пополненія недостававшаго намъ военнаго матеріала. На это предложеніе Сухомлиновъ отвѣтилъ послу письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что Россія ни въ чемъ не нуждается и снабжена всѣмъ въ изобиліи на долгій срокъ. Отвѣтъ военнаго министра Палеологъ привезъ съ собою и показалъ мнѣ въ подтвержденіе своихъ словъ. Читая это письмо, я вспомнилъ о желаніи Государя увидѣть «чернымъ по бѣлому» доказательства недобросовѣстности Сухомлинова и попросилъ согласія посла на представленіе Его Величеству этого документа, обѣщая вернуть его по минованію надобности. Получивъ письмо отъ Палеолога, я приложилъ его къ бумагамъ, съ которыми поѣхалъ въ Царское Село въ ближайшій мой докладъ. Покончивъ съ очередными дѣлами, я напомнилъ Государю сказанныя имъ мнѣ слова и, вручивъ ему письмо Сухомлинова, выразилъ надежду, что онъ признаетъ его достаточно убѣдительнымъ. По лицу Государя, когда онъ читалъ его, я увидѣлъ, что оно произвело на него неожиданное и непріятное впечатлѣніе. Прочитавъ его, онъ сказалъ мнѣ, что оставитъ его у себя и затѣмъ пришлетъ его мнѣ обратно, не прибавивъ ни слова. Видя насколько Го-

сударь былъ изумленъ и огорченъ, и будучи увѣренъ, что оно произведетъ на него ожидаемое дѣйствіе, я больше не возвращался къ вопросу о Сухомлиновѣ и выжидалъ дальнѣйшаго его развитія. Черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо обратно безъ всякой помѣтки. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало увольненіе Сухомлинова и замѣна его генераломъ Поливановымъ.

Уходъ Сухомлинова и назначеніе Поливанова были одинаково хорошо приняты общественнымъ мнѣніемъ и Думскими кругами, среди которыхъ Поливановъ пользовался большими симпатіями. Совѣтъ министровъ также принялъ его дружелюбно въ свою среду.

Новый военный мининстръ былъ человѣкъ весьма умный и неутомимый работникъ. Служебная зависимость отъ такого начальника, какъ Сухомлиновъ, его очень тяготила. Знающій себѣ цѣну и честолюбивый, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ благопріятной минуты, чтобы выдвинуться на первый планъ и занять подобавшее ему мѣсто. По убѣжденіямъ своимъ онъ примыкалъ къ либеральнымъ партіямъ. Будучи слишкомъ уменъ, чтобы увлекаться мечтами о введеніи въ Россіи республиканскаго строя или парламентаризма и оставаясь монархистомъ, онъ, благодаря прирожденной ему иронической оцѣнкѣ людей и событій, нажилъ себѣ много враговъ, которые, въ отместку за пренебрежительное отношеніе къ себѣ, создавали ему репутацію беззастѣнчиваго карьериста и республиканца. Эта репутація, подкрѣпленная фактомъ его дружескихъ отношеній къ нѣкоторымъ лицамъ, пользовавшимся плохой славой съ точки зрѣнія своей благонамѣренности, быстро долетѣла до Царскаго Села, гдѣ къ нему стали относиться съ преувеличенной подозрительностью, что, въ свою очередь, вызывало въ немъ чувство раздраженія и горечи. Въ моментъ своего назначенія военнымъ министромъ Поливановъ сознавалъ, что оно было вынуждено обстоятельствами и не являлось послѣдствіемъ личнаго довѣрія Государя, но не съумѣлъ измѣнить создавшагося положенія въ свою пользу. Для этого у него не хватало такта и выдержки.

Чувствуя къ нему расположеніе за его несомнѣнныя качества и будучи увѣренъ, что онъ могъ оказать большія услуги на своемъ новомъ посту, въ минуту, когда въ нихъ ощущалась особенная нужда, я обратилъ его вниманіе на необходимость принести въ жертву свое самолюбіе и сдѣлать должныя усилія, чтобы разсѣять предубѣжденіе Государя и создать атмосферу довѣрія, нужную для успѣшной работы. Онъ ясно сознавалъ основательность моихъ увѣщаній, но у него не хватало силъ или умѣнія создать новую почву для своихъ отношеній къ Государю, ни порвать съ компрометировавшими его друзьями. Все оставалось по старому и, вмѣсто необходимаго сближенія, получалось все большее расхожденіе, которое черезъ годъ привело къ удаленію Поливанова отъ активной службы и замѣнѣ его болѣе уживчивымъ, но менѣе даровитымъ преемникомъ. Это служебное крушеніе привело болѣзненно самолюбиваго Поливанова къ гибели, лишивъ его окончательно душевнаго равновѣсія и доведя его до забвенія гражданскаго долга, а затѣмъ и до безславной смерти.

Удаленіемъ Сухомлинова не могла ограничиться необходимая чистка высшаго правительственнаго учрежденія Имперіи. Поставленныя войною ребромъ новыя требованія обнажили полную несостоятельность военнаго министра и сдѣлали его уходъ неизбѣжнымъ. Въ одинаковой мѣрѣ, хотя и не съ тою же, коловшей глаза, очевидностью, было необходимо удаленіе другихъ министровъ, навлекшихъ на себя крайнюю непопулярность. Наши старанія въ этомъ направленіи увѣнчались довольно быстро успѣхомъ. Возвращаясь постоянно на моихъ докладахъ Государю къ неизбѣжности замѣны Саблера и Маклакова лицами, болѣе способными привлечь довѣріе, я убѣдился, что Его Величество разстанется съ ними безъ неудовольствія. Когда, затѣмъ, я коснулся чрезвычайно опасной роли, которую игралъ въ высшей администраціи министръ Юстиціи, Щегловитовъ, какъ наиболѣе, чтобы не сказать единственный, даровитый членъ крайне праваго крыла Совѣта министровъ, я замѣтилъ, что Государь былъ удив-

ленъ тѣмъ, что я приписывалъ Щегловитову большое вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ и спросилъ, откуда у меня явилось такое убѣжденіе. Я отвѣтилъ ему, что было достаточно присутствовать на одномъ засѣданіи Совѣта министровъ, чтобы не сохранить на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Щегловитовъ говорилъ осторожно и мало, но, благодаря своему уму и научной подготовкѣ, занималъ, среди своихъ товарищей по партіи, не обладавшихъ этими преимуществами, положеніе настоящаго вождя, которому подчинялись его единомышленники какъ въ Совѣтѣ министровъ, такъ и въ Высшей Палатѣ, еще раньше назначенія ея предсѣдателемъ.

Среди нашихъ правыхъ государственныхъ людей былъ одинъ только человѣкъ, который могъ быть поставленъ рядомъ съ Щегловитовымъ по своимъ дарованіямъ и по авторитету, которымъ онъ пользовался въ своей партіи. Это былъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, сломившій себѣ шею, благодаря инциденту романическаго свойства, гдѣ голосъ страсти заглушилъ у него разумъ. По природнымъ дарованіямъ Дурново долженъ быть поставленъ выше Щегловитова. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, блестящимъ самородкомъ. Обладая научнымъ багажемъ штурманскаго офицера и лишенный общей культуры, Дурново проложилъ себѣ путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ своимъ трезвымъ умомъ и сильною волею. Достигнувъ высшихъ степеней, онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ никогда отдѣлаться отъ свойственнаго ему полицейскаго мировоззрѣнія. Сравненіе его съ графомъ Витте напрашивается само собою. Въ отношеніи отсутствія воспитанія и культуры они оба стояли на одномъ приблизительно уровнѣ. Что касается твердости воли и практическаго смысла, я думаю, что Дурново заслуживалъ пальму первенства. Обоимъ пришлось имѣть дѣло съ революціею. Дурново смѣло съ нею сцѣпился и боролся удачно. Витте, какъ человѣкъ съ двоящимися мыслями, сложилъ передъ ней оружіе. На счастье Россіи явился Столыпинъ и далъ ей десять лѣтъ передышки. Эти льготные годы

не были, однако, использованы его преемниками для закрѣпленія достигнутыхъ имъ успѣховъ.

Государь пожертвовалъ, вмѣстѣ съ Саблеромъ и Маклаковымъ, также и Щегловитовымъ, несмотря на его сильную поддержку правыми и на симпатіи Распутина. Эти перемѣны въ составѣ правительства совпали съ поѣздкой членовъ Совѣта министровъ въ Главную Квартиру Великаго Князя Николая Николаевича, гдѣ въ это время находился Государь. Когда мы пріѣхали въ Барановичи, мы узнали, что Великій Князь принялъ дѣятельное участіе въ состоявшемся рѣшеніи Государя удалить четырехъ нежелательныхъ министровъ. Мы были ему искренне благодарны за поддержку.

Съ нами вмѣстѣ прибыли ихъ замѣстители: А. А. Хвостовъ, князь Н. Б. Щербатовъ, генералъ Поливановъ и А. Д. Самаринъ, которымъ мы оказали самую дружественную встрѣчу. Во главѣ правительства оставался попрежнему Горемыкинъ, ослабленный потерей своихъ наиболѣе близкихъ сотрудниковъ, но все еще опасный своей безнадежной лѣностью и циничнымъ безразличіемъ. На борьбу съ нимъ ушли слѣдовавшіе затѣмъ мѣсяцы, пока, наконецъ, Государь, уступая очевидной необходимости, рѣшился удалить его, вопреки энергичнымъ протестамъ Императрицы, взявшей его подъ свое покровительство. Темныя силы все тѣснѣе окружали ее и она все болѣе подпадала подъ ихъ себялюбивое вліяніе. Удаленіе Горемыкина, состоявшееся вопреки ея волѣ, вызвало въ ней раздраженіе противъ тѣхъ министровъ, которыхъ она считала виновными въ немъ, въ томъ числѣ и противъ меня. Съ тѣхъ поръ, хотя и совершенно противъ моей воли, мнѣ пришлось причинить ей не мало неудовольствій, на которыя она отвѣчала мнѣ все возраставшимъ нерасположеніемъ.

Лишившись поддержки своихъ друзей, Горемыкинъ тѣмъ не менѣе продолжалъ вести упорную борьбу со старыми и новыми товарищами по Совѣту, настроенными болѣе прогрессивно. Въ этой борьбѣ, гдѣ ему приходилось считаться болѣе или менѣе со всѣми министрами, за исключеніемъ А. А. Хвостова, назначеннаго Министромъ Юстиціи, съ которымъ его связывала старая личная

дружба, онъ проявилъ необыкновенное для человѣка его лѣтъ упорство, дѣлавшее производительную работу правительства невозможной. Атмосфера въ Совѣтѣ министровъ сдѣлалась скоро невыносимою. Только общее всѣмъ сознаніе опасности взрыва въ отвѣтственную пору, которую переживала Россія, помѣшала ему произойти. Тѣмъ не менѣе раздоры въ средѣ правительства не могли укрыться отъ общественнаго мнѣнія и обаяніе власти стало стремительно падать. Государственная Дума и даже Государственный Совѣтъ, твердыня нашего консерватизма, начали проявлять недовѣріе правительству и раздраженіе по поводу его бездѣятельности и растерянности. Общественныя организаціи, пріобрѣвшія во время войны самостоятельность и развитіе, которыхъ никогда раньше не имѣли, а за ними печать, заняли положеніе, несовмѣстимое съ разумной и справедливой критикой и принимавшее нерѣдко революціонный характеръ. Большинство этихъ организацій существовало за счетъ государственнаго казначейства, само не располагая никакими средствами, и забывало свое назначеніе помогать дѣятельности правительства. Что касается до печати, то не одни лѣвые органы ея занимались травлей власти. Нѣкоторыя газеты охранительнаго направленія не отставали отъ нихъ въ этомъ отношеніи. При раздробленности власти, распыленной въ рукахъ многочисленныхъ военныхъ и гражданскихъ управленій, некому было положить конецъ анархіи, которая безпрепятственно продолжала свое разрушительное дѣло, возбуждая умы и расшатывая самый принципъ правительственной власти.

Ближайшимъ поводомъ яркой вспышки общественной тревоги было рѣшеніе, принятое Государемъ неожиданно для всѣхъ, отстранить Великаго Князя Николая Николаевича отъ верховнаго командованія и самому стать во главѣ дѣйствующей арміи.

Уже въ самомъ началѣ войны Государь объявилъ Совѣту министровъ о своемъ намѣреніи лично стать во главѣ русскихъ войскъ и намъ, съ величайшимъ трудомъ, удалось упросить его отказаться отъ этой

мысли и назначить Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя, который, изъ всѣхъ членовъ Царствующей семьи, стоялъ ближе всего къ арміи и пользовался въ ней большой популярностью, отчасти унаслѣдованной отъ его отца, бывшаго главнокомандующаго въ балканскую войну 1876—77 годовъ.

Желаніе Императора Николая вести самому въ бой русскую армію было благороднымъ порывомъ. По основнымъ законамъ онъ былъ Верховнымъ Вождемъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи. Его желаніе дать этому отвлеченно звучащему названію реальное обоснованіе было мнѣ довольно понятно. Я слышалъ отъ него неоднократно, что мѣсто Русскаго Царя тамъ, гдѣ рѣшаются судьбы Россіи. Если это было несомнѣнной истиной во времена Петра Великаго, то въ девятнадцатомъ столѣтіи и, тѣмъ болѣе, въ двадцатомъ, при превращеніи армій въ вооруженный народъ и совершенно новыхъ способахъ веденія войны, понятіе Верховнаго Вождя утрачивало свое первоначальное значеніе и превращалось скорѣе въ понятіе правовое, указывавшее на одну изъ прерогативъ Верховной Власти, въ силу которой вся организація военныхъ силъ Имперіи ставилась въ непосредственную зависимость отъ воли Императора.

Когда, послѣ неудачъ лѣтней кампаніи 1915 года, вопросъ о верховномъ командованіи снова всплылъ на поверхность и Государь заявилъ о своемъ непреклонномъ рѣшеніи взять въ свои руки командованіе арміею, Совѣтъ министровъ, раздѣлявшій общую всѣмъ тревогу за послѣдствія этого рѣшенія, употребилъ всѣ усилія, чтобы раскрыть глаза его Величеству на опасныя стороны для государства и для него лично такого шага. Въ засѣданіи, бывшемъ 20-го августа 1915 года подъ предсѣдательствомъ Государя, всѣ мы, по очередно, выразили по этому поводу свои мнѣнія въ смыслѣ противоположномъ его желанію. Къ чести всѣхъ моихъ товарищей по Совѣту, я долженъ сказать, что среди нихъ не нашлось ни одного, который покривилъ бы душой. Одни съ большей, другіе съ меньшей живостью, но всѣ съ одинаковой свободой, раскрыли передъ Го-

сударемъ отрицательныя стороны задуманнаго имъ плана. Даже Горемыкинъ выразилъ ему свои опасенія по поводу риска, связаннаго съ его появленіемъ на фронтѣ въ активной роли главнокомандующаго. Когда очередь дошла до меня, я высказалъ мысль, что функціи Верховнаго Вождя всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи гораздо шире, чѣмъ обязанности главнокомандующаго, такъ какъ онѣ охватываютъ не только фронтъ, но и глубокій тылъ арміи, куда глазъ главнокомандующаго не въ силахъ проникнуть, уже не говоря о томъ, что онѣ распространяются на всю систему обороны страны, не исключая ея морскихъ силъ. Я прибавилъ, что совмѣщеніе этихъ двухъ функцій въ одномъ лицѣ рисковало развить значеніе одной изъ нихъ въ ущербъ другой и что мнѣ казалось, что слѣдовало стремиться не къ ослабленію той или другой, а къ ихъ сотрудничеству, что было достижимо только при условіи ихъ раздѣленія. Я полагалъ при этомъ, что Верховный Вождь военныхъ силъ Имперіи долженъ былъ, по означеннымъ соображеніямъ, пребывать въ центрѣ государственнаго управленія, не покидая его въ такую отвѣтственную минуту.

Въ разговорахъ съ Государемъ, происходившихъ съ глазу на глазъ во время моихъ личныхъ докладовъ, я неоднократно старался убѣдить его, насколько отъѣздъ его изъ столицы былъ бы опасенъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ и какъ онъ послужилъ бы усиленію общественной тревоги и развитію внутренней смуты. Я просилъ его не терять изъ виду, что мѣсто его не могло остаться пустымъ, и что оно было бы неизбѣжно занято лицами, непризванными къ этому и что это должно было увеличить сложность и неясность внутренняго положенія и дать поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, совершаемымъ подъ прикрытіемъ его имени. Я не ставилъ точекъ на і и не назвалъ ничьего имени. Да съ Государемъ этого и не было нужно. Онъ легко схватывалъ смыслъ недоговоренной рѣчи и я увидѣлъ, насколько непріятны были ему мои слова. Мнѣ самому было тяжело касаться опасной роли, которую Императрица начала играть съ тѣхъ поръ, что Распу-

тинъ овладѣлъ ея разумомъ и волею. Государь ничего не возразилъ мнѣ, но я почувствовалъ, что, по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, онъ какъ будто отходилъ отъ меня куда-то въ даль и что между имъ и мною ложилась глубокая пропасть. Я понялъ въ этотъ день, что я утратилъ его расположеніе; коснувшись той запретной области его внутренней жизни, куда доступъ чужому человѣку былъ навсегда закрытъ. Какъ я только что сказалъ, Государь обладалъ способностью угадывать смыслъ недомолвленныхъ словъ, но онъ совершенно не владѣлъ даромъ читать въ сердцахъ людей и оцѣнивать степень искренности ихъ побужденій.

Совѣтъ министровъ, за исключеніемъ своего предсѣдателя, привыкшаго относиться ко всему какъ къ пустякамъ, незаслуживающимъ вниманія, ясно сознавалъ, куда долженъ былъ привести все увеличивавшійся развалъ власти и настойчиво требовалъ отъ Горемыкина доведенія до свѣдѣнія Государя всей правды и принятія быстрыхъ мѣръ для успокоенія тревоги, охватившей страну. Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что первой мѣрой въ этомъ направленіи должно было быть призваніе къ власти правительства, которое пользовалось бы довѣріемъ народнаго представительства и могло бы осуществить необходимое сближеніе между собою и Государственной Думой, о которомъ Горемыкинъ такъ мало заботился. Мы полагали, что для этого нужно было коллективное обращеніе Совѣта къ Его Величеству, которое выражало бы мнѣніе кабинета, а не отдѣльныхъ его членовъ. Мы извѣрились въ пользѣ единоличныхъ представленій, съ которыми большинство изъ насъ обращались къ Государю и которыя оставались безуспѣшными, благодаря противодѣйствію Горемыкина и его сообщниковъ.

Въ секретныхъ засѣданіяхъ Совѣта мы, — и я, можетъ быть, чаще и откровеннѣе другихъ моихъ сотоварищей, за исключеніемъ оберъ-прокурора Св. Синода, А. Д. Самарина, горячаго патріота и убѣжденнаго монархиста, — возвращались къ вопросу о передачѣ власти «правительству общественнаго довѣрія», давая понять Горемыкину, что въ такомъ правительствѣ ему не

могло быть мѣста. Глубокій эгоистъ, но по природѣ умный, онъ давно уже понималъ, что онъ являлся, въ нашихъ глазахъ, главной помѣхой для вступленія правительства на новый путь, котораго требовали интересы Россіи и настоятельность котораго предстала съ особенной силой передъ всѣми въ моментъ мірового кризиса 1914 года. Въ отвѣтъ на наши настоянія Горемыкинъ говорилъ намъ: попросите Государя уволить меня. Вы окажете мнѣ этимъ большую услугу, но категорически отказывался передать ему наше заявленіе о необходимости смѣны правительства подъ предлогомъ, что избраніе министровъ прерогатива Верховной Власти и не должно совершаться подъ давленіемъ извнѣ. Такое повиновеніе буквѣ закона въ смутное время, которое переживала Россія, борясь одновременно съ внѣшнимъ врагомъ и съ поднимавшей голову революціею, угрожало самому ея существованію. Отчаявшись добиться толку законнымъ путемъ, Совѣтъ министровъ заявилъ Горемыкину, что вручитъ, помимо него, Государю коллективное обращеніе.

За это время мои отношенія къ Горемыкину обострились настолько, что почти ни одно засѣданіе Совѣта не обходилось безъ столкновеній между нами, о которыхъ я до сихъ поръ сохраняю тяжелое воспоминаніе. Въ смыслѣ охлажденія разгоряченной температуры Совѣта наше рѣшеніе не осталось безъ послѣдствій.

21-го августа у меня собрались всѣ министры, за исключеніемъ военнаго и морского, которымъ мундиръ не дозволялъ принимать участіе въ подобныхъ шагахъ, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразили свое сочувствіе нашему почину. По общему желанію оберъ-прокуроръ Синода Самаринъ взялъ на себя составленіе письма Государю, излагавшаго нашу просьбу. Вотъ текстъ этого документа, надѣлавшаго въ свое время много шума, хотя онъ не былъ оглашенъ и появился только недавно, въ посмертныхъ воспоминаніяхъ генерала Поливанова: «Всемилостивѣйшій Государь, не поставьте намъ въ вину наше смѣлое и откровенное обращеніе къ Вамъ. Поступить такъ насъ обязываетъ вѣрноподданническій долгъ, любовь къ Вамъ и къ Родинѣ и тре-

вожное сознаніе грознаго значенія совершающихся нынѣ событій. Вчера на засѣданіи Совѣта министровъ подъ личнымъ Вашимъ предсѣдательствомъ, мы повергли передъ Вами единодушную просьбу о томъ, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ устраненъ отъ участія въ верховномъ командованіи арміею. Но мы опасаемся, что Вашему Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смѣемъ думать, — всей, вѣрной Вамъ, Россіи. Государь, еще разъ осмѣливаемся высказать Вамъ, что принятіе такого рѣшенія грозитъ, по нашему крайнему разумѣнію, Россіи, Вамъ и Династіи Вашей тяжелыми послѣдствіями. На томъ-же засѣданіи воочію сказалось коренное разногласіе между предсѣдателемъ Совѣта министровъ и нами въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри Россіи событій и въ установленіи образа дѣйствій правительства. Такое положеніе во всякое время не допустимо, а въ настоящіе дни — гибельно. Находясь въ такихъ условіяхъ, мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ. П. Харитоновъ, А. Кривошеинъ, С. Сазоновъ, П. Баркъ, Кн. Н. Щербатовъ, А. Самаринъ, Гр. П. Игнатьевъ, Кн. Вс. Шаховской».

Послѣ подписанія этого письма министры, уходя отъ меня, увидѣли у подъѣзда полицейскаго офицера, который, на вопросъ почему онъ тамъ, отвѣтилъ, что прибылъ на постъ по случаю засѣданія Совѣта министровъ. Было ясно, что за моимъ домомъ внимательно слѣдили и что появленіе у меня семи министровъ было тотчасъ же доведено до свѣдѣнія полиціи.

Наше собраніе не осталось въ тайнѣ и на другой день газеты «Рѣчь» и «Колоколъ», совершенно различныхъ направленій, помѣстили статьи, упоминавшія о ходившихъ въ городѣ слухахъ о трехъ кандидатахъ на постъ Предсѣдателя Совѣта министровъ: Кривошеина, Поливанова и меня. Не знаю, подвергались ли обсужденію первыя двѣ кандидатуры. Что касается до моей, то о ней никто не говорилъ и возможность ея мнѣ никогда не приходила въ голову. Тѣмъ не менѣе въ Царскосельскомъ Дворцѣ на этотъ слухъ было обра-

щено вниманіе и мои фонды въ покояхъ Императрицы соотвѣтственно упали.

На слѣдующій день послѣ подписанія коллективной отставки Совѣта министровъ, я воспользовался засѣданіемъ въ Зимнемъ Дворцѣ Особаго Совѣщанія по оборонѣ подъ предсѣдательствомъ Государя и съ участіемъ всѣхъ членовъ правительства, Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, чтобы вручить наше письмо оберъ-гофмаршалу гр. Бекендорфу для передачи Его Величеству. Оно было передано въ тотъ же вечеръ по назначенію. Вмѣстѣ съ этимъ была рѣшена судьба министровъ, подписавшихъ его, за исключеніемъ двухъ изъ нихъ, не питавшихъ къ Распутину непримиримыхъ чувствъ. Остальные шесть, въ томъ числѣ и я, были смѣщены съ извѣстной постепенностью въ теченіе слѣдующаго года, а другіе два уцѣлѣли вплоть до паденія Монархіи.

Наше коллективное обращеніе къ Государю кончилось, такимъ образомъ, тѣмъ же неуспѣхомъ, который имѣли наши единоличныя попытки склонить его къ нашему взгляду. Государь остался весьма недоволенъ нашимъ шагомъ, который онъ сравнилъ съ забастовкой. Горемыкину было поручено выразить намъ его неудовольствіе, причемъ наша просьба объ отставкѣ не была принята Его Величествомъ и намъ было повелено оставаться всѣмъ на своихъ мѣстахъ. Если мы исполнили долгъ совѣсти, то послужить Родинѣ и Государю, въ критическую минуту, намъ не удалось.

Настаивая на отстраненіи Великаго Князя Николая Николаевича и назначая его Намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ кавказскою арміею, Государь не удовлетворялъ ни какому личному чувству раздраженія противъ Великаго Князя, а дѣйствовалъ, незамѣтно для самаго себя, подъ давленіемъ Императрицы, приписывавшей, по внушенію распутинцевъ, Великому Князю совершенно ему чуждые честолюбивые замыслы, доходившіе, будто бы, до посягательства на Царскій вѣнецъ. Тяжелыя неудачи нашей арміи вслѣдствіе плохого состоянія нашего вооруженія и неспособности начальника главнаго штаба, генерала Янушкевича, стави-

лись Великому Князю въ вину. При этомъ, въ Царскомъ Селѣ, выражалась мистическая увѣренность, что одно появленіе Государя во главѣ войскъ должно было измѣнить положеніе дѣлъ на фронтѣ. Роль пророчицы играла тутъ А. А. Вырубова, женщина весьма ограниченная, но честолюбивая, примѣшавшая къ полной покорности волѣ Распутина экстатическое увлеченіе Государемъ, не находившее въ немъ ни малѣйшаго отклика.

Для меня нѣтъ сомнѣнія, что Императрица искренно вѣрила въ основательность тяжелыхъ обвиненій, подсказанныхъ приближенными къ ней невропатами и интриганами, хотя эти обвиненія были обращены къ наиболѣе преданному Государю члену Императорской Семьи. Находились люди, которые объясняли настойчивость, проявляемую Императрицей въ связи съ отъѣздомъ Государя на фронтъ, ея честолюбивой надеждой съиграть роль правительницы во время его отсутствія въ арміи. Я лично склоненъ думать, что эта настойчивость объяснялась ея болѣзненной психикой и что она, и въ данномъ случаѣ, служила только орудіемъ скрывавшихся за нею беззастѣнчивыхъ людей. Что касается этихъ послѣднихъ, то я не сомнѣваюсь, что они увидѣли въ этой интригѣ прежде всего широкую возможность использовать новое положеніе въ цѣляхъ собственнаго благополучія. Съ отсутствіемъ Государя изъ столицы, гдѣ центральной фигурой становилась Императрица, для нихъ наступала счастливая пора безконечныхъ происковъ, интригъ и домогательствъ, находившихъ въ Царскомъ Селѣ благопріятную почву. Въ Могилевъ посыпался дождь всевозможныхъ ходатайствъ, проходившихъ большей частью черезъ руки Императрицы и получавшихъ обыкновенно быстрое удовлетвореніе. Императору Николаю, подпавшему съ начала войны все болѣе подъ вліяніе своей супруги, стало, съ тѣхъ поръ, что онъ взялъ на себя бремя командованія арміею, еще труднѣе отказывать ей въ исполненіи ея желаній. Онъ жилъ въ военной средѣ, поглощенный заботами отвѣтственной задачи и внѣ тѣхъ вліяній, въ которыхъ онъ находилъ иногда опору противъ притязаній Императрицы. Разбираться въ столич-

ныхъ дрязгахъ, которыхъ онъ никогда не любилъ, дѣлалось для него, при этихъ условіяхъ, почти невозможнымъ.

Съ переѣздомъ Государя въ Могилевъ совпала печальная пора нашего правительственнаго разложенія и тѣхъ невѣроятныхъ назначеній на высшіе государственные посты, которые приводили страну въ отчаяніе, дискредитировали Монархическое начало въ глазахъ русскаго народа и привели къ паденію Династіи, которой Россія была обязана своимъ величіемъ и славою.

Удаленіе отъ дѣлъ Горемыкина могло бы быть радостнымъ днемъ для Россіи, если бы, какъ я надѣялся, имъ обозначился переворотъ въ направленіи внутренней политики страны. Но этого не случилось и Горемыкина смѣнилъ Штюрмеръ, ставленникъ Распутина. Россія, очевидно, ничего не выиграла отъ этой перемѣны.

XIII.

Надъ польской политикой Россіи, со временъ Вѣнскаго конгресса, тяготѣло незрѣло продуманное и неудачно проведенное въ жизнь присоединеніе къ Имперіи той части польскихъ земель, которая получила у насъ названіе Царства Польскаго.

Я не имѣю возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ, побудившихъ Императора Александра Перваго совершить эту роковую ошибку. Къ тому же я не въ состояніи найти этимъ причинамъ никакого оправданія. Я могу объяснить себѣ образъ дѣйствій Императора не иначе, какъ присущимъ ему слабо развитымъ національнымъ сознаніемъ. Это былъ, впрочемъ, коренной недостатокъ всѣхъ людей его времени. Въ рѣдкія, совершенно исключительныя, минуты его жизни, какъ въ 1812 году, это сознаніе у него ярко вспыхивало, но, вслѣдъ затѣмъ, вновь угасало, уступая мѣсто обычной ему расплывчатой міровой скорби, въ которой онъ искалъ утѣшенія то у мистиковъ школы баро-

нессы Крюднеръ, то у творца военныхъ поселеній Аракчеева.

Присоединеніе Польши къ Россіи, не будучи вызвано необходимостью обороны, было, по существу, дѣло несправедливое, а съ русской точки зрѣнія, оно было непростительно. Польскій народъ, несмотря на печальную исторію своего долгаго государственнаго разложенія, не сталъ трупомъ, надъ которымъ его болѣе сильные сосѣди могли безнаказанно позволять себѣ всякіе опыты. Поэтому усилія отсрочить минуту его національнаго возрожденія, путемъ насильственнаго внѣдренія въ чужой государственный организмъ, не могутъ быть оправданы никакими софизмами. Нѣтъ основанія ссылаться на то, что, если бы Александръ I не взялъ себѣ Польши, то, благодаря своей слабости, она все равно не могла бы начать жить самостоятельной государственной жизнью, а превратилась бы въ такую же безправную прусскую провинцію, какъ остальныя ея части, доставшіяся Пруссіи по раздѣламъ Польши, тогда какъ Императоръ Александръ сохранилъ за ней почти неприкосновеннымъ ея государственный аппаратъ и строй національной жизни. Не трудно было предвидѣть, что польскій народъ, какъ бы благожелательно къ нему ни относилась русская власть, никогда съ ней не примирится. Между Россіею и Польшею лежало, какъ зіяющая пропасть, три вѣка почти безпрерывной войны, въ которой Польша часто играла роль нападавшей стороны и нерѣдко бывала побѣдительницей. Между русскими и поляками было пролито слишкомъ много братской крови, чтобы ихъ примиреніе могло состояться иначе, какъ на началахъ высшей справедливости и полнаго признанія взаимныхъ историческихъ правъ. Мѣры частичныя, половинчатыя могли привести только къ обострѣнію борьбы и къ опасной отсрочкѣ этого примиренія. Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что въ моментъ присоединенія Царства Польскаго такое примиреніе было не достижимо. Противъ этого трудно спорить, но это не означаетъ еще, что Россія должна была совершить насиліе надъ польскимъ народомъ. Намъ во всѣхъ отношеніяхъ было выгоднѣе предоставить Прус-

сіи, одной или совмѣстно съ Австріею, совершить это недоброе дѣло. Никто не былъ въ правѣ ожидать, что Россія возьметъ на себя роль спасительницы Польской независимости. Эта задача была ей не по силамъ, да и не вызывалась ея интересами. Но налагать на Польшу руку, даже съ лучшими намѣреніями, было поступкомъ несправедливымъ и неразумнымъ, за который Россія тяжело поплатилась.

Если это представляется неоспоримымъ съ точки зрѣнія политической нравственности, съ которой Государства недостаточно считаются и въ наши дни, то, съ точки зрѣнія русскаго національнаго интереса, присоединеніе Польши, какъ я уже сказалъ, должно быть разсматриваемо нетолько какъ ошибка, но и грѣхъ противъ Россіи.

Третій раздѣлъ Польши завершилъ историческій процессъ собиранія русскихъ земель, начатый еще Московскими Великими Князьями и законченный Императрицей Екатериною II послѣ многовѣкового перерыва. Что-бы ни говорили по этому поводу польскіе патріоты и ни повторяли за ними малознакомые съ русской исторіей западноевропейскіе политики и публицисты, Россія не пріобрѣла, въ эпоху польскихъ раздѣловъ, ни одной пяди польской земли. Она удовольствовалась тѣмъ, что вернула себѣ исконныя русскія земли, отвоеванныя у нея Литвою и вмѣстѣ съ ней поглощенныя польской короной и частично, въ слабой степени, заселенныя польскими выходцами.

Для обоснованія своихъ притязаній на Западную Русь поляки изобрѣли и пустили въ ходъ теорію особой Западной и Южно-русской національностей, не имѣющихъ, будто бы, ничего общаго съ великороссами. При этомъ они не считаются съ фактомъ, что Великое Княжество Владимірское и Московское, иначе говоря Великороссія, были основаны Кіевскими Великими Князьями и заселены русскими выходцами съ береговъ Днѣпра, Припети и Березины, т. е. тѣмъ самымъ народомъ, который они называютъ Украинцами и Бѣлыми Русинами, отбрасывая названія Мало и Бѣлоруссовъ, какъ слишкомъ ясно указывающія на общность племен-

наго происхожденія трехъ вѣтвей русскаго народа. Несмотря на всѣ старанія галицкихъ поляковъ и малорусскихъ сепаратистовъ изобрѣсти для украинскаго населенія новый языкъ, возможно далекій отъ русской рѣчи, сочиненная ими новая «мовь», засоренная массою польскихъ и нѣмецкихъ словъ, съ трудомъ проникаетъ въ народный бытъ, какъ нѣчто ему непонятное и чуждое. Старый народный говоръ, на которомъ Шевченко написалъ своего Кобзаря, остается господствующимъ и по сей день, даже и въ тѣхъ небольшихъ частяхъ юго-западной Руси, которыя полякамъ удалось окатоличить въ семнадцатомъ и въ восемнадцатомъ столѣтіяхъ. Это окатоличенное и въ верхнихъ слояхъ ополяченное населеніе послужило возстановленной Польшѣ поводомъ предъявить свои права на прилегающія къ бывшему Царству Польскому части западной Россіи. Польскія притязанія этимъ не ограничились и въ настоящее время подъ властью Польши оказалось болѣе пяти милліоновъ русскаго населенія, отданнаго ей большевиками по Рижскому миру. Подавляющее большинство этого населенія исповѣдуетъ православную вѣру своихъ предковъ.

Горькая судьба этихъ русскихъ людей, подвергающихся тяжкимъ религіознымъ притѣсненіямъ и живущихъ въ состояніи безправія, извѣстна всѣмъ, кто сколько нибудь знакомъ съ современнымъ положеніемъ Польши и неоднократно обращала на себя вниманіе европейской печати. На нашихъ глазахъ повторяется старая польская попытка окатоличенія и ополяченія Бѣлой и Малой Руси, неудавшаяся въ семнадцатомъ вѣкѣ и бывшая одной изъ причинъ крушенія Польскаго Государства. Подобная политика, какъ и въ тѣ отдаленныя времена, можетъ снова привести къ однимъ раздорамъ и смутѣ. Едва ли можно ожидать успѣха въ двадцатомъ вѣкѣ отъ попытокъ, оказавшихся, по существу, ложными и невыполнимыми въ семнадцатомъ.

Пріобрѣтенія Россіи по тремъ раздѣламъ Польши вернули ей древнее историческое наслѣдіе и объединили ее этнографически, давъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасную границу, основанную на принципѣ разграни-

ченія народностей*). Злополучное присоединеніе Царства Польскаго сразу нарушило это равновѣсіе и Россія, вмѣсто прежней естественной, получила уродливую границу, которая глубоко врѣзалась въ германскія земли и защита которой представляла непреодолимыя трудности. Непримиримо враждебная Россіи Польша внѣдрялась въ ея составъ и значительно ослабляла ее политически, сыгравъ роль нароста или грыжи въ нормальномъ до этого времени организмѣ Русскаго Государства. Послѣдствія необдуманнаго акта Александра Перваго немедленно дали себя почувствовать. Послѣ Вѣнскаго конгресса началось для Россіи тревожное столѣтіе, полное не прекращавшихся между нею и поляками недоразумѣній, споровъ, взаимныхъ обвиненій и острой вражды, принявшей вскорѣ форму вооруженныхъ возстаній, которая отличалась съ обѣихъ сторонъ одинаковымъ ожесточеніемъ и едва не втянула Россію въ международныя осложненія. Послѣ подавленія послѣдняго изъ этихъ, дорого намъ стоившихъ, возстаній, наступила пора затишья, котораго я былъ свидѣтелемъ въ теченіе безъ малаго четверти вѣка. Будучи разумно использовано, это время могло бы дать благопріятные результаты для улучшенія взаимныхъ отношеній русскаго и польскаго народовъ.

Въ началѣ моихъ воспоминаній я говорилъ о предразсудкахъ и промахахъ русской бюрократіи въ ея отношеніяхъ къ нашимъ польскимъ согражданамъ. За ихъ ненормальность поляки не всегда являлись отвѣтственными. Со времени моей службы въ Русской миссіи при Ватиканѣ я поставилъ себѣ правиломъ смягчать, по мѣрѣ возможности, постоянно повторявшіяся тренія, особенно на религіозной почвѣ, между русской администраціей и польскимъ населеніемъ. Мои усилія въ этомъ направленіи доводили меня иногда до непріятныхъ столкновеній съ министерствомъ внутреннихъ

*) Это та самая граница, которая была предложена Лордомъ Кэрзономъ послѣ заключенія мира 1919-го года и по этому носитъ его имя. Она была принята русскими делегатами въ Парижѣ, но затѣмъ отвергнута державами въ угоду полякамъ.

дѣлъ, гдѣ въ отношеніи поляковъ царствовало неискоренимое недовѣріе, съ которымъ мнѣ было трудно бороться. Я ожидалъ отъ моего назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ возможности съ большимъ успѣхомъ отстаивать и проводить мои взгляды въ вопросахъ нашей польской политики. Однако, я долженъ былъ вскорѣ убѣдиться, насколько трудно бюрократическому государству порвать съ укоренившимися долгой практикой мнѣніями и привычками. Это замѣчаніе должно, впрочемъ, быть отнесено и къ странамъ болѣе современнаго типа, чѣмъ была Россія съ ея сильно централизованнымъ правительственнымъ аппаратомъ. Бюрократія, безъ которой невозможно обойтись, существуетъ вездѣ въ томъ или иномъ видѣ и вездѣ отстаиваетъ старые порядки и противится нововведеніямъ. Это замѣчаніе — результатъ моей долголѣтней заграничной жизни и въ этомъ отношеніи Великая Война, перевернувшая Европу политически и соціально вверхъ дномъ, принесла за собой мало измѣненій и рутина еще сильна до сего дня. У насъ она была почти всемогуща. Многіе изъ моихъ товарищей по Совѣту министровъ, даже тѣ изъ нихъ, которые обладали опытомъ и серьезными знаніями въ дѣлахъ управленія, были яркими образцами администраторовъ, трудно проницаемыхъ для новыхъ вѣяній. Мнѣ не удалось расположить ихъ въ пользу установленія болѣе довѣрчивыхъ отношеній къ полякамъ, не смотря на то, что общественное мнѣніе у насъ постепенно отходило отъ старыхъ предразсудковъ и тяжелыхъ воспоминаній печальной поры польскихъ мятежей и открытой борьбы съ русской правительственной властью.

Въ Совѣтѣ было, кромѣ меня, не болѣе двухъ, трехъ министровъ, которые понимали, что польскій вопросъ настоятельно требовалъ разрѣшенія въ смыслѣ дарованія полякамъ самоуправленія для удовлетворенія ихъ національныхъ запросовъ. О возстановленіи польской независимости, до Великой войны, очевидно не могло быть и рѣчи. Такое радикальное разрѣшеніе польскаго вопроса было, на мой взглядъ, крайне заманчиво и сняло бы съ плечъ Россіи тяжелую обузу, но оно

было невыполнимо, потому что послужило бы опаснымъ прецедентомъ для Финляндіи, имѣющей первостепенное значеніе съ точки зрѣнія обороны столицы и всей сѣверной Россіи. Помимо этого отказъ Россіи отъ Царства Польскаго привелъ бы насъ весьма вѣроятно къ войнѣ съ Германіею, владѣвшей значительною частью коренного польскаго населенія, въ отношеніи котораго она не допускала никакого компромисса. Возстановленіе Польши было неразрывно связано съ пораженіемъ Германіи, котораго, въ ту пору, никто не предвидѣлъ. Приходится признать, что наша польская политика обусловливалась не одними воспоминаніями о быломъ соперничествѣ между Россіею и Польшею, оставившемъ глубокій слѣдъ на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, ни даже горькимъ опытомъ польскихъ мятежей, а, въ значительной мѣрѣ, берлинскими вліяніями, которыя проявлялись, подъ видомъ безкорыстныхъ родственныхъ совѣтовъ и предостереженій, каждый разъ, какъ германское правительство обнаруживало въ Петербургѣ малѣйшій уклонъ въ сторону примиренія съ Польшей. Эти «дружескія» воздѣйствія не оставались безъ результата и созданная ими у насъ психологія, по наслѣдству отъ графа Нессельрода, Государственнаго Канцлера двухъ первыхъ царствованій прошлаго столѣтія, перешла, хотя и въ нѣсколько ослабленномъ видѣ, къ Императору Александру Второму.

Слѣды нѣмецкаго вліянія на русскую политику въ Польшѣ еще ощутительны до сихъ поръ и нессельродовская теорія объ «антипольской политикѣ» Россіи находитъ не только оправданіе, но и сочувствіе у нѣкоторыхъ современныхъ писателей. Эта теорія не только невѣрна по существу, но она принесла большой вредъ русскимъ интересамъ. Со времени присоединенія Царства Польскаго она становилась къ тому-же вполнѣ нелогичной. Почему должна была Россія управлять польскимъ народомъ на началахъ «антипольской политики» и можетъ ли политика, направленная противъ интересовъ управляемыхъ, принести добрые плоды? Она была на руку не Россіи, а германцамъ, непримиримымъ врагамъ Польши, и дѣлала нужное, въ инте-

ресахъ русскаго и польскаго народовъ, сближеніе недостижимымъ.

Россія имѣла основаніе вести подобную политику только въ тѣхъ областяхъ Имперіи, гдѣ, какъ въ сѣверо и юго-западномъ краяхъ, польская національстическая пропаганда дѣйствовала во вредъ русскимъ національнымъ интересамъ. Россія не могла допускать этой пропаганы въ областяхъ, гдѣ польскій элементъ былъ представленъ малочисленной группой населенія и носилъ опредѣленно классовый характеръ и гдѣ эта пропаганда угрожала національному единству. Было бы безразсудно и преступно подвергать Бѣлоруссію и Украйну, болѣе древнія русскія земли, чѣмъ ихъ колонія — Восточная Русь или Великороссія, риску ополяченія, къ которому, въ теченіе двухъ столѣтій, стремилась Польша неослабно, хотя, къ счастью, безъ особаго успѣха. Въ управленіи Западной Русью и за одно съ ней Литвою, болѣе сильно, но далеко не окончательно ополяченной, «антипольская политика» была законна и цѣлесообразна такъ-же, какъ, въ отношеніи къ Царству Польскому, она была ошибочна, и вредна. Поэтому, если политика Екатерины могла быть только антипольской, то политика ея преемниковъ, начиная съ Александра Перваго и до нашихъ дней, должна была-бы проводить строгую грань между законными желаніями польскаго народа въ его родномъ краю и честолюбивыми замыслами польскихъ шовинистовъ въ обломкахъ Литовско-Русскаго государства.

Къ несчастью для Россіи такое справедливое разграниченіе никогда не было проведено и Польша и Западная Россія управлялись по одному, довольно упрощенному, образцу. Большинство русскихъ администраторовъ, состоявшее преимущественно изъ военныхъ людей, смотрѣло на свои обязанности съ спеціальной точки зрѣнія—обороны нашей западной границы. Одни изъ нихъ были поглощены неразрѣшимой задачей защиты нашей уродливой границы, подверженной съ трехъ сторонъ ударамъ нашихъ нѣмецкихъ сосѣдей, другіе же не могли отдѣлаться отъ унаслѣдованныхъ и воспринятыхъ безъ критики взглядовъ на русско-польскія отно-

шенія, въ которыя они, поэтому, не умѣли вносить ничего новаго и живого. Я уже говорилъ, какъ относилась къ этимъ вопросамъ наша центральная власть. Мой голосъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Хорошей иллюстраціей положенія человѣка, видящаго опасность среди людей, ея не подозрѣвающихъ, можетъ служить исторія одного засѣданія Совѣта министровъ въ іюлѣ 1915-го года. На этомъ засѣданіи разсматривалось заявленіе, которое долженъ былъ сдѣлать предсѣдатель Совѣта министровъ при открытіи Государственной Думы и въ которомъ онъ, именемъ Государя, намѣревался заявить, что Его Величество повелѣлъ Совѣту разработать законопроектъ о предоставленіи Польшѣ, по окончаніи войны, права свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни на началахъ автономіи. Я протестовалъ противъ подобнаго заявленія, доказывая, что для него уже давно прошла пора и что вопросъ о польской автономіи требовалъ немедленнаго разрѣшенія путемъ Высочайшаго манифеста, не дожидаясь открытія засѣданій Государственной Думы. Я зналъ, что поляки нетерпѣливо ожидали такого манифеста и что появленіе его произведетъ на нихъ должное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что они обвиняли нашу политику въ колебаніяхъ и неувѣренности. Я былъ убѣжденъ, что они извѣрились въ надеждѣ, порожденной воззваніемъ Великаго Князя Николая Николаевича, обращеннымъ къ нимъ въ началѣ войны, и что только голосъ Государя могъ поддержать падавшія ихъ надежды и помѣшать имъ возложить свои упованія на нѣмцевъ, готовыхъ на многое, чтобы подкупить ихъ. Я тѣмъ болѣе настаивалъ на такомъ образѣ дѣйствій, что несчастная Польша, защемленная въ тискахъ враговъ, должна была сдѣлаться, въ ближайшемъ будущемъ, ихъ жертвой.

Я былъ увѣренъ, что, требуя отъ правительства, чтобы оно произнесло, въ эти критическіе дни для Россіи и еще болѣе для Польши, слово ободренія польскому народу, я служилъ не только его интересамъ, но и нашимъ собственнымъ. Предложніе мое встрѣтило, однако, живой отпоръ подъ разными предлогами, кото-

рыхъ здѣсь не стоитъ приводить, но которые, на мой взглядъ, были лишены серьезнаго основанія. Въ Совѣтѣ министровъ не нашлось ни одного голоса за мое предложеніе. Оправдали меня, — и весьма скоро, — дальнѣйшія событія, когда было слишкомъ поздно предпринять что-либо и моимъ противникамъ оставалось только сознаться въ своихъ ошибкахъ, что, впрочемъ, не было въ ихъ обычаяхъ.

Польша была предметомъ частыхъ разговоровъ между Государемъ и мною. Оставаясь всегда на почвѣ національныхъ интересовъ Россіи, я старался убѣдить Его Величество въ возможности, не уклоняясь въ сторону сентиментальности, совмѣстить интересы Россіи съ желаніями большей части ея польскихъ подданныхъ, справедливо оберегая, какъ тѣ, такъ и другіе. Угодить всѣмъ было, разумѣется, трудно, да въ этомъ не было и нужды, но удовлетворить законныя требованія большинства было возможно тѣмъ болѣе, что въ эту пору поляки не требовали еще національной независимости, надежды на которую у нихъ родились только, когда они убѣдились, что побѣда склонялась въ сторону Державъ Согласія и когда русская государственная власть дрогнула подъ напоромъ большевизма.

Государь относился внимательно и сочувственно къ моимъ докладамъ по польскому вопросу. Возстаніе 1830-го года и подвиги Паскевича отошли для людей его поколѣнія въ историческую даль. Кровавый мятежъ 1863-го года былъ потушенъ за нѣсколько лѣтъ до его рожденія. Онъ былъ поэтому свободенъ отъ тяжелыхъ воспоминаній своихъ предшественниковъ, которымъ никогда не удалось сбросить съ себя ихъ бремя. Мягкій и доброжелательный по природѣ онъ былъ радъ идти на встрѣчу всѣмъ желаніямъ, казавшимися ему справедливыми. Въ этомъ отношеніи Польша не составляла исключенія. Если тѣмъ не менѣе его сочувственное отношеніе къ полякамъ не имѣло рѣшающаго значенія, то это было потому, что Россія никогда не имѣла менѣе самодержавнаго Государя, чѣмъ Николай II. И здѣсь, какъ почти во всѣхъ случаяхъ его жизни, его намѣренія были благи, но воля его была не са-

модержавна. Совѣтники его, на обязанности которыхъ лежало направленіе русской политики въ Польшѣ, не могли быть ему полезными помощниками, а только тормазомъ и помѣхой. Государей и правителей судятъ по ихъ дѣламъ. Но между ними встрѣчаются и такіе, какъ Императоръ Николай II, Людовикъ и другіе, къ которымъ было бы несправедливо приложить эту оцѣнку и которыхъ слѣдуетъ судить по ихъ намѣреніямъ. Эти Государи бываютъ, обыкновенно, искупительными жертвами собственной слабости и грѣховъ своего вѣка и исторія не выноситъ имъ суроваго приговора.

Такимъ образомъ внутреннія и внѣшнія событія продолжали развиваться какъ бы независимо отъ воли руководителей русской политики и не на пользу Россіи. Положеніе вещей на театрѣ войны было намъ не благопріятно, но далеко не безнадежно и, несмотря на печальное состояніе нашего вооруженія, продвиженіе нѣмцевъ было задержано. Оставалось только выждать прибытія получаемаго нами отъ союзниковъ военнаго снабженія, чтобы дѣятельность русской арміи снова оживилась и для нея наступила возможность перейти къ активнымъ дѣйствіямъ послѣ томительнаго періода обороны и отступленія. Наше положеніе осложнялось въ сильной степени тѣмъ, что военное снабженіе подвозилось намъ только чрезъ далекій Владивостокъ или Архангельскъ съ его замерзающимъ портомъ и перегруженной желѣзной дорогой. Постройка Мурманской вѣтви велась лихорадочно и была благополучно закончена въ 1916 году, чѣмъ наше положеніе было въ извѣстной мѣрѣ облегчено, хотя эта дорога, оконченная только вчернѣ, требовала постоянныхъ работъ, чтобы придти въ состояніе полной пригодности. Все это было сложно и трудно, но должно было наладиться и къ веснѣ 1917 года и было удовлетворительно налажено.

Когда при мнѣ раздавались опасенія на счетъ нашего военнаго положенія, я не только не раздѣлялъ ихъ, но, сравнивая это положеніе съ внутреннимъ, отдавалъ ему въ душѣ предпочтеніе. Удаленіе нежелательныхъ министровъ, на которое я возлагалъ большія надежды, не внесло улучшенія во внутреннее положеніе Государ-

ства. Замѣститель Горемыкина Штюрмеръ, человѣкъ оставившій по себѣ дурную память на всѣхъ административныхъ постахъ, которые онъ занималъ, былъ поставленъ во главѣ правительства подъ давленіемъ распутинской клики, съ которой онъ состоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Въ его служебномъ преуспѣяніи распутинцы заинтересовали Императрицу, которая не переставала ему покровительствовать до самой минуты его паденія, послѣдовавшаго около двухъ лѣтъ спустя. Лично она мало его знала, но этого и не требовалось. Онъ не скупился на проявленіе своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и люди, въ правоту которыхъ она вѣрила со всею страстностью своей больной души, утверждали ей, что Штюрмеръ былъ именно тотъ человѣкъ, который нуженъ былъ Россіи въ данную минуту. То-же повторилось, впослѣдствіи, съ полупомѣшаннымъ Протопоповымъ, избранникомъ тѣхъ-же силъ. Качества людей сами по себѣ, въ глазахъ Императрицы, имѣли мало значенія. Надо было, чтобы на нихъ лежала печать избранія «вѣрнаго друга и молитвенника» Царской Семьи, чтобы сразу внушить ей безграничное довѣріе къ нимъ и такое-же чувство враждебности къ ихъ противникамъ.

Назначеніе Штюрмера предсѣдателемъ Совѣта министровъ было дурно принято общественнымъ мнѣніемъ и Государственной Думой. Его австрійская фамилія не располагала въ его пользу людей, которые кромѣ нея ничего другого о немъ не знали. Такихъ было сравнительно мало и это были жители отдаленныхъ мѣстъ. Всѣ остальные его противники относились къ нему отрицательно по болѣе серьезнымъ причинамъ, ставя ему въ укоръ разные неблаговидные поступки временъ его административной дѣятельности. Крайній консерватизмъ выставляемыхъ имъ на показъ убѣжденій возбуждалъ во многихъ чувство подозрительности и не увеличивалъ числа его друзей, которыхъ у него было очень мало. Только въ Государственномъ Совѣтѣ, среди крайнихъ правыхъ его членовъ, было нѣсколько человѣкъ, державшихся одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ и убѣжденій, на поддержку которыхъ онъ могъ расчи-

тывать. Онъ, впрочемъ, мало нуждался въ друзьяхъ. За него стоялъ горой кружокъ распутинцовъ, который ютился въ старинномъ домикѣ А. А. Вырубовой, вблизи Александровскаго Дворца въ Царскомъ Селѣ и покровительницей котораго была Императрица.

Штюрмеръ совмѣщалъ, на первыхъ порахъ, должность предсѣдателя Совѣта министровъ съ обязанностями министра внутреннихъ дѣлъ. Это, однако, продолжалось недолго, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Да и въ это короткое время онъ возложилъ управленіе дѣлами министерства на своего товарища, гр. А. А. Бобринскаго, одного изъ своихъ близкихъ друзей по Государственному Совѣту, который и докладывалъ вопросы, касавшіеся внутреннихъ дѣлъ, безъ всякаго участія самого министра. У лицъ, присутствовавшихъ при этихъ докладахъ, создавалось впечатлѣніе, что какъ докладчикъ, такъ и самъ министръ были одинаково чужды ихъ предмету.

Министерство внутреннихъ дѣлъ не удовлетворяло честолюбія Штюрмера. Оно представлялось ему слишкомъ отвѣтственнымъ, съ одной стороны, и слишкомъ скромнымъ, мало замѣтнымъ и, въ общемъ, неблагодарнымъ, съ другой. Поэтому онъ сосредоточилъ свои желанія на министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которое, какъ ему казалось, должно было дать большее удовлетвореніе его тщеславію. Онъ не задумывался надъ трудностями, которыя ожидали его въ совершенно неизвѣстной ему области государственнаго управленія, намѣреваясь возложить всю тяжесть работы на своихъ будущихъ сотрудниковъ и предоставляя себѣ пожинать одни лавры. Въ сравнительно короткій срокъ ему удалось осуществить свои планы. Мнѣ еще придется вернуться къ исторіи моей отставки. Дипломатическая карьера Штюрмера была менѣе продолжительна, чѣмъ онъ ожидалъ. Я не буду входить въ разборъ его дѣятельности у Пѣвческаго Моста*). Она была анекдо-

*) Министерство Иностр. Дѣлъ находится близъ Пѣвческаго Моста на Мойкѣ.

тическаго характера и оцѣнена по достоинству иностранными представителями въ Петроградѣ.

XIV.

Я разсказалъ здѣсь исторію моей попытки построить положеніе Польши въ составѣ Русской Имперіи на началахъ автономіи. Неудача этой попытки, которую я приписываю отчасти слабой политической подготовкѣ большинства моихъ товарищей по Совѣту, отчасти ихъ нерасположенію ко мнѣ, не убѣдили меня въ несвоевременности моего почина. Развитіе военныхъ операцій, въ конечный успѣхъ которыхъ я твердо вѣрилъ, не взирая на тяжелое положеніе нашей арміи въ 1915 году, зависѣвшее, какъ я думалъ, отъ временныхъ причинъ, укрѣпляло меня въ мысли, что оставлять далѣе на произволъ судьбы положеніе нашей важнѣйшей окраины было бы сопряжено съ опасностью для Имперіи.

Разочарованіе и тревога поляковъ, послѣ очищенія нами Царства Польскаго и занятія нѣмцами Варшавы, достигли крайней степени. Многіе изъ нихъ извѣрились въ нашей способности защитить ихъ отъ натиска германцевъ и даже въ нашемъ желаніи сдѣлать что-либо, чтобы вознаградить ихъ за подъемъ духа, съ которымъ они стали подъ наши знамена для общей борьбы противъ нѣмцевъ*) и за тѣ тяжелыя нравственныя и матеріальныя жертвы, которыя выпали на долю Польши съ первыхъ же дней войны. Я не сомнѣвался, что германское и австро-венгерское правительства используютъ это положеніе въ ущербъ Россіи путемъ лживыхъ обѣщаній, на самомъ же дѣлѣ для болѣе или менѣе скрытаго присоединенія польскихъ земель, лежавшихъ по ту сторону ихъ границъ.

*) Къ сожалѣнію тутъ не обошлось безъ исключеній. Нашлись поляки, въ томъ числѣ пресловутый Пилсудскій и его легіонеры, которые съ открытія военныхъ дѣйствій оказались на сторонѣ нѣмцевъ и дрались противъ Россіи..

Недовѣріе поляковъ къ нѣмцамъ, имѣющее глубокіе историческіе корни, было мнѣ хорошо извѣстно и я былъ увѣренъ, что они нелегко поддадутся германскому соблазну. Тѣмъ не менѣе положеніе польскаго народа было настолько тяжело, что можно было опасаться, что, разочаровавшись въ насъ, они съ отчаянія бросятся въ объятія нѣмцевъ, предпочитая искать помощи у враговъ, чѣмъ оставаться беззащитными между двухъ огней и, можетъ быть, погибнуть. Само собой разумѣется, что Польша могла получить то наиболѣе цѣнное благо, котораго она страстно желала — національное объединеніе, — только отъ Россіи. Сознаніе того, что Центральныя Державы не только не заинтересованы въ этомъ объединеніи, но, наоборотъ, считаютъ его для себя крайне опаснымъ, и что поглощеніе ими русской Польши могло привести только къ новому раздѣлу между ними польскихъ земель, должно было бы служить гарантіею противъ возможности необдуманнаго шага со стороны поляковъ. Но ручаться нельзя было ни за что въ то время, когда русскія силы удалялись все болѣе отъ Польши, а нѣмцы успѣли занять не только ее, но и значительную часть Бѣлоруссіи. Надо было во что бы ни стало, раньше чѣмъ Центральныя Державы успѣли подъ видомъ призрачнаго возстановленія Польши приступить къ ея окончательному разчлененію, чтобы Россія объявила голосомъ своего Государя, какъ она понимала національное возрожденіе польскаго народа. Надо было не довольствоваться, на этотъ разъ, изложеніемъ однихъ общихъ принциповъ этого возрожденія, вродѣ объединенія раздробленнаго тѣла Польши, свободы ея религіозной жизни и развитія національной культуры, но обезпечить ея возвратъ къ политическому существованію, давъ ей, для начала, государственное устройство, основанное на полномъ внутреннемъ самоуправленіи. Будущее, вѣроятно далекое, разрѣшило-бы окончательно польскій вопросъ и развязало бы тѣ узы, которыя соединяли судьбы Россіи и Польши и которыя, какъ той, такъ и другой, одинаково были въ тягость. Но надо было торопиться бросить лучъ свѣта въ темноту русско-польскихъ отношеній и

нравственно облегчить полякамъ тяжелую пору германскаго нашествія.

Когда мнѣ случалось выражать эту мысль, я нерѣдко слышалъ возраженіе, что поляки не придали бы вѣры никакимъ обѣщаніямъ русскаго правительства, особенно когда они давались въ тяжелыхъ условіяхъ европейской войны. Я не отрицалъ этого, зная сколько среди поляковъ людей, фанатически ненавидящихъ Россію. Я также зналъ, въ какихъ кругахъ надо было искать непримиримыхъ враговъ моей Родины, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я былъ увѣренъ, что въ массѣ населенія русской Польши не было никакой ненависти къ Россіи. Царство Польское, составляющее громадное большинство польскаго населенія, знало, что своимъ благосостояніемъ оно было обязано исключительно русской правительственной власти. Многочисленное польское крестьянство особенно ясно сознавало, что земельное устройство, на которомъ прочно покоилась его экономическая жизнь, было даровано ему Россіей и поэтому никогда не питало къ ней ненависти, какъ бы ни прививали ему искусственно эту ненависть. Въ другихъ слояхъ польскаго населенія были равнымъ образомъ элементы, не зараженные слѣпыми предразсудками противъ всего, исходившаго отъ Россіи. Это были поляки, получившіе образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, ставшіе людьми русской культуры, которые, не порывая связи съ родиной, долго жили въ Россіи, цѣнили доброе отношеніе къ себѣ русскихъ и возвращались къ себѣ матеріально хорошо обезпеченными. Не считаясь съ непримиримыми, можно было найти среди поляковъ весьма много людей, къ которымъ Русскому Императору стоило обратить свое слово и которые не отвергли бы, особенно въ критическую для себя пору, исходившее отъ него обѣщаніе новой эры въ русско-польскихъ отношеніяхъ.

Не расчитывая на помощь откуда либо, я рѣшился взять въ свои руки дѣло примиренія Россіи и Польши и попытаться, насколько это было въ моихъ силахъ, сдвинуть его съ мертвой точки, на которой оно стояло вѣками. Это бы была честолюбивая мечта, но она при-

влекала меня съ необыкновенной силой. Если нашему примиренію было суждено когда либо осуществиться на благо русскаго и польскаго народа и всего Славянства, то это должно было случиться по почину Русскаго Царя и именно въ эту пору, какъ предѣльный моментъ его достижимости. Я не надѣялся возбудить въ моихъ сочленахъ по Совѣту должный интересъ къ вопросу, политическое значеніе котораго ускользало отъ большинства изъ нихъ. Одни атавистически относились недружелюбно къ полякамъ, другіе привыкли, сами того не зная, смотрѣть на нихъ сквозь берлинскіе очки, третьи вообще не задавались политическими цѣлями, не возвышаясь надъ вѣдомственными интересами. Лишь двое или трое обнаруживали пониманіе польскаго вопроса въ его общегосударственномъ и европейскомъ значеніяхъ. Объ этой послѣдней сторонѣ его мнѣ напоминали попытки французскаго посла Палеолога, правда довольно нерѣшительныя, поставивъ его разрѣшеніе на международную почву. Я не могъ, само собой разумѣется, согласиться съ такой постановкой дѣла и считалъ, что польскій вопросъ могъ быть разрѣшенъ справедливо лишь по почину Русскаго Монарха. Не отрицая его европейскаго значенія, я тѣмъ не менѣе не могъ, какъ русскій министръ, забыть, что Польша не была присоединена къ Россіи однимъ постановленіемъ Вѣнскаго Конгресса, но была затѣмъ дважды ею завоевана въ эпоху возстаній 1830 и 1863 годовъ, за которыя, въ значительной степени, несла нравственную отвѣтственность французская политика.

Въ разговорахъ съ г. Палеологомъ, которые носили частный и дружественный характеръ, я выразилъ ему мысль, основанную на историческихъ фактахъ, которые доказывали, что прежнія попытки Франціи вмѣшаться, такъ или иначе, въ судьбу Польши кончались обыкновенно неблагополучно для обѣихъ. Не восходя до далекихъ временъ Генриха III Валуа, я напомнилъ ему о взятіи Фельдмаршаломъ Минихомъ города Данцига и бѣгствѣ изъ Польши Короля Станислава Лещинскаго, покровительствуемаго Франціею, о неудачной попыткѣ Наполеона I создать, послѣ разгрома Пруссіи,

герцогство Варшавское, въ предвидѣніи войны съ Россіей, попыткѣ, не давшей никакихъ выгодъ Франціи и принесшей горькія разочарованія польскому народу, и, наконецъ, о поощреніи французскимъ правительствомъ польскихъ революціонеровъ въ возстаніяхъ прошлаго столѣтія, кончившихся трагически для Польши. Эти возстанія тяжело отозвались и на самой Франціи, вызвавъ въ Императорѣ Александрѣ II враждебныя чувства къ Наполеону III, выразившіяся въ благожелательномъ нейтралитетѣ по отношенію къ Пруссіи въ войнѣ 1870 года, окончившейся для Франціи потерей Эльзаса и Лотарингіи. «Если бы», говорилъ я послу, «я былъ французомъ или полякомъ, я испытывалъ бы суевѣрный страхъ, оказывая, съ одной стороны, свое покровительство Польшѣ, а съ другой — принимая его отъ Франціи».

Этимъ кончились наши разговоры съ г. Палеологомъ и болѣе не возобновлялись на эту щекотливую тему. Великобританскій посолъ, Сэръ Джорджъ Бьюкененъ, никогда ея со мною не касался. Со всѣмъ тѣмъ, какъ сказано, я отдавалъ себѣ отчетъ, что польскій вопросъ, невзирая на стодвадцатилѣтнее исключеніе Польши изъ списка независимыхъ государствъ, не утратилъ своего европейскаго значенія и что міровая война снова привлечетъ къ нему вниманіе Европы. Тѣмъ болѣе существенно было для Россіи не выпускать его изъ своихъ рукъ и предупредить возможность его рѣшенія въ неблагопріятномъ смыслѣ для интересовъ Россіи.

Дарованіе польскому народу права мѣстнаго самоуправленія, котораго онъ безуспѣшно добивался еще до войны, послѣ занятія всей Польши германскими войсками, было бы имъ отвергнуто, какъ обида его національному достоинству. Надо было дать Польшѣ все, что было совмѣстимо съ интересами Россіи, не оглядываясь назадъ, а смотря впередъ и предвидя, что за первымъ шагомъ долженъ былъ естественно послѣдовать второй, какъ только для него благопріятно сложатся обстоятельства. Этотъ второй шагъ вернулъ-бы Польшѣ утраченную независимость и освободилъ бы Россію отъ тяжелой гири, которая сто лѣтъ мѣшала ей вы-

прямиться во весь ея могучій ростъ. Думать объ этомъ счастливомъ днѣ было рано въ то время, когда еще нельзя было предвидѣть окончанія войны и когда событія на фронтѣ складывались неблагопріятно для Державъ Согласія. Къ тому же общественное мнѣніе не было подготовлено къ отсѣченію Царства Польскаго отъ Россіи. Если оно было готово привѣтствовать широкую автономію Польши, то нашлось бы много людей, которые, не отдавая себѣ отчета въ опасности обладанія Польшей, посмотрѣли бы на возвращеніе ея къ самостоятельной политической жизни, какъ на угрозу нашему отечеству, а на пособниковъ этого дѣла, какъ на измѣнниковъ. Годъ спустя въ этомъ отношеніи произошла большая перемѣна и слова «независимая Польша» могли появиться въ оффиціальномъ документѣ еще до наступленія революціоннаго развала.

Перейти отъ слова къ дѣлу было пока невозможно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, произнести это слово было уже необходимо, чтобы безповоротно закрѣпить переходъ отъ стараго порядка къ новой эрѣ и сохранить за собой починъ политическаго акта, равнаго которому не нашлось бы въ исторіи Россіи, кромѣ освобожденія русскаго народа отъ крѣпостной зависимости.

Этотъ актъ долженъ былъ выразиться въ дарованіи, съ высоты Русскаго Престола, конституціонной хартіи польскому народу. Весьма возможно, что даже подобный актъ не обезоружилъ бы скептицизма извѣстнаго класса поляковъ, которые вспомнили-бы, вѣроятно, при этомъ случаѣ, судьбу польской конституціи Императора Александра I. Это недовѣріе не должно было бы остановить Николая II. Между первой и второй польскими конституціями прошло бы цѣлое столѣтіе. За этотъ долгій срокъ многое успѣло перемѣниться въ настроеніи умовъ и общемъ положеніи вещей какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, да и въ самой Польшѣ, умудренной горькимъ опытомъ и разочарованной несбывшимися мечтами. Моментъ былъ благопріятенъ и дальнѣйшія отсрочки казались мнѣ опасными. Занявъ Польшу, Австро-Германцы не принесли съ собой польскому народу никакихъ обѣщаній, которыя

могли бы воскресить его надежды на лучшую будущность. Онѣ оказались бы, конечно, ложными, такъ какъ неизмѣнность антипольской политики Германіи не могла быть подвергнута никакому сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе, съ русской точки зрѣнія были опасны даже несбыточные посулы. Австро-Германскій манифестъ, появившійся осенью 1916-го года, объявилъ о возстановленіи Польши, но, на самомъ дѣлѣ, не только не давалъ ей независимости, но ставилъ ее въ вассальное отношеніе къ Центральнымъ Державамъ и не могъ обмануть польскаго народа.

Наступило лѣто 1916-го года. Обойдя Совѣтъ министровъ, послѣ неудачнаго опыта привлечь его вниманіе къ польскому вопросу, я обратился непосредственно къ Государю, которому сдѣлалъ подробный докладъ по польскому вопросу и получилъ отъ него разрѣшеніе представить ему проэктъ конституціоннаго устройства для Польши. Я счелъ долгомъ передать это разрѣшеніе предсѣдателю Совѣта Штюрмеру, хотя и не ожидалъ отъ него ничего, кромѣ противодѣйствія.

Я не задавался при составленіи проэкта недостижимыми цѣлями и надѣялся только, что поляки увидятъ въ конституціонной хартіи Императора Николая доказательство его воли порвать съ прежней системой управленія Польшею, хотя и обезпечивавшей ей внутренній порядокъ и экономическое благосостояніе, но не признававшей законности ея національныхъ запросовъ.

Я поручилъ разработку проэкта моему сотруднику по вопросамъ международнаго права, барону Нольде. Когда эта работа была закончена, проэктъ былъ переданъ на просмотръ Государственнаго Секретаря, С. Е. Крыжановскаго, для согласованія его съ имперскими законами, а затѣмъ я взялъ его съ собою въ Могилевъ для представленія его Его Величеству. Раньше доклада о немъ Государю я ознакомилъ съ его содержаніемъ начальника штаба генерала Алексѣева.

Алексѣевъ былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, выдающаяся личность, не только съ точки зрѣнія военной науки, но и какъ человѣкъ большого ума, поразительной работоспособности и неменьшей скромности. Я прида-

валъ большую цѣну его мнѣніямъ и считалъ полезнымъ узнать его оцѣнку моего проэкта, стратегическое значеніе котораго могло, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, получить перевѣсъ надъ политическимъ. Заваленный спѣшной работой и уже тогда страдавшій болѣзнью, которая свела его 2 года спустя въ могилу, генералъ Алексѣевъ нашелъ время изучить проэктъ и вызвался защитить его передъ Государемъ. На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда я просилъ Его Величество привлечь Начальника Штаба къ моему докладу, который былъ назначенъ на другое утро.

Въ означенный часъ мы явились оба въ губернаторскій домъ, гдѣ жилъ Государь, и я изложилъ ему, во всѣхъ подробностяхъ, причины, побуждавшія меня просить его обнародовать манифестъ о дарованіи Польшѣ конституціи въ ближайшее же время. Проэктъ былъ прочитанъ Государю цѣликомъ и каждая его статья подверглась тщательному разбору, причемъ Его Величество задавалъ мнѣ вопросы, доказывавшіе его интересъ къ предмету моего доклада. Послѣ меня генералъ Алексѣевъ разобралъ его со спеціальной точки зрѣнія военной безопасности Имперіи и въ заключеніе выразился, безъ оговорокъ, въ пользу его принятія.

Я съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ рѣшенія Государя. По нѣкоторомъ размышленіи Онъ сказалъ намъ, что одобряетъ проэктъ и находитъ его обнародованіе своевременнымъ. Послѣ этихъ словъ я просилъ Его Величество разрѣшенія сообщить Предсѣдателю Совѣта министровъ его волю и внести проэктъ на разсмотрѣніе Совѣта на будущей недѣлѣ. Это разрѣшеніе было мнѣ тотчасъ-же дано. Вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ долгомъ предупредить Государя, что я не сомнѣвался въ томъ, что мой проэктъ встрѣтитъ въ Совѣтѣ сопротивленіе большинства министровъ, начиная съ Предсѣдателя и что, въ лучшемъ случаѣ, я могъ только расчитывать на поддержку трехъ моихъ товарищей. Государь выразилъ мнѣ, что, по закону, меньшинство въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ становится на его сторону, пріобрѣтаетъ перевѣсъ надъ большинствомъ. Эта статья русскаго закона была мнѣ извѣстна. Я сказалъ

Его Величеству, что передамъ его слова г. Штюрмеру, но вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу, что онъ пуститъ въ ходъ всевозможныя средства затормозить въ Совѣтѣ, путемъ отсрочекъ, продвиженіе моего проэкта.

Это происходило 29-го іюня 1916-го года. На другой день утромъ я вернулся въ Петроградъ и отправился къ Штюрмеру, чтобы передать ему повелѣніе Государя относительно немедленнаго разсмотрѣнія проэкта польской конституціи въ Совѣтѣ министровъ. По выраженію лица Штюрмера во время нашего разговора я увидѣлъ, что опасенія, высказанныя мною Государю, были не напрасны. Нездоровье, результатъ физическаго и нравственнаго переутомленія, вынудило меня уѣхать на нѣсколько дней въ Финляндію, чтобы набраться силъ для дальнѣйшей работы въ тяжелой атмосферѣ Петрограда. Въ мое отсутствіе произошли событія, не лишенныя, не для одного меня, значенія. Совѣтъ министровъ вынесъ заключеніе, что обсужденіе польскаго вопроса, при обстоятельствахъ военнаго времени, было невозможно и поэтому призналъ мой проэктъ «несвоевременнымъ». Это слово сыграло въ исторіи русской государственной жизни роковую роль. Прикрываясь имъ, было надломлено въ корнѣ безчисленное количество разумныхъ и своевременныхъ начинаній, давно назрѣвшихъ и горячо ожидаемыхъ, по отношенію къ которымъ оно сыграло роль могильнаго креста. Въ данномъ случаѣ панихида, пропѣтая Штюрмеромъ и его друзьями надъ моей попыткой примиренія съ Польшей, не причинила этой послѣдней непоправимаго ущерба. Шайка Циммервальдскихъ революціонеровъ, щедро субсидируемая нашими внѣшними врагами и опиравшаяся на элементы давно, но безуспѣшно, работавшіе внутри Россіи надъ ея разложеніемъ, по своему разрѣшила польскій вопросъ, за одно съ вопросомъ о существованіи самого Русскаго Государства, которое она превратила въ страну безправныхъ, обездоленныхъ и безпощадно истребляемыхъ рабовъ, лишивъ ихъ даже славнаго имени ихъ великой Родины и замѣнивъ его ни сердцу, ни уму ничего не говорящей собирательной кличкой.

Нѣтъ сомнѣнія, что русская революція разрѣшила польскій вопросъ быстрѣе и радикальнѣе, чѣмъ это сдѣлала бы русская государственная власть, находившаяся въ рукахъ безвольныхъ и безсильныхъ людей. Но можно-ли сказать, что она разрѣшила его справедливо и прочно? На это можно отвѣтить только отрицательно, уже по одному тому, что, будучи разрѣшенъ безъ участія Россіи, онъ былъ разрѣшенъ противъ ея національныхъ интересовъ. Въ минуту упоенія нежданнымъ счастьемъ воскресенія своей родины польскіе патріоты, видя Германію побѣжденною и свергнутою съ высоты, на которую возвелъ ее Бисмаркъ, а, съ другой стороны,—Россію, истекающею кровью и обезсиленною въ борьбѣ съ революціею, отдались безъ удержу пароксизму мегаломаніи, старой болѣзни, которую они унаслѣдовали отъ предковъ и принялись строить новое зданіе польской государственности, перешагнувъ сразу далеко за предѣлы своихъ этнографическихъ границъ и забывая, что аналогичный процессъ привелъ Польшу нѣкогда къ гибели. Поляки начали свою возстановительную работу не съ начала, а съ конца, рѣшивъ напередъ, что границы новой Польши должны были, насколько это было возможно, совпасть съ ея старыми границами до перваго раздѣла и не считаясь съ фактомъ существованія русскаго народа. Я былъ въ Парижѣ, когда туда пріѣзжалъ г. Падеревскій благодарить Францію, отъ имени польскаго народа, за оказанное ею могущественное содѣйствіе въ возсозданіи польскаго государства. Этому замѣчательному художнику, воплощавшему, въ то время, въ глазахъ романтически настроенной Польши ея національные идеалы, была оказана во Франціи тріумфальная встрѣча. Читая ея описаніе въ газетахъ, я остановилъ невольно вниманіе на заявленіи г-на Падеревскаго, сдѣланномъ еще на парижскомъ вокзалѣ представителямъ французской и иностранной печати, въ которомъ онъ говорилъ уже о едва ставшей на ноги Польшѣ, какъ о государствѣ съ тридцатипяти милліоннымъ населеніемъ, когда общее число поляковъ, какъ извѣстно, не превышаетъ восемнадцати милліоновъ. Откуда-же, спросилъ я себя, долж-

ны были явиться остальные семнадцать. Надъ такими вопросами поляки не задумывались и въ минуту патріотическаго энтузіазма и разрѣшали ихъ просто. Подъ бокомъ у Польши были, пріобрѣтенныя ею когда-то вмѣстѣ съ Литвой, Бѣлорусскія и Украинскія области съ населеніемъ въ пять съ половиною милліоновъ душъ, вернувшихся обратно въ лоно Россіи послѣ раздѣловъ и сохранившихъ въ народной памяти печальное преданіе о польскомъ владычествѣ. Тутъ же были и обломки Литвы съ городомъ Вильной, древней столицей Великихъ Князей Литовскихъ, подвергшіеся до извѣстной степени ополяченію. Все это вмѣстѣ должно было округлить земельно и численно возрожденную Польшу и довести ее до размѣровъ значительнаго европейскаго государства, способнаго, при нуждѣ, отстоять свое собственное существованіе и стать полезной союзницей Франціи въ случаѣ всегда возможной борьбы ея съ Германіею. Едва не удавшееся наступленіе большевистской орды на Варшаву въ 1920 году, отраженное только, благодаря прибытію въ польскую армію одного изъ наиболѣе талантливыхъ французскихъ генераловъ вмѣстѣ съ цѣлой массой офицеровъ и техниковъ, привело къ заключенію между Польшей и большевиками Рижскаго мира, результатомъ котораго была уступка Польшѣ правительствомъ третьяго интернаціонала упомянутыхъ русскихъ областей и населенія. Это несчастное населеніе, за которое некому было заступиться, попавшее изъ большевистскаго ада подъ власть изстари ему враждебную и само привыкшее ее ненавидѣть, влачитъ жалкое существованіе, будучи лишено національной школы и культурнаго языка и терпя всевозможныя насилія въ области религіозной свободы. Все это энергично отрицается польскимъ правительствомъ, которое при этомъ ссылается на либеральныя постановленія польской конституціи, гарантирующей всѣмъ польскимъ подданнымъ одинаковыя права. Польская конституція дѣйствительно либеральна, но административная практика съ нею широко расходится и постановленія Лиги Націй, касающіяся правъ народныхъ меньшинствъ, обязательныя для Польши такъ-же, какъ для

остальныхъ государствъ, вышедшихъ изъ Великой войны, остаются пока мертвой буквой въ Польшѣ. Это расхожденіе между теоріею и практикою особенно болѣзненно отзывается на условіяхъ существованія многочисленнаго православнаго населенія въ области его религіозныхъ интересовъ. Съ этой точки зрѣнія за послѣдніе пять лѣтъ польскимъ правительствомъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя, при самомъ благожелательномъ отношеніи къ воскресшей Польшѣ, невозможно оправдать. Насильственные и антиканоническіе способы созданія автокефальной Православной Церкви въ Польшѣ*), благодаря которымъ канонически поставленные епископы, уважаемые и любимые своими паствами, изгонялись изъ своихъ епархій, заключались въ монастыри, иногда католическіе, при чемъ къ нимъ никто не допускался, не исключая ихъ духовниковъ, другіе, безъ всякихъ средствъ вывозились за-границу, соборы и церкви, подъ предлогомъ, что нѣкоторые изъ нихъ были нѣкогда уніатскими, отбирались, не считаясь съ тѣмъ, что бывшее уніатское населеніе уже не существуетъ, такъ какъ одна его часть присоединилась къ Римской церкви, а другая, болѣе значительная, продолжаетъ исповѣдывать свою древнюю вѣру; монастыри закрывались и имущество ихъ отнималось; на мѣста изгнанныхъ епископовъ незаконно назначались, по внушенію совѣтской власти, другіе епископы вопреки желанію паствы, въ большинствѣ случаевъ люди не достойные, отличающіеся лишь угодничествомъ передъ польскими властями, — всѣ эти печальные факты, противъ которыхъ безуспѣшно протестуютъ русскіе представители въ польскомъ Сеймѣ и подтвержденіе которыхъ можно найти въ самой польской печати, достаточно характеризуютъ положеніе уступленныхъ Польшѣ совѣтской властью частей западной Россіи.

*) Само польское правительство понимаетъ, что произвольное введеніе автокефаліи Православной церкви въ Польшѣ невозможно и потому подмѣнило законную юрисдикцію Московскаго Патріарха незаконною Константинопольскаго Патріарха, власть котораго надъ Россіею прекратилась пять вѣковъ тому назадъ.

Голосъ Польши цѣлыми десятилѣтіями громко раздавался во всемъ мірѣ противъ злоупотребленій ея расчленителей, направленныхъ къ ущербу религіозныхъ и національныхъ правъ ея народа. Если приходится допустить, что эти польскіе вопли не всегда были лишены основанія, то, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отнестись съ суровымъ осужденіемъ къ политикѣ, проводимой нынѣ Польшею въ занятыхъ ею западно-русскихъ областяхъ. Поляки жаловались, и вся западная Европа имъ въ этомъ сочувствовала, на то, что католическая церковь и польское національное чувство утѣснялись ея побѣдителями. Что-же сказать про Польшу, никого не побѣдившую, кромѣ большевистскихъ грабительскихъ бандъ, когда она, въ короткій пятилѣтній срокъ, сама успѣла, — и съ лихой, — совершить тѣ же грѣхи, противъ которыхъ такъ долго вопіяла. Имѣютъ ли польскіе патріоты нравственное право повторять, при этихъ обстоятельствахъ, свои старыя обвиненія противъ Россіи? Раздѣлъ польскихъ земель былъ преступленіемъ передъ поляками, заглаженнымъ только недавно европейскою войною. Но захватъ русской земли, населенной русскимъ народомъ, привыкшимъ видѣть въ полякѣ врага своей вѣры и своей родины, не есть ли также преступленіе, а согласно съ духомъ нашего времени, еще гораздо болѣе тяжкое? Россіи, какъ Государства, теперь не существуетъ, а, какъ народъ, она придавлена гнетомъ самаго чудовищнаго деспотизма, который когда либо видѣлъ свѣтъ. Поэтому слабый голосъ ея, протестующій противъ творимаго надъ ней насилія, слышенъ только тому, кто къ нему хочетъ прислушиваться, а такихъ людей теперь не много. Въ Польшѣ русскіе протесты намѣренно заглушаются трубными звуками національнаго воскресенія, а въ другихъ странахъ, гдѣ не рѣдко интересовались и раньше судьбою русскаго народа только изъ враждебнаго чувства къ его правительству, этотъ интересъ, въ настоящее время, почти совершенно угасъ. Русскіе друзья Франціи ожидали, что, вступивъ снова въ роль покровительницы Польши, она, въ интересахъ этой послѣдней и отчасти своихъ собственныхъ, приложитъ усилія, что-

бы обуздать недальновидный польскій имперіализмъ и удержать его отъ включенія въ составъ возрожденнаго польскаго государства, чуждыхъ и непретворимыхъ элементовъ, служащихъ къ его ослабленію*). Въ полякахъ, хотя и далеко не у всѣхъ, потому что между ними нѣтъ недостатка въ людяхъ благоразумныхъ и предусмотрительныхъ, къ голосу которыхъ, правда, не прислушиваются, — укоренилось убѣжденіе, что для того, чтобы быть сильной Польшѣ, надо быть, во что бы ни стало, великой. Это опасное заблужденіе, можетъ быть и не раздѣляемое французскимъ правительствомъ, не встрѣтило, однако, съ его стороны серьезнаго сопротивленія. Но нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря этому попустительству, возрожденная Польша, занимающая пространство не многимъ меньше Германіи и вмѣщающая около сорока пяти процентовъ инородческаго населенія, стала государствомъ, близко похожимъ на Габсбургскую Монархію, погибшую вслѣдствіе своей разноплеменности. Къ этому-ли стремились польскій народъ и его доброжелатели? Польша сплоченная и жизнеспособная нужна Европѣ, но наскоро сколоченная изъ кусковъ и обломковъ сосѣднихъ государствъ, она едва ли будетъ служить оплотомъ европейскому міру, а явится для него скорѣе угрозой.

Политика, покоящаяся на расчетѣ вѣковѣчности совѣтской олигархіи и продолжительной слабости Германіи, можетъ привести къ неожиданностямъ, въ предупрежденіи которыхъ одинаково заинтересованы не только Европа, но и весь міръ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ Польша представляется искусственнымъ созданіемъ. Дружественное ей французское правительство имѣло случай способствовать упроченію политическаго

*) Признавая эту непретворимость русскаго элемента въ захваченныхъ ею восточныхъ областяхъ и видя въ ней опасность для себя, Польша приступила къ ихъ колонизаціи путемъ разселенія въ нихъ поляковъ, причемъ земли взятыя у крупныхъ землевладѣльцевъ, преимущественно русскихъ, дробятся не въ пользу мѣстнаго русскаго крестьянства, сильно нуждающагося въ землѣ, а переселенцевъ изъ коренной Польши. Это

мира на востокѣ Европы, взявъ на себя нелегкую, но благородную, задачу примирить четырехвѣковую вражду русскаго и польскаго народовъ. Я не думаю, чтобы за весь этотъ долгій срокъ нашлась бы болѣе благопріятная для этого минута, чѣмъ та, которая совпала съ возрожденіемъ Польши. Время къ тому еще не окончательно потеряно. Залившая Россію революціонная волна неизбѣжно отхлынетъ и Россія, видоизмѣненная и окрѣпшая, снова сдѣлается первостепеннымъ политическимъ и экономическимъ факторомъ въ Европѣ. Она подготовлена къ перемѣнѣ своихъ отношеній съ Польшей совмѣстно пролитой ими кровью въ борьбѣ съ обшимъ врагомъ. Поляки, съ своей стороны, едва-ли рѣшились бы поддерживать свои несправедливыя притязанія на Западную Русь, если бы ихъ покровительница Франція указала имъ на опасность пути, на который они поспѣшили стать. Къ сожалѣнію, Франція не воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать рѣшительную попытку взять въ свои руки умиротвореніе Восточной Европы. Для этого у французскаго правительства не хватило рѣшимости. Опасеніе оттолкнуть отъ себя поляковъ взяло верхъ надъ другими, болѣе отдаленными, соображеніями и Польша очутилась въ положеніи государства, лежащаго между двухъ сосѣдей, болѣе ея сильныхъ, изъ которыхъ каждый считаетъ себя ею оскорбленнымъ. Ея третій сосѣдъ, Литва, хотя самъ по себѣ менѣе опасный, но вновь призванный къ государственной жизни при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и она сама, еще болѣе остальныхъ потерпѣлъ отъ ея неудержимаго имперіализма. Европа признала Литву самостоятельнымъ государствомъ въ границахъ, близко подходящихъ къ ея этно-

---

лишній разъ указываетъ, какъ мало польское правительство склонно считаться съ возложенными на него Версальскимъ договоромъ обязательствами, по отношенію къ національнымъ меньшинствамъ, протесты которыхъ оставляются имъ безъ вниманія. Пройдетъ вѣроятно не мало времени, прежде чѣмъ Лига Націй превратится изъ юридической фикціи въ организмъ, имѣющій реальное существованіе.

графическому составу. Но въ то время, когда казалось, что въ силу польско-литовскаго соглашенія въ Сувалкахъ и рѣшенія Лиги Націй объ отдачѣ Вильны Литвѣ, литовское государство было возстановлено на пріемлемыхъ для литовцевъ основаніяхъ, генералъ Желиговскій занялъ своими войсками Вильну и обезглавилъ возрожденную Литву, лишивъ же ея исторической столицы. Никакіе протесты литовцевъ не помогли. Польское общественное мнѣніе, играя въ руку правительству, провозгласило Вильну неотъемлемымъ достояніемъ Польши и Лига Націй склонилась передъ совершившимся фактомъ. Трудно предсказать, какъ сложатся въ будущемъ польско-литовскія отношенія, но ожидать, что они будутъ дружественными, едва ли есть основаніе.

Я не стану дальше распространяться о крайне сложныхъ международныхъ отношеніяхъ, возникшихъ вслѣдствіе приданія Польшѣ тѣхъ рамѣровъ и той странной формы, въ которой она теперь представляется нашимъ глазамъ на новыхъ картахъ Европы. Это завело бы меня слишкомъ далеко за предѣлы моихъ воспоминаній. Мнѣ хочется, кончая эту главу, отъ имени многочисленныхъ моихъ соотечественниковъ, дружески расположенныхъ къ нашимъ польскимъ сосѣдямъ, выразить искреннее желаніе, чтобы, наконецъ, послѣ четырехвѣковой вражды, въ ознаменованіе возрожденія польской независимости и на благо Польшѣ и Россіи, наступила между ними эра братскаго согласія и вѣчнаго мира на началахъ полюбовнаго размежеванія и справедливаго признанія взаимныхъ правъ и обязанностей, безъ котораго не бываетъ прочной дружбы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе. 3

Глава I.

Балканская политика Австро-Венгріи. Боснійско-Герцеговинскій кризисъ. Участіе Германіи. 7

Глава II.

Свиданіе въ Потсдамѣ. Аудіенція у Императора Вильгельма. Соглашеніе по Среднеазіатскимъ вопросамъ. Международное положеніе Россіи въ моментъ моего занятія поста министра иностранныхъ дѣлъ.

Марокканское соглашеніе 1911 г. и участіе въ немъ русской дипломатіи. 28

Глава III.

Нѣкоторыя политическія свиданія Императора Николая II на русской территоріи въ 1912 году.

Оцѣнка взаимоотношеній между Россіей и Австро-Германскимъ союзомъ. 49

Глава IV.

Балканскія дѣла и обостреніе Австро-Сербскихъ отношеній. Первая Балканская война. Усилія русскаго правительства къ сохраненію мира на Балканахъ. Политическое положеніе, создавшееся въ результатѣ побѣдъ союзниковъ. Совѣщаніе пословъ въ Лондонѣ. Позиція Австро-Венгріи. Усилія русской дипломатіи въ пользу Сербіи. Албанскій вопросъ.

Стр.

Вторая Балканская война. Засѣданіе третейской конференціи въ Петроградѣ. Обостреніе отношеній между Балканскими союзниками. Разгромъ Болгаріи. Мирныя предложенія Петроградскаго кабинета. Адріанопольскій вопросъ. Бухарестскій договоръ. 79

Глава V.

Зарожденіе политической солидарности между Россіей и Румыніей. 121

Глава VI.

Германская угроза на ближнемъ Востокѣ. Отправка изъ Германіи военной миссіи въ Константинополь. Ея практическій смыслъ. 137

Глава VII.

Вопросъ объ Армянскихъ реформахъ. . . . . [redacted]

Глава VIII.

Австро-Сербское столкновеніе и возникновеніе Европейской войны. Пріѣздъ Пуанкаре въ Петроградъ 7-го іюня 1914 г. Убійство въ Сараевѣ. Врученіе ультиматума Сербіи. Моя попытка добиться продленія его срока.

Австро-Германскій заговоръ. Свидѣтельство секретныхъ дипломатическихъ документовъ. Результаты развитія программы «міровой политики». Международное положеніе Германіи къ 1913 г.

Отвѣтъ Сербіи. Обращеніе королевича Александра къ Императору Николаю II. Уклоненіе Англіи отъ рѣшительнаго выступленія. Мирныя предложенія Державъ Согласія. Объявленіе войны Сербіи 28-го іюля. Приказъ о мобилизаціи въ Австріи и Россіи. Заявленіе Германскаго посла въ Петроградѣ. Мобилизація въ Германіи. Приказъ о всеобщей мобилизаціи въ Россіи. Врученіе мнѣ ультиматума Германскимъ посломъ. 177

Глава IX.

Начало военныхъ дѣйствій. Нарушеніе нейтралитета Бельгіи. Объявленіе Англіей войны Германіи. Планъ кампаніи Берлинскаго Генеральнаго Штаба. Его неудача. Значеніе сентябрьскихъ боевъ на Марнѣ. Сте-

Стр.

пень военной неподготовленности Россіи и ея союзниковъ Присоединеніе Турціи къ Австро-Германіи. Значеніе этого факта для участниковъ войны. Нейтралитетъ Италіи и Румыніи. Военное выступленіе Болгаріи и его послѣдствія. Затруднительность военнаго положенія Россіи. 264

Глава X.

Соглашеніе по вопросу о проливахъ. 292

Глава XI.

Политическіе переговоры съ Италіей и Румыніей. Выступленіе Италіи совмѣстно съ Тройственнымъ Согласіемъ. Послѣдствія выступленія Румыніи. Присоединеніе Бессарабіи къ Румыніи въ 1918 г. Политическое возрожденіе Чехо-Словакіи. 322

Глава XII.

Внутреннее положеніе въ Россіи. Неустойчивость положенія правительства. Отчужденность между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Занятіе Горемыкинымъ поста предсѣдателя совѣта министровъ. Расколъ въ совѣтѣ министровъ. Мои ходатайства передъ Государемъ. Перемѣны въ составѣ правительства. Рѣшеніе Государя взять на себя Верховное командованіе. Коллективное обращеніе совѣта министровъ. Вліяніе Императрицы. Правительственное разложеніе послѣ отбытія Государя на фронтъ. 342

Глава XIII.

Польскій вопросъ. Назначеніе Штюрмера предсѣдателемъ совѣта министровъ. 358

Глава XIV.

Мой проэктъ конституціоннаго устройства въ Польшѣ. Представленіе его Государю. Неутвержденіе его совѣтомъ министровъ. Какъ разрѣшила польскій вопросъ русская революція. Современная Польша. . . . 381

159